СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ в 1918–1920 гг.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

ПАРТАРХИВ УЛЬЯНОВСКОГО ОБКОМА КПСС

СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ в 1918—1920 гг.

Сборник воспоминаний

☆

*Ульяновское
Книжное Издательство
1958*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Дорогой Владимир Ильич!

Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!“

(Телеграмма бойцов I армии В. И. Ленину)

* * *

„Взятие Симбирска—моего родного города—есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы“.

(Ответ В. И. Ленина бойцам I армии)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике воспоминаний «Симбирская губерния в 1918—1920 гг.» освещается героическая борьба рабочих в союзе с трудящимся крестьянством губернии под руководством партии большевиков в один из самых ответственных периодов гражданской войны и иностранной военной интервенции на самом главном, летом и осенью 1918 года, фронте — Восточном фронте где прежде всего решались судьбы революции, судьбы молодой Советской Республики.

Мирное социалистическое строительство было прервано начавшейся гражданской войной и иностранной интервенцией. Советская страна в первое полугодие 1918 года переживала самое трудное время за всю революцию.

«Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас свергнуть» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 282).

Начало гражданской войны на территории Симбирской губернии раскрывается в воспоминаниях В. Н. Каюрова, К. П. Шарапова, А. С. Леонтьева, Х. А. Аипова и других. Особый интерес представляет воспоминание тов. Каюрова — активного участника революционного движения, старого члена партии. В. И. Ленин в письме «К питерским рабочим» указывает, что тов. Каюров является его старым знакомым, и что Каюров хорошо известен питерским рабочим.

12 июля 1918 года В. И. Ленин писал питерцам: «Тов. Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего:

именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и **свергнут ее неминуемо**, если рабочие не напрягут **тотчас же** все силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы **разбить наголову** кулаков прежде, чем они успели объединиться» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 495). Известно, что в письме «К питерским рабочим», направленном через Каюрова в Петроград, В. И. Ленин выдвинул идею знаменитого **массового** похода рабочих в деревню, чтобы объединить вокруг Советской власти бедноту, разбить наголову кулаков, дать городам хлеб.

Воспоминания, освещающие первый период гражданской войны, убедительно иллюстрируют ленинское положение о том, что это была война не только гражданская, — с кулаками, помещиками, капиталистами, — но и война против американского, английского и французского империализма, который еще не в состоянии был в 1918 году двинуть на Россию свои полчища, но все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы бросал на помощь врагам революции.

Известно, что Восточный фронт возник в связи с мятежом чехословацкого корпуса военнопленных, командование которого было подкуплено империалистами, рассчитывавшими руками белочехов задушить Советскую власть. Против Советской власти шли не рядовые чехословацкие солдаты, а их контрреволюционный офицерский состав. Американские, французские и английские империалисты надеялись силами чехословацкого корпуса отрезать от России такие хлебородные губернии, как Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и другие, чтобы нанести удар по молодой Советской Республике. Включенные в сборник воспоминания рассказывают о той борьбе, которую организовали симбирские большевики против контрреволюционных чехословацких мятежников.

В воспоминаниях В. В. Куйбышева, О. Ю. Калнина, М. Н. Тухачевского, Г. Д. Гая, Н. И. Корицкого и других показываются обстоятельства возникновения Восточного фронта в конце мая — начале июня 1918 г. и создание славной героической I армии, вписавшей своей отважной борьбой против врага замечательные страницы в летопись побед Советской Армии. М. Н. Тухачевский, являвшийся командующим I армии, в своем воспоминании писал: «Значение Первой революционной армии в исто-

рии гражданской войны громадно. Это — первая армия, которая начала ожесточенную борьбу с анархией, и первая, которая решительно пошла по пути организации. Самый болезненный вопрос весны 1918 года — привлечение специалистов — был ею переварен легко и безболезненно. Ею впервые был проведен принцип ответственности... Боевая деятельность Первой армии представляет из себя непрерывный ряд подвигов. Один за другим (после освобождения Симбирска 12 сентября 1918 г. — **Н. Ф.**). Советской республике возвращаются города». Осенью 1918 года Первая армия своими решительными боевыми действиями против врага решила участь Восточного фронта.

В сборнике воспоминаний обстоятельно рассказывается, как в суровое и тяжелое для Советской власти первое полугодие 1918 года Симбирская большевистская организация осуществила разгром контрреволюционной авантюры командующего фронтом против чехословаков «левого» эсера Муравьева. Муравьев по поручению «бывшего ЦК бывшей партии левых эсеров» пытался спровоцировать войну с немцами, сорвать Брестский мир. «Этого грубого попрания народной воли, этого насильственного толкания в войну, народные массы левым эсерам не простят. И если кто радовался выступлению левых эсеров и злорадно потирал руки, то только белогвардейцы и прислужники империалистической буржуазии. А рабочие и крестьянские массы еще сильнее, еще ближе сроднились в эти дни с партией коммунистов-большевиков, истинной выразительницей воли народных масс» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 494).

В публикуемых в сборнике воспоминаниях И. М. Варейкиса, Г. Д. Каучуковского, Ф. М. Иванова, А. С. Селуянова, М. П. Пыркова, С. М. Аввакумова и других подробно освещается, как симбирские большевики, московские рабочие, находившиеся в Курском бронедивизионе, революционный латышский стрелковый полк, части Симбирского гарнизона быстро ликвидировали авантюру Муравьева, пытавшегося открыть советский фронт белочехам и Колчаку.

Несмотря на быстрый разгром авантюры Муравьева, она имела все же серьезные последствия, затруднявшие положение на нашем Восточном фронте. М. Н. Тухачевский в публикуемом в сборнике воспоминании пишет, что

«Войска Первой армии, верные Советам, в несколько часов ликвидировали эту авантюру. Но моральные последствия всего этого были громадны. В войсках появилась подозрительность. Красноармейцы стали подозревать в измене начальников; одни части подозревали в измене другие и т. д. Дисциплина сразу пала. Стала развиваться паника. Этим воспользовались белогвардейцы и начали наступление на Симбирск, который скоро и пал» (22 июля 1918 года. — **Н. Ф.**).

В. И. Ленин в речи своей на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 года говорил, что наши войска показали преступную слабость при взятии Симбирска чехословаками, когда наши части отступили. Это было одним из тяжелых последствий муравьевской авантюры. Измена «левого» эсера Муравьева стоила впоследствии, — указывал В. И. Ленин, — жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами.

Вошедшие в сборник воспоминания показывают, как трудящееся крестьянство Симбирской губернии, испытав нашествие чехословаков, испробовав на деле, что такое левоэсеровские крики «долой Брестский мир», узнали на практике, что все это ведет к тому, что возвращается помещик и капиталист. Крестьяне тем самым становились самыми ярыми защитниками власти Советов.

В связи с этим В. И. Ленин 29 июля 1918 года говорил: «Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти на военные действия, замечается перелом» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 16—17). Это и дало возможность частям Первой армии начать с конца июля 1918 года подготовку наступления на Симбирск.

В сборнике даются воспоминания Н. Г. Самойлова, Н. Ф. Долинского, А. М. Уральцева, П. Ф. Устинова, Д. Е. Перкина, П. А. Шуватова, Ж. Людвика, С. М. Измайлова и других, в которых воспроизводится картина борьбы частей Красной Армии за освобождение от белочехов г. Симбирска — родины великого Ленина.

От имени бойцов I армии, освободивших г. Симбирск, была послана В. И. Ленину телеграмма: **«Дорогой Вла-**

димир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

В. И. Ленин в ответ на эту телеграмму писал: **«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».**

Это от всего великого Ильичева сердца теплое поздравление вдохновило героических воинов I армии на новые ратные подвиги во имя торжества власти Советов.

Последовавшая после освобождения г. Симбирска борьба частей Красной Армии против белочехов и самоотверженный труд рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Симбирской губернии по оказанию помощи фронту раскрываются в воспоминаниях командующего Восточным фронтом С. С. Каменева, М. Г. Назарова, Е. В. Грачева, В. В. Тарасова и других. В этих воспоминаниях показывается великая роль рабочих, самородков-организаторов, проявивших инициативу, выдержку, творческое напряжение в период гражданской войны.

В сборнике воспоминаний широко представлены материалы о деятельности Симбирской партийной организации по укреплению тыла Красной Армии, по оказанию помощи фронту. Публикуются воспоминания, освещающие острую борьбу партийных и советских органов, городских рабочих и трудящегося крестьянства против кулачества, которое, как злейший враг Советской власти, пользовалось темнотой, раздробленностью, распыленностью деревенской бедноты, натравливало бедноту на рабочих, пытаясь перетянуть на свою сторону середняка.

В. И. Ленин неоднократно указывал в 1918 — 1920 гг., что кулачество везде входит в союз с иноземными капиталистами против рабочих своей страны. Это самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры. В публикуемых в сборнике воспоминаниях А. Р. Андрианова, А. К. Гайдамака, П. В. Редькина, А. И. Маштакова и других говорится, как кулаки-кровопийцы действовали заодно с белочехами против рабоче-крестьянской власти. Вопрос стоял так: «Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа

против власти трудящихся. Середины тут быть не может...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 39).

В ходе этой острой классовой борьбы против кулачества за дальнейшее развитие социалистической революции в деревне, исключительно важную роль сыграли комитеты бедноты, действовавшие на территории Симбирской губернии с июня по ноябрь 1918 г., а в ряде волостей и сел — и в начале 1919 года. Известный интерес в этом отношении представляют воспоминания А. К. Гайдамака, М. Д. Горчаева и других, в которых описывается деятельность комбедов, явившихся поворотным пунктом в развитии пролетарской революции в деревне. В воспоминаниях рассказывается, как, благодаря деятельности комбедов, советская деревня под руководством рабочего класса шла к решению действительно исторической задачи — внести в деревню сознательную социалистическую борьбу.

В сборник вошли воспоминания П. В. Редькина, М. Д. Горчаева, А. М. Маштакова, И. К. Скрипина и других, в которых освещается героическая борьба трудящихся масс под руководством Коммунистической партии в годы гражданской войны по различным уездам Симбирской губернии с их многонациональным населением — русскими, чувашами, татарами, мордвинами и др. Трудящиеся многонациональных районов губернии внесли немалый вклад в дело победы над внутренними и внешними врагами Советской власти.

Громадную роль в сплочении трудящихся различных национальностей, населявших территорию Симбирской губернии, под знаменем Советской власти, в воспитании их в духе дружбы народов сыграла деятельность партийных организаций губернии. Большое значение имела работа существовавших тогда в составе Симбирской парторганизации мусульманской, чувашской, латышской и других секций. Большой интерес представляет в связи с этим воспоминание А. И. Юсупова о деятельности одного из видных большевистских руководителей татар — Гафурова С. С. В приложении к сборнику даны документы, характеризующие деятельность чувашской секции Симбирской губернской партийной организации.

Исключительный интерес представляют воспоминания Е. Ф. Валхара и Л. Форста («Организация интернационалистов в Симбирске»). В них показывается, как за великие идеи Советской власти, идеи международной проле-

тарской солидарности боролись революционные интернационалисты — чехи, словаки, венгры и др. Немало из них отдали свою жизнь в битвах за освобождение Симбирска — родины вождя мирового пролетариата В. И. Ленина.

Не малое место отведено в сборнике освещению деятельности Симбирской комсомольской организации, геройской борьбе трудящейся молодежи на фронтах гражданской войны и в тылу за победу и торжество идей социализма. С интересом читатель ознакомится с воспоминаниями Г. В. Грейсера («Комсомол на фронте и в тылу»), П. В. Редькина («1918—1920 гг. в Карсуне»), А. М. Уральцева («В боях и пороховом дыму рожденная»), А. И. Юсупова и других.

Отважная, сподвижническая борьба и труд героинь-женщин, боровшихся против внутренних и внешних врагов Советской власти за светлое и радостное будущее, показана в ряде воспоминаний, в частности в воспоминании Р. А. Вайнер («Женщины Симбирска в годы гражданской войны»).

Всемирно-историческая победа, одержанная советским народом в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции 1918 — 1920 гг., завоевана была под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным, руководившим гигантской военной и строительной деятельностью партии в годы гражданской войны.

Читатель найдет конкретный материал о деятельности симбирских большевиков в 1918—1920 гг. в воспоминаниях И. М. Варейкиса, Г. Д. Каучуковского, И. Д. Прыткова, Б. Н. Чистова, А. Г. Степанова, Н. М. Астахова и других. В этих воспоминаниях показывается военная, хозяйственная, продовольственная, партийно-политическая, партийно-организационная, культурно-просветительная работа Симбирской парторганизации. В этих воспоминаниях на местном материале раскрывается роль Коммунистической партии как вдохновителя и организатора масс рабочих, крестьян, красноармейцев в суровые годы гражданской войны в борьбе за защиту завоеваний Великого Октября, открывшего собой новую эру в истории человечества — эру социализма и коммунизма.

В сборник включены, кроме воспоминаний ранее

публиковавшихся в местных и центральных изданиях, более тридцати воспоминаний, публикуемых впервые.

Сборник воспоминаний явится ценным пособием для пропагандистов, лекторов и докладчиков, широких кругов читателей, а также для историков в их научно-педагогической работе.

Н. Д. ФОМИН.
Доцент, кандидат исторических наук.

От редколлегии:

Редколлегия настоящего сборника выражает благодарность всем товарищам, приславшим свои воспоминания; председателю комиссии по сбору воспоминаний — зав. партархивом Г. Е. Шитовой; члену комиссии Б. Н. Чистову за большую работу, проведенную по выявлению участников Октябрьской революции и гражданской войны и сбору воспоминаний; рецензентам данного сборника — доценту, кандидату исторических наук Р. А. Таубину и ст. преподавателю облпартшколы Г. Н. Федорову.

I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА И СОЗДАНИЕ 1 АРМИИ

В. Н. КАЮРОВ

РАБОЧИЕ ОТРЯДЫ[1]

Началось трудное время борьбы за строительство новой России, окруженной со всех сторон врагами. В марте 1918 года правительство принуждено было эвакуироваться в Москву, так как немцы подступали к Петрограду. Нам, питерцам, казалось, что Питер, эту колыбель революции, мы должны отстаивать всеми силами. В голову не приходили мысли, чтобы там, где-то в России, думали по-иному; допустить падение Петрограда — это все равно, что допустить гибель революции. Так думали мы, питерцы, в тот момент, когда голод, достигнув высшего напряжения, принудил массы рабочих покидать свой любимый город.

По моим наблюдениям, в мае 1918 года в Питере редко можно было видеть лошадей, часть их была съедена, часть подохла, часть уведена в деревню, а часть была нами реквизирована для нужд нашей гражданской войны... Нередко мне приходилось заходить к знакомым рабочим в их жилища; угощением был чай и лепешка из картофеля с льняными выжимками. Полагаю, что и это не постоянно, так как, будучи членом исполкома и секретарем Выборгского районного Совета, я знал моменты, когда по целым неделям рабочим не выдавали ни фунта хлеба или картофеля, а только семечки и орехи. Тяжелое было время... Но и вера в победу была большая. Одна беспокоила думушка, — знает ли Россия о страданиях питерских рабочих? Прошло со времени Октябрьского переворота полгода, питерцы голодают, не получая ни-

[1] Из воспоминаний «Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции», опубликованных в журнале «Пролетарская революция» № 3(26) за 1924 г.

откуда хлеба. Между тем приезжавшие из провинции передавали, что там о голоде и не знают, всего вдоволь, все есть. В чем дело? Почему же голодаем?..

Думаю поехать в провинцию, чтобы убедиться в ее настроении. Получаю из Совета отпуск, еду в Симбирскую губернию — на свою родину. Первая деревня от железной дороги — Коки. Останавливаюсь в ней. Прошу крестьянку поставить самовар. Безоговорочно ставит. Робко прошу дать кусочек хлеба, дают белого, горячего. Еще пытаюсь просить яиц, — отказа не получаю. Глазам не верится, и ум отказывается понимать. Начинаю рассказывать о бедственном положении питерских рабочих. Не верят. Как, мол, можно жить и работать при осьмушке фунта хлеба в день? Я рассказал, что очень часто рабочие, выходя на работу, изможденные, голодные работали до тех пор, пока не падали у своих станков от голода, что десятками их уносили в приемный покой, но они не бросали своих постов, своей работы, ожидая от крестьян подкрепления. На это мне ответили, что помогать они не собираются.[1] Еду дальше — в свое родное село Тереньгу. Село большое, торговое, с достаточно развитым кустарным ремеслом, — главным образом по выделке мебели. Все тот же достаток, но озлобленность к большевикам проявляется в больших размерах. Главным образом за недопущение свободной торговли, за установление твердых цен на хлеб. До сих пор я пользовался среди крестьян всей волости популярностью по революционной работе 1906—1907 годов и, следовательно, ожидал к себе большего внимания, но оказалось, что я почти не нахожу его.

Встретил товарищей по совместной работе 1906—1907 гг., оказавшихся меньшевиками и эсерами. Эти-то бывшие революционеры вступили со мной в спор, поддерживаемые крестьянами. Крестьяне с пеной у рта клялись, что не дадут ни одного фунта хлеба по установленным Советской властью твердым ценам. Я доказывал, что твердые цены есть самый правильный путь во взаимоотношениях города с деревней. И если крестьяне будут упорствовать, то рабочие, во-первых, не пожалеют «керенок», ибо они сами их делают, а во-вторых, также бу-

---

[1] Здесь и в последующем изложении речь идет не вообще о крестьянах, а о крестьянах-кулаках. — **Ред.**

дут вздувать цены на изделия, выпускаемые с фабрик и заводов. После такой аргументации крестьяне ответили:

— Ну, так ни за какие деньги хлеба не получите.

— За что же такая немилость к большевикам? — спрашиваю я. — Ведь большевики в первую очередь узаконили за крестьянами помещичью землю, а сами чем были, тем и остались, работая исключительно на государство, получая для себя только самое необходимое.

Вскоре я осознал, что переубедить крестьянина одиночкам не под силу, нужны чрезвычайные меры... Чтобы узнать, прав ли я, так ли думают в других деревнях, я посылаю своего сына, приехавшего со мной из Питера, в другие села и деревни для агитации против кулаков, засевших в волисполкомах и сельсоветах. Кулаки, обеспокоенные агитацией питерцев, донесли о «злостных» агитаторах в губернию и уезд. По прошествии нескольких дней сына, по предписанию губвоенкома («левого» эсера Иванова), арестовывают, якобы за контрреволюционную агитацию против Советов, и препровождают в Симбирск. Мои хлопоты перед Ивановым об освобождении не увенчались успехом, наоборот, он заявил мне, что он его расстреляет. Расстрелять сына не удалось, так как он без ведома Иванова был освобожден одним из членов губисполкома.

Происшедшее в это время чехословацкое восстание окрылило все кулацкое население провинции. Открыто стали поговаривать о ближайшем свержении большевиков.

Чехословаки успели захватить Сызрань и Самару и повели наступление вверх по Волге, забирая почти без боя села и города, в том числе и мое родное село Тереньгу. Я и товарищ Спирин успели скрыться. (Тов. Никифор Спирин, односельчанин, большевик с 1905 г., после февральской революции был в Тереньге председателем Совета; ненавидимый кулаками, за несколько дней до взятия Тереньги был ими избит). При взятии сел и городов эсеровские и чехословацкие банды неистовствовали. Кулаки не уступали им в жестокости. Так, в Тереньге убили двух крестьян по подозрению в сочувствии Советской власти. Моего отца, 65-летнего старика, и крестьянина Василия Кулупаева били нагайками. Оба пострадали из-за меня. Первый за то, что я его сын, а

второй за то, что имел со мной сношения. Мое семейство было взято под залог.

Я и тов. Спирин, избежав опасности, пробирались к г. Симбирску, изучая по дороге настроение крестьян. И в Карсунском и в Симбирском уездах настроение крестьян было ничуть не лучше, чем это наблюдалось в Сенгилеевском. Встречали нас везде подозрительно. Дело не обошлось без курьезов. Верстах в 25 от Симбирска крестьяне, узнав, что я из Питера, обступили с вопросами о житье в Питере и о том, как живет наш земляк Ленин и видел ли я его. Удовлетворив их любопытство, я был поставлен в тупик их просьбой похлопотать перед Лениным о том, чтобы им прибавили земли, так как землицы у них очень мало. Удивленно спрашиваю:

— Какой земли? Ведь существует закон, по которому земля переходит к тем, кто ее обрабатывает.

Мне возражают:

— Земли мало.

Еще больше удивившись, я указал им на окружающие лес, поля и помещичью усадьбу и спросил:

— А это что такое, чьи они?

— Теперь наши. Но все-таки мало.

— Так как же, братцы крестьяне, откуда Ленин возьмет земли, разве луну подтянет, — землячкам черноземцу уделить, если на ней есть, или, может быть, надумает надстроить второй этаж?

Все же я пообещал передать их просьбу Ильичу.

Подъезжая к селу Большие Ключищи, возница-крестьянин таинственно и не без гордости сообщил нам, что настоящая фамилия Ленина — Ульянов, и, указывая вдаль, добавил, что там, за холмами, есть деревня Ульяновка. Это, мол, деревня его отца[1]. К завершению всего добавил:

— Хорош бы мужик, да горячо берет, сразу.

Побыв почти во всех уездах Симбирской губернии и убедившись по настроению крестьян и красногвардейцев, что Советской власти угрожает серьезная опасность, я с сыном выехал в Москву. Явившись к Владимиру Ильичу, я обрисовал ему в самых мрачных красках настроение крестьян, их отношение к большевикам, а также бесфор-

---

[1] Как известно, это сообщение неправильно. Никакого имения в Симбирской губернии у отца Владимира Ильича не было.

менность, расхлябанность и неустойчивость красногвардейцев, сдающих белогвардейцам громадные территории, с крупными губернскими и уездными городами часто без всякого сопротивления. И стал делать предложения: 1) дабы спасти революционные завоевания, необходимо бросить все советские пролетарские элементы в деревню для организации и агитации среди беднейшего крестьянского населения, так как эсеры и меньшевики, потерпев поражение в городах, ушли в деревню и ведут отчаянную беззастенчивую кампанию против Советской Армии, против большевиков; под влиянием эсеровской кулацкой агитации нетерпимость к большевикам чувствовалась не только со стороны середняка, но и бедняка; 2) чтобы спасти революцию, если потребуется — поступиться даже Петербургом или всей областью; 3) послать две—три канонерки на Волгу; 4) увеличить цены на хлеб, не жалея «керенок»; 5) бросить пролетариат в деревню, тем самым спасая живую революционную силу от голода, рабочие с успехом дадут отпор контрреволюционным бандам, укрепив деревенскую бедноту.

Во время моего доклада Владимир Ильич был в самом веселом расположении духа, как будто я сообщил ему какой-нибудь юмористический рассказ, а не говорил о серьезной опасности, грозившей Советской власти. Эта беспричинная, на мой взгляд, веселость приводила меня в немалое смущение... Мне стало еще более обидно, когда Владимир Ильич на все мои уверения, что крестьяне нас поколотят, смеясь ответил: «Конечно—конечно, товарищ, они вам покажут, это им не впервой, если не сломаете хребет кулакам, прежде чем они вам успеют сломать».

Почему «вам» я в первую минуту не понял, уже хотел сделать возражение: «чему, мол, смеешься, ведь и самому попадет»,—но удержался. Чему человек так радуется? Сначала мне показалось тому, что я горячо доказываю, а Владимир Ильич сомневается в правдоподобности доклада, но нет...

По окончании нашего разговора Владимир Ильич предложил написать воззвание к питерским рабочим, что тут же сам и исполнил. Вот это воззвание:

К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ

Дорогие товарищи! Пользуюсь поездкой в Питер тов. Каюрова, моего старого знакомого, хорошо известного питерским рабочим, чтобы написать вам несколько слов.

Товарищ Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего; именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и **свергнут ее неминуемо,** если рабочие не напрягут **тотчас же** всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы **разбить** наголову кулаков, прежде чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие **могут** в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их наголову, **если передовые отряды** рабочих поймут свой долг, напрягут все силы, организуют **массовый поход в деревню.**

Сделать эту попытку **некому,** кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться наивной мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — **глупо и преступно.** Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и **десятками тысяч** двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где **должны** помочь организации

бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь.

Каюров расскажет свои личные наблюдения и убедит, я уверен, всех колеблющихся. Революция в опасности. Спасти ее может только **массовый** поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько угодно.

С коммунистическим приветом Ленин.

...На прощанье тов. Ленин сказал:

— Собирайтесь, тов. Каюров, организованно и поезжайте. Все вам отдадим, что имеется на складах России. Уже теперь имеется у Советской власти колоссальное количество конфискованных товаров. Масса оружия, тысячи пулеметов лежат без движения, в особенности много в Вологде. Мы пробовали давать наши запасы, но все раскрадывается, растаскивается, а вы, я уверен, все это используете в интересах революции, в интересах привлечения на свою сторону бедноты деревни.

Ушел я от него все-таки в недоумении, пока, уже едучи в Питер, не прочитал его письма, небрежно сунутого мной в карман.

И только прочитав в письме фразу: «Товарищ Каюров понял» и т. д. — мне стал понятен смех и веселое настроение Ильича. Мне стало тоже смешно и... немного обидно за свою несообразительность: оказывается, мои горячие доводы для него были не новостью, а лишь подтверждением его собственного взгляда. До сих пор рабочие Питера и его верхушки смотрели на Октябрьский переворот и свои революционные силы со своей питерской колокольни и ни за что не хотели оставлять революционного города.

По приезде в Петербург я познакомил с письмом в нескольких районах партийных товарищей, затем явился к Лашевичу и Зиновьеву. Последний, прочитав письмо, недружелюбно махнул рукой и на мой вопрос: «Даете ли свое согласие на вербовку отрядов?» — ответил мне: «Как хотите, так и делайте». Недружелюбно отнеслись и другие власти. При обсуждении письма в районных комитетах партии петербургской организации некоторые товарищи выявляли свое недовольство, по-видимому, на «недисциплинированность» Владимира Ильича, пославшего письмо через меня, а не обычным порядком.

Видя такое отрицательное отношение «верхушек», я

бросился в «низы», где письмо Ильича нашло благодарную почву; рядовые члены партии, по крайней мере в Выборгском районе, по прочтении письма даже не допустили прений, и большинство тотчас же записалось в первую группу; их было 38 человек. Впоследствии я уже в армии встречался с другими отрядами и группами рабочих Питера и других городов, последовавших за нами. Подробности работ этих групп, полагаю, будут описаны другими товарищами.

Перед отъездом из Петрограда я пошел проститься с А. М. Горьким. Он был болен и лежал в постели. Я объяснил ему цель своего прихода и спросил: «Ну, Алексей Максимович, мы уезжаем, может быть на смерть, и, уезжая, нам не хочется верить, что Вы не с нами, а против». В ответ получил следующее: «Кончено, будет! Больше нападать не будем, время критики прошло, надо работать! Как только встану с постели — еду к Ильичу на примиренье».

Насколько большое значение придавал Владимир Ильич походу питерских рабочих в деревню, можно видеть из того, что по приезде нашего отряда в Москву, он вместе с Я. М. Свердловым приехал к нам во 2-й Дом Советов, где мы остановились...

Владимир Ильич отнюдь не считал, что его содействие делу организации рабочих отрядов окончено. В беседе мы указали, что питерские партверхушки с большой неохотой давали людей, и делу организации этого первого отряда помогло только собственноручное письмо тов. Ленина. Владимир Ильич, выслушав это, решил подтвердить свое требование еще телеграммой, и в тот же день за подписями Владимира Ильича и Я. М. Свердлова в Питер была отправлена телеграмма с предложением об организации новых отрядов и оказании им всяческого содействия.

По окончании переговоров с тов. Лениным наш отряд был назначен тов. Цурюпой в Казань. Началась обычная в наших условиях канцелярская волокита. В Наркомпроде нам нужно было получить мандаты и авансы. Ходим день, ходим два, толку пока что нет. Спас нас опять тот же Ильич. В разговоре с тов. Свердловым он узнает, что мы еще здесь. Тов. Ленин немедленно вызывает меня и тов. Чугурина к телефону (мы находились в это время в Наркомпроде) и спрашивает:

— Почему вы не уехали?

— Да вот, Владимир Ильич, уже два дня ходим в Наркомпрод за документами... получаем только обещания.

— В каком отделе находится ваше дело?

— В общей канцелярии.

— Позовите начальника канцелярии.

Вызываем, он подходит к телефону.

— Слушает начальник канцелярии.

Наблюдая за переговорами, слышим голос Ильича.

— Говорит Ленин...

— С-слушаю вас, тов. Ленин... — голосом, понизившимся сразу на два тона, отвечал злополучный начканц.

— Сколько времени надо вашему отделу на регистрацию и выдачу мандатов отряду?

— Столько-то...

— В каком отделе следующая операция с их документами?

— В таком-то...

В следующих отделах этот разговор повторяется. Взяв со всех начальников слово в скорейшем исполнении канцелярских формальностей, Владимир Ильич просил нас доложить ему, если какой-нибудь отдел затормозит дело. Надо отметить, что слова Ильича оказали магическое действие. Вся «сложная» работа по выдаче мандатов и авансов была исполнена в назначенный тов. Лениным срок. Дело оставалось за вагоном. Как его доставка, так и прицепка тоже не обошлись без личного вмешательства Владимира Ильича. В этот день мы выехали на место...

Но не суждено было нашему отряду поработать по снабжению городов продовольствием, так как на третий же день нашего приезда туда, пока губпродком раскачивался с назначением, Казань была захвачена белогвардейцами, а наш отряд перешел в распоряжение V армии.

Казань пала, как многие другие села и города, благодаря измене, провокации и нашей неорганизованности. Наши отряды питерских и московских рабочих вынуждены отступать. Разрозненные, голодные, ограбленные и избитые крестьянами (были и убитые: Мильда Иван), пешком пробирались на авось сотни верст северными уездами Казанской губ., пребывая в неизвестности о положении Советской власти, но с надеждой, что наши промышленные пролетарские центры не так легко отдадут

свою свободу. Добрались до Нижнего. Командировали тов. Чугурина с докладом в Москву; явилась другая часть нашего отряда, отделившаяся от нас во время ухода из Казани. Явились к Я. М. Свердлову полураздетые, едва прикрытые кое-каким тряпьем, полученным ими от сердобольных беженцев западных губерний, с синяками, с пробитыми черепами тт. И. Гордиенко, И. Румянцев, И. Попов, Прохоров и Кривоносов, для засвидетельствования своим видом отношения крестьян к большевикам и Советской власти. Яков Михайлович при виде своих «элегантных» приятелей разразился хохотом и тут же сообщил об этом Владимиру Ильичу, который не преминул посмеяться над их сентиментальностью, над их попыткой и уверенностью пропагандой, добрым словом перетянуть на сторону Советской власти расчетливых, положительных крестьян. И на вопрос Ильича, что думают товарищи делать дальше, Гордиенко ответил, что, умудренные крестьянским «опытом», они вернутся к ним более практичными. На вторичный поход в деревню Владимир Ильич выдал тт. Чугурину, Гордиенко, Румянцеву и мне следующие удостоверения:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Податель сего тов. . . . . уполномочен Советом Народных Комиссаров действовать при фронтовой полосе для организации продовольственных отрядов, выступать как политический комиссар при военачальниках. Поручается принимать от него телеграммы в Москву, Совнарком, ЦИК.

Всем Советским и Военным властям оказывать подателю . . . . всякое содействие без замедления.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Секретарь Совета Народных Комиссаров
А. Фотиева.

Но и после перехода нашего отряда в армию, мы не переставали информировать Владимира Ильича о настроении армии и крестьян и не раз прибегали к его личной помощи. Лично я был вскоре назначен заместителем начальника политотдела V армии. Все же члены отряда вместо продработы были заняты политработой в армии.

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ[1]

К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОЙ АРМИИ[2]

Значение Первой революционной армии в истории нашей гражданской войны громадно. Это — первая армия, которая начала ожесточенную борьбу с анархией, и первая, которая решительно пошла по пути организации. Самый болезненный вопрос весны прошлого (1918.—**Ред.**) года — привлечение специалистов—был ею решен легко и безболезненно. Ею впервые был проведен принцип ответственности и были организованы военно-революционные трибуналы при войсках.

Все эти решительные, а главное своевременные, начинания сделали то, что к середине июля прошлого года Первая армия имела три дивизии, построенные на правильных началах организации: Пензенскую, Инзенскую и Симбирскую; они быстро дисциплинировались и приняли вид регулярных войск.

Чем объяснить эти успехи? Я считаю, что главным образом — счастливым подбором командного и комиссарского состава и большим количеством добровольцев, почти с самого момента образования Первой армии. Это удачное сочетание сделало то, что при произведенной мобилизации военных специалистов на ответственные

---

[1] Михаил Николаевич Тухачевский с конца июня по декабрь 1918 г. был командующим I армии.

[2] Статья написана в 1919 г. и опубликована в сборнике Годовщина Первой революционной армии. Москва, 1920 г.

должности назначались лица не по своему прежнему стажу, прежним чинам, а по обнаруженной способности к самодеятельности, к инициативе. Значительная часть ответственных работников была назначена из молодых офицеров. У нас совершенно не стеснялись подчинять генералов подпоручикам или капитанам, а в тылу мы долгое время видели обратное.

Первым долгом было обращено внимание на создание штабов армии и дивизий. Оперативная работа быстро наладилась. За ней началась административная работа и снабжение. Созданный аппарат военных заготовок дал блестящие результаты.

В основу работы было положено взаимное доверие. Штаб армии, носивший мимолетно-пасмурный вид сразу после мобилизации специалистов, очень быстро сжился, сложился в дружную семью, искренно преданную Советской Республике.

Я не пытаюсь дать точную характеристику организационной работы Первой армии. Я только намекнул на главные моменты этой работы.

Теперь также кратко коснусь боевой работы Первой армии.

В первых числах июля прошлого года армия подготовилась к полному разгрому чехословацко-белогвардейского гнезда в Самаре. Главные силы армии изготовились к наступлению на Самару от Симбирска, а правый фланг, с боя взяв г. Сызрань, также изготовился к наступлению на Самару. Успех был обеспечен. В это время в Симбирске вспыхнуло предательское восстание, главнокомандующего Муравьева. Войска Первой армии, верные Советам, в несколько часов ликвидировали эту авантюру. Но моральные последствия всего этого были громадны. В войсках появилась подозрительность. Красноармейцы стали подозревать в измене начальников, одни части подозревали в измене другие и т. д. Дисциплина сразу пала. Стала развиваться паника. Этим воспользовались белогвардейцы и начали наступление на Симбирск, который скоро и пал.

Только самоотверженная работа комиссаров и начальников могла остановить развал. Быстро был установлен революционный порядок, и началась новая лихорадочная подготовка наступления.

Два раза наступление на Симбирск было отбито. На

третий раз решительным коротким ударом противник был разбит, и Симбирск взят 12 сентября 1918 года. С этого момента боевая деятельность Первой армии представляет из себя непрерывный ряд подвигов. Один за другим Советской Республике возвращаются города.

Армия делает громадные переходы. Быстрота ее движений редкостная. Можно смело сказать, что Первая армия положила основание маневру в войне нашей Красной Армии. Она первая из армий научилась делать громадные и быстрые переходы без железных дорог.

Самым лучшим доказательством всему этому служат несколько цифр, которые я приведу.

С начала наступления на Симбирск и по взятии Бугуруслана прошло 6 недель (с 9 сентября по 28 октября), и за это время части Первой армии сделали с боями до 800 верст. Это редкий пример во всемирной военной истории.

За эти шесть недель на всем Восточном фронте у белой гвардии отнято около 150.000 квадратных верст. Из них на долю одной Первой армии (из пяти) приходится около 70.000 квадратных верст.

За эти шесть недель на всем Восточном фронте взято 19 городов.

Из них: а) только войсками Первой армии взято 9 городов (Буинск, Тетюши, Симбирск, Мелекесс, Сенгилей, Ставрополь, Сызрань, Бугуруслан и Бузулук) и б) при содействии Первой армии 3 города (Хвалынск, Самара, Сергиевск).

Можно без преувеличения сказать, что прошлой осенью Первая армия решила участь Восточного фронта.

В дальнейшем приходилось уже только пожинать плоды настойчивой и искусной подготовки, завершившейся полным поражением противника.

Занятый непрерывной работой на фронте в другой армии, я не имел возможности написать ничего, кроме такого краткого наброска для юбилея Первой армии.

В. В. КУЙБЫШЕВ[1]

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ[2]

В славной борьбе с чехо-учредиловскими войсками осенью 1918 года Первой армии принадлежала бесспорно одна из первых ролей.

Это она подорвала силу контрреволюционных полчищ в Симбирске и Сызрани, она закончила разгром учредилки в Бугуруслане, Бузулуке, Стерлитамаке и на путях к Верхне-Уральску. Эти блестящие страницы, в истории Первой армии, походившие на триумфальное шествие, имеют свое происхождение. Не сразу с момента своего зарождения Первая армия стала способной к битвам и победам.

Я помню Первую армию в июне—июле 1918 г. В то время она представляла собою очень неопределенную величину с разбросанным фронтом, с путаными взаимоотношениями между командованием отдельных частей. Отряды Первой армии находились и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, причем на каждом из этих направлений были «группы», «фронты», «сводные отряды», неизвестно кому подчиненные. Нужно, однако, сказать, к чести командного состава (или, по крайней ме-

[1] Валериан Владимирович Куйбышев — бывший политический комиссар Первой армии.

[2] Печатается по книге: «Годовщина Первой революционной армии». Литературно-издательский отдел политического управления Революционного Военного Совета Республики, 1920 г., стр. 11—12.

ре, его части) и значительной части отрядов, что у них наблюдалась большая тяга к централизованности. Так, например, тов. Гай, в то время командир Симбирских сводных отрядов, оперировавших в районах Климовки, Новодевичья, Сенгилея, с первых своих шагов стремился установить правильные отношения подчиненности как вверх, так и вниз.

Много усилий прилагал в этом направлении и М. Н. Тухачевский, который на фоне партизанщины был уже по существу представителем нового периода в истории армии. Быть может, поэтому в Первой армии меньше, чем где бы то ни было, сказались отрицательные стороны партизанщины. Стремление отрядов к централизованности сказывалось в оригинальной форме: они в трудные минуты требовали непосредственного командования собою лицами высшего командного состава. Так, например, командующий Симбирской группой тов. Пугачевский принужден был кидаться от одного отряда к другому и мало уделять внимания общему командованию группой. То же происходило и в других группах и фронтах. Во всяком случае и Первая армия пережила неизбежный младенческий период развития всех красных армий, период, богатый отдельными проявлениями отваги, удали и подчас героизма, но, с другой стороны, богатый и случаями беспричинной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д. Этот период в итоге давал отрицательную величину и неизбежно должен был закончиться поражением. Падение Симбирска было последним этапом этого первого периода. Начался второй период, период строительства регулярной армии. Работа была мучительна и тяжела, ибо строить приходилось в обстановке продолжавшегося наступления противника, имея налицо ничтожные, слабые силы. Значительная часть сил была разбита, а группа Гая была окружена в районе Сенгилея и считалась тоже погибшей.

Дело доходило до того, что одно время между штабом армии, помещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь бронепоезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник Инзенской «дивизии» со своим штабом. Эта кучка героев была остовом, вокруг которого была создана воистину доблестная Инзенская дивизия под командованием самородка полководца тов. Лациса. Кстати сказать, очень часто

при оценке Первой армии значительно преуменьшается роль ее в успехах и победах этой дисциплинированной, хорошо организованной, без фраз смелой дивизии.

На направлении от Инзы к Симбирску у нас был в то время лишь отряд приблизительно в 1000 штыков. Более сильная численно группа была на пути Пенза—Сызрань. Вот все, что имелось в распоряжении Первой армии, если не считать еще незначительных отрядов, оперировавших в Вольском направлении, мало связанных с армией и передававшихся в ведение то Первой, то Четвертой армий. В этой обстановке началась усиленная строительная работа, создавшая в конце концов и организационные и материальные условия для боеспособной армии. Не хватало лишь живой силы.

Первая армия, кажется, раньше других вступила на путь мобилизации определенных возрастов тех губерний, в которых она оперировала. Опыт мобилизации распространился и на офицерство, и в этом отношении Первая армия была пионером во всей республике. Но все эти меры по улучшению живой силы могли дать результат не сразу: нужно было мобилизованных обучить и сколотить.

В конце июля произошло событие, сразу утроившее количественный и качественный состав армии. Командующего армией попросил к себе начальник отряда, оперировавшего на путях к Симбирску, приблизительно в районе станции Майна, по какому-то важному делу. Мы выехали с тов. Тухачевским к начальнику отряда, где он нам доложил сведения его разведки, с точностью устанавливающие обход его группы втрое сильнейшим отрядом противника. Разведка была поставлена хорошо в смысле полноты освещения и величины разведываемого пространства.

Точные и неоднократно проверенные сведения говорили о том, что такого-то числа противник был в Солдатской Ташле, затем в Степном Матюнине и т. д. и, наконец, зашел уже во фланг нашей незначительной группы. Противник, по добытым сведениям, был очень многочисленен и хорошо снабжен артиллерией. Начальник отряда возбудил перед нами вопрос о необходимости отхода с тем, чтобы прикрыть узловой пункт — ст. Инза, которая иначе оказывалась совершенно незащищенной. Наш отряд был отведен и занял ближе к Инзе обе линии

железной дороги. И вот в то время, когда мы были заняты размещением отряда на новой линии сосредоточения, меня и Тухачевского вызывают вдруг к прямому проводу со ст. Майна, со станции, которую мы оставили и на которой не было ни одного красноармейца. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что с нами хочет говорить тов. Гай, командир Сенгилеевской группы, которую мы считали окруженной и погибшей. Радость наша перешла в ликование, когда из разговора обнаружилось, что тов. Гай сквозь ряды противника прорвался со всем своим трехтысячным отрядом, сохранив всю артиллерию и имущество.

Событие было для нас настолько неожиданным, что я счел необходимым постановкой целого ряда вопросов убедиться в подлинности Гая.

Гай, по-видимому тоже волновавшийся, отвечал коротко и не сразу дал мне уверенность в том, что я говорю именно с ним. На следующий день мы выехали к нему навстречу и закрепили возвращение в армию его группы. Таким образом в лице «противника», перед которым отступал наш отряд, мы обрели значительное увеличение наших сил. Бывший долгое время в окружении, прорвавшийся через ряды противника отряд Гая пришел к нам закаленным, спаянным, дисциплинированным и составил основное ядро Симбирской Железной дивизии, покрывшей себя впоследствии громкой славой.

Возвращение отряда Гая было началом третьего периода, периода претворения в жизнь предварительной организационной работы, периода боевых успехов.

К своему годичному юбилею Первая армия сохранила общие черты периода боевых успехов и в настоящий момент является одним из наиболее славных отрядов великой рати рабочих и крестьян, творящих мировую социальную революцию.

ГАЯ ГАЙ[1]

ПОБЕДНЫЙ ПУТЬ[2]

Красная Армия родилась и выросла в огне гражданской войны. Я помню начало зарождения Первой армии на Средней Волге в 1918 году.

Весна памятного 1918 года. Со всех сторон на молодую Республику Советов грозной лавиной наступали враги.

И вот в тяжелое для Советской Республики время вспыхнул чехословацкий мятеж. Чешские дивизии численностью до 40 тысяч были хорошо вооружены и прекрасно дисциплинированы, часть этих дивизий успела уехать в Сибирь и свергнуть власть Советов в г. Омске. Другая часть в конце мая 1918 г. захватила Сердобск, Пензу и Сызрань.

Вот при каких условиях и в какой обстановке происходила борьба с чехословаками на Средней Волге в 1918 году.

Гор. Куйбышев (Самара) в конце мая 1918 года являлся центром организации обороны Средней Волги. Рабо-

---

[1] Гая Дмитриевич Гай (Бежишкянц) (1887—1938), член Коммунистической партии с 1918 г., с 27 июля 1918 г. был командиром Железной дивизии, а с 1 декабря 1918 г. командующим I армии.

[2] Статья была написана к 17 годовщине Красной Армии специально для газеты «Пролетарский путь» (Ульяновск) и опубликована в последней 23 февраля 1935 года.

чие Самары под руководством нашей партийной организации в лице Валериана Владимировича Куйбышева вели ожесточенную борьбу с наступающими на город оренбургскими и уральскими казаками. Но опасность надвигалась и со стороны чехов, уже захвативших г. Сызрань. Для организованного отпора врагам в городе Самаре во главе с тов. Куйбышевым был сформирован Ревком, поспешно формировались все новые и новые рабочие дружины и партийные отряды.

В этот момент против хорошо вооруженной чехословацкой дивизии мы имели от Самары до Сызрани всего 12 отрядов в 5 тысяч человек.

Несмотря на героическое напряжение Ревкома и всех отрядов, Самары удержать не удалось. Мы вынуждены были отступить в Симбирск.

В Симбирске, по предложению тов. Куйбышева и тов. Варейкиса, я объединил все отряды Самары и Симбирска в сводный отряд Самаро-Симбирских дружин под своим командованием, с боевой задачей: оборона района Сенгилея.

В течение июня и июля 1918 года мы вели ожесточенные бои с чехами и каппелевцами, отбивая их наступления на Сенгилей и Симбирск. Этими боями мы дали возможность тов. Куйбышеву и тов. Тухачевскому организовать штаб Первой армии.

В середине июля со стороны Бугульмы чехи рвались в Симбирск. Одновременно со стороны Сызрани наступали каппелевцы. Только что сформированный штаб Первой армии во главе с тт. Куйбышевым и Тухачевским находился в то время на станции Инза. Я же со своим отрядом оказался окруженным чехами и каппелевцами в районе Сенгилея.

Мы были в отчаянном положении: не было связи с частями Красной Армии и мы даже не знали, где находится штаб нашей армии.

После трехдневного марша мы дошли до станции Майна, оставив врага далеко позади.

Очутившись вне опасности, я более энергично принялся за поиски штаба армии и нашел его.

Мне тут же было приказано переформировать сводный отряд в роты, полки и бригады. Здесь и была организована Первая регулярная Самаро-Симбирская дивизия

Красной Армии, та самая, которую назвали «Железной дивизией».

В конце августа мы получили скорбную весть; эсерка Каплан ранила Ильича. Эта весть привела нас в ярость и ускорила наше наступление на Симбирск. Мы дали клятву — освободить родину Ильича — Симбирск от белочехов.

Дивизия перешла в наступление и 12 сентября после кровопролитных боев заняла Симбирск.

Мною на имя Ленина, в Москву, была отправлена телеграмма:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

Вскоре мы через Куйбышева получили ответ Ильича на нашу телеграмму:

«Взятие Симбирска—моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы. Ленин».

Ответ Ильича еще больше воодушевил наших бойцов.

3 октября Железная дивизия берет Сызрань и 7 октября она (совместно с частями Самарской дивизии. — **Ред.**) победоносно вошла в Самару, разгромив там учредиловку и чехословацкие банды.

Победный марш I Красной Армии продолжался. В ноябре мы взяли города Бугуруслан, Бузулук, Белебей, Стерлитамак. А зимой 22 января 1919 г. при 40-градусном морозе Железная дивизия заняла столицу атамана Дутова — Оренбург и оттуда пошла на Верхнеуральск, Троицк, освободив от белобандитов Советскую Башкирию.

В конце 1919 года части Красной Армии, в том числе и I армия, под руководством тов. Куйбышева освободили Туркестан и водрузили Красное знамя Республики на берегах Каспия (в Красноводске).

Вот в кратких словах победный путь Первой армии.

О. Ю. КАЛНИН[1]

БОРЬБА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ[2]

Прибытие штаба фронта на станцию Балашейка.

В конце мая 1918 года в городах Пензе и Самаре вспыхнули мятежи чехословаков. Большинство из наших товарищей верили в революционную энергию рабоче-крестьянских масс и думали, что местные пролетарские силы подавят мятеж без особой помощи со стороны центра. Наши победы на Дону, победы над Калединым и разливающаяся волна революции как-то опьянила и одурманила нас, московских рабочих, успехом, что частично отразилось также на наших военных руководителях.

Наша ошибка оказалась в переоценке наших собственных сил. Каледина мы разбили красногвардейцами, но эти же красногвардейцы, хотя и переименованные в красноармейцев, не могли справиться с войсками белых и чехословаков. С каждым днем получались известия одно печальнее другого.

7 июня 1918 года из своей среды Президиум Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов Рогожско-Симоновского района г. Москвы делегировал меня на Восточный

---

[1] Оскар Юрьевич Калнин (1895—1920 гг.), старый большевик, в 1918 г. был политическим комиссаром I армии.

[2] Печатается по рукописи 1919 г., присланной сыном О. Ю. Калнина Улдис Оскаровичем Калниным.

фронт. Тринадцатого числа я уже находился в поезде командующего Муравьева, действующего на чехословацком фронте. В том же поезде находился состав Военно-Революционного Совета фронта: тт. Кобозев, Благонравов и секретарь Миронов. Все чувствовали себя по-праздничному. За два дня до отправления поезда главком Муравьев дал распоряжение прицепить к составу поезда, как «верное средство победы», 2 вагона химических снарядов, что составляет весь артиллерийский парк фронта. Из числа всех от 60 до 70 сотрудников штаба, за исключением тов. Кобозева и Благонравова, было 4 коммуниста и 3 «левых» социалиста-революционера. Все остальные люди были «специалисты», которые были набраны главкомом Муравьевым.

После двухдневной езды мы прибыли на ст. Инза, где встретили первые войсковые эшелоны и бронированные автомобили.

От местных железнодорожных властей мы получили сведения, что город Сызрань как-будто оставлен нашими войсковыми частями и сдан чехословацким бандам. У станции Базарная встретили отступающий бронированный поезд под командой тов. Полупанова.

На следующей станции встретили массу в беспорядке бродящих красноармейцев, как конных, так и пеших.

На станцию Балашейку прибыли поздно ночью. Все пусто... Нет даже пьяных, которых мы так много встречали по пути. У пяти штабных вагонов командующего войсками Мясникова нет даже караула. Нам передали, что он поехал обратно на ст. Куваев Ключ (в 17 верстах от города Сызрани) произвести разведку и что он будет обратно лишь к утру.

Поражение у г. Сызрани и отступление до ст. Балашейки

По приезде нас из Москвы на ст. Балашейку в ту же ночь было решено главкомом Муравьевым наступление на Сызрань. С 16 июня началось обратное движение бегущих красноармейских эшелонов. Уже на следующее утро, 17 числа, когда мы вдвоем с членом Военно-Революционного Совета фронта тов. Кобозевым прибыли на место боя — в трех верстах от г. Сызрани, — то там

уже находились и полупановский бронированный поезд, финский и железнодорожный отряды, интернациональный полк, поезд с Курским броневым автомобильным отрядом и несколько легких и тяжелых орудий.

Цепь пехоты была расположена по обеим сторонам железнодорожной линии и тянулась версты на полторы, по каждой стороне железной дороги гремели по пушке, а с середины, с броневого поезда, по городу били 3 орудия. Первоначально из Сызрани нам совершенно не отвечали.

Под прикрытием артиллерийского огня наши малочисленные части пехоты двигались к городу. В это же время пулеметный и орудийный огонь противника начал усиливаться. Исход борьбы становился ясным. Нам не хватало пехоты. Я предложил главкому Муравьеву наступление не развивать, чтобы дать возможность прийти на помощь Латышскому стрелковому полку. На первое Муравьев не согласился, но только предложил мне отправиться навстречу упомянутому полку и способствовать его скорейшему прибытию. Я отправился немедленно в путь и в тот же вечер прибыл на ст. Безводовку. Дальше пропустить нас штаб Муравьева, который находился на ст. Балашейке, категорически отказался, несмотря на все мои увещевания. Я запрашивал по этому поводу начальника штаба тов. Оглоблина, но тот по телефону отвечал, что от главкома приказ о дальнейшей отправке полка не поступил и что мы должны ждать распоряжений. На следующее утро, не дождавшись распоряжений, я вместе с помощником командира полка тов. Лацисом отправился верхом в штаб на ст. Балашейку.

Было уже поздно. Там встретили только что прибывшего из-под Сызрани главкома Муравьева и разбитые войсковые части. Последний нервничал все время и ругал красноармейцев. Выяснилось, что наступление на г. Сызрань не удалось. Первая цепь, достигшая улицы города, была отбита перекрестным огнем. Вторая попытка Муравьева втянуть в город части интернационального полка, который состоял частично из китайцев, тоже кончилась поражением. Китайцы рвались вперед, но на первой же улице были окружены и убиты пулеметным огнем из застав противника. Исход боя был ясен уже с самого начала. Победы не могло быть за нами потому, что нам пришлось идти на укрепления и пулеметный огонь.

Формирование I армии

16 июня 1918 года можно считать официально днем начала существования I армии на Восточном фронте. В действительности были войска и до нашего приезда, но тогда действовала не армия, а так называемые отряды, из которых каждый отдельный действовал автономно на свой риск и страх.

После отъезда главкома Муравьева в Симбирск вся наличность штаба состояла из 5 лиц, которые остались под Сызранью и взялись за реорганизацию наших войсковых частей. По должностям они распределялись следующим образом: во главе штаба находился, как командующий, тов. Харченко, политическим комиссаром был я, начальником штаба — тов. Шиманис, казначеем — тов. Разумов, начальником снабжения — Штейнгауз (без всяких помощников и служащих). Все мы помещались в одном вагоне, который представлял собою как жилище, так и канцелярию штаба.

Вышеупомянутые пять лиц, которые представляли основу штаба I армии, приняли на себя командование 6-ю полками, 7-ю отрядами, 2-мя батареями и броневым поездом Полупанова. Штаб размещался на ст. Инза.

С печальным окончанием наступления на Сызрань и отъездом главкома Муравьева события не исчерпывались. Вслед за ним, с его разрешения, а также и без разрешения, поднялись некоторые отряды, как Брянский броневой автомобильный отряд и др., а также пехота, за некоторыми исключениями, и стали оставлять свои позиции. Когда стали препятствовать отъезду, поднялся ропот. На собраниях выносились резолюции, с помощью которых стали давить на командиров отрядов. Когда это не помогло, вынесли резолюцию о недоверии командному составу. Положение создалось серьезное. Части отказывались выполнять приказы, покидали железнодорожный узел Инза. Кроме того, на ст. Инза находился склад пироксилина весом около 300000 пудов, а около ст. Барыш уже обнаружена разведка противника (50 верст от ст. Инза).

Исход один — во что бы то ни стало Инза должна остаться за нами, так как в противном случае группа войск, наступающих на Самару со стороны Симбирска, будет отрезана. Я объехал все полки и отряды, начал их убе-

ждать и даже грозить, но положение не менялось. Все осыпали меня лишь страшной руганью и требовали отправления их в тыл. Положение спас Латышский стрелковый полк.

В основу создания I армии легла идея: крепкая военная дисциплина, ответственность командного состава, привлечение специалистов под строгим контролем коммунистов — политических комиссаров. Эту идею удалось выполнить, и наша армия в действительности мало-помалу стала принимать боевой вид и способность к победе. Везде и всюду на должности мы старались назначать коммунистов-специалистов, а если таковых не оказывалось, назначали расторопного коммуниста из рядовых.

С 18 июня наш штаб приступил к своей работе. Наша первая работа состояла в том, чтобы из красноармейцев создать силу, способную защищаться и остановить наступающих белогвардейцев. Все отряды, которые были настроены анархически, мы выделили, расформировали по частям более или менее стойким. На фронте у нас оказалось 10000 человек, но способных самоотверженно сражаться против врага было всего около трех тысяч. Остальные размещались по разным хозяйственным частям, которые, попадая на боевые линии, разбегались тотчас же при первом выстреле. Снабжение у нас было самое жалкое. Не было повозок, лошадей, запасных частей для пулеметов, орудий, не было соответствующего командного состава ни для полков, ни для рот, ни для взводов. Не хватало орудий, не было командиров батарей, даже наводчиков для них. Не было у нас также инструкторов по орудиям.

Как боевая единица считался у нас отряд, который состоял из 700—1000 красноармейцев. Во главе каждого отряда стояли начальник и его один или два помощника. Кроме упомянутых, ровным счетом никакого другого командного состава не имелось.

Даже в отрядах, в которых были организованы ячейки коммунистов, обстояло дело не лучше. Все начальники отрядов были выборные, большинство из них люди, которые даже не прошли военную службу, а потому о руководстве в боях не имели никакого представления и соответствующих понятий о военном деле. Требовались всесторонние меры также и от высшего командования, но оно хромало и было не на своем месте. Не хватало

умелого и твердого руководства. В конце июня я добился смещения нашего командира тов. Харченко. С вновь прибывшим командиром Тухачевским вся картина начала меняться. Мы начали жестокую борьбу за порядок в армии. Первым долгом поставили на должную высоту командный состав и революционную дисциплину, привлекли специалистов под строгим контролем политических комиссаров.

Второе неудачное наступление на г. Сызрань

Как ни трудно и с какими усилиями ни шло формирование I армии, но уже к половине июля нам с неокрепшими силами пришлось идти в наступление одной частью на г. Сызрань, а другой—на Ставрополь и Самару. При наступлении на Сызрань и Самару главкомом Муравьевым применялась своеобразная система. Сидя в Казани, он лично управлял каждой отдельной группой и отрядом, командовал и приказывал отдельным полкам и отрядам, даже не сообщая об этом штабу армии. И все такие распоряжения отдавались по железнодорожному проводу Казань—Симбирск. Эти распоряжения читались на телеграфе почти на каждой станции. Для наступления на Самару он применял несколько мелких групп, у которых между собой не имелось никакой связи. Они должны были следовать по разным направлениям. Следствием этого было то, что ни одна из групп не являлась организованной боевой силой. Из-за неимения связи они разбивались противником поодиночке, а также очень легко окружались и уничтожались целиком, т. к. помощи ждать было неоткуда, ибо они не знали, где находятся другие соседние отряды. Но после разоблачения Муравьева цель такого распоряжения стала ясна для всех.

10 июля 1918 года нашими частями была занята Сызрань. Это была первая победа I армии, и создалась возможность наступать уже более широким фронтом, нежели в июне. Наша цепь тогда растянулась на протяжении 30 верст. Но и это не помогло. В войсках не хватало еще дисциплины. После занятия гор. Сызрани всюду начались прежние пьянства. Командный состав из-за недостатка политических сотрудников еще не был в силах держать эту анархически настроенную массу в своих руках. Солдаты поодиночке и тайком покидали свои пос-

ны и перебирались в город. На следующий день нам стало ясно, что удержаться в городе не можем, тем более, что из-за недостатка людей нам не удалось развернуть цепь на необходимую длину. После обсуждения создавшегося положения начальник Инзенской дивизии дал приказ частям пойти немедленно в атаку и сбить противника с горы у ст. Батраки и тем лишить его возможности обстреливать город.

Наше намерение совершенно разрушилось внезапным приказом Муравьева немедленно отправить в Симбирск интернациональный полк. Мы пытались оспаривать, но вместо ответа получили категорическое подтверждение первого приказа. Пришлось исполнять, снять с позиции полк и наступать совершенно жидкой цепью, чтобы сбить противника с Батракской горы. Но это не удалось. В то время, когда наши собирали все силы для атаки укрепленного пункта, противник сделал 25-верстный обход и очутился у деревни Заборовки, где стал из пушек обстреливать нас с тыла. Расчет его был правильный: части, недостаточно дисциплинированные, находясь так близко к городу, не устояли. После нескольких выстрелов противника с боку наши отряды в панике стали отступать.

Авантюра Муравьева

В 2 часа ночи 12 июля (вероятно, в ночь с 10 на 11 июля.—**Ред.**), находясь на ст. Кузоватово и руководя отступлением от г. Сызрани, я был вызван к телефону в штаб армии. Передают полученную телеграмму приблизительно следующего содержания: «Всем войскам Сибири, всем чехословацким войскам Уфа—Владивосток. Война с Германией началась. Объявляю перемирие на всем Восточном фронте. Предлагаю всем чехословацким корпусам вернуться к Волге и идти вместе с нами против Германии» и т. д. Подписал главком Муравьев. В то же время штаб армии сообщил, что командарм Тухачёвский поехал в г. Симбирск и что оттуда получена телеграмма главкома Муравьева с приказанием всему штабу немедленно отправиться в Симбирск.

Заведующий политическим отделом тов. Мазо спрашивает, что делать. Во время разговора телеграф сообщает, что меня требуют для переговоров с Казанью. Нас соединяют. Я слушаю. Говорит член Революционного

Совета тов. Кобозев и сообщает, что главком Муравьев из ставки сбежал в Симбирск и при помощи вооруженной силы разогнал Симбирский Совет, поднял мятеж и намерен вместе с чехословаками двинуться против Германии. Дальше сообщает, что Реввоенсовет фронта объявляет Муравьева вне закона, что необходимо во что бы то ни стало остерегаться такого шага сумасшедшего и немедленно принять меры к обороне Симбирска. Разговор кончается словами: «Военно-Революционный Совет Восточного фронта предписывает Вам принять командование I армией и приступить немедленно к скорейшей ликвидации авантюры Муравьева».

Была трудная минута. Первая половина I армии под натиском превосходящих сил неприятеля бежит по двум направлениям на Пензу и на ст. Инза. Необходимо восстановить фронт и остановить части. Другая часть армии находилась за Волгой и по случаю симбирской авантюры Муравьева оказывается совершенно отрезанной от штаба армии. Известно ли им о случившемся? Может быть, часть войск идет вместе с Муравьевым? Вот вопрос, нас волновавший в данный момент.

На следующий день мною было тайно послано несколько надежных товарищей в г. Симбирск с предписанием отыскать Муравьева и тайно расстрелять, другое — связаться с войсками, которые находятся за Симбирском, у Мелекесса. Были приняты также все меры к скорейшему восстановлению фронта и выдвижению резервов, назначение которых теперь было — двинуться против Симбирска. Со ст. Рузаевка тов. Кобозев дает указание и призывает разобрать железную дорогу. Но это сделать не пришлось.

Вернувшиеся из Симбирска товарищи доложили, что четыре дня тому назад в Симбирск прибыл в сопровождении войск главком Муравьев, который арестовал командарма Тухачевского, приказал занять телеграф, разогнал Совдеп и арестовал нескольких членов исполкома. Потом он занял штаб Симбирской группы войск, устроил митинг и сообщил им от имени Реввоенсовета Восточного фронта, что заключено перемирие с чехословаками и белогвардейскими войсками и объявлена война Германии, на которую будут направлены совместные силы земли русской. Кроме того, дал понять, что в Москве как будто произошел переворот и что Советское пра-

вительство приняло другой курс. Президиум Совдепа к этому времени сумел выпустить и распространить воззвание к войскам, раскрывающее цели и контрреволюционные намерения Муравьева. На заседании Совдепа Муравьев был убит. Этим была закончена авантюра и карьера предателя Муравьева.

Гроза прошла, и мы свободно вздохнули, радуясь такому концу. После Муравьева командование фронтом на время принял наш командарм Тухачевский. Но скоро был назначен командфронтом тов. Вацетис. Не успело новое командование даже познакомиться с фронтом, как последовало падение Симбирска. Хотя Муравьев и был убит, но его «работа» оставила свои последствия. Акт измены Муравьева не мог не отразиться на настроении войск. По случаю маленькой неудачи у г. Бугульмы войска стали в панике отступать до самого города, но и здесь долго не удержались. Везде и всюду красноармейцы видели измену и предательство. Ни в одну атаку не шли с уверенностью. Бежали при первой встрече с противником. Так покинули г. Бугульму и остановились у г. Мелекесса. Другая группа красноармейцев, которая наступала от Мелекесса на Самару, с отступлением войск от Бугульмы тоже откатилась назад. Не помогли никакие новые силы, не помог и весь армейский резерв, высланный из Симбирска. В то время, когда наши войска концентрировались по ту сторону Волги, противник, после падения Сызрани, выслал на этом берегу Волги отряд и артиллерию через с. Тереньгу и направил свои действия на наш тыл. Противник неожиданно от ст. Охотничья и Киндяковка стал стрелять по городу, и снова повторилась сызранская история. Под крики «нас обошли», «нас продали» 21 июля наши части стали в панике бежать. Отступающие войска от Мелекесса и Симбирска рассыпались как горох в траве — одна часть поместилась на пароходах, другая часть бросилась на сторону Казани пешком. Только часть наших войск, находящихся под Новодевичьем у г. Сенгилея под командой тов. Гая, не растерялась. По дороге, по которой пять дней тому назад прошел противник, двинувшийся на Охотничью и Киндяковку, эта часть прошла вслед за ним через село Ташлу на ст. Майна и расположилась фронтом к Симбирску. Эта красноармейская часть, как боевая единица, оказалась способной обороняться. Но

только обороняться. Прошедшие за четверо суток около ста верст красноармейцы не могли наступать, несмотря на настойчивый приказ главкома Вацетиса.

27 июля я прибыл в Казань с докладом в Военревсовет Восточного фронта. Поехал с намерением изложить все положение армии, разъяснить наши недостатки, обвинить тыл и военные комиссариаты в саботаже, что у нас всего не хватает, что, несмотря на все обещания, штаб фронта сам ничего не дает. Возвращался я оттуда ни с чем. Из разговора с должностными лицами фронта мне стало ясно, что ожидать для армии откуда-то пополнений безнадежно.

С этого начался второй период развития армии. Первый период во главе с главкомом Муравьевым и Харченко был неудачным и привел нас к поражению. Как сдача Сызрани, Самары и Симбирска, а также впоследствии потеря Казани были результатом измены Муравьева.

У нас не было соответствующего командного состава, не было штабной организации. Тогда объявили самопроизвольно мобилизацию офицеров в г. Симбирске и Пензе. Результаты превзошли наши ожидания. Мы получили много инженеров, артиллеристов и пеших офицеров, многие из которых и по сей час честно исполняют свой долг перед Советской Россией и рабочей властью.

Не хватало у нас также пушек. Обратились с телеграммами во все ближайшие военные комиссариаты, но оттуда ответили, что без разрешения Центрального Артиллерийского управления таковых они дать не могут. Послали немедленно телеграмму туда. Через неделю ответили, что старый Центральный отдел снабжения разрушен, а новый еще не создан, а посему они не могут дать ни пушек, ни офицеров, ни командного и обслуживающего состава. Посоветовали нам обратиться в областной военный комиссариат. Все тянется, путается со дня на день. Точно так же не было повозок и лошадей.

Армию надо создать во что бы то ни стало. Рассылаем уполномоченных из прибывших товарищей политических сотрудников, выбираем уполномоченных и посылаем их по всем ближайшим уездным и губернским городам с чрезвычайными полномочиями отыскивать военные запасы и забирать их от местных комиссариатов. По разным уездным городам Симбирской и Пензенской губерний нашлась масса всякого добра. В наше распоряжение по-

или пушки, винтовки, повозки, снаряды, а также целые склады обмундирования.

Наша армия расшевелилась, ожила и начала расти. Удалось поставить на должную высоту и наладить работу отдела заготовок и снабжение продовольствием наши войсковые части. Работа шла вовсю.

Из разрозненных войсковых частей формировались строго разграниченные полки. Вместо выборных начальников назначали командиров полков из мобилизованных офицеров. Разграничили права и обязанности и ввели строгую ответственность красноармейцев и командного состава перед командованием армии.

Из отдельных пушек, разбросанных по полкам, создали артиллерийские дивизионы. Рядом при каждом мобилизованном командире, занимающем ответственный военный пост, поставили члена нашей партии с чрезвычайными правами, вплоть до ареста самого командира, под названием комиссара дивизии, полка, роты и т. д. Учредили военно-революционный полевой трибунал. Начали разбирать дела о нарушениях революционной дисциплины, о грабежах, пьянстве, дезертирстве и т. д. Так велась борьба ожесточенная за уничтожение в армии анархии. Много неприятностей и упреков пришлось слушать от несознательных красноармейцев. Были моменты, когда от нас, политических сотрудников, при помощи угроз пытались требовать выдачи грабителей и пьяниц, а также признания Реввоенсоветом выборного командира полка и т. д. Много также пришлось слышать упреков со стороны военных комиссаров, так называемой «власти на местах», за самовольное присвоение военного имущества и самовольную мобилизацию офицеров, военных специалистов, саперов, артиллеристов, кавалеристов по Симбирской и Пензенской губерниям. По поводу мобилизации в Пензе в левоэсеровской газете была помещена целая передовица, в которой упрекали советских руководителей и особенно политических руководителей Реввоенсовета I армии. Насколько мы руководствовались твердым намерением создания I армии, настолько же строги и необычны были и наши мероприятия. Пусть судит нас за то сознание коммуниста и история будущего, но мы поступать иначе при существовавших обстоятельствах не могли и не умели.

Неудачное наступление на город Симбирск

8 августа собрались атаковать г. Симбирск. Нам на помощь была прислана Курская бригада под командованием тов. Азарха. Положение в то время под Симбирском у нас было неважное. Из Симбирской группы войск осталась лишь одна бригада, остальные части рассеялись и были разбиты по разным дорогам по пути в г. Казань. К 3 час. ночи начальник штаба тов. Захаров звонит мне по телефону и сообщает, что прибыл один эшелон и еще прибудут три, и просит придти в штаб армии. Там мне представляют тов. Азарха как командира только что прибывшей Курской бригады. Первые слова, направленные ко мне тов. Азархом, были: «Вот я прибыл с тремя полками. Дайте мне самостоятельный боевой участок». Смотрю, передо мной стоит действительно бодрая воинская фигура, человек молодой, лет 22-х, стройный, невысокого роста, с энергичным выражением лица. На следующий день получаем приказ от штаба фронта — один из трех прибывших полков бригады отправить немедленно по направлению г. Казани, а других два направить к Симбирску. После долгого упорства со стороны Азарха, которому не хотелось расставаться с полком, приказ был приведен в исполнение.

13 августа 1918 года оба полка вместе с четырьмя другими уже наступают на г. Симбирск. Но этот день был днем несчастья. На левом фланге боевого участка, на котором находился тов. Азарх, неприятелю удалось прорвать фронт. Молодой командный состав, привыкший командовать «церемониальным маршем», позабыл выслать заблаговременно разведку, а также прочно связаться с соседними частями. Неожиданно столкнувшись с противником у села Отрады, один из полков был рассеян и принужден отступать. Другому полку было приказано двигаться левее первого. Но тот, выгрузившись из вагонов и отойдя верст 5 за ст. Охотничья, остановился в лесу, попал в такую же историю. Офицерский батальон противника, подойдя на самое близкое расстояние, открыл по нашему бивуаку артиллерийскую стрельбу, обращая его в бегство по направлению к ст. Охотничья, откуда они в эшелонах и пешком собирались отступать. Положение спасла настойчивость командира Симбирской Железной дивизии тов. Гая, который во главе кучки храбрецов

пошел в контратаку и отбил противника от ст. Охотничья.

Командарм Тухачевский и я находились на правом фланге фронта в 18-ти верстах от ст. Охотничья, на берегу Волги. Получив сообщение, что дела на левом фланге плохи, мы немедленно поехали туда. Прибыв вечером на ст. Охотничья, мы встречаем в беспорядке бродящих стрелков бригады Азарха. Мы не узнаем его полков, которых видели так превосходно марширующими на ст. Инза за два дня перед их отправлением на фронт. Теперь все смешалось в нестройную бегущую массу: нет командира, нет больше солдат, а есть масса, состоящая из простых обывателей. Царит полный хаос.

В ту ночь вместе с Азархом был выработан план, по которому он должен снова собрать свою бригаду и занять боевую линию у дер. Выры. Но это не удалось, и на следующий день бригада не выдержала боя и вместе с ней должны были отступить и другие полки, наступавшие на Симбирск. В этом бою пал также командир бригады Азарх. Левый фланг был вынужден отступить на 30 верст, вследствие чего пришлось отступать и правому флангу, чтобы не быть отрезанному.

Первая попытка овладеть г. Симбирском окончилась неудачей. План наступления разрушила Курская бригада. В параде блестящие, полки в бою оказались негодными, т. е. невыдержанными. Причина поражения скрывалась в недостаточной боевой подготовке, недостаточной организации разведки и связи. 20 августа в Курской бригаде насчитывалось всего 1200 штыков. Часть разбежалась, а другая часть легла костьми на поле брани. К этому несчастью прибавилась еще потеря броневого поезда № 5, который нам пришлось взорвать, так как одновременно с отступлением Курской бригады противником был подожжен железнодорожный мост западнее ст. Охотничья. Эта неудача оставила как у нас самих, так и у рядовых красноармейцев очень тяжелое впечатление, тем более, что мы сами располагали на взгляд такими хорошими превосходными силами и были уверены в полной победе. Но присутствие духа и надежды мы не потеряли и принялись снова за работу, напрягая все наши силы, способности и знания.

Взятие города Симбирска

Через три недели, т. е. к 8 сентября, мы снова собрали силы, снимая таковые с других направлений, чтобы пойти в наступление и занять Симбирск. Это было рискованно, но другого выхода не было. Пришлось оголить один фронт, чтобы победить на другом. Наша цепь находилась тогда в 60 верстах от города. Линия тянулась длиною около 90 верст. 8 сентября 1918 года начинаем планомерно двигаться вперед. К утру 10 сентября мы стояли уже в 30 верстах от города.

С самого утра до позднего вечера гремели орудия. Завязывались серьезные бои у д. Вырыпаевки. Рота 1-го Симбирского полка бросилась в штыковую атаку, выбила оттуда белогвардейский офицерский батальон и взяла трех офицеров в плен. Весь день 10 сентября пришлось выдержать жестокий бой. К вечеру начали приостанавливать свои действия один за другим неприятельские орудия и, в конце концов, совершенно утихли. Наша цепь, которая теперь окружала город полукругом, сократилась до 50 верст и все теснее сжимала неприятеля своим железным кольцом, подходя все ближе и ближе к городу.

День 12 сентября был днем штурма. Утром противник вывез из города свои орудия и переправил через Волгу. Они стреляли только винтовочным резким залпом. К 12 часам дня посреди цепи на автомобиле, который сопровождал взвод кавалерии, мы с начальником Симбирской дивизии тов. Гаем въехали в Симбирск. Везде из углов раздавались выстрелы. Возле городского сада по нас открыли оружейный огонь. Мы ответили захваченным с собою ручным пулеметом, завязался уличный бой. Но он был скоро ликвидирован. Несколько продолжительней тянулась перестрелка у железнодорожного моста через Волгу. На мосту стоял бронированный поезд противника, который стал в свою очередь обстреливать город. Но город был уже нашим. Трогательной картиной дня было освобождение из губернской тюрьмы красногвардейцев и сторонников Советской власти. Мы освободили в этот день около полутора тысяч наших людей. Нас окружала толпа освобожденных, оборванных, грязных и бледных товарищей, которые целова-

ли нас, плакали от радости и кричали, прорезывая воздух громкими криками радости о победе и «ура».

Начальник дивизии тов. Гай, окруженный товарищами, произносит речь. Он по национальности армянин. Говорит хорошо по-русски, но от возбуждения и наплыва чувств начинает путаться, размахивать руками и большинство слов произносит на своем родном языке... Но мы все слушали и отлично понимали друг друга... Это для нашей армии был первый шаг радости после поражений.

Следующий день был опять днем усиленных и трудных боев. Нам необходимо было прогнать противника на почтенную дистанцию, откуда бы он не мог продолжать орудийный обстрел города. Удалось. Наши войска перешли реку Волгу и прогнали противника, но не надолго. Через пять дней вынуждены были вернуться обратно к мосту.

21—22 сентября противник тесным кольцом стал двигаться на мост, но был отбит. Особенно геройский подвиг совершила рота Интернационального полка, которая состояла из венгерцев и австрийцев. Ей было поручено охранять мост, и она блестяще выполнила свою задачу. Несмотря на сильный пулеметный огонь наступающих белогвардейцев, наши интернационалисты двигались вперед и в штыковой атаке отбросили противника. На следующее утро из роты в 130 человек не хватало 29 героев, из них 17 были убиты, а остальные ранены. Три дня г. Симбирск подвергался артиллерийскому огню. В городе рвались снаряды противника, стоящего на той стороне Волги. Из города мы отвечали пушками, кидающими снаряды по противнику. Все части отступили на этот берег. К счастью, прибыли силы с пароходами из Казани, которые высадили десанты верстах в 30 южнее города и грозили обойти противника и тем принудили его отойти. Вскоре был взят город Буинск и Сенгилей. После взятия Симбирска нам стала улыбаться богиня Победы. Больше упорства и героизма пришлось применять в боях уже под Сызранью и Хвалынском.

Взятие Сызрани

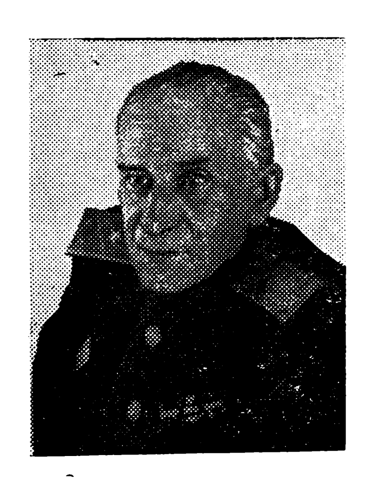
29 сентября 1918 года мы снова, уже третий раз, охватили кольцом г. Сызрань. Наступление на Сызрань и поражение противника произошло для него совершенно

неожиданно. Мы напали на него с тыла. После занятия Симбирска были отделены несколько полков, которым пришлось сделать пешком около 200 верст, наступая в тыл противника. Противник укрепился и ждал наши главные силы со стороны Инзы и Пензы. По этому направлению они укрепились, вырывая глубокие окопы и строя проволочные заграждения, тянувшиеся на десятки верст. Но никто из нас не бросился атаковать их, а только последние дни тревожили их непрерывным орудийным огнем, показывая вид, что серьезно подготовляемся наступать. В это время подкрадывались к ним полки, идущие от г. Симбирска, и отрезали путь к отступлению у Александровского моста через Волгу. Больше одного полка чехословаков и белогвардейцев бросились в рыбачьи лодки, а также прямо вплавь, чтобы не попасть в плен. От страха быстрого преследования они пытались загородить мост и пустили по нему товарный поезд, который сошел с рельсов, а за ним отдельный паровоз, вызывая таким образом крушение и заграждая мост горами разбитых вагонов. Но этого им показалось еще мало. Вечером при помощи пироксилиновых шашек они взорвали устой моста и провалили в воду две фермы. По всему мосту валялись трупы убитых людей и лошадей. Тут же три вагона снарядов, которые были загнаны на мост для усиления взрыва, но как-то случайно уцелели.

Все это задержать наше наступление не могло. 7 октября мы уже находились в Самаре.

Н. И. КОРИЦКИЙ[1]

СОЗДАНИЕ I АРМИИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ СИМБИРСКА

Возникновение Восточного фронта застало меня в Пензе, где я с 1 декабря 1917 года работал сначала в Центральном штабе Красной Гвардии военным инструктором, а затем в Пензенском губвоенкомате заведующим инструкторским отделом. В функции инструкторского отдела входил подбор «красных инструкторов», как тогда называли командный состав Красной Армии, и организация их боевой подготовки.

Военруком был тов. Соловьев — бывший унтер-офицер, фронтовик, служивший в старой армии в лейб-гвардии Волынском полку. Это был большевик-ленинец, храбрый и опытный боевой русский солдат.

Политически обеспечивая все проводившиеся военные мероприятия, тов. Соловьев очень тактично и систематически приобщал и меня, «военспеца», бывшего «аполитичного» кадрового офицера, к политике, приучая к тому, чтобы, проводя в жизнь то или иное специально военное мероприятие, я всегда учитывал, как он говорил, «политический момент».

Но долго работать в мирной обстановке над созданием командных кадров молодой, только что становившейся на ноги Красной Армии нам не пришлось.

---

[1] Николай Иванович Корицкий, член КПСС с 1919 г., бывший начальник штаба I армии, ныне генерал-майор в отставке, проживает в г. Москве.

Наша работа по организации Красной Армии была прервана событием, которое вошло в историю под названием мятежа чехословацкого корпуса.

Восстание чехословацкого корпуса было спровоцировано англо-французскими империалистами. Этот корпус был сформирован в России незадолго до конца первой мировой войны и предназначался для действий на Юго-Западном фронте против австрийцев, под капиталистическим гнетом которых находилась тогда Чехословакия, входившая в состав «лоскутной» Австро-Венгерской империи.

После заключения Брестского мира был издан приказ по корпусу, в котором говорилось, что в связи с тем, что Советская власть заключила мир с Германией, пребывание корпуса в России стало бесцельным и корпус, по договоренности с французским правительством, перебрасывается на франко-германский фронт. В то же время русские контрреволюционные офицеры, находившиеся в частях чехословацкого корпуса, начали бешеную антисоветскую, антибольшевистскую агитацию среди солдат. Белогвардейцы стали распространять слух среди солдат, что будто бы большевики договорились о передаче их немцам для расправы как с изменниками. Всяческими клеветническими вымыслами они старались настроить чехословаков против большевиков, против Советской власти. Чехословацкий корпус стал опасной контрреволюционной силой внутри молодой Советской Республики.

В силу этого Советское правительство дало свое согласие на выезд чехословацкого корпуса из России во Францию. При этом, поскольку корпус при сформировании получил русское вооружение, было предложено чехословакам сдать все оружие и боеприпасы, оставив на каждый эшелон для несения караульной службы по 120 винтовок и по одному пулемету. Кроме того, так как в это время под Мурманском стали концентрироваться англо-американские интервенты, корпусу был дан маршрут не на Мурманск, а на Владивосток. Погрузившись в эшелоны, части корпуса растянулись к маю месяцу по линиям железных дорог от Тамбова до Владивостока и составили четыре мощные группы. Пензенская группа занимала Тамбов, Ртищево, Сердобск, Пензу, челябинская — Златоуст, Челябинск, сибирская — Курган, Иркутск, и, наконец, владивостокская — Иркутск—Чита.

Пензенская группа чехословацкого корпуса создавала непосредственную угрозу всему Поволжью и была ближайшей на путях к центру Советской Республики — Москве. В состав этой группы под командованием чешского капитана Чечека входили: 1-й стрелковый «Яна Гуса» полк, 4-й стрелковый полк, 1-й запасной полк, 1-я артиллерийская бригада и технические части. Численность всей группы достигала 8000 человек, из которых главные силы, до 5000 человек, стояли в эшелонах на ст. Пенза, остальные же в авангарде на ст. Кузнецк и в арьергарде на станциях Ртищево и Сердобск. Вооруженное восстание пензенской группы чехословацкого корпуса и положило начало возникновению Восточного фронта.

20 мая 1918 года последовал приказ Реввоенсовета Республики о немедленном разоружении частей чехословацкого корпуса. Но пензенский гарнизон был очень малочисленен (всего условно боеспособных около 1600 человек). Пензенский губком большевиков и исполком во избежание вооруженного столкновения начали переговоры с дивизионным комитетом, в состав которого входили антисоветски настроенные чешские офицеры и унтер-офицеры. 27 мая на ст. Пенза был созван митинг. Разоружаться чехословаки все же отказались.

На рассвете 28 мая наша застава у Татарского моста через Суру была обстреляна чехословаками и в свою очередь открыла огонь. Этого было достаточно, чтобы по всему городу начали раздаваться отдельные выстрелы. Командиры отрядов не могли взять в свои руки дисциплину огня. Не обходилось и без провокационных выстрелов из окон со стороны местных контрреволюционеров, рассчитывавших при помощи чехов свергнуть в Пензе Советскую власть. Наш оперативный штаб, не имея технических средств связи, не мог должным образом руководить отрядами.

Белочехи перехватили направлявшиеся нам на помощь два бронеавтомобиля, погруженные на платформы. Команда, сопровождавшая бронеавтомобили, была разоружена и заменена чехословацкой, броневики же сгружены и направлены на город. Перед подходившим к Пензе нашим бронепоездом чехословаки разобрали путь, и он, оставаясь в бездействии, не мог оказать нам помощи. Только направленному из Симбирска красному интерна-

циональному отряду удалось прорваться в город, и он сразу же вступил в бой с чехословаками.

Во всех концах города завязались уличные бои наших отрядов с чехословаками. Бои продолжались 29 и до полудня 30. Красногвардейцы, усиленные пензенскими большевиками, сражались геройски. Особенно упорно держались отряды, сгруппировавшиеся в районе парка Белинского и в районе Поповской горы. Эти отряды были объединены под командой тов. Соловьева. Отбив несколько атак чехословаков и убедившись, что губисполком уже эвакуирован, тов. Соловьев отвел отряд, численностью до 100—150 человек, в направлении на Рузаевку. По распоряжению губисполкома и губвоенкома Островского вечером 29 мая штаб наш прекратил работу.

В 14 часов 30 мая мы вынуждены были эвакуироваться из Пензы. Пензенская буржуазия ликовала.

Но Пенза по планам интервентов не считалась важным для них стратегическим пунктом. Таковыми для них являлись Сызрань и Самара на Волге.

31 мая — 1 июня чехословацкие эшелоны покинули Пензу. В Пензе восстановилась Советская власть.

Восстание белочехов в Пензе послужило сигналом к активной деятельности всех контрреволюционных сил.

С уходом чехословаков из Пензы и с возвращением в нее органов Советской власти я вернулся к работе в губвоенкомате и вскоре был командирован в Москву делегатом на I съезд по всеобщему обучению. Выступая на съезде, я доложил о пензенских событиях и о тех недостатках, которые были вскрыты в области боевой подготовки и организации наших частей. На съезде я имел возможность ознакомиться с теми принципиальными установками, которые были приняты ЦК партии в отношении строительства вооруженных сил Советской Республики.

Вернувшись из Москвы, я обратился к командиру Тухачевскому с просьбой о назначении меня в действующую армию. Просьба моя, поддерживаемая губвоенкоматом и некоторыми членами партии, была удовлетворена. Я получил назначение на должность начальника штаба Симбирской группы войск. Однако вступить в эту должность мне не пришлось.

Рано утром 22 июля с поездом командарма, в котором

ехали и все мобилизованные в Пензе офицеры, я прибыл на ст. Инза, где в вагонах располагался штаб армии. К этому времени он уже был почти развернут, причем в основу его организации была положена структура, ранее принятая в русской армии.

В момент нашего прибытия на Инзу среди командиров штаба царило уныние. Большинство их были мобилизованы в Симбирске, и семьи многих из них остались там. Между тем, уже с вечера 21-го штарм потерял связь как с Симбирской группой, так и с Сенгилеевской. Полученные от частных граждан, прибывших каким-то образом из Симбирска, сведения были очень мрачными. Рассказывалось о расправах белогвардейцев над советскими работниками и их семьями, об арестах и т. п. Среди распространителей этих слухов были и агенты контрреволюции, старавшиеся посеять панику в войсках I армии. Несколько таких негодяев были схвачены особым отделом. Участь Симбирской группы была неизвестна. Мое назначение начальником штаба группы само собой отпадало, и я был назначен начальником полевого управления армии.

Но на этой должности мне пришлось быть несколько дней. Бывший начальник штаба I армии И. Н. Захаров, страдавший туберкулезом, а также малярией, был эвакуирован в Москву на длительное лечение и освобожден с этого поста. 25 июля я вступил в исполнение его обязанностей и вскоре приказом Реввоенсовета фронта утвержден начальником штаба I революционной армии, пробыв на этом посту до окончательного освобождения Средней Волги от белогвардейцев. С большим внутренним волнением вступил я на столь высокий пост. Строевой офицер в прошлом, я только в общих чертах представлял себе работу такого крупного штаба, как штаб армии. Вместе с тем я испытывал и большую радость, что мне оказано в Красной Армии такое высокое доверие, главным образом, доверие политическое.

Через 40 лет я с большой благодарностью вспоминаю ту поддержку и помощь, которые я имел, в первую очередь, со стороны политических комиссаров армии В. В. Куйбышева и О. Ю. Калнина, являвшихся для меня не только руководителями, но и еще больше — политическими, партийными воспитателями. Первоочередной задачей, стоявшей тогда перед нами, было проведение

мобилизации, что в прифронтовой полосе возлагалось на штабы армий.

Когда был получен приказ о том, что в прифронтовой полосе должна быть проведена мобилизация в порядке военной службы, мы, работники штарма, встали в тупик. Призыву по мобилизации подлежал в основном тот контингент, который только что был демобилизован и вернулся с русско-германского фронта к себе домой, в деревни. Использовав статистические данные бывших управлений воинских начальников и призывных комиссий, штармом I было составлено так называемое мобилизационное расписание с многочисленными графами, расчетами, схема пунктов сборов мобилизованных и т. д. На бумаге все это получилось очень гладко. Но когда при моем докладе В. В. Куйбышев задал мне вопрос: уверен ли я, что все так и будет исполнено, как мы предполагаем на бумаге, я ничего не мог ответить и посмотрел на него с недоумением. Мне казалось, что сделано было все, что требовалось, и по объявлении приказа по волостям, как прежде, мобилизованные начнут стекаться к указанным пунктам сбора. В. В. Куйбышев своим вопросом заставил меня задуматься. В самом деле: можно ли было быть уверенным в том, что солдат-крестьянин, только что вернувшийся с фронта, на котором он «втыкал штык в землю» и кричал «Долой войну», вновь возьмется за винтовку и пойдет воевать, оставив семью, землю и хату, по которым истосковался за 4 года империалистической войны.

Именно тогда, при мобилизации, со всей силой выявилась роль нового, никогда ни в какой ранее армии не существовавшего органа — политического отдела. Более 100 политработников-коммунистов, собранных В. В. Куйбышевым, были направлены в деревни в качестве агитаторов-пропагандистов. На них была возложена задача не только агитировать за явку по мобилизации призывников, но и проводить более широкую политическую работу среди населения. Они должны были укреплять советские органы в деревне, помогать местным партийным организациям наладить обеспечение и оказание помощи семьям мобилизованных в армию и т. д. И их работа, их помощь дала блестящие результаты. Мобилизация превзошла все наши ожидания.

Конечно, не везде она проходила гладко. Были слу-

чаи, когда в волостях, где еще мутил воду кулак, мобилизация встречалась протестом, иногда принимавшим бурный характер. Контрреволюционная агентура пользовалась такими случаями для провокации вооруженных столкновений. Но стоило только прижать кулаков и выловить вражескую агентуру, как все входило в нормальное русло.

В результате проведенной в прифронтовой полосе на участке I революционной армии (главным образом на территории Симбирской губернии) мобилизации, армия получила возможность укомплектовать свои части. К 1 августа общая численность армии достигала примерно 9.000 бойцов, не считая вновь формировавшиеся части.

В центре нашего внимания было внедрение в армии принципов регулярного ее устройства и изжитие кустарничества. В этом отношении I революционная армия Восточного фронта шла впереди остальных армий.

Отошедшие в район Кузнецка из-под Сызрани отряды и отдельные красноармейские части и сведенные здесь в группы послужили основанием для формирования Пензенской пехотной дивизии со штабом в Кузнецке. Начальником этой дивизии был назначен, мобилизованный в Пензе, бывший офицер Воздвиженский. Комплектование дивизии производилось Пензенским губвоенкоматом. Отошедшие из-под Сызрани в район ст. Базарной отряды явились основой для формирования Инзенской пехотной дивизии. Начальником этой дивизии был назначен старый большевик тов. Лацис Я. Я. Наконец, из отрядов, отошедших из Сенгилея и сосредоточившихся в районе ст. Майна, была сформирована Симбирская железная дивизия. Начальником ее был назначен тов. Гай Г. Д. Впоследствии, в октябре 1918 г., эти основные дивизии при введении общей нумерации частей и соединений в Красной Армии получили названия 20-я Пензенская, 15-я Инзенская и 24-я Симбирская Железная. Под этими номерами дивизии провели всю гражданскую войну до ее окончания.

Таким образом, основным хребтом дивизий I революционной армии явились рабочие красногвардейские отряды и отряды, возникавшие на местах в процессе борьбы с контрреволюцией. При имевшихся в этих отрядах недостатках с точки зрения боевой подготовки они были глубоко революционными. Среди красноармейцев,

сражавшихся на Волге против белогвардейцев, немало можно было встретить рабочих из Питера и Москвы, среди них были и штурмовавшие в Октябрьские дни Зимний дворец и Кремль, были и участники баррикадных боев 1905 года, дружинники Красной Пресни. Это были подлинные солдаты Пролетарской Революции.

Захват интервентами и белогвардейцами Симбирска 22 июля 1918 г. поставил I революционную армию в рискованное и критическое положение: левый фланг армии был совершенно открыт. Перед штабом I армии стояла задача: немедля организовать разведку на Симбирском направлении, установить связь с частями Симбирской и Сенгилеевской групп и прикрыть левый фланг армии от возможного удара противника со стороны Симбирска. Никаких резервов для выполнения этих задач в распоряжении командования армии не имелось. Предстояло ограничиться имеющимися силами, которые находились в непосредственном боевом соприкосновении с противником на пензенском и инзенском направлениях.

Для выполнения этой задачи командарм Тухачевский приказал образовать сильный армейский разведывательный отряд, возложив командование им на тов. Толстого. Начальнику Инзенской дивизии тов. Лацису было приказано погрузить 4-й стрелковый Латышский и 6-й пехотный Мценский полки, придать им батарею и направить в распоряжение Толстого на ст. Чуфарово. К вечеру 23 июля 4-й Латышский и 6-й Мценский полки подошли к ст. Чуфарово и приступили к разгрузке. Это был первый случай отказа от тактики «эшелонной войны» и перехода к свободному маневру в поле. Разгрузка полков происходила в полном порядке.

Тотчас же после разгрузки в сторону Симбирска высылаются дозоры и выставляется непосредственное сторожевое охранение.

В районе Чуфарово в боевой готовности остались главные силы отряда. К утру 24 июля разведывательные взводы достигали пунктов Степное Матюнино, Карлинское, Ляховка, Выры, встретив здесь небольшие разведдозоры противника, которые, ограничившись короткими перестрелками, отошли в направлении Симбирска. Одновременно с этим, по приказанию штарма, Карсунским военкоматом была выдвинута рота для наблюдения за трактом Карсун — М. Копышевка — Тагай.

Противник, устремившийся на Казань, не предпринимал активных действий на симбирском направлении.

В то время, когда главное наше внимание было приковано к симбирскому направлению, на инзенском направлении противник стал проявлять заметную активность. Начдив тов. Лацис доносил, что разведкой обнаружено скопление значительных сил противника в районе Бутырки, Калда, Смышляевка. Кроме того, замечено скопление частей противника в районе Поповой мельницы и М. Хомутери. Вследствие этого Толстому было приказано усилить разведку на своем правом фланге и выставить заслон в д. Мухино.

25 июля противнику удалось оттеснить разведывательные взводы отряда Толстого, и они в полном порядке, не теряя противника из вида, отошли на линию деревень Араповка, Стемас, Чуфарово, Криуши. Штаб разведотряда перешел в Вешкайму. На участке же Инзенской дивизии противник все больше и больше проявлял свою активность. 25 июля им были заняты деревни. Ст. Зиновьевка и Дурасовка, движением на Саводерки он стал охватывать левый фланг Инзенской дивизии. В связи с этим штарм отдал приказание 6-му Мценскому полку переброситься в эшелоне на ст. Базарная, атаковать противника и отбросить его.

Переброска Мценского полка ослабила наш заслон на симбирском направлении. Наша тревога еще более возросла с получением от командира заслона Толстого о продвижении от с. Воецкого крупной колонны противника во фланг нашему заслону на ст. Майна. Это вынудило Толстого отвести свой 4-й Латышский полк к ст. Чуфарово.

А дальше произошло нечто неожиданное, но резко изменившее обстановку в нашу пользу.

Оказалось, что «колонна противника», вышедшая от Воецкого на ст. Майна, была не чем иным, как сводной Сенгилеевско-Ставропольской группой, которую у нас в штабе считали разбитой и погибшей. Из села Анненкова командир Сенгилеевско-Ставропольских отрядов Г. Д. Гай по прямому проводу доложил о своем прорыве из белогвардейского окружения... С этого момента направление на Симбирск было надежно прикрыто Симбирской железной дивизией. Создалась относительно благоприят-

ная обстановка для нашей военно-организаторской работы, хотя она и велась буквально под обстрелом врага.

Во всех органах армейского управления шла упорная и напряженная организационная работа. Такая же работа шла в штабах дивизий и в частях. В полном согласии с политическими комиссарами армии В. В. Куйбышевым и О. Ю. Калниным командарм Тухачевский настойчиво требовал установления в армии стройной организации, дисциплины и четкости в работе всех органов командования.

Командование армией считало, что полная готовность армии в кампании по освобождению Средней Волги от противника будет достигнута в конце августа. Тем временем части имели задачей не прерывать своего соприкосновения с противником и вести непрерывную разведку главным образом боем. Между тем главком Вацетис, назначенный вместо Муравьева, требовал немедленного наступления на Симбирск. В это время, расширяя свой восточный плацдарм, белогвардейцы создавали угрозу Казани. Расположенная на путях к Перми и Вологде, Казань имела очень большое стратегическое значение. V армия — сосед I армии слева — находилась в это время в начальной стадии формирования в районе Свияжска.

Вместе с тем командованием Восточным фронтом были взяты для V армии почти все предназначенные для нас пополнения. Требования командования Восточным фронтом имели свое основание. 7 августа белогвардейцы захватили Казань.

Командарм I Тухачевский 9 августа приказал Симбирской железной дивизии начать наступление на Симбирск. Располагаясь с 28 июля в районе Майна, Симбирская железная дивизия вела беспрерывную усиленную разведку противника на симбирском направлении.

К началу наступления передовые части дивизии, прикрывая расположение левого фланга, главных ее сил, занимали Тагай, Абрамовку, Козловку, Уржумское. Для наступления части дивизии развернулись на рубеже Путиловка — Ляховка — Кочетовка — Абрамовка — Копышевка.

Заняв исходный для наступления рубеж, части дивизии начали стремительное наступление. 8 августа у с. Поповки произошла стычка нашей пехоты с конницей противника, как и у Кадыковки, окончившаяся для нас

успехом. В этот же день произошло крупное столкновение с противником при продвижении к с. Тетюшское. Противник оказал здесь сопротивление встречной контратакой отряда в составе офицерского георгиевского батальона, роты белочехов и одной роты «народной армии», всего до полка пехоты с приданной батареей. Белогвардейский батальон атаковал наш полк в сомкнутом строю, с барабанным боем, имея впереди священника с крестом. Это была «психическая атака».

Красноармейцы Симбирской железной дивизии встретили «психическую» атаку спокойно, без истерики, но с возмущением. Старые солдаты, знавшие о таких атаках в прошлом, говорили: «Чего они? Сбесились что ли? Точно на басурманов с крестом прут!» Схватка была жестокая.

В бою 8 августа с. Тетюшское осталось за нами. Части 2-го Симбирского полка продвинулись дальше до сел Погребы и Арская Слобода.

Но 10 августа противник с нашего совершенно неприкрытого левого фланга вновь ворвался в с. Тетюшское, нанеся удар по тылам 2-го Симбирского полка. Но это оказалось для белых нелегким делом. В этом бою отличилась наша Смоленская батарея. На ее позицию пыталась прорваться рота противника и несколько раз атаковала батарею. Орудия переходили на картечь, в упор расстреливая белогвардейцев. Взвод, прикрывавший батарею, был сбит атакующими, и они овладели позицией батареи. Но верные своему долгу артиллеристы, защищая пушки, как Знамя, вступили с врагом в рукопашную схватку. Действуя штыками, батарейцы геройски отстояли свои пушки и вышибли противника со своей позиции. В этом бою Смоленская батарея потеряла 10 человек, павших смертью храбрых за Советскую Родину.

Тетюшское пришлось оставить, но полки правого фланга Железной дивизии, ломая сопротивление противника, упорно продвигались вперед. 10 августа ими были заняты Ключищи, Грязнушка, но на левом фланге наши части отошли к Волостниковке и Елизаветино.

Наступление Симбирской железной дивизии сильно обеспокоило белогвардейцев. Сосредоточив значительные силы в районе Новый Урень, они перешли в контрнаступление на левом фланге дивизии. Проявленная на левом фланге активность противника вызвала необходимость

бросить на этот фланг отдельную Курскую бригаду, находившуюся в армейском резерве и располагавшуюся в эшелонах в районе ст. Базарная.

Части этой бригады формировались в Курске. Она была вся одета в новое обмундирование, обута в новые добротные сапоги, вооружена новенькими винтовками и пулеметами. Когда бригада впервые прибывала к нам на Инзу, я получил из Москвы телеграмму — встретить бригаду торжественно. Это было выполнено: проведен был митинг, на котором выступавшие приветствовали бойцов бригады, с радостью принимая их в ряды нашей I армии. Внешний вид частей бригады производил очень благоприятное впечатление. Командный состав был подтянут, даже с некоторым лоском; штаб бригады богато оснащен средствами связи, заведена тщательно оформлявшаяся штабная документация, установлен внутренний порядок и т. д.

Однако в беседе с командиром бригады тов. Азархом и начальником штаба тов. Ильиным на всех нас неблагоприятное впечатление произвела проскальзывавшая в их словах хвастливость, излишняя самонадеянность. Это противоречило тем нравам, которые уже сложились в частях нашей I армии. Комбриг Азарх сразу же потребовал, чтобы бригаде был дан самостоятельный участок на фронте и чтобы задачи ему ставились только командармом. Некоторые командиры бригады высказывали неудовольствие тем, что у нас при штабе нет отдельной командирской столовой. В то время весь командный состав армии питался из общего красноармейского котла. Ближе знакомясь с бригадой, мы должны были сделать вывод, что бригада «избалована».

В предпринятом в августе наступлении на Симбирск Курская бригада составляла, как я сказал выше, армейский резерв. Переброска ее на ст. Охотничья была произведена двумя эшелонами. Разгрузившись, первый эшелон был тотчас же брошен на усиление левого фланга Симбирской железной дивизии, где он сменил некоторые части 2-го Симбирского полка, утомленные боями. На этот же фланг предназначились и все остальные части бригады. К этому времени, успешно продвигаясь вперед, правофланговые части Симбирской железной дивизии вели бой с противником в районе Кременки и 14 августа овладели этим пунктом, отбросив противника на Бе-

лый Ключ. Командарм Тухачевский и политкомарм Калнин находились на этом участке. Я же находился с политкомармом В. В. Куйбышевым на ст. Охотничья.

13 августа на ст. Охотничья около полудня появился аэроплан противника системы «Вуазен» и сбросил две «бомбы». По сути дела это были не авиационные бомбы в современном представлении, а большие бутылкообразные ручные гранаты системы Новицкого. Одна такая бомба разорвалась на платформе станции, легко ранила осколками несколько красноармейцев, другая же, не причинив никакого вреда, разорвалась между рельсами. Вслед за этим, с довольно большой дистанции, бронепоезд противника произвел 3—4 орудийных выстрела.

В это именно время на ст. Охотничья разгружался второй эшелон Курской бригады и штаб бригады. С появлением над Охотничьей самолета противника некоторые бойцы в одиночку и небольшими группами стали удаляться от места разгрузки. Их никто не окликнул, командиры бездействовали. Разгрузка эшелона шла беспорядочно. Начальника штаба Ильина я встретил за вагоном. Он явно был растерян. Комбриг Азарх один пытался установить порядок. Но лишь только начался артиллерийский обстрел, все, кто был у эшелонов, обратились в паническое бегство. Началось самое ужасное в такой момент — беспорядочная и бесцельная стрельба.

В это время начдив Симбирской железной дивизии Гай торопился с правого своего фланга на левый, где чувствовалась неустойчивость частей, и поспел вовремя; выскочив из машины, он, вместе с сопровождавшими его ординарцами, с карабином на ремне и с криком: «Храбрецы мои, за мной! Трусам нет места в Железной дивизии!» — бросился вперед. Несколько сначала несмелых, потом все сильнее и сильнее криков «ура» — и бегущие поворачивают назад. Массовая, грозившая распространиться на весь левый фланг дивизии, паника была остановлена, а противник отброшен.

Но никакая паника не проходит без последствий. Все же значительная часть Курской бригады отступила к разъезду Выры. Прибывший с правого фланга на ст. Охотничья командарм Тухачевский с политкомармом Калниным приказал мне выехать на разъезд Выры и привести в порядок остатки Курской бригады. Однако противник продолжал нажимать на левый фланг диви-

зии и теснить его. Развивая свое контрнаступление, белогвардейцы овладели Опалихой, Волостниковкой и двинулись на Софьино и Выры. На разъезд Выры прорвалась конница противника. Ее прорыв вновь создал было панику, вовремя остановленную В. В. Куйбышевым. В то же время между разъездом Выры и ст. Охотничья находился наш бронепоезд. Неизвестно по чьему приказанию и по какой причине, один броневагон и паровоз поезда были взорваны.

Отход левого фланга поставил части дивизии, занимавшие Кременки и Белый Ключ, под большую угрозу, и командарм приказал отвести правый фланг дивизии в район с. Поповки. Части, оторвавшись от противника, отошли в полном порядке. 17 августа контрнаступление белогвардейцев было остановлено, и Симбирская железная дивизия заняла рубеж Поповка—Березовка—Командак—Аксаково. На этом рубеже части приступили к устройству окопов и укреплению их проволокой.

Неудавшееся наступление на Симбирск было следствием ряда недочетов в области управления войсками в условиях боя. Все эти недочеты были учтены и армия начала готовиться к решительной симбирской операции. На ноги было поставлено все, что только могло обеспечить успех операции.

После захвата белогвардейцами Казани в командовании Восточным фронтом произошли перемены. Командующим Восточным фронтом был назначен С. С. Каменев. Штаб фронта обосновался в Арзамасе. Вацетис же получил звание Главнокомандующего и члена Реввоенсовета Республики. Ставка Реввоенсовета разместилась в Серпухове. После неудачной августовской попытки овладеть Симбирском я был командирован в Арзамас для того, чтобы исхлопотать пополнение армии по крайней мере до 15—20 тысяч.

С 25 августа силами штарма и политотдела производилась самая тщательная проверка готовности частей к проведению операции. Не рассчитывая больше на пополнение армии, командарм Тухачевский принимает решение: усилить Симбирскую железную дивизию за счет частей Пензенской и Инзенской дивизий, взяв от них по одному полку.

Уже после того, как Орловский и Витебский полки были переброшены в Симбирскую железную дивизию,

подошли из центра 5-й Курский и Крестьянский полки, а затем и Пензенский полк, составивший армейский резерв.

Оперативный замысел симбирской операции был прост. В его основу командарм Тухачевский положил концентрическое наступление частей с возможно глубоким охватом флангов противника. Последнее достигалось маневрированием частей Симбирской железной дивизии, а также особой задачей, поставленной 5-му Курскому полку. А именно: со ст. Чуфарово 5-й Курский полк перебрасывался на грузовых автомобилях в с. Старые Алгаши и далее следовал на автомобилях же на с. Нагаткино, с задачей к вечеру 10 сентября занять деревню Лаишевку. Этот рейд 5-го Курского полка можно считать первым случаем в боевой практике Красной Армии использования автотранспорта.

По тем временам осуществить такую задачу было делом непростым. Прежде всего трудность заключалась в обеспечении полка автомобилями. С большими стараниями всех местных советских организаций удалось собрать около 25 грузовых автомобилей, из которых добрая половина была полуразвалившаяся, требовавшая капитального ремонта. Особенно разрушенными были борты. На машину можно было с риском погрузить по 10—15 человек. Для всего полка (500 стрелков) и его хозчасти автотранспорта не хватало. Дополнительно к нему были мобилизованы крестьянские подводы. В рейде они оказали огромную услугу: крестьянские лошаденки не раз впрягались в ту или иную автомашину, чтобы вытащить ее из непролазной грязи.

Трудно было и с горючим. Командир автоколонны получил от штарма мандат на право реквизиции всех видов горючего: бензина, керосина, спирта и т. п. Охранение рейда 5-го Курского полка было возложено справа на коммунистический кавалерийский дивизион Боревича (польский по национальному составу), а слева — на Алатырскую группу, под командой Симбирского губвоенкома Пеньевского.

Возлагая главную задачу в операции по освобождению Симбирска на Симбирскую железную дивизию, командарм Тухачевский в своем решении предусматривал демонстративные действия Инзенской и Пензенской дивизий в целях отвлечения внимания противника на их участки.

С 24 августа по предварительным распоряжениям штаба армии Инзенская и Пензенская дивизии приступили к выполнению своих задач. Проявленная активность на участках Пензенской и Инзенской дивизий вызывает явное беспокойство белогвардейского командования. Сызранское направление выводило непосредственно на подступы к Самаре — «столице комуча». Это заставляет белых подтянуть значительные силы из резервов к Сызрани и усилить оборону Самары.

Тем временем Симбирская железная дивизия ведет усиленную и непрерывную разведку на симбирском направлении и готовится к выполнению своей задачи по освобождению Симбирска. Части дивизии сводятся в две бригады, артиллерия — в артиллерийский дивизион под командованием Мироевского. Армейские органы снабжения оснащают дивизию всем необходимым. В частях идет сколачивание подразделений и выделяется время для боевой и особенно политической подготовки. Командарм М. Н. Тухачевский, политический комиссар армии О. Ю. Калнин, особо уполномоченный ВЦИК П. К. Кобозев почти безотлучно находятся в дивизии. Штаб армии для удобства управления всеми войсками армии из Инзы переходит в Пайгарму близ Рузаевки. С особенной энергией и целеустремленностью развертывает свою работу политический отдел армии под непосредственным руководством комиссара В. В. Куйбышева.

Политическое обеспечение предстоящей операции состояло не только в политическом просвещении красноармейцев, но и в большой работе среди населения. Армейские политработники были пламенными пропагандистами и агитаторами партии. Митинг был самой распространенной формой массовой политической работы, а обычной темой — «текущий момент». Выступавший на митинге политработник говорил от сердца, от души. В этом и была сила его слова, правдивого, горячего, большевистского. Часто устраивались совместные митинги красноармейцев и крестьян. Такой митинг, как правило, кончался тем, что часть пополнялась добровольцами, главным образом молодежью.

Немаловажную роль играли в обеспечении симбирской операции местные органы Советской власти. С их помощью I армия была обеспечена всем необходимым ей для боя. Продовольствие, обозы, не говоря уже про раз-

Штаб Железной дивизии. Сидят: 6-й (слева) Кобозев — член РВС Востфронта, 7-й Гай начальник дивизии; внизу 2-й слева **Лившиц** — комиссар.

Курский полк Железной дивизии возвращается с парада после освобождения г. Симбирска.

личное артиллерийское имущество,—все было предоставлено армии. Из доклада начальника снабжения армии мне вспоминается один факт. В Саранске местными органами, при содействии профорганизаций, были мобилизованы белошвейки, портные, сапожники, работавшие день и ночь и обеспечившие Симбирскую железную дивизию полностью бельем и почти полностью летним обмундированием.

6 и 7 сентября в Пайгарме состоялся военный совет армии, на котором присутствовали начальники и военкомы дивизий и начальники всех армейских управлений. Этот военный совет положил начало коллективному стилю работы по управлению армией. Начальники дивизий доложили о готовности и состоянии своих частей. Доклады начальников управлений и служб подвергались широкому обсуждению. Высказывались все соображения, которые могли быть полезны для успешного осуществления операции. В заключение и на основании всего высказанного командарм объявил свое решение: начать симбирскую операцию 8 сентября 1918 г. Во исполнение этого штабом армии был разработан «Приказ I Восточной революционной армии № 7», параграф 3 которого гласил: «Вверенной мне армии приказываю перейти в наступление и взять Симбирск».

Сейчас же после отдачи приказа М. Н. Тухачевский, политический комиссар О. Ю. Калнин из группы штабных командиров образовали «полештабарм» и выехали с ним на участок Симбирской дивизии на ст. Чуфарово. В. В. Куйбышев оставался в Пайгарме при штарме.

К 20 часам 8 сентября части Симбирской дивизии вышли на исходный рубеж для наступления на Симбирск и заняли Игнатовку, Александровку, Сосновку, Березовку, Карцовку, Сергиевский Приют, Жеребятниково, Аксаково, Прислониху.

Штаб дивизии и части обслуживания находились в с. Чуфарове. Здесь же находился резерв дивизии — Интернациональный полк под командой тов. Частека.

Ночь 10 сентября на участке дивизии прошла в поисках разведчиков и в редкой ружейной перестрелке. Подведя резервы из Симбирска, противник с утра 10 сентября открыл сильный артиллерийский огонь по всему расположению Железной дивизии и встретил наши насту-

пающие части пулеметным огнем, а местами и контратаками. Чтобы сломить сопротивление противника, начдив Гай направляет часть своих сил в обход правого фланга противника на Авдотьино и Михайловку, а другую в обход его левого фланга на Елшанку, Солдатскую Ташлу. Одновременно при поддержке артиллерии части дивизии в центре переходят в решительные атаки. Бронепоезд периодически врезается в расположение противника, покрывая его пулеметным огнем с обоих бортов. Противник, неся большие потери, не выдерживает мощного натиска Симбирской железной дивизии и откатывается к Симбирску. Штаб Восточного фронта вечером 10 сентября информировал, что V армией освобождена от белогвардейцев Казань. Это сообщение, переданное в войска, еще больше воодушевило бойцов Симбирской железной дивизии, и они с еще большим упорством стали прорываться к подступам Симбирска.

К вечеру 10 сентября 5-й Курский полк на грузовиках ворвался в Лаишевку, где быстро разгрузился и, перейдя в боевой порядок, стал наступать на Симбирск с севера. Не отстал от автоколонны и дивизион Боревича. С этого момента 5-й Курский полк и дивизион Боревича вошли в состав Симбирской железной дивизии, приняв участие в общем штурме Симбирска.

Оказывая упорное сопротивление по всему фронту дивизии, белогвардейцы у станции Охотничья построили окопы полного профиля и обнесли их проволокой в три ряда. В середине дня 10 сентября здесь разгорелся горячий бой с обороняющимся противником. Значительная часть сил Симбирской железной дивизии была брошена начдивом в обход флангов противника и в центре, по линии железной дороги, действовало лишь два полка: 1-й Симбирский и 2-й Симбирский полки. Обороняющийся у ст. Охотничья противник встречал атакующих кинжальным, пулеметным огнем и засыпал шрапнелью. Несколько атак противником было отбито. Тогда Гай бросил на Охотничью свой резерв — Интернациональный полк. Венгры в образцовом порядке подошли к исходной для атаки позиции и дружно бросились на окопы противника. Забросав окопы ручными гранатами, штыками-ножами проделывая проходы в проволоке, они ворвались в окопы и в рукопашной схватке уничтожили почти весь батальон белогвардейцев. Около 20 человек венгров пали здесь, у

станции Охотничья, вдали от родной Венгрии за Советскую власть.

Значительные бои в этот же день были у дд. Бухтеевки, Ивановки и у с. Тетюшского. К исходу дня 10 сентября части Симбирской железной дивизии заняли Ключищи, Охотничью, Арскую слободу. Только к вечеру 11 сентября затих бой. Всю ночь велась разведка подступов для штурма Симбирска. Этой же ночью командарм М. Н. Тухачевский, политкомарм О. Ю. Калнин, начдив Гай лично на конях произвели тщательную рекогносцировку и выбор артиллерийских позиций для поддержки пехоты огнем артиллерии. Они объехали все части дивизии и лично удостоверились в полной боеспособности войск.

С утра 11 сентября бой возобновился с новой силой. Противник ввел в дело все свои резервы, в том числе офицерский инструкторский батальон, представлявший собой резерв командного состава «народной» армии комуча. В течение дня на участках каждого полка Железной дивизии были более или менее сильные схватки с противником. Симбирск все теснее и теснее охватывался бойцами Симбирской железной дивизии. Увеличился захват пленных. Мобилизованные в «народную» армию крестьяне сдавались в плен с оружием, и многие тут же ложились в цепи красных бойцов. К вечеру 11 сентября Симбирская железная дивизия всеми своими силами сосредоточилась на линии Кременки—Вырыпаевка—Баратаевка—Сельдинская сл.—Мостовая—Лаишевка, имея впереди в 2—3 километрах от города свои передовые части для начала штурма.

Ночь на 12 сентября прошла в подготовке к атаке. Основой этой подготовки была широко развернувшаяся политическая работа среди красноармейцев. У костров, освещавших сосредоточенные лица бойцов, политкомы вели в эту ночь беседы. Политкомами были не только «штатные» работники политотдела, но и каждый коммунист считал себя в массе партийным, политическим агитатором, пропагандистом.

На рассвете 12 сентября 5 батарей из района Карлинская слобода беглым огнем возвестили о начале штурма. Их огонь был подхвачен батареями, приданными полкам. Пехота поднялась в атаку. Сильная схватка была на участке 2-го Симбирского полка в районе Винновской рощи,

где полк дрался с офицерским инструкторским батальоном. Этот «образцовый» батальон белых был полностью уничтожен. С боем была занята Киндяковка. 1-м Симбирским полком была форсирована р. Свияга. Всадники Боревича и Врублевского ворвались с флангов в Симбирск. Но белогвардейцы уже не в силах были оказать какое-либо сопротивление. Сохранившие еще некоторую боеспособность части «народной» армии еще ночью были переправлены с артиллерией на левый берег Волги. Они рассчитывали на получение поддержки со стороны Уфы от чехов. Не успевшие удрать белогвардейцы бросали оружие, разбегались, местами отстреливаясь от входивших в город красноармейцев. Батареи на карьере внеслись на Н. Венец и открыли огонь по отставшим частям симбирского гарнизона «народной армии». Гай донес —«12 сентября в 12.30 Симбирск взят частями Симбирской железной дивизии».

14 сентября командарм вызвал меня в Симбирск.

Командарм считал, что овладение Симбирском может считаться прочным лишь после того, как части Симбирской железной дивизии переправятся на левый берег Волги и закрепят его за собой. 14 сентября левый берег Волги у Симбирска был полностью очищен.

Но усиленные отступившей из Казани группой Каппеля белочехи предприняли контрнаступление.

Утомленные непрерывными боями, наши части не выдержали ударов каппелевцев и с боем отошли к 20 сентября к д. Канаве, а затем на правый берег Волги.

В ночь на 25 сентября частями I и V армий была произведена операция по высадке десантов на левый берег Волги.

Охваченный с флангов и под мощными ударами в центре противник был окончательно разгромлен и в панике разбежался. Левый берег Волги под Симбирском был прочно закреплен за Красной Армией.

25 сентября 1918 г. надо считать победоносным завершением симбирской операции, начавшейся 8 сентября. Ближайшая задача I революционной армии — освобождение Симбирска — была достигнута 12 сентября. 25 сентября была выполнена с честью и славой последующая задача.

28 сентября 1918 года я вместе с П. А. Кобозевым, доставили в Симбирск Красное знамя ВЦИК, которым

награждалась Симбирская железная дивизия за блестяще проведенную ею симбирскую операцию.

С короткой речью Петр Алексеевич Кобозев вручил знамя начдиву Гаю, который принял его, встав на колено и поцеловав край полотнища. Держа в руках развернутое знамя, Гай, стоя в автомобиле, под эскортом конников, через весь город доставил Знамя ВЦИКа в штаб дивизии. Массы трудящихся на улицах Симбирска радостным «ура» встречали великую боевую награду, полученную Симбирской железной дивизией за освобождение Симбирска — родины Великого Ленина — от белогвардейцев и интервентов. Так еще на заре молодой Советской Армии в 1918 году впервые был установлен и вошел в жизнь, как традиция, воинский ритуал вручения и приема частью ее святыни — Боевого Знамени.

К. П. ШАРАПОВ[1]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕПУТАТА СЫЗРАНСКОГО СОВЕТА

Как сейчас помню, 30 марта 1918 года Сызранский Совдеп получил телеграмму за подписью председателя Симбирского губисполкома тов. М. Гимова. В ней говорилось:

«По сведениям через Сызрань идет передвижение чехословацких эшелонов. Подозреваются контрреволюционности. Примите решительные меры разоружению указанных эшелонов, вооруженных в Сибирь не пропускать... Исполнение телеграфируйте».

История чехословацких формирований в Советской Республике общеизвестна. Советское правительство шло навстречу желаниям чехословацких солдат отправиться на родину. Но в интересах безопасности своей страны оно не могло согласиться с увозом принадлежащего Советской Республике оружия. Последнее обстоятельство использовалось в провокационных целях контрреволюционным командованием чехословацкого корпуса.

До поры до времени чехословацкие командиры, купленные империалистами, скрывали свои антисоветские цели. Поэтому многие эшелоны чехословаков, прошедшие через Сызрань, держались как бы «лойяльно» в отноше-

---

[1] Константин Павлович Шарапов, член КПСС с 1919 года, бывший депутат Сызранского уездного Совета, ныне работает заместителем начальника Московского аэроклуба.

нии Совета. Не раз бывало, что солдаты-чехословаки выражали свое сочувствие Советской власти. Это настраивало некоторых сызранских советских работников благодушно в отношении чехословацких эшелонов. Так, меньшевик Рубинов постоянно твердил, что чехословаки стремятся проехать во Владивосток и не надо им мешать.

Но события скоро опрокинули это благодушие некоторых руководителей.

На плечи Сызранского исполкома пали тяжелые испытания. Надо признать, что Сызранский исполком этого испытания не выдержал, хотя большинство членов его, несомненно, были преданы делу Советской власти и многие из них сложили за нее свои головы.

В тот момент, когда белочехи вели вооруженную борьбу против Советской власти в Пензе, до пяти эшелонов белочехов находилось на Сызранском железнодорожном узле.

29 мая Сызранский Совет предъявил командованию чехословацких эшелонов требование о сдаче оружия. Но чехословацкое командование, спровоцировав своих солдат под предлогом, что их, якобы, не хотят пропустить на родину, захватило ряд важных пунктов: вокзал, кавалерийские казармы, винный склад. Уже на этой первой фазе чехословацкой авантюры в Сызрани пришли в движение местные контрреволюционные силы. В городе имели место нелегальные совещания бывших членов распущенной Советом городской думы, кадетов и эсеров с офицерством. Белогвардейско-эсеровские деятели стали устанавливать контакты с чехословаками.

Позиция, занятая в этот момент Сызранским исполкомом, свидетельствовала, прежде всего, о растерянности его членов. Чем это определялось? Вооруженные силы Сызранского Совета, вопреки заблаговременным, приведенным выше, предупреждениям председателя Симбирского губисполкома, оказались недостаточными. Они состояли всего из 600 недавно набранных добровольцев, не прошедших еще как следует военного обучения. Но это обстоятельство не оправдывало той линии компромиссов и капитуляции, которую занял наш Сызранский исполком. Сызранским советским деятелям было уже известно, что выступление чехословаков в Пензе вылилось в открытое свержение Советской власти. Да и указаний из центра о

контрреволюционности чехословацкого корпуса было уже достаточно.

Все это обязывало нас, сызранских советских деятелей, дать решительный бой врагу и выполнить свой революционный патриотический долг, хотя поражение было неизбежным. Только приняв этот бой, мы могли поднять на сопротивление врагу довольно многочисленные силы железнодорожников Сызрани и Батраков.

Но Сызранский исполком исходил, по сути, из обывательских местнических расчетов, как-нибудь «сбагрить» с себя чехословаков, протолкнуть их дальше на восток. Таков был общий смысл оппортунистических шагов, которые предпринял наш Сызранский исполком.

В Чрезвычайную комиссию, выделенную Сызранским исполкомом 30 мая для переговоров с чехословацким командованием, были включены М. Воздвиженский, Игнатович, Щербаков, Фролов и др. В эту комиссию был введен и я. Но, кроме членов большевистской фракции, в составе комиссии оказались и с.-д. интернационалисты Рубинов и Зырин, которые не упустили случая вставлять нам палки в колеса. Эти затаившиеся враги Советской власти немало сделали для того, чтобы усилить состояние растерянности в Сызранском исполкоме перед лицом надвинувшейся опасности. Именно в этот момент Рубинов стал выступать со все более откровенными капитулянтскими речами, направленными против политики Советского правительства. Свое капитулянтство он маскировал «заявлениями о своеобразии местной обстановки», ссылками на то, что через Сызрань прошло уже немало чехословацких эшелонов и что возникавшие ранее частичные конфликты с ними разрешались без кровопролития.

Особенно Рубинов распоясался на заседании исполкома 31 мая, когда обрисовалась прямая угроза вероломного захвата города чехословаками. Рубинов уверял, что чехословаков вынуждает на такие шаги «крайняя необходимость». Он клеветнически утверждал, что в Пензе нападающей стороной были, якобы, не чехословаки, а Советская власть. В конце концов он откровенно призвал исполком не исполнять директив центра о разоружении чехословаков. Этот враг Советской власти нагло заявил, что Советское правительство пытается разоружить чехословаков по требованию германского посла Мирбаха.

Члены исполкома — коммунисты М. Воздвиженский, Варламов и председатель ЧК Емельянов дали отпор зарвавшемуся меньшевику. Но все же исполком в момент наступивших испытаний был дезориентирован и вместо решительного отсечения меньшевистских предателей проявил к ним терпимость, скатываясь шаг за шагом к капитуляции перед интервентами.

Сами по себе переговоры были нужны и выгодны только чехословацким авантюристам, чтобы выиграть время. Сызранский исполком переговорами ничего не выигрывал. Еще большей ошибкой явился заключенный Чрезвычайной комиссией Сызранского исполкома договор с чехословацким командованием о пропуске их эшелона через город.

Правда, у нас была попытка использовать переговоры для того, чтобы выиграть время для приведения в негодность железнодорожного моста через Волгу и тем задержать продвижение на восток чехословаков. Но это была частная инициатива группы коммунистов и беспартийных членов Сызранского исполкома.

Осуществление этой операции было поручено тов. Емельянову с небольшим отрядом, в котором находился и я. С большим трудом мы миновали чехословацкие заставы на железнодорожных путях от Сызрани. Но пока мы в ночь с 30 на 31 мая добирались, большей частью пешком, до ст. Батраки, события уже приняли роковой оборот. Чехословаки опередили нас и заняли подступы к мосту через Волгу. Взорвать мост мы не смогли.

Договор с белочехами со стороны Чрезвычайной комиссии Сызранского исполкома был подписан председателем исполкома Щербаковым и членами исполкома Рубиновым и др.

В довершение к политической «наивности» представителей Сызранского исполкома, они пунктуально выполняли свои обязательства, сами убрали батарею с выгодной позиции на Монастырской горе, откуда мог бы вестись успешный огонь по захватчикам. Иначе вело себя коварное чехословацкое командование. Как только к Сызрани подошли чехословацкие эшелоны из Пензы, интервенты отбросили договор и встали на путь ультиматумов и угроз. Вслед за этим они начали открытые враждебные действия против местного Совета. Начались аресты и расстрелы коммунистов. На улицы вышла местная бело-

гвардейщина. Были схвачены и расстреляны видные сызранские работники — коммунисты тт. Варламов, Воздвиженский, Берлинский, С. Белугин и др.

Случившееся в Сызрани очень убедительно показывает, как политическая нетвердость, узколобое местничество, терпимость к маскировавшимся меньшевикам привели к капитулянтству и к жестокому поражению. Если бы сызранские коммунисты, следуя указаниям центра, дали решительный бой захватчикам, а не отступали шаг за шагом, то их потери были бы вряд ли бóльшими, чем они понесли, поддавшись обману коварного безжалостного врага. Своим же сопротивлением они могли бы основательно затруднить продвижение белочехов к Самаре.

Покинувшие было Сызрань белочехи в середине июня вновь заняли город. Власть перешла в руки чехословаков и местной буржуазии. Все советские органы и учреждения были разгромлены, начали организовываться так называемые органы самоуправления из бывших местных купцов и промышленников.

После неудавшейся попытки установить какие-либо связи с местными партийными руководителями Сызранского исполкома, я бежал из Сызрани в родное село Жемковку.

В это время кулачье уже воспрянуло. Однажды я получил предупреждение, что местные кулаки донесли в белогвардейскую контрразведку в Сызрань, что в их селе скрывается комиссар. Незадолго до этого при подобных же обстоятельствах был схвачен белыми в своем селе мой товарищ по Сызранскому исполкому тов. Булыгин. Другой член Сызранского исполкома тов. Кузнецов, скрывавшийся в Головинской волости, сообщил мне, что он уходит в Красную Армию. Я решил также перейти фронт. Несколько дней я шел лесом. Совершенно обессиленный вышел к станции Чуфарово. Это было в последних числах июля. Здесь я узнал, что железная дорога между ст. Майна и Чуфарово была уже занята белочехами.

На станции Чуфарово было много мешочников. В это время на паровозе с двумя вагонами прибыл со станции Инза В. В. Куйбышев, политический комиссар Первой армии, чтобы выяснить судьбу советского отряда, отошедшего от Сенгилея.

Когда поезд В. В. Куйбышева пошел обратно на Инзу, я уселся на буфер вагона. Но меня заметили и на

одном полустанке у ж.-д. моста близ ст. Чуфарово сняли и под охраной привели в землянку к советскому командиру. Выслушав мой рассказ, он потребовал подтверждения, что я действительно член Сызранского исполкома.

После разных мытарств я через два дня оказался на ст. Инза, где меня передали военному коменданту станции. Комендант и начальник штаба I армии, кроме изучения сохранившихся у меня документов Сызранского исполкома, учинили мне еще одну проверку, заставив назвать известных мне некоторых руководителей Сызранского Совета. И наконец, они спросили, не может ли кто подтвердить мою личность из работников, находящихся в частях Красной Армии.

В расчете, что упоминавшийся тов. Кузнецов мог оказаться в рядах армии, я назвал его. Оказалось, что Кузнецов действительно уже работал в штабе I революционной армии помощником начальника снабжения войск. Так я завоевал доверие. После этого меня пожелали видеть лично Тухачевский и Куйбышев. Они расспросили меня о маршруте, каким я шел из Жемковки, о настроениях крестьян, о примерном расположении белогвардейских частей и о судьбе других членов Сызранского исполкома. В заключение этой беседы мне было поручено формирование боевых отрядов в Ардатовском, Курмышском, Карсунском уездах прифронтовой полосы. Должен оговориться, что это было еще до образования при штабе I армии мобилизационного отдела. Когда этот отдел образовался, моя деятельность была включена в русло этого «мобoтдела». Первое мое поручение заключалось в том, чтобы обеспечить быстрейшее отправление на ст. Инза отрядов из Алатыря и Ардатова в целях укрепления вооруженных сил I армии.

Для выполнения этого задания, получив в свое распоряжение небольшую группу красноармейцев, я отбыл в Саранский и Ардатовский уезды.

Первоначально моя работа шла в Ардатовском уезде. После ухода ардатовского отряда на фронт задача состояла в проведении мобилизации нескольких возрастов на основании приказа командования I армии и Симбирского губисполкома, находившегося в это время в Алатыре. Шел уже август месяц. В это время мной был получен приказ административного управления I армии о том,

что я поступаю в распоряжение мобилизационного отдела армии и должен выполнять приказы его начальника тов. Ибрагимова. Мобилизационный отдел штаба I армии разместился в г. Саранске. Оттуда я получал все распоряжения о проведении мобилизации конского состава для формирования в Алатыре кавалерийских частей.

Я создал из работников Ардатовского исполкома комиссию, ввел в ее состав ветеринарных врачей. Надо отметить, что по строгой директиве Советского правительства, проявившего и в этом вопросе заботу о крестьянстве, владельцам мобилизуемых в армию лошадей вручалась денежная компенсация, почти равная рыночной цене.

За период до освобождения Симбирска I армией руководимой мной мобилизационной комиссией было набрано по Алатырскому и Ардатовскому уездам около 300 лошадей, был создан кавалерийский эскадрон Алатырской группы войск и т. п. Однако возможности Симбирской губернии в части обеспечения Красной Армии лошадьми были далеко недостаточными. Поэтому весь конец 1918 года комплектование частей фронта лошадьми оставался в I армии весьма острым.

В ноябре 1918 года начальник моботдела Ибрагимов, вызвав меня срочно в Саранск, приказал ехать по мобилизаций лошадей в Витебскую и Рязанскую губернии. Надо отметить, что исполкомы этих губерний проявили высокое понимание общегосударственных интересов и обороны Республики и помогли мне в короткий срок получить значительное число лошадей. В Витебской и Рязанской губерниях я получил более 2-х тыс. лошадей с конских заводов.

Наконец, уже в начале 1919 г. мне пришлось совершить поездку в Тверскую губернию, где я также получил и отправил на Восточный фронт более тысячи лошадей. В зиму 1918—1919 гг. остро стоял в I армии вопрос не только с конским поголовьем, но и с фуражом. Пришлось перейти на заготовку фуража для частей.

Нужно сказать, что крестьяне упомянутых выше губерний давали фураж охотно и деньги за него брать отказывались. Заготовленный мной фураж свозился к ж.-д. станциям и грузился в подготовленные вагоны.

В связи с начавшимся в широких размерах наступлением на Восточном фронте армии Колчака, в марте 1919 г. по моей личной просьбе меня перевели в дейст-

вующую армию. Через несколько дней я прибыл в распоряжение политотдела 20-й Пензенской стрелковой дивизии, откуда не раз выезжал на фронт в районы — Стерлитамак, Оренбург, Орск и др.

По заданию политотдела в освобождаемых от колчаковских войск селах и казачьих станицах мы, политработники, восстанавливали Советскую власть, вербовали добровольцев в армию. Население освобожденных сел радушно встречало нас. Молодежь и даже старики охотно шли добровольцами в сражающиеся против Колчака части Красной Армии.

В июне 1919 г. я был назначен военкомом отряда I бригады 20-й Пензенской дивизии. После разгрома Колчака и ликвидации восточного направления фронта на участке Орск—Челябинск я вместе с дивизией был переброшен на южный фронт Липецк—Воронеж—Царицын.

А. С. ЛЕОНТЬЕВ[1]

ВОЛГА В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Впервые в истории великой русской реки волгари весной 1918 года начали навигацию, навсегда освободившись от эксплуатации со стороны вековых своих угнетателей пароходчиков Сироткиных, Бугровых, Башкировых, Земляновых, Стахеевых, Мешковых и других, а также акционеров пароходных обществ «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «Русь», «Бр. Нобель» и им подобных.

Нужно было видеть, с какой любовью и добросовестностью волгари заканчивали ремонт своих судов и подготовку их к открытию навигации, чтобы понять объявшую их радость свободного труда на себя, на свое пролетарское государство.

Уставший от затянувшейся империалистической войны, русский трудовой народ, сбросивший в мусорную яму истории царя, а затем помещиков и капиталистов, казалось, заслужил спокойную жизнь, чтобы перейти к мирному труду по строительству социалистического общества. Но это, к сожалению, только казалось...

Помещики и фабриканты, реакционные царские генералы и офицеры, черносотенное духовенство, кулаки и прочие тунеядцы, веками жившие за счет страданий

[1] Александр Степанович Леонтьев, член КПСС с 1918 г., активный участник гражданской войны, ныне пенсионер, проживает в Москве.

рабочих и беднейших крестьян, объявили крестовый поход и пошли войной против молодой Республики Советов.

В начале июня 1918 года пароход «Юрий Суздальский», на котором я плавал старшим помощником капитана, шел пассажирским рейсом из Рыбинска в Саратов.

Мы прошли последний перед Симбирском Головкинский перекат и вскоре спустились к высокому правому берегу реки, к так называемым Ундоровским горам, преддверию и прообразу Жигулей.

Вот и Симбирск. Но почему-то он сегодня необычен. На рейде, против пассажирских пристаней и выше, в большом количестве разбросаны на якорях баржи и пароходы. Как будто кто-то умышленно задержал их здесь, и они растянулись на несколько километров параллельно Часовенскому острову.

— Посмотри, Степаныч, — сказал мне лоцман, — кажется, у пристани стоят вооруженные пароходы, не иначе как и здесь война началась...

Я посмотрел в бинокль и увидел, что около одного из дебаркадеров действительно стоят в три «пыжа» (ряда) буксиры, на корме каждого из них установлены полевые орудия, на палубе много военных моряков. На сиянии колеса стрежневого (крайнего) судна надпись «Братство». Чуть пониже вооруженных судов, у товарной пристани, пришвартовался грузопассажирский пароход «Илья Муромец» с большим красным крестом на штурвальной рубке. Сомнений не оставалось.

Я приказал вахтенному матросу разбудить капитана, отдыхавшего после ночной вахты. Не успел наш пароход как следует пришвартоваться к верхнему свободному дебаркадеру, как на палубе появилась группа вооруженных людей. Один из них в кожаной тужурке с наганом за поясом подошел ко мне и отрекомендовался комиссаром Симбирского отряда вооруженных судов Берлином. Я назвал себя.

— Позовите капитана!

— Есть, позвать капитана.

Когда на палубу спустился капитан парохода «Юрий Суздальский» тов. Лобачев А. А., тов. Берлин сказал:

— Дальше ваш пароход не пойдет. Самара захвачена белогвардейцами и чехословаками. Они начали военные действия против Советов и двигаются на Симбирск.

Ваш пароход мы берем под штаб отряда. Сдавайте груз и пассажиров. Подробности вам скажет вот этот товарищ, назначенный комендантом штаба.

Сделав шаг вперед и приложив два пальца к лихо надетой бескозырке, на середину палубы вышел уже не молодой военный моряк, накрест опоясанный поверх бушлата пулеметной лентой, с револьвером и двумя гранатами за туго стянутым ремнем.

Капитан пытался возражать против захвата парохода, но ему напомнили, что в военное время следует выполнять приказания без всяких рассуждений.

В Симбирске мы простояли около месяца. В это время на боевых судах «Лев», «Ольга», «Братство» и «Дело Совета» трудящимися местных заводов и затонов заканчивались работы по вооружению, подкреплялись палубы под кормовыми орудиями, укреплялись на кронштейнах пулеметы. Штурвальные рубки пароходов были обложены мешками с песком.

Костяк экипажей боевых судов составляли прибывшие с Черного и Балтийского морей военные моряки, готовые умереть, но не отдать завоеваний Советской власти.

Полной противоположностью им являлся командующий Нейбергер. Бывший офицер царской службы Нейбергер происходил, как он сам об этом сказал на общем собрании экипажей боевых судов, из дворянской семьи. Он явно не сочувствовал Советской власти. На вопрос, заданный ему на этом собрании, что его заставило пойти на службу к большевикам и каково его отношение к новой власти, он уклонился от прямого и ясного ответа, промолвив что-то невнятное, вроде: «Пошел потому, что пить-есть надо, у меня семья» (вскоре он изменил Родине).

На нашем судне также произошли изменения. Приказом по Симбирскому отряду вооруженных судов грузопассажирский пароход «Юрий Суздальский» был зачислен в состав отряда в качестве штабного судна. Вместо заболевшего и уехавшего с судна капитана тов. Лобачева, капитаном парохода был назначен я.

В каютах I и II классов разместился командный состав и работники штаба отряда; в трюмы парохода был принят большой груз боеприпасов, горючего и продовольствия, в цистерны — полная кладка мазута. Ежедневно, по общей команде, на судах отряда поднимались и спус-

кались флаги, сигнальщики штаба без конца были заняты передачей на боевые суда различных приказаний.

В связи с назначением военного коменданта от штаба отряда, находившийся на нашем пароходе комендант от Управления охраны судов и грузов Волжского бассейна, тов. Белов С. И. стал выполнять обязанности третьего помощника капитана.

Первым, готовым к боевым операциям, оказался вооруженный пароход «Дело Совета» под командованием тов. Маякова, который сразу же был отправлен в дозор вниз по Волге.

Вот он, сделав оборот много выше симбирских пристаней, медленно сплывает вниз к ходовому пролету железнодорожного моста, непрерывно оглашая воздух прощальными гудками. На мостике и палубе выстроился весь экипаж в составе более пятидесяти человек. Все машут фуражками. Боевые суда, пассажирские и буксирные пароходы, стоявшие у дебаркадеров и на якорях на рейде, отвечают ему мощными гудками. С боевых судов слышатся выкрики: «До свидания, товарищи!», «Счастливого пути», «Смерть врагам революции!»

Сотни людей: моряков, речников, трудящихся города Симбирска провожали первенца флотилии в первый и, как оказалось впоследствии, в последний боевой путь.

Спустившись до села Климовки, что в 120 км ниже Симбирска, «Дело Совета» через несколько дней вступил в бой с тремя кораблями противника, потопил один и повредил другой пароход врага.

Спустя два дня к месту дежурства «Дела Совета» подошли основные силы флотилии бело-чехословаков. Несколько часов длился неравный бой, окончившийся геройской гибелью советского боевого парохода. Это было вечером 21 июля.

Весть о гибели «Дела Совета» и части экипажа отозвалась резкой болью в сердцах бойцов остальных кораблей отряда. На созванном по этому поводу митинге была принята резолюция, в которой моряки поклялись жестоко отомстить за погибших товарищей.

Между тем контрреволюция не дремала, ее агенты, пролезшие в некоторые советские учреждения и организации города, делали свое черное дело. Так, по совершенно непонятным соображениям, на рейде продолжали оставаться суда с ценными грузами, хотя падение города ожи-

далось со дня на день, и они могли попасть в руки врага. Фактически так и произошло с самоходной баржей «Данилиха», прибывшей из Нижнего Новгорода с большим количеством груза сахара, табачных и кондитерских изделий, мануфактуры, резиновых галош и других промтоваров, предназначавшихся для обмена на хлеб в низовьях Волги.

Не встречая организованного сопротивления со стороны отступающих слабых, наспех созданных отрядов Красной Армии, белые приближались из степей к Волге.

Ввиду угрозы перехвата Волги противником у Симбирска, наша флотилия отошла вверх к городу Тетюшам, что в 100 километрах выше Симбирска.

В Тетюшах мы пришвартовались к большому грузопассажирскому пароходу «Миссури», на котором находился штаб и личная охрана начальника укрепленного района города Казани «левого» эсера Трофимовского, тайного соучастника изменника Муравьева.

Трофимовский хвастался, что создал вокруг Казани неприступные позиции. По его словам, многочисленные батареи им были расставлены по всему правому горному берегу Волги, начиная от Сюкеевских гор до Казани, которые-де разгромят или в крайности приостановят продвижение белогвардейской военной флотилии вверх по реке. «О сдаче Казани не может быть и речи», — хвастливо заявил он.

Действительность опрокинула лицемерные заявления замаскировавшегося предателя. На всем протяжении Волги, начиная от впадения в нее Камы, где на горе Лобач можно было организовать прекрасный наблюдательный пункт и установить артиллерийскую батарею, и до ближних подступов к Казани фактически не оказалось ни одного орудия. Между тем даже 2—3 трехдюймовые пушки, взяв под прицельный огонь один из бесчисленных на этом плесе перекатов, могли бы парализовать действия вражеской флотилии и надолго задержать ее движение к Казани. (После падения Казани по приговору Ревтрибунала Трофимовский был расстрелян).

1 августа утром наши боевые суда «Лев», «Братство» и «Ольга» отошли от Тетюшской пристани и, сделав оборот, полным ходом пошли вниз по реке навстречу появившейся на горизонте белой флотилии. Около деревни Балымеры (в 13 км ниже Тетюш) произошел двухчасо-

вой ожесточенный бой, который решил участь города и пристани Тетюши. Наша флотилия была вынуждена медленно с боем отступить ввиду явного численного перевеса флотилии противника.

Но главное, конечно, было не в превосходстве белогвардейцев, а в предательстве командного состава нашей флотилии, которое, очевидно, даже не ставило перед собой задачи остановить противника на дальних подступах к Казани.

Спустя два дня произошел речной бой за Богородск (Камское устье), в котором красные моряки показали свое мужество и способность побеждать не числом, а уменьем. Буквально засыпаемые снарядами с вражеских судов, наши боевики яростно отгрызались от противника, борясь до последней возможности за этот важный речной рубеж.

Кроме того, надо было во что бы то ни стало задержать белогвардейскую флотилию и дать возможность уйти из Богородска в Казань полутора десяткам грузопассажирских пароходов, переполненных советскими людьми, в том числе женщинами, стариками и детьми.

Но вот среди наших боевых судов появилось какое-то замешательство. Одно за другим они стали покидать поле боя, ведя неорганизованный, одиночный огонь. С ближайшего из них на наш пароход сигнальщик передал, что находившийся во время боя на моторной лодке «Маркиза» командующий Нейбергер сбежал, и чтобы мы отходили вверх по реке, прикрывая пассажирские пароходы.

Замаскировавшийся враг нанес предательский удар в спину. Штаб отряда судов фактически остался без руководства.

К чести военных моряков Симбирского отряда вооруженных судов следует сказать, что они оценили всю опасность создавшейся обстановки и, рискуя собственной жизнью, время от времени вступали в неравные схватки с обнаглевшим врагом. Задерживая таким путем белогвардейскую флотилию, они дали возможность всем товаропассажирским судам благополучно уйти вверх по Волге.

Измена командующего отрядом Нейбергера, перебежавшего к белым в решающий момент боя за Камское устье, не вызвала, как на это рассчитывал враг, растерянности, а тем более паники среди защитников революции. Наоборот, подлый акт предателя вызвал среди них

прилив жесточайшего озлобления против врагов. В последующих боях на ближних подступах к Казани они не раз показывали примеры героизма, граничащего с самопожертвованием, чтобы возможно дольше задержать продвижение судов вражеской флотилии.

Трудящиеся города Ульяновска, вооружившие суда красной военной флотилии, вправе гордиться своим детищем: боевиками «Дело Совета», «Лев», «Братство» и «Ольга» и их мужественными экипажами, покрывшими свои знамена неувядаемой воинской славой.

Х. А. АИПОВ[1]

ОТРЯД ТЕКСТИЛЬЩИКОВ В БОРЬБЕ С БЕЛОЧЕХАМИ

Еще в конце 1917 года на Гурьевской суконной фабрике по решению общего собрания рабочих был создан специальный отряд из солдат, возвратившихся с фронтов первой империалистической войны. В этот отряд вместе со мной были приняты: рабочий самосушки Губанов Якуб, секретчики Алеветдинов Ибрагим, Насыров Измаил, Беркутов Якуб, житель села Силаевки Широков Владимир и другие.

Весной 1918 г. наш красногвардейский отряд в составе 25 человек был направлен в Симбирск. Такие же отряды к нашему приезду в губернский город стали прибывать из Измайловской, Тимошкинской и других суконных фабрик.

Из них было создано одно воинское соединение под названием «Отряда текстильщиков». Командиром отряда был назначен большевик В. Г. Пеньевский, а политическим руководителем—П. Х. Гладышев.

Красногвардейский отряд текстильщиков не раз посылался на подавление контрреволюционных восстаний в г. Алатыре, в с. Сосновке и др. Кроме того, он занимался вылавливанием контрреволюционеров в Симбирске и его окрестностях, всюду помогая укреплять молодую Советскую власть.

---

[1] Хусаин Асадулович Аипов, член КПСС с 1924 г., ныне пенсионер, проживает в г. Зеленодольске, Татарской АССР.

Когда белочехи захватили Сызрань и стали угрожать Самаре, отряд текстильщиков получил приказ выехать на борьбу с ними.

Силы Красной Армии сосредоточились близ Самары на железнодорожной станции Липяги. Кроме нашего отряда, сюда прибыли отряды Самарского трубочного завода, латышские и матросские воинские части.

Здесь у нас завязался ожесточенный затяжной бой с во много раз превосходящими силами, с регулярными, хорошо подготовленными военными частями чехословаков, поддержанных белогвардейцами Самары.

Храбро дрались наши красногвардейцы, отбивая ожесточенные атаки врага. Но недостаток в вооружении, численное превосходство противника сказывались. Наши соединения противник начал обходить, а потом постепенно теснить к берегу реки Татьянки и к исходу третьего дня прижал с трех сторон к реке. К этому времени значительная часть командиров взводов была убита и оказалась раненой и выведенной из строя. Тяжело ранен тов. Пеньевский, тов. Гладышев контужен. Огромные потери понесли соединения и в рядовом составе.

Большая часть бойцов моего подразделения (я командовал взводом) также вышла из строя по ранению или пала смертью храбрых на поле боя.

На исходе третьего дня наступил критический момент. Кончились боеприпасы. Соединения красных оказались не в силах сдерживать натиск противника и начали вплавь переправляться через реку в направлении города Самары. Легко раненые и все боеспособные силы моего взвода, преодолев водное препятствие, с ходу бросились в штыковой бой с противником, оказавшимся в нашем тылу у подступов города. В этой атаке я получил сильное штыковое ранение в правую руку.

Здесь-то те, что остались в живых, и были пленены. Белогвардейцы жестоко расправлялись с беззащитными пленными, добивая тяжелораненых, расстреливая большевиков, интернационалистов—венгров, китайцев. Всех пленных со станции Липяги направили сперва в Иващенково (ныне г. Чапаевск), а когда белочехи полностью овладели городом Самарой, нас переправили в самарскую городскую тюрьму.

Самарская буржуазия ликовала, встречая букетами цветов воинские части белых. В колонну же пленных красногвардейцев из окон высоких домов выплескивала помои и бросала камни.

В самарской тюрьме нас начали морить голодом, хлеба давали очень мало, вместо супа какую-то баланду. Словом, дело дошло до того, что большинство пленных и арестованных, которыми была переполнена тюрьма, начали пухнуть, некоторые на почве голода умирали. Рабочие Самарского трубочного завода требовали, чтобы улучшили питание пленных и заключенных в тюрьме рабочих и большевиков. Они решили отчислять для нас от получаемых ими пайков часть хлеба и других продуктов, но тюремная администрация не допускала, чтобы отчисления от пайков рабочих поступили нам. Только благодаря настойчивым требованиям коллектива трубочного завода нам, наконец, стали выдавать в тюрьме хлеб. Мы, оставшиеся в живых, и поныне благодарим рабочих трубочного завода, которые отрывали для нас продукты от своего скудного пайка, что вселяло в нас бодрость и укрепляло волю к борьбе.

В самарской тюрьме мы потеряли из вида командира отряда текстильщиков Пеньевского.

В этой тюрьме нас держали недолго. Как только части Красной Армии стали подходить к городу, все военнопленные были увезены в Тоцкие лагеря, а после разгрома частями Красной Армии войск Дутова под Оренбургом белые всех нас увезли в тобольскую городскую тюрьму. Когда мы прибыли туда, то узнали, что большевики Тобольска и прилегающих к нему других городов готовили восстание против колчаковщины.

В назначенный день и установленное время большевики, находившиеся в тюрьме, призвали нас начать восстание. Мы последовали призыву, бросились срывать замки, выламывать двери, разоружать охрану, все двери тюрьмы сорвали, но главные ворота не могли открыть. К нам на помощь должны были придти рабочие тобольских заводов, но этого не случилось, восстание рабочих по каким-то причинам сорвалось. Поэтому подоспевшие на помощь охране тюрьмы белоказаки и офицеры жестоко расправились с заключенными, осмелившимися выступить против контрреволюционной диктатуры. Ворвавшись,

они начали рубить без разбора всех, кто попадался под руку. Сотни людей погибли, среди них большая часть большевиков — лучших представителей трудящихся Сибири.

Все время, пока я находился в тюрьмах, контрразведка белых пыталась добиться от заключенных красногвардейцев, чтобы они назвали своих командиров, политработников, большевиков, особенно настойчиво добивались, чтобы показали, кто среди нас Гладышев. Но эти попытки оказались тщетными. Красногвардейцы держались стойко. Шпионы, которые к нам подсаживались с разведывательной целью, быстро распознавались, после чего мы им создавали нетерпимые условия, и их от нас быстро убирали.

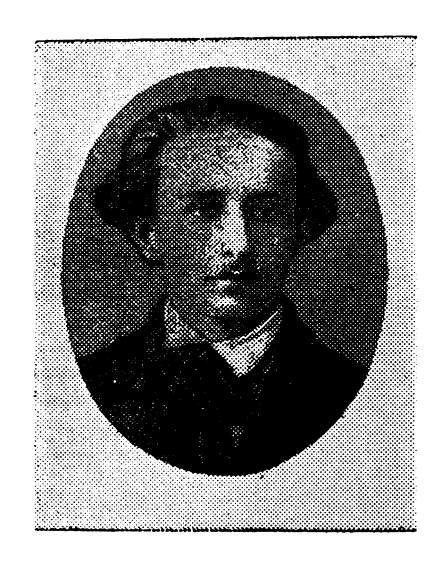
В 1919 году, при наступлении частей Красной Армии на Тобольск, всех здоровых пленных красногвардейцев и политических, сидевших в тюрьме, отправили водным путем по реке Иртыш в иркутскую тюрьму. В их числе был и тов. Гладышев.

Я, как больной и неспособный к военной службе (после ранения в последнем бою с белыми под Самарой правая рука у меня совсем еще не поднималась и не двигались пальцы на ней), был оставлен в тобольской тюрьме и потерял всякую связь со своими товарищами и командирами. Освобожден я был частями Красной Армии осенью 1919 года.

До настоящего времени я храню арестантский билет, выданный администрацией тобольской каторжной тюрьмы, в котором записано: «преступление — красноармеец, предварительный срок наказания — до Учредительного собрания».

А. Я. ГЛАДЫШЕВА[1]

ПЕТР ХАРИТОНОВИЧ ГЛАДЫШЕВ

В июле 1918 года меня пригласил в редакцию «Известия Симбирского Совдепа» редактор газеты Александр Швер. Он стал говорить со мной от имени Симбирского комитета Коммунистической партии. Я еще не была членом партии, но по мере сил помогала комитету, выполняя его задания по агитации среди учащейся молодежи и в Красной Армии. Швер подчеркнул, что комитет партии знает мои политические взгляды и доверяет мне. Я поблагодарила за доверие и спросила: «Что мне надлежит выполнить?» Тогда он перешел к вопросу о судьбе моего мужа Гладышева Петра Харитоновича, оказавшегося в белогвардейском плену в Самаре. Тов. Швер предложил мне перебраться через фронт в Самару, связаться с большевистским подпольем и оказать помощь в организации побега Гладышева П. Х., Пеньевского В. Г. и других

---

[1] Александра Яковлевна Гладышева, член КПСС с 1919 г., ныне пенсионерка, проживает в г. Москве.

симбирских красногвардейцев, томившихся с ними в тюрьме.

Вернусь немного назад, чтобы рассказать, кем был Гладышев, как он оказался в белогвардейском плену в Самаре.

Гладышев Петр Харитонович родился в 1894 году в городе Кишиневе. Отец его, военнослужащий, умер рано, оставив семью — пять человек малолетних детей. Когда Пете исполнилось 9 лет, его удалось определить на казенный счет в гимназию, как сироту. Уже с пятого класса Пете пришлось на летние каникулы выезжать из интерната и репетировать детей зажиточных родителей, за что его кормили.

С детства он обнаружил большие способности по рисованию и, будучи в гимназии, одновременно посещал художественную школу. Окончив гимназию, Петя имел сильное желание поступить в Академию Художеств, но ему от этого пришлось отказаться, так как стипендию (25 руб. в месяц) он мог получить только в университете.

В 1913 году Гладышев поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Февральская революция 1917 года оторвала его от государственных экзаменов, к сдаче которых он готовился. Весной 1917 года он приехал в Симбирск, где стал работать среди рабочих суконных фабрик. Он был избран первым председателем правления союза текстильщиков Поволжского района. Гладышев работает здесь рука об руку с большевиками: Данелиа, Крымовым, рабочим Паниным.

Гладышев был энтузиастом создания рабочих красногвардейских отрядов. В связи с выступлением атамана Дутова он вместе с группой большевиков объезжает текстильные фабрики, зовя рабочих в добровольческие отряды Красной социалистической армии. Заняв пост губвоенкома, он организует военное обучение этих отрядов и вместе с ними сам проходит его. К моменту чехословацкого мятежа отряд красногвардейцев-текстильщиков вырос до 400 человек. Часть его ушла под Пензу.

«Всех трудящихся прошу спокойно отнестись к надвигающимся событиям, не поддаваться панике, помня, что рабочие и крестьяне не отдадут ни за что завоеваний революции», — писали члены Симбирского чрезвычайного военного штаба тт. Пеньевский и Гладышев в своем приказе № 1.

Первая задача, которую решил штаб, — это новый призыв рабочих-добровольцев.

31 мая 1918 года Гладышев весь день не отходил от телефонного аппарата, говоря с текстильными фабриками, зовя ткачей на защиту Советской власти... Фабрики отвечали дружно: «Создаем отряд...», «Высылаем»...

Белочехи угрожали уже Самаре. В ночь на 2 июня в губисполкоме и Чрезвычайном штабе в ответ на телеграмму В. В. Куйбышева было решено все симбирские отряды отправить на помощь Самаре. Губисполком решил, что с отрядом пойдет В. Пеньевский, но Гладышев настоял на отправке и его.

Вернувшись домой поздно ночью, он сообщил мне: «Весь отряд, который я создал, идет завтра на фронт. Губисполком меня не пускает, но я решил твердо: я создавал отряд и я должен идти с ним». Утром Гладышев ушел на сборный пункт в наглухо застегнутой серой шинели, подтянутой ремнем. Он шел потом впереди отряда текстильщиков. Проходили по Гончаровской улице мимо правления текстильщиков, к пристаням.

Красногвардейцы! Юные рабочие лица!.. Многие еще не привыкли к винтовке и неумело несут оружие.

Под звуки пароходных гудков уходили суда с красногвардейцами вниз по Волге.

...Прошло несколько томительных дней... 7 июня с перебоями заработал телеграф из Самары. «В боях под Самарой убиты мятежниками начальник Симбирского революционного штаба В. Пеньевский и комиссар Симбирского отряда П. Гладышев», — говорил один из обрывков телеграфной ленты.

На другой день пала Самара. 8 июня на общем собрании коммунистов М. Гимов, председатель губисполкома, сообщил скорбную весть:

«Товарищи! Мы понесли тяжелую потерю. Погибли в бою смертью храбрых наши симбирские неуклонные бойцы за социалистическую революцию — военный комиссар Гладышев и начальник военного революционного штаба Пеньевский».

Я была приглашена на это собрание, и общая скорбь всех окружавших товарищей и друзей помогла более стойко перенести эту утрату.

Но через несколько дней в Симбирск стали прибывать одиночки-бойцы Симбирского отряда, сумевшие избежать

смерти и плена в бою под Самарой. Они настойчиво твердили, что Гладышев и Пеньевский живы.

Выполняя поручения Самарского подпольного комитета, в Симбирск через фронт прибыла коммунистка Дуся Воронина. Она явилась в местный комитет партии и подтвердила, что Пеньевский и Гладышев живы, находятся в плену, в самарской тюрьме. Мне Воронина привезла коротенькую записочку на клочке бумаги: «Я буду жив». Эти слова были написаны рукой Гладышева. Сомнений не было.

Оказалось, что эта самоотверженная девушка, как сестра милосердия, была прикреплена к Симбирскому красногвардейскому отряду, когда он прибыл в Самару, затем вместе с отрядом была в бою под Самарой.

Хорошо обученные и вооруженные белочехи наступали численностью в несколько тысяч штыков. Малочисленные советские войска были расположены неудачно, впереди разлившейся речки Татьянки. С утра 4 июня белочехи подавляющими силами охватили красные отряды, поражая красногвардейцев с трех сторон.

Красногвардейцы, неся большие потери, стали отступать в беспорядке к речке Татьянке. Пеньевский был ранен, и Дуся Воронина перевязала его. Гладышев пытался остановить бегущих. Ему удалось собрать кучку бойцов, которая отстреливалась. Но белочехи с луговой стороны обошли правый фланг. Часть бойцов стала бросаться в речку, другая часть выбросила белый флаг... Пленные красногвардейцы столпились вокруг своих командиров: «Товарищ Гладышев, снимайте тужурку! Бросайте документы! Зовитесь рядовым красноармейцем Ивановым... Мы скажем, что наши командиры убиты»...

Пленных пропускали сквозь строй. Белогвардейские офицеры были хорошо осведомлены, какой-то предатель помог им. Они сразу стали вызывать:

— Комиссар Гладышев?

— Убит, — отвечали красногвардейцы.

— Командир Пеньевский?

— Неизвестно где...

Столпившиеся около Гладышева и Пеньевского красногвардейцы вызвали подозрение офицера. Он подходит.

— Кто такие?

И лишь находчивые ответы вмешавшейся Ворониной

спасают положение. Офицер, поверив, что это действительно «мобилизованные», отходит.

Пленных повели через село. Здесь кулачество избивает их. С пленных стаскивается обмундирование, сапоги. 9 июня пленных привезли в Самару. Тюрьмы уже были переполнены. Симбирских красногвардейцев поместили в арестный дом вместе с уголовниками. К горечи поражения и плена они хотели прибавить еще и унижение. Усталые, измученные красногвардейцы должны были

Рисунок, сделанный Гладышевым в тюрьме. Пеньевский (слева) нарисован им по памяти.

в первые дни с дракой отстаивать от уголовников скудную пищу, которую бросали им тюремщики.

В эти дни Пеньевский и Гладышев расстаются. Раненый Пеньевский попадает в тюремный лазарет. С Гладышевым остаются его товарищи по работе среди симбирских текстильщиков: тт. Базжин, Николай Иванов и группа красногвардейцев.

«Мы любили Гладышева за злость — лютый он был к

буржуазии и учредилке», — рассказывали после бойцы, сидевшие с ним в камере.

Гладышев был избран старостой, читал лекции своим товарищам. Тюремщики догадывались, что это не рядовой красноармеец. Но красногвардейцы хранили его тайну и называли его неизменно «товарищ Иванов».

Воронина, освобожденная как медсестра, оказалась на свободе и сумела наладить связь с пленными симбирскими красногвардейцами.

...Гладышев перед отправкой на фронт не успел оформить свой переход в Коммунистическую партию из партии «левых» эсеров, в которой он состоял. Но к весне 1918 года он полностью уже разделял ленинские взгляды большевиков. Он хотел не только сам перейти к коммунистам, но и перевести с собой других «левых» эсеров.

В Симбирской левоэсеровской организации Гладышев был во главе той группы, которая стояла за полное сотрудничество с большевиками, и боролся против других левоэсеровских лидеров, проводивших тактику все более острой оппозиции к коммунистам...

Борьбу за спасение Гладышева из белогвардейского плена повел комитет коммунистов, а не «левых» эсеров, руководители которых оказались замешанными в муравьевском восстании против Советской власти. Симбирский комитет коммунистов считал Гладышева своим. Дело освобождения Гладышева и других пленных он решил вести помимо «левых» эсеров. Всем этим и объясняется, что тов. Швер предложил ехать мне в Самару в целях организации побега моего мужа Петра Гладышева.

От Ворониной я получила нелегальную явку в Самаре. Обдумывая предварительно детали побега, я обратилась к своей верной подруге жительнице Оренбурга, случайно застрявшей в Симбирске, но имевшей разрешение на проезд через фронт «на родину». Она согласилась в случае необходимости предоставить мне приют в Оренбурге, куда я решила ехать с Гладышевым при благоприятном исходе его побега.

Весьма трудным казался мне переход через фронт. Но в силу сложившейся военной обстановки я неожиданно для себя оказалась за линией белогвардейского фронта. Это произошло потому, что Симбирск был взят белыми. Мне не удалось эвакуироваться.

В Симбирске при белых мне пришлось скрываться.

Но в городе меня, как приезжую, знали немногие. Я решила выполнить задание комитета партии и ехать в Самару. Паспорт я взяла у своей знакомой, кроме того, воспользовалась ее знакомством среди офицерства для получения пропуска и билета.

Приехав в Самару, я по условному адресу установила связь с Ворониной. Мне удалось добиться свидания с Гладышевым (Ивановым). Я назвалась его сестрой. Кроме этого, дважды виделась с ним через окошко тюремной двери. Эти свидания устраивал в свои дежурства один «народный милиционер», сочувствующий красным.

П. Гладышев страшно исхудал в тюрьме, был без верхней рубашки, оброс бородой. На свидании он сообщил, что уже сделал одну попытку к бегству, но неудачно. Несмотря на это, он был очень бодр.

«Наши победят», — говорил он. Его очень интересовали революционные события в Австрии. В окошечко он выглядывал улыбающийся, как будто он был не в тюрьме. Он много шутил относительно своей войны с насекомыми.

«Тюрьма что! Это временно! И здесь можно жить, если знать ради чего! Передай мне карандаши, краски, бумагу, и я буду рисовать!»

После первого свидания я получила через Воронину письмо П. Гладышева: «Как хотелось бы мне видеть тебя не через решетку проклятой тюрьмы... Прости меня, я причинил тебе так много страданий, но я чувствую, что я неисправим. Тюрьма, насилия, оскорбления, близость смерти, чувство обреченного на казнь сделали свое дело. Душа окрепла, убеждения также. И жажда жить и стремиться к своим идеям наполнили всю мою сдавленную и стесненную сейчас душу...

Теперь я спокоен. В душе бодрость, решимость. Должно быть так, как я хочу... Предчувствие меня не обманет... В тюрьме меня полюбили и относятся с уважением и любовью. Тёперь я уверен твердо и прочно, что только мы правы, и только мы...

Нужны силы реальные и только моральная поддержка тех классов, ради которых борешься, а для врагов смерть. Как с нами, так и мы. Наша ошибка, что мы были великодушны. Теперь не то. Я непримирим. Мы не будем живы, — другие вырастут и за каждого погибшего проснутся десятки окрыленных той же идеей. Так было.

Так и будет. За меня не беспокойся. Телом я вынослив, а душа закалилась. Я бодр и бодрость не угаснет. Все перенесу!..».

В тюрьме, преодолевая минуты уныния, рос, мужал стойкий революционер Петр Гладышев.

В стихах, написанных в тюремной камере, Гладышев писал:

Я не могу заснуть, я задыхаюсь...
Там далеко в бою, сражаясь,
Идет за правду смело в бой
Рабочей армии герой.

В другом стихотворении он страстно ждет прихода Красной Армии:

А это что? Неужто правда!
За Волгой далеко я слышу канонаду.
Грохочат выстрелы, визжит шрапнель,
Ложатся уж снаряды на панель
И вижу я в окно,
Что город весь в огне.
О, боже мой, какое счастье,
Свободы час пробил,
Прошло ненастье,
Войска советские идут...

В белоэсеровской тюрьме Гладышев окончательно осознал себя борцом за дело рабочего класса, верным солдатом Советской власти. Его стихи представляли полный разрыв с «левыми» эсерами, которые как раз в те дни перешли к вооруженной борьбе с Советской властью...

...Воронина, конечно, действовала не самолично, она, наверное, имела связь с Самарским подпольным комитетом. Я имела дело только с Ворониной. Один раз мне пришлось ходить с ней в какой-то подвал с бочками, где нас поджидал неизвестный мне мужчина. Из нескольких их слов я уловила, что они говорят о «союзе металлистов». А затем мне был вручен паспорт для Гладышева на имя «Почетного гражданина Иванова».

Гладышеву готовили второй побег. Сочувствующий «народный милиционер» был окончательно распропагандирован и взялся помочь.

Решено было, что Гладышев переоденется в женское платье и милиционер ночью выведет его из тюрьмы под

видом своей жены. Я должна была передать ему приготовленный паспорт.

Но и этот побег сорвался...

После ужина, когда все арестанты были пересчитаны и разведены, Гладышеву удается остаться в столовой и спрятаться. К часу ночи, как было условлено, он пришел к милиционеру и уже успел надеть женское платье. Но появившаяся ревнивая жена милиционера помешала побегу. С этим совпала какая-то тревога снаружи, раздались выстрелы. Тюрьма ожила. Появились стражники...

«Сорвалось — спасся чудом», передал на другой день Гладышев записку Ворониной.

Между тем за Ворониной усилилась слежка, и я ее связывала. Это было опасно и для меня. Я должна была уехать из Самары. Было решено, что Воронина подготовит третий побег и в случае удачи Гладышев отправится в Оренбург, где ему было приготовлено пристанище у моей подруги.

Красные войска, взяв Симбирск, уже наступали на Самару. Однажды Воронина пришла в тюрьму и нашла ее совершенно пустой. Первая мысль: «расстреляли», так как контрразведка, предчувствуя свое поражение, беспощадно расправлялась в эти дни с пленными арестованными.

Оказалось, что в эту ночь белогвардейцы вывезли всех пленных в Тоцкий лагерь. Это было за неделю до взятия Самары Красной Армией. Воронина немедленно выехала в Тоцкое, забрав с собою деньги и хлеб, так как знала, что пленные страшно голодают.

В Тоцком ей удалось в последний раз на мгновенье увидеть Петю Гладышева. Она увидела его, когда пленных вели на станцию и сажали в товарные вагоны.

Наступал октябрь, моросил осенний дождь. Пленные были оборваны, босы и без шинелей. Быстро приблизившись, она почти у самого вагона передала Гладышеву каравай хлеба.

Тотчас подскочил офицер с нагайкой, отогнал Воронину. Гладышев поднялся в вагон. «Эх, не вышло!» — махнул он ей рукой. С визгом задвинулась дверь. Вагон тут же заперли и запломбировали. Через час поезд двинулся.

Это был очередной «поезд смерти».

Не удалось вырвать Гладышева из рук белогвардейцев.

...Красноармейцы - текстильщики, сплоченные Гладышевым, стойко переносили все мучения и издевательства белогвардейских палачей. Все дальше и дальше от Волги увозил их «поезд смерти».

Прошел год белогвардейского плена. От тифа умер тов. Базжин. Отдельным товарищам удалось бежать. Не раз в течение 1919 года в Симбирский комитет коммунистов приходили красногвардейцы, вырвавшиеся из белогвардейских застенков. Они приносили крупицы сведений о Гладышеве. Они рассказывали, что он продолжает мужественно бороться и надеется еще повоевать в рядах Красной Армии.

С трогательной бережливостью эти товарищи проносили через фронт стихотворения, записки, рисунки Гладышева, обрекая себя на верную смерть в случае провала.

Осенью 1919 года, как сообщил мне Степан Шалякин — рабочий бывшей Екатериновской фабрики, группу пленных красноармейцев, в которой находился Гладышев, из Тобольска направили в Иркутск. По Оби их повезли на барже.

Кругом уже кипела партизанская война. Сибирь восставала против Колчака. Гладышев вновь готовил побег, надеясь выйти к красным партизанам. И революционное счастье, как казалось, повернулось, наконец, к Гладышеву. Бежало 60 человек пленных красноармейцев. Это целый отряд. Но измучены люди. Они безоружны и еле двигаются. Белогвардейская погоня близка.

...Разъяренные белогвардейцы без пощады расстреливают пленных. Для Гладышева — для «комиссара», зачинщика побега, они придумывают особую казнь. Запутав ему руки и ноги, они завязывают его в мешок и бросают в воду...

Симбирск узнал об этом в 1920 году, когда с Колчаком уже было покончено.

Вновь прибывали из далекой Сибири бывшие красногвардейцы-симбирцы и рассказывали про революционную стойкость и мученическую смерть симбирского губвоенкома Петра Харитоновича Гладышева.

Е. И. ПЕНЬЕВСКАЯ[1]

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕНЬЕВСКИЙ

Когда в мае 1918 г. началось выступление белочехов на г. Самару, на предприятиях проходили митинги с призывом вступать в отряды для защиты города. В числе многих других записалась и я. Меня зачислили в санитарный отряд. Нас быстро обучили и отправили на фронт под Самару. Я попала в отряд, прибывший из г. Симбирска под командованием Виктора Григорьевича Пеньевского.

Вечером 3 июня мы прибыли на место, а на другое утро начался бой.

Под мостом железной дороги я вместе с другой медсестрой перевязывала раненых красноармейцев. Оказалось, что в бою с превосходящими силами интервентов отряд попал в окружение. Красноармейцы отступали к лесу. Некоторые бросились в реку, пытаясь переплыть ее вплавь, но там их настигали вражеские пули. Пулеметным огнем прикрывал отступление отряда раненый в

[1] Евдокия Ивановна Пеньевская (Воронина), бывшая медсестра Красной Армии, жена Пеньевского В. Г., ныне пенсионерка, проживает в г. Киеве.

руку командир отряда Пеньевский. Я успела наложить ему повязку на рану. Крикнув нам: «Спасайтесь, мы окружены», он скрылся в лесу. Вскоре подошли белочехи и начали выводить красноармейцев из леса. Среди пленных оказалось много раненых.

Затем белочехи отдали распоряжение всем здоровым выстроиться в одну колонну, а раненым в другую. В это время около меня случайно оказался тов. Пеньевский. Товарищи красноармейцы предложили Пеньевскому идти не в группу раненых, а в колонну здоровых. Чех, который занимался этим «отбором», начал ругаться. Сперва не брал Пеньевского в колонну здоровых. Но после моего заявления, что это мой брат и что я его хорошо перевязала, чех согласился взять Пеньевского в число здоровых. Видя это, еще один раненый товарищ, накинув на себя шинель, присоединился к нам. Мы поступили правильно. Едва мы стали отходить, как оставшимся раненым скомандовали, чтоб они легли на насыпь железной дороги вниз лицом. Затем их всех расстреляли в спины. Об этом рассказал позднее чудом спасшийся ординарец Пеньевского, в которого пуля не попала и он, пролежав среди убитых до ночи, благополучно перебрался к своим.

Нашу колонну повели к ж.-д. станции. По дороге несколько раз останавливали, белогвардейские офицеры ходили по колонне и требовали выдачи командиров и комиссаров, но никто этого не сделал. Нас вели вдоль полотна железной дороги. Всю дорогу нас сопровождал эшелон белочехов. На крышах вагонов стояли направленные на нас пулеметы, в вагонах сидели вооруженные солдаты. Из близлежащих деревень выходили крестьяне. Беднота сочувствовала нашей беде. Кулаки злорадствовали, отнимали у пленных сапоги и шинели, многих избивали при этом.

На ж.-д. станции нас загнали в пакгауз, предварительно обыскав и отобрав у всех документы. У сестер отняли даже сумки с медикаментами. Потом дали воды и немного хлеба. Весь хлеб мы раздали раненым, которых было не мало в нашей колонне.

Через некоторое время пленных отправили в Иващенково и поместили в казарме. Раненого Пеньевского под фамилией «Иванова» удалось поместить в больницу, которая была там (вероятно, заводская).

Потом нас перевели в г. Самару и посадили в тюрьму.

Пеньевский же, как раненый, остался в иващенковской больнице. Меня, как медсестру, из тюрьмы выпустили. Вскоре я пошла повидаться с симбирскими товарищами, с которыми вместе сидела в тюрьме. Но в тюрьме симбирских товарищей не оказалось. Нашла я их в арестном доме. Здесь я виделась с товарищем Гладышевым и другими. Арестный дом находился близко от моей квартиры, и я стала часто их навещать. Так прошло с месяц.

Когда тов. Прытков И. Д., перейдя линию фронта, прибыл в Самару и передал мне деньги, посланные из Симбирска для помощи пленным товарищам, я стала ежедневно передавать им продукты и деньги.

Тов. Пеньевского, после долгих поисков, я нашла в самарском тюремном госпитале, куда его перевели из иващенковской больницы.

Он мне рассказал, что его несколько раз вызывали на допросы, подозревая в нем «командира Пеньевского», но явных доказательств этого у противника, видимо, не было, и ему удалось удачно рассеять эти подозрения. Когда в симбирской газете сообщили о гибели тт. Гладышева и Пеньевского, допросы прекратились. Но вскоре в Симбирске опубликовали другое сообщение о том, что они живы и находятся в плену. Пеньевский оказался в опасном положении. Но ему все же удается освободиться из госпиталя. Под видом солдата империалистической войны, вернувшегося из плена, на некоторое время Пеньевский устраивается батраком у кулака в приволжском селе, а потом на барже переехал линию фронта и прибыл в г. Алатырь к своим товарищам.

Незадолго до падения Симбирска по заданию Самарского подпольного комитета партии я была послана в Симбирск, куда был эвакуирован Самарский ревком. В Симбирске я условилась с Гладышевой, что окажу ей помощь, если она перейдет фронт для организации побега Гладышева.

Вскоре в Самару прибыла и Гладышева, я укрывала ее и помогала организации побега Гладышева.

Гладышев все время думал о побеге и однажды он попросил нас достать два женских платья. Я передала женские костюмы, но осуществить свой план побега товарищам не удалось. Гладышева должна была уехать.

Уже в сентябре я узнала, что наши пленные переведены в Тоцкие лагеря. Я повезла им передачу и письма

от жен. Когда я шла от станции к лагерю, навстречу по дороге вели партию пленных. Среди них были Гладышев и другие товарищи. Увидев меня, они замахали руками в сторону вокзала. Я вернулась на вокзал и, при посадке пленных в вагоны, успела передать им продукты и деньги. Из вагона они мне крикнули, чтобы товарищи их не забывали. Позднее мы узнали, что белочехи при отступлении отправили их в Сибирь и многих расстреляли.

После освобождения Симбирска Красной Армией Пеньевский был назначен начальником обороны города. Он руководил ликвидацией двух антисоветских мятежей в губернии.

Позднее ему поручили формировать бригаду, с которой он в мае 1919 г. отбыл на Уральский фронт.

В. Г. Пеньевский был молодым, но способным организатором и командиром. Будучи сам рабочим, он хорошо понимал психологию рабоче-крестьянских масс и умел просто и доходчиво объяснить бойцам обстановку и задачи, поставленные перед Красной Армией по защите молодой Советской Республики от интервентов.

Под его командованием красноармейцы шли в бой в самой трудной обстановке. Однажды один из командиров полка доложил Пеньевскому, что из-за плохого обмундирования солдаты отказываются идти в наступление. Обмундирование действительно было плохое, красноармейцы были в лаптях и рваных шинелях. Начальник снабжения вместо нового обмундирования привез воз грязных шинелей, снятых с новобранцев. Тов. Пеньевский приказал арестовать начальника снабжения и лично сам повел полк в наступление.

Несмотря на трудные условия, в которых приходилось воевать молодой Красной Армии, бойцы проявили исключительную стойкость и героизм в боях за родную Советскую власть.

Белогвардейское командование «охотилось» за комбригом Пеньевским и объявило за его голову награду — 10 тыс. рублей.

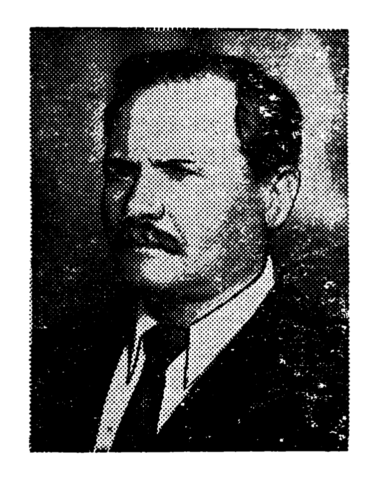
Постоянное напряжение, бессонные ночи (Пеньевский каждую ночь сам проверял посты и возвращался на рассвете) подорвали его здоровье. В декабре 1919 г. после перенесенной болезни (испанки) ему дали отпуск на 2 месяца.

В конце декабря он прибыл в г. Симбирск, а 2 января заболел сыпным тифом.

15 января он скончался от воспаления мозга.

18 января 1920 г. В. Г. Пеньевского похоронили с воинскими почестями на Новом Венце.

Спустя два месяца меня вызвали в военкомат и вручили серебряный портсигар с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии» — подарок В. Г. Пеньевскому от ВЦИКа.

И. Д. ПРЫТКОВ[1]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СОБЫТИЯХ 1918—1919 гг. В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Восстание белочехов в Пензе в конце мая 1918 г., захват ими Сызрани заставили молодую, неокрепшую еще Симбирскую организацию большевиков привести свои силы в боевую готовность. Были посланы два отряда — в Пензу и Сызрань. Позднее послали отряд красногвардейцев в помощь самарцам под руководством тт. Гладышева, Пеньевского и Базжина. Свое боевое крещение отряд получил в сражении под Липягами. Но силы оказались неравными и, будучи прижат к озерам и болотам у реки Татьянки 4 июня 1918 г., отряд потерпел поражение.

После неудачной попытки задержать наступление белых у станции Кряж, 8 июня Самара была захвачена белыми.

Самарский губревком во главе с тов. Куйбышевым отступил на пароходе «Межень» вверх по Волге, на Сенгилей — Симбирск. С ним же отступили в боевом порядке Самарский коммунистический отряд и левоэсеровская дружина, которые позднее сражались в составе Симбирской железной дивизии. Симбирск приобрел весьма важное политическое и стратегическое значение.

В связи с этим вся партийная организация была пе-

[1] Иван Дмитриевич Прытков, член КПСС с 1917 г., бывший председатель Симбирского уездного Совета, ныне пенсионер, проживает в г. Москве.

реведена на казарменное положение. Военная подготовка проводилась под руководством знающих военное дело членов партии тт. Заворотнова Н. П., Чистова Б. Н. и других во дворе кадетского корпуса.

Начальником Симбирского укрепрайона был назначен тов. Звирбуль.

Создавались красногвардейские отряды из рабочих суконных фабрик и по мере их организации, политической и военной подготовки партийный комитет бросал эти отряды на фронт. В Симбирском уезде была создана рота под руководством тт. Губина и Бородулина. Из Карсуна привел отряд Костя Бутыров. Для усиления Сенгилеевского фронта был направлен рабочий отряд Лазаревича, на Бугульминский фронт — Коммунистический отряд.

В боевой обстановке росла и крепла большевистская организация в губернии, уездах, волостях и, особенно, фабричных центрах — Гурьевке, Тимошкине, Екатериновке и других.

При этом следует отметить интернациональный состав нашей партийной организации и красноармейских частей. Особенно большую роль сыграли латыши и военнопленные — немцы, чехи, австрийцы, венгры, югославы и другие, как, например, Валхар, Гурко, Пильчак, Нейланд, Звирбуль и др.

Через полтора месяца после занятия белочехами Самары пал Симбирск. К этому привела измена главнокомандующего Восточным фронтом «левого» эсера Муравьева. В подавлении муравьевской авантюры пришлось участвовать и мне.

За два дня до падения Симбирска, 20 июля, я выехал в сельскохозяйственную коммуну им. III Интернационала, расположенную в 3-х километрах от с. Тушны, не зная, что наступление белых на Симбирск уже началось.

Снабдив коммунистов литературой и оружием, я провел собрание коммунаров. В выступлении указал, что пока никаких опасений в отношении Симбирска нет, но это вовсе не значит, что мы не должны быть ко всему готовы. Наша задача — привести себя в боевую готовность.

После собрания я отправился в село Тушну, где проживала моя семья, состоявшая в с/х коммуне.

Из коммуны ко мне в село прискакал верхом запыхавшийся нарочный, 13-летний мой братишка Сергей.

Еле выговаривая слова, он сообщил о нападении белых на коммуну.

На коммуну произвела налет белогвардейская разведка. Белогвардейцы схватили четырех коммунаров — двух братьев Смирновых, Николая и Василия, Зырина и Жукова, — и повели их к опушке леса, где намеревались учинить над ними расправу.

Я приказал брату, во избежание паники, не говорить никому ни слова. Сам же немедленно выехал к месту происшествия.

Время было к вечеру, стало темнеть. Возле жилья коммуны никого не было. Коммунаров я нашел у опушки леса. Обменявшись наскоро мнениями, мы решили с боем выручить товарищей, уведенных белогвардейцами. Собрав быстро оружие, мы бросились в погоню.

Но поиски были безрезультатными. Исколесив окрестные леса, мы вернулись к утру 22 июля ни с чем. Но наша печаль скоро была рассеяна. Трое товарищей, два брата Смирновых и Зырин, вернулись к нам совершенно невредимыми. Белобандиты, к нашему счастью, не сумели их расстрелять. Направляя пленных гоном к месту расправы, они не учли, что в случае бегства в лесу погоня верхом будет невозможной. Коммунары же, учтя обстановку, едва вошли в лес, бросились врассыпную. Залпы белых по бежавшим сразили одного коммунара тов. Жукова, который упал, истекая кровью, в чаще леса. Остальные бежали благополучно.

Тов. Жуков потом был подобран одним крестьянином и доставлен в больницу. Жизнь его удалось спасти.

В этот же день, собравшись в коммуне по случаю удачного побега коммунаров, мы обсуждали, что предпринять в дальнейшем и как известить Симбирск о появлении белых в нашем районе. Вдруг подъезжают к нам на мотоцикле тов. Долныков и на велосипеде Заворотнов Н. П. и сообщают, что Симбирск сегодня занят белыми.

Все замерли. На лице каждого можно было прочитать тревогу. Но стараясь, однако, сохранить спокойствие, почти все разом вполголоса повторили: «Что делать? Надо решать!»

Было три предложения: первое — спрятать оружие и под видом мирных жителей продвигаться через фронт к своим; второе — идти в глубь тушнинских лесов, рыть там землянки и вести партизанскую войну; третье—с ору-

жием в руках и со знаменем пройти через с. Тушну, Екатериновскую суконную фабрику и призвать под ружье всех рабочих и бедняков, сочувствующих нам, создать отряд и в полной боевой готовности двигаться по направлению к своим, с боями, если придется встретиться на пути с противником. Последнее предложение было принято единогласно.

Заворотнов, Долныков и я распределили роли и занялись формированием отряда, связавшись через нарочного с фабрикой, оповестив всех преданных нам крестьян из бедноты о необходимости вооружиться и выступить на фронт.

Большую услугу нам оказал молодой рабочий А. Волков, державший связь с Тушной и Екатериновской фабрикой (впоследствии он был схвачен белыми и пропал без вести). Отряд сформировался в количестве 25 человек. Вооружившись, мы двинулись по направлению села Тушны. В Тушне мы предполагали пополнить свой отряд за счет бедняцкой части крестьян, а также рабочих Екатериновской суконной фабрики, которые должны были прибыть сюда.

Не доходя до села Тушны, мы получили донесение, что в Тушне находятся какие-то воинские части. Отряд залег во ржи. Я и еще двое пошли в глубокую разведку, гумнами пробрались в село и установили, что Тушна занята советскими частями под командованием Гая, которые отступают из Сенгилея, с ними же отступает и Сенгилеевский уисполком во главе с тов. Саблиным С. К. и председателем уисполкома Еремеевым. Наш отряд, насчитывающий с пополнением свыше 30 человек, влился в один из коммунистических отрядов Гая. Командование отрядами приняло решение идти по направлению станции Майна.

Отряды двигались вперед, приобретая походные боевые навыки. Крепла военная дисциплина. Не доходя села Ясашной Ташлы, отряды столкнулись с противником, который, находясь в засаде, открыл оружейный и пулеметный огонь. Завязалась перестрелка. Наш ответный огонь обратил неприятеля в бегство.

В селе Воецком нами был захвачен белогвардейский разведчик.

По прибытии на станцию Майна Гай связался по телефону со ст. Инза, где был штаб 1 армии. Находив-

шиеся в штабе Тухачевский, Куйбышев и Кобозев считали группу Гая разбитой, но узнав, что она вышла из кольца без потерь, не замедлили прибыть на станцию Майна.

После осмотра частей и парада на станции Майна было приступлено к формированию из разрозненных красногвардейских отрядов Симбирской железной дивизии, которая впоследствии покрыла себя неувядаемой славой на фронтах гражданской войны.

Симбирский партийный комитет и губисполком, эвакуировавшиеся в Алатырь, срочно вызвали меня туда, и на меня была возложена ответственная задача — перейти фронт белых, проникнуть в Самару, оказать моральную и материальную помощь товарищам, попавшим в плен под Самарой и находившимся в белогвардейской тюрьме, организовать по возможности их бегство.

При первом неудачном переходе фронта я был ранен и контужен. Вторично мне удалось перейти фронт под видом военнопленного старой армии — солдата Ивана Пеплова. Находясь в самарском подполье, при помощи тов. Ворониной я выполнил задание партии, а потом получил с белогвардейцев суточное и вещевое довольствие, а также проездные документы на обратный путь.

В 20-х числах сентября 1918 г. я прибыл в Симбирск и информировал штаб и партийный комитет о выполнении задания.

6 декабря 1918 года Симбирский комитет РКП(б) созвал первую Симбирскую губернскую конференцию большевиков, на которой был избран губком РКП(б) в составе тт. Фреймана, Варейкиса, Прыткова, Каучуковского, Нейланда, Гимова и Пищальникова.

В сложных и трудных условиях того времени губком РКП(б) начал свою работу. Разбитые наголову в открытом бою приспешники Колчака, Дутова, Краснова, эсеры и меньшевики, не мирясь со своим поражением, сеяли смуту среди крестьян, организуя кулацкие восстания. В провокаторских целях ими был выброшен лозунг «За Советскую власть! Долой коммунистов!»

В марте 1919 года возник крупнейший в губернии кулацкий мятеж, начавшийся в Сенгилеевском уезде. Организатором его были: помещик Толстой и сын помещика Орлова-Давыдова и им подобные. Мятеж, кроме Сенгилеевского уезда, охватил Ставропольский, частично Меле-

кесский (Самарской губернии), часть Сызранского и Карсунский уезды.

Многие сотни людей были зверски расстреляны и спущены живьем под лед кулацкой сворой. В Сенгилеевском уезде погиб комиссар внутренних дел тов. Кирюхин, в Карсунском — политком тов. Репинский и др.

Для расследования причин этого мятежа выезжала специальная центральная комиссия во главе с членом ЦИК Смидовичем. В Симбирске эта комиссия была пополнена местными представителями, членом комиссии являлся и я — от Симбирского партийного комитета и губисполкома. В процессе своей работы комиссия выявила, что наряду с провокацией явно враждебных элементов, которые руководили этим восстанием, поводом к восстанию послужили и факты злоупотреблений со стороны некоторых работников Сенгилеевской ЧК.

Делу ликвидации сенгилеевского мятежа, который охватил ряд уездов Симбирской и Самарской губерний, в период ожесточенной борьбы с Колчаком на Восточном фронте Советское правительство придавало весьма большое значение. Мятеж был ликвидирован вскоре же после его возникновения.

В начале мая 1919 г. с агитпоездом «Октябрьская революция» Симбирск посетил М. И. Калинин. Мне вместе с председателем губисполкома тов. Гимовым (я работал тогда председателем Симбирского уисполкома) посчастливилось встречать Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета — «Всероссийского старосту», как его называли тогда. М. И. Калинин очень любезно нас принял в своем вагоне и поздоровался. При этом мне хочется указать на те методы, которые были положены в основу изучения М. И. Калининым обстановки и положения на местах в особо важных пунктах Симбирской губернии.

М. И. Калинин не ограничился нашей информацией. Он отказался поехать на заседание губисполкома, где его ожидали. Он прямо выехал непосредственно по селам. Мне пришлось сопровождать М. И. Калинина при поездке его в село Тетюшское. Здесь Михаил Иванович также не стал затруднять докладами ни волисполком, ни сельсовет, а предложил собрать как можно шире общее собрание крестьян. Между тем весть о приезде Всероссийского старосты уже разнеслась кругом, и в село Тетюшское при-

было много крестьян Загудаевской и Сельдинской волостей. В своем выступлении М. И. Калинин проник в душу каждого, вызвав крестьян на откровенный разговор. После собрания М. И. Калинин долго вел непринужденную беседу с одиночками и целыми группами. Все это давало ему возможность уяснить основное и ценное, что волновало массы. Так он поступал и в других населенных пунктах.

После того, как М. И. Калинин посетил ряд сел Симбирской губернии и провел не один десяток общих собраний, он возвратился в Симбирск, где сделал свой доклад.

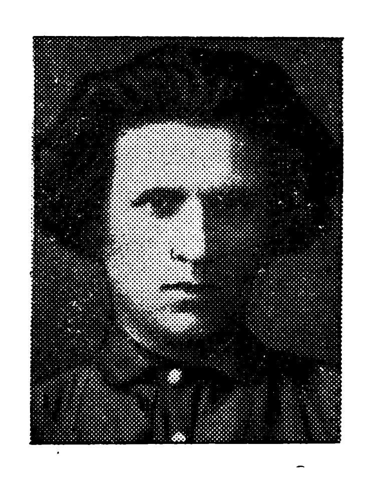
У М. И. Калинина осталось о Симбирской губернии неплохое впечатление. «Если бы вся наша Советская республика — говорил он, — была как Симбирская и Оренбургская губернии, то от Колчака ничего не осталось бы» (М. И. Калинин. Статьи и речи. Москва, 1936 г., стр. 24).

II

ЛИКВИДАЦИЯ МУРАВЬЕВСКОЙ АВАНТЮРЫ И ОБОРОНА СИМБИРСКА

И. М. ВАРЕЙКИС[1]

УБИЙСТВО МУРАВЬЕВА[2]

Об убийстве Муравьева ходит много вымышленных, неверных сказок и небылиц, которые, попадая в печать и отчасти даже в правительственные сообщения, совершенно исказили действительную картину убийства.

Первоначально было сообщено, что «Муравьев покончил самоубийством». Слишком много «романтики» для него. Совершенно неосновательный повод окружать его имя некоторым ореолом благородства.

На мою долю в ту ночь (при другом исходе, быть может, последнюю для многих из нас) выпала задача руководить арестом Муравьева и агитацией в частях, увлеченных им. Поэтому я постараюсь осветить всю эту короткую историю авантюры Муравьева в истинном свете.

10 июля, к 7 часам вечера, на пароходе «Межень» приехали в Симбирск Муравьев со своей «свитой» и около 1000 красноармейцев. В это время нам в Совете никому не было известно, с какими целями приехал Муравьев.

---

[1] Иосиф Михайлович Варейкис (1894—1939), член Коммунистической партии с 1913 г., видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. С мая 1918 по август 1920 г. возглавлял Симбирскую губернскую организацию РКП(б).

[2] Печатается по статье из газеты «Заря», орган Симбирского губкома РКП(б) и губисполкома, №№ 43—44 от 10 и 11 июля 1919 г.

Никаких предупреждений из Казани, откуда он выехал, мы не получали.

Приехав на пристань, Муравьев потребовал, чтобы к нему на пароход немедленно явились члены президиума Совета, начальник связи С. Измайлов и председатель Чрезвычайной следственной комиссии т. Левин. Ничего не подозревая, я и председатель Совдепа пошли в штаб «Симбирской группы войск», чтобы выехать оттуда вместе с остальными лицами, которых Муравьев требовал на пароход.

В штабе пришлось несколько задержаться, пока нам подавали автомобиль. В это время на Гончаровской улице произошел взрыв бомбы. Мы бросились туда. Оказывается, шли три пьяных, еле державшихся на ногах матроса. Один из них около памятника бросил бомбу, мы пытались их задержать. Но они сели на извозчика и уехали.

Мы снова направились к подъезду кадетского корпуса, где помещается Совет, с расчетом дождаться автомобиля.

В это время прибегает молодой коммунист, работавший в Чрезвычайной следственной комиссии. Он рассказал, что почту заняли какие-то вооруженные люди в матросских формах и расставляют на Гончаровской улице пулеметы.

Вокруг нас собралось человек десять вооруженных латышских стрелков и настаивали, чтобы Совет немедленно потребовал убрать пулеметы с Гончаровской улицы. Мы им заявили, что это сейчас же выяснится. В это время на углу показался отряд, возглавляемый человеком в красной черкеске и папахе. Отряд был человек в триста пятьдесят. Сзади везли по мостовой несколько пулеметов «максим». Человек в красном оказался адъютантом Муравьева, фамилия которого, как я узнал впоследствии, — Чудошвили. Он подошел к нам и заявил:

— Кто здесь большевики и кто эсеры? Отходите в разные стороны.

Кто-то ответил, что здесь не большевики и не эсеры, а просто «частная» публика.

Тогда он спросил, где председатель Совета. Я заявил, что он может говорить со мной.

— Так я объявляю вам, что вы временно арестованы. Приедет главнокомандующий, тогда мы выясним.

Я потребовал ордер на мой арест, ибо не может же каждый, кому только захочется, арестовывать.

— Дело видите ли в том,—ответил он,—что «главнокомандующий» Муравьев объявил войну Германии, а с чехами мы «заключили мир», так как они наши братья (!) и тоже хотят воевать с Германией. Гражданскую войну больше вести бессмысленно, а впрочем мы разберем, вы войдите пока в здание, — закончил он свою галиматью.

В это время к Совету пыхтя подъехал броневик, а за ним другой и третий. Я быстро постарался скрыться в здании Совета, пока он говорил о «блаженном мире с чехами» окружавшим его красноармейцам.

В нижнем этаже помещалось несколько латышских рот, я направился прямо к ним. Лишь только я появился, латыши меня окружили и, горячась, стали спрашивать, что случилось. Объяснил им, что Муравьев изменил, ибо его адъютант открыто говорил, что «главнокомандующий» заключил мир с чехо-белогвардейцами и перешел на сторону белогвардейцев, я их предупредил, чтобы никаких активных шагов они не принимали, чтобы не выдать себя.

От латышей я направился в комнату президиума, но там никого не было. Подошел к телефону: центральная ответила, что сделано распоряжение, — никого не соединять.

Мне еще яснее стало, что затевает Муравьев. Я опять пошел вниз, в латышскую часть. Там шли горячие споры между латышами и адъютантом Муравьева. Ко мне подбежал красноармеец московского отряда тов. Медведь, который впоследствии оказал колоссальную услугу нашей фракции при аресте Муравьева, и, волнуясь, начал спрашивать, почему Муравьев арестовывает большевиков и правда ли это. Я ответил, что это правда. Он, размахивая кулаками, стал требовать объяснений у Чудошвили об арестах на Гончаровке.

— Как? Кто арестует? Кто говорит? — якобы удивился тот.

Ему указали на меня.

— Я вас арестую. Вы лжете и агитируете, вам нельзя быть в частях.

Я заявил, что у меня, конечно, больше, чем у него, прав находиться в части. Латыши меня окружили. Он, не ожидая такой картины, постарался поскорее выйти.

Ко мне подошел тов. Медведь и просил разрешить ему убить Муравьева бомбой в автомобиле. Я посоветовал ни в коем случае не делать этого, ибо такое убийство может быть истолковано совершенно превратно, и муравьевские вооруженные части, а также броневики, окружившие Совет, сметут всех нас с лица земли. Самая выгодная позиция для нас пока — это внешний нейтралитет, но все должны немедленно направиться в разные части для агитации, а также попросил, если меня арестуют, то чтобы они вынесли резолюцию протеста с тем расчетом, что этой резолюцией можно будет повлиять на отряды, идущие за Муравьевым.

Принимая во внимание, что фракция наша может оказаться вся арестованной, я послал одного товарища из московского отряда передать председателю Совдепа тов. Гимову, чтобы он скрылся и принял какие-либо активные шаги с внешней стороны.

Часа полтора (между 9-ю и 11-ю) что-либо активного предпринять не пришлось, а лишь всех красноармейцев коммунистического отряда разослали по частям для агитации.

В 12 часов ночи пришло несколько членов исполкома, и ими было решено созвать заседание исполкома. Немедленно были разосланы повестки к отсутствовавшим членам исполнительного комитета Совета, чтобы они собрались как можно скорее на заседание.

Вскоре явились члены исполкома товарищи Фрейман, Швер и Иванов (комиссар труда) от нашей фракции. Фракция «левых» эсеров собралась целиком и отправилась в Троицкую гостиницу на совещание с Муравьевым, который выдавал себя за «левого» эсера. Муравьев поехал со своим адъютантом на заседание фракции «левых» эсеров.

Встретив Швера, редактора «Известий» губисполкома, я пошел к нему в редакцию, чтобы обсудить, как нам в данных условиях ориентироваться. Ясно было, что мы стоим перед фактом измены, прикрытой «левыми» фразами.

Я попросил пригласить двух наборщиков-коммунистов. Тов. Швер быстро их нашел. Мы им поручили приготовить шрифт и бумагу для воззвания. Я сел писать воззвание. В это время коммунистами-красноармейцами

велась усиленная агитация. Вскоре пришел в редакцию Шеленшкевич, который сначала был арестован Муравьевым на пристани, а затем явились тт. Иванов и Фрейман, и мы открыли в редакции совещание. Встал вопрос, как держаться нашей фракции.

В дверь комнаты редакции постучал тов. Медведь и заявил, что пришла делегация от курского бронированного отряда и хочет с нами поговорить. Я их попросил войти. Делегация состояла из политического комиссара отряда тов. Иванова и одного шофера (фамилию не помню). Они заявили, что им кажется, что Муравьев затевает что-то неладное против Совета.

Мы объяснили, что Муравьев перешел на сторону чехословаков.

«В таком случае, — заявила делегация, — ни один броневик не выпустит ни одного снаряда по Совету» (а броневиков было 6).

Я их от имени нашей фракции и партийного комитета поблагодарил и вместе с тем попросил, чтобы они вошли в соглашение с другими отрядами и пулеметной ротой, которая окружала Совет, Гончаровскую улицу и ряд учреждений, захваченных Муравьевым (почту, банки и др.), потому что это им сделать удобней, чем непосредственно нам — членам Совета.

Долго ждать не пришлось. Не успел я дописать воззвание, уличающее в контрреволюционности Муравьева, как явилась делегация и от пулеметной команды, которая тоже быстро перешла на нашу сторону. Мы повеселели: перед нами уже были силы, которые постоят за себя.

Посовещавшись, мы решили немедленно же, как только придет Муравьев на заседание исполкома, арестовать его.

А фракция «левых» эсеров в это время тоже совещалась. Нам донесли, что она присоединяется к предложению Муравьева образовать Поволжскую республику во главе с Муравьевым.

Приступили к организации ареста. Члены фракции большевиков предложили мне руководить этой операцией. Прежде всего встал вопрос, как организовать надежную вооруженную силу, хотя бы человек в пятьдесят, которые могли бы, в случае необходимости, пожертвовать собой. Ясно, что, кроме латышей, другой вооружен-

ной силы не найти. Но вместе с тем я заявил, что необходимы люди и из других отрядов, чтобы даже в случае неудачи не одни латыши, но и другие части оказались вовлеченными в борьбу на нашей стороне. Решили выделить по десять человек из бронированного отряда и из московского, хотя последний оказался настолько революционным, что не было ни одного красноармейца, который не принял бы участия или в агитации или в охране Совета.

Всего набралось приблизительно 120 человек. Решили устроить засаду в двух соседних комнатах (№ 5 и № 3), а в комнате № 4 должен был заседать исполком. Потушили электричество. Я приказал немедленно коменданту тов. Спирину открыть кладовую и передать московскому отряду пулеметы. Их расставили в комнатах, где находилась засада, и в зале, через который входили в комнату заседаний исполкома. Решили, что, если Муравьев явится на заседание хотя бы с полсотней человек, все равно открыть пулеметную стрельбу, но не дать возможности выйти из комнаты живым Муравьеву и его банде.

Иванов, «левый» эсер, по-видимому, узнал про засаду и предложил перейти в другую комнату. Но я, чтобы избежать этого, просто объявил собрание открытым. Таким образом, вопрос разрешился. Мы остались в необходимой для нашей цели комнате.

Сделав некоторое вступление, я предоставил слово Муравьеву. Я не буду писать о том, что говорилось на этом заседании. Скажу только, что «левые» эсеры «закатили» такую декларацию, что во время российского соглашательства правые эсеры и то выносили более ясные и более «революционные» декларации. Наша фракция, особенно тов. Фрейман и Иванов, дали Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор, называя его авантюристом и шулером.

Муравьев нервничал, кусал губы. В заключительной своей речи я в резкой форме заявил, что «мы не за вас, а мы против вас».

Фракция «левых» эсеров, встретив такое сопротивление со стороны нашей фракции, потребовала перерыва. По-видимому, они догадывались, что наша фракция что-то замышляет, готовит для нее неожидаемый сюрприз.

Надо несколько слов сказать о том, что происходило

во время заседания за дверью, в отряде, которому было поручено арестовать Муравьева.

Лишь только Муравьев вошел в комнату и закрылась дверь, как отряд немедленно вышел из засады и окружил комнату за дверью, которая до половины была закрыта газетой, чтобы из комнаты заседания не видно было, что происходит в зале. На дверь были направлены пулеметы, полукругом расположилось 100 или 120 вооруженных людей.

Во время заседания за дверью произошел шум. Меня стали вызывать в отряд. Открывают дверь и машут рукой. Мне несколько раз приходилось покидать место председателя и идти успокаивать.

Муравьев начал смутно догадываться, что что-то готовится. В один из таких наиболее шумных моментов вышел «левый» эсер Иванов, командующий Симбирской группой войск. С его появлением еще больше поднялся шум. Он вернулся бледный и попросил, чтобы я вышел и успокоил бойцов. Когда я вышел, то оказалось, что был разоружен адъютант Муравьева. Адъютант подошел ко мне и попросил возвратить ему оружие. Я ответил: «Мы сейчас, товарищи, разберем, а вы пока посидите», а ответственным товарищам из отряда заявил, чтобы они зорко смотрели за ним.

Был еще ряд подобных моментов, которые усиливали тревогу «левых» эсеров и Муравьева с его тремя телохранителями. Муравьев к концу заседания страшно побледнел, растерянно посматривал по направлению к двери, на его лице не было ни улыбки «Наполеона», ни удали «Гарибальди», с которыми он себя сравнивал в тот вечер перед красноармейцами.

Я объявил перерыв. Муравьев встал. Молчание.

Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрел на него в упор. Муравьев тоже. Чувствуется, что он прочел в моих глазах что-то неладное для себя и сказал: «Я пойду, успокою отряд». Он повернулся и направился со свитой солдатским шагом к двери.

Для слабых момент психологически невыносимый.

В это время за дверью приготовились для ареста. Тов. Медведь ждал условного знака, который я должен был ему подать в нужный момент.

Муравьев пошел к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку двери. Я махнул рукой.

Тов. Медведь скрылся... Через несколько секунд дверь перед Муравьевым распахнулась, блестят штыки...

Муравьев оказался поставленным лицом к лицу с вооруженными, со злобно сверкающими глазами, красноармейцами-коммунистами.

— Вы арестованы!

— Как, провокация? — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Тов. Медведь схватил его за руку. Муравьев выхватил из кармана «браунинг» и хотел стрелять.

Увидев вооруженное сопротивление, отряд начал стрельбу. После шести—семи выстрелов с той и с другой стороны Муравьев свалился убитым в дверях исполкома, из головы потекла кровь.

Все это произошло в одно мгновение. Изменник, пытавшийся нанести удар в спину Советской власти, уничтожен.

Так кончилась предательская авантюра неудачливого «Бонапарта», авантюра, которая могла бы поставить Советскую Россию перед фактом беспрепятственного занятия белочехами всего Поволжья, а может быть привести и к удушению революции.

Муравьевщина серьезно осложнила обстановку на Восточном фронте.

Если армия оказалась непоколебимой, то среди командного состава имелись и явные предатели и люди, обманутые Муравьевым.

Всех, кто был в зале, охватило оцепенение, когда оказалось, что Муравьев убит. Многие не ожидали того, что произошло, хотя нам было ясно, что Муравьев живым не сдастся.

Вбегаю в гимнастический зал и призываю всех к революционному порядку. «Как бы ни были неожиданными и, быть может, для многих тяжелы моменты, мы обязаны владеть собой и довести до конца начатое нами!» — крикнул я на весь зал, и все встрепенулись и обернулись ко мне. — «Сейчас, ввиду серьезности момента, мы должны как можно быстрей действовать. Управление войсками в Симбирске в настоящий момент беру на себя я. Итак, еще раз приказываю — к порядку! Часовые, по местам!» — Все соглашаются. Заиграла революционная страсть.

Быстро занимают все выходы в здании Совета, лихо-

радочно расставляют пулеметы. Интернационалисту Райсу поручаю разоружить те части, которые шли за Муравьевым; Предиту, начальнику 2-й латышской роты, — защищать здание Совета в случае нападения.

Тов. Швер, член Симбирского комитета партии большевиков, редактор «Известий», в эту ночь действительно доказал свою революционность и преданность делу революции. Молодой, шустрый, но вместе с тем серьезный, он явился незаменимым. И надо отдать должную справедливость, что значительная часть успеха операции выпала на его долю. До этого я его очень мало знал.

Наша фракция в Симбирском губисполкоме была незначительна — всего восемь—десять человек, но в эту ночь каждый из нас оказался на высоте положения.

После убийства Муравьева я встал на площадке лестницы второго этажа. Принесли воззвания, которые были отданы до заседания в типографию. Через очень короткий промежуток времени появились одна за другой делегации из отрядов с вопросом: «Где Муравьев?» Я объяснял им, что произошло, и раздавал воззвания. Они сравнительно быстро присоединялись к нам.

К матросам, которых Муравьев выпустил из симбирской тюрьмы и взял для своей личной охраны, я написал от президиума записку, в которой предложил немедленно сдать оружие и присоединиться к Советской власти.

Матросы отдали оружие и прокричали три раза «ура» Советской власти.

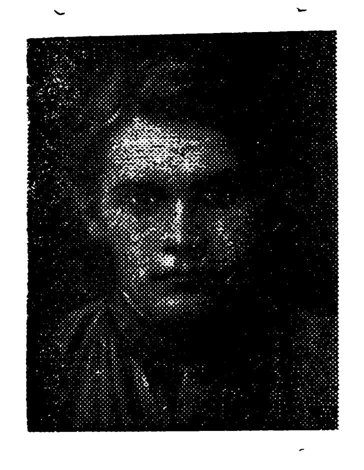
Через несколько часов освободили арестованного Муравьевым тов. Тухачевского, которому я передал командование.

Стало совершенно светло, тихо, появились объезжавшие отряды члены нашей фракции и сказали, что все тихо, все сделано, все готово.

Отблески лучей восходящего солнца заиграли в стеклах советского здания.

Дан приказ снять все пулеметы, броневики, все принимает прежний обычный вид.

Закипела обычная революционная работа.

Г. Д. КАУЧУКОВСКИЙ[1]

СИМБИРСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ И АВАНТЮРА МУРАВЬЕВА[2]

В начале 1918 года я был секретарем Симбирского комитета партии. Формально комитет был городским, он был избран на одном из городских партийных собраний. Фактически же он выполнял работу губернского комитета: руководил фракцией губисполкома, давал директивы уездным комитетам партии, держал связь с Центральным Комитетом партии. Ни одна из уездных партийных организаций не оспаривала права нашего комитета руководить в масштабе губернии. К голосу комитета прислушивались, с ним держали связь, приезжали представители уездных комитетов за советами, указаниями, за литературой, за людьми, выполняли его директивы. Членами комитета в то время были Гимов, Измайловы Сергей и Александр, Швер, Иванов И. К, Прытков, Фрейман, я и другие. В мае 1918 г. в состав комитета вошел приехавший в Симбирск Иосиф Варейкис, который с первых же дней стал фактическим руководителем всей партийной организации. Все члены комитета были по горло заняты руководящей работой в советском аппарате, и только я,

---

[1] Григорий Данилович Каучуковский (1898—1942), член Коммунистической партии с 1917 г., с декабря 1917 по май 1921 гг. работал в Симбирске на руководящей партийной работе.

[2] Печатается по книге «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936 г.

как секретарь, был освобожден от всякой другой работы.

Техническая работа в комитете была возложена на Чистова, который явился к нам одним из первых от учащейся молодежи. После, когда Чистов был послан комитетом партии на политическую работу в организовавшийся штаб Симбирской группы войск, его заменил С. Евреинов.

В январе 1918 года, когда я был избран секретарем комитета, городская организация насчитывала не больше 40—50 человек. До этого времени вполне организованного большевистского комитета в Симбирске не было. Организация наша была небольшая, молодая, но идейно спаянная. Авторитет, которым пользовалась наша партия среди рабочих и крестьян, агитация и упорная организационная работа обеспечили приток в наши ряды рабочих, демобилизованных солдат старой армии, батрачества и крестьянской бедноты. В организацию вошла часть членов губисполкома, бывших до этого времени беспартийными, а симбирский губисполком состоял больше чем из 100 человек.

Кроме большевистской организации, в Симбирске существовала левоэсеровская, имевшая много сторонников в губисполкоме и других советских учреждениях.

Несмотря на то, что мы были гораздо сильнее и организованнее их, часть наших товарищей в комитете допустила большую ошибку: недооценив рост и укрепление нашей большевистской организации, согласилась (это было до приезда тов. Варейкиса) на передачу «левым» эсерам ряда важнейших ответственных советских постов, в том числе поста губернского военного комиссара и губернского продовольственного комиссара.

Наша партийная организация с каждым днем пополнялась товарищами, прибывшими в Симбирск из других губерний, особенно с юга России и из Финляндии. Прибыли и остались на работе в Симбирске Олейник, Нейланд, Звирбуль, Соколинский и др.

С приливом новых работников, которым мы немедленно поручали различную партийную работу, стали расти и крепнуть наши организации.

К моменту выступления Муравьева (10 июля 1918 года) наша партийная организация значительно окрепла и выросла. Под непосредственным руководством партий-

ного комитета был проведен VI губернский съезд Советов, на котором впервые была организована большевистская фракция. Наше влияние в городе и на периферии росло с каждым днем. На железной дороге, на текстильных фабриках создавались и крепли наши партийные ячейки. Мы уже имели к этому времени ряд партийных ячеек в деревне. В лице же И. М. Варейкиса мы получили авторитетного, теоретически подготовленного руководителя.

* * *

В последние дни перед приездом Муравьева в Симбирск я работал в партийном комитете почти круглыми сутками. Момент был чрезвычайно серьезный и тревожный. Положение на фронтах было очень тяжелое.

В партийном комитете в те памятные дни и ночи было шумно. Со всех концов города и из ближайших уездов (Сенгилеевский, Симбирский, Карсунский), которым угрожала непосредственная военная опасность, приезжали и приходили товарищи за указаниями, за агитаторами, военными инструкторами, за литературой и т. д. Тут же в шкафах и на полу находилось оружие: бомбы, гранаты, винтовки, шашки. Здесь же всегда был ящик с хлебом, консервами, стояли большие чайники, и приходившие товарищи, не дожидаясь приглашения, подкрепляли свои силы и уходили на боевую работу. А работы было много. Все члены нашей партийной организации работали либо на производстве, либо в многочисленных советских и профессиональных организациях, либо вели партийно-агитационную и организационную работу.

Ночью, вооружившись винтовками и бомбами, мы ходили в обходы, патрулировали по городу, выполняли задания ЧК, работавшей сперва под руководством Грикмана, потом Левина-Бельского.

Положение становилось все тревожнее. Настроение в партийной организации было повышенное и боевое. Чувствовалось, что близок окончательный разрыв с «левыми» эсерами. Партийцы с минуты на минуту ждали сигнала, чтобы выступить против «левых» эсеров. Рядовые партийцы не могли понять, почему это в то время, когда наша партийная организация растет и крепнет, на крупнейших руководящих советских постах, особенно в военном комиссариате и в штабе группы войск, находятся «левые» эсеры. В Симбирске «левые» эсеры представля-

ли собой скорее большой штаб, но без сколько-нибудь серьезной организации. Правда, они еще имели довольно сильное влияние в деревне, но и влияние нашей организации на широкие слои трудового крестьянства в губернии, особенно бедноты, непрерывно росло и крепло. После левоэсеровского мятежа в Москве терпение в рядах нашей большевистской организации начало истощаться. Все товарищи, с которыми приходилось встречаться в эти дни, настойчиво требовали немедленной изоляции левоэсеровских лидеров, требовали, чтобы во главе важнейших организаций, особенно военных, стали большевики.

* * *

10 июля, в день прибытия Муравьева в Симбирск, в партийном комитете было особенно многолюдно и шумно. О приезде Муравьева никто из работавших в партийном комитете ничего не знал.

Часам к семи—восьми вечера в партийном комитете я остался один. Через некоторое время сюда зашел тов. Савандеев и рассказал, что на Гончаровской улице какие-то матросы бросили бомбу, что на улицах встречаются группы матросов, которые держат себя очень развязно и вызывающе, многие из них пьяны, а по углам собираются кучки подозрительной публики.

— Что-то тревожно на улице, — сказал он.

Я вспомнил, что таким же примерно образом три месяца тому назад началось организованное контрреволюционными элементами выступление одного из красноармейских отрядов против чрезвычайного комиссара губернии Солонко.

Выйдя на улицу, я увидел в нескольких шагах от входа в кадетский корпус командующего Симбирской группой войск К. Иванова. Вокруг него толпились работники штаба и местные левоэсеровские лидеры (Белешин, Миронов и др.) и о чем-то взволнованно разговаривали, а несколько десятков красноармейцев и матросов по указаниям военного в черкеске расставляли по углам улицы, ведущей в кадетский корпус, пулеметы. Я обратился к Иванову, который меня прекрасно знал, с вопросом:

— Что тут происходит?

Иванов как-то растерянно и смущенно ответил:

— Ничего особенного, ждем главнокомандующего Муравьева. С минуты на минуту он должен прибыть.

— Причем же тут пулеметы, зачем надо было окружать Совет? — спросил я.

Иванов ничего не ответил, отвернулся и отошел.

Почувствовав что-то весьма серьезное и опасное, я побежал обратно в корпус, поднялся на третий этаж в комнату президиума губисполкома, в которой обычно с утра до поздней ночи, а часто и ночью находился Варейкис. Вбежав в комнату, я увидел Варейкиса, быстро шагающего по комнате из угла в угол.

Он громко разговаривал сам с собой:

— Какие подлецы... изменники... предатели... Открыли фронт!..

Постояв и убедившись, что Варейкис не замечает моего прихода, я подошел к нему, остановил его и спросил:

— В чем дело, Иосиф?

— Да ты что, неужели не знаешь, что происходит? Муравьев изменил революции, предал, открыл фронт чехословакам и белогвардейцам и вместе с «левыми» эсерами затеял контрреволюционный переворот. Надо немедленно действовать... Не теряя ни одной минуты... Готовить сокрушительный отпор.

Поняв, в чем дело и уяснив себе обстановку, я задал Варейкису только один вопрос:

— Что делать с партийными документами?

— Припрятать, — ответил он мне.

Все наши партийные дела и документы, списки, касса и прочее находились под замком в партийном комитете, ключи от которого были при мне.

Спустившись в партийный комитет, я быстро отобрал основные документы, главным образом списки членов нашей организации, свернул их, крепко перевязал веревкой и вышел из здания. На улице было много народу, стало больше и пулеметов. У некоторых пулеметов были пропущены ленты и стояла прислуга.

Я незаметно выбрался с улицы, на которой находился б. кадетский корпус, и вышел к Дому Свободы. Тут я внимательно осмотрелся и, никого не заметив, зарыл сверток бумаг возле 1-й гимназии, наложив на него груду лежавших здесь мелких камней. Затем еще раз внимательно осмотрелся и, убедившись, что я один, что меня никто не заметил, пошел по направлению к Панской

улице, чтобы несколько иным путем, через Гончаровскую улицу, добраться до здания кадетского корпуса.

Подходя к нему, я увидел отряд броневиков и большой красноармейский отряд, которые направлялись к Совету. Отряд подошел к зданию Совета и остановился, броневики выстроились сзади него. Я стал позади отряда на другой стороне улицы, где помещался штаб. Недалеко от себя увидел небольшую группу рядовых партийцев, среди которых мне особенно запомнился Острогдазов.

Скоро к Совету подъехал Муравьев. Быстро выскочив из автомобиля, он вытянулся во весь рост и начал говорить речь.

— Прежде всего да здравствуют Советы! — сказал он, показывая рукой на б. кадетский корпус. — Да здравствует Красное знамя! Мы кончили гражданскую войну, — продолжал он, — мы заключили мир с братьями чехословаками, вместе с ними мы идем войной против немцев, наших подлинных врагов, и горе тем, кто посмеет помешать нам в этом великом походе!..

Говорил Муравьев недолго, не более десяти минут, и закончил речь громким «ура». Отряд ответил вяло. Затем Муравьев здесь же на улице, около здания Совета, начал раздавать лидерам местных «левых» эсеров посты и назначения. Я очень хорошо запомнил следующую картину. Громким голосом Муравьев выкрикивал:

— Прапорщик Гольман! (Гольман действительно был прапорщиком).

Быстро, по-военному отбивая шаг, подходит Гольман, вытягивается и берет под козырек.

— Прапорщик Гольман, вы назначаетесь мною комиссаром телеграфа.

— Слушаюсь, — отвечает Гольман и, по-военному поворачиваясь, уходит.

— Белешин, — выкрикивает Муравьев.

Подходит высокий, немного сутуловатый, чахоточный Белешин и как-то неловко берет под козырек.

— Белешин, вы назначаетесь мною комиссаром продовольствия.

Вызваны были еще, кажется, Миронов и Иванов. Насколько можно было судить по лицам Гольмана и Белешина, они остались очень довольны.

Митинг закончился. Отряд утратил свой боевой вид

и распылился, на месте остались только броневики с грозно направленными на Совет дулами пулеметов. Муравьев произнес еще одну речь перед латышским отрядом и уехал по направлению Гончаровской улицы.

На улицы Симбирска выплыла притаившаяся контрреволюционная и обывательская муть. Постояв еще немного у здания б. кадетского корпуса, где помещались Совет и наш партийный комитет, я подошел к часовым, к броневикам, вступая с красноармейцами в разговоры сперва на отвлеченные темы, а затем и о Муравьеве. Из этих разговоров я вынес впечатление, что красноармейцев при хорошей агитации можно будет перетянуть на нашу сторону. Покружившись еще некоторое время около здания Совета, я затем незаметно, без всякого труда прошел через главный вход в помещение и направился в партийный комитет.

В комитете, к моему удивлению, я нашел все, даже оружие, в том же порядке, как оставил.

Было около 10 часов вечера. Я зажег электричество и сел за стол.

— Был здесь кто-нибудь? Спрашивали меня? — обратился я к дремавшему сторожу.

— Да особенно никого не было, только два красноармейца каких-то заходили, да, кажись, кто-то из «австрияков» (сторож имел в виду товарищей из интернационального отряда).

Я подошел к телефону, взял трубку. Никто не отвечает.

Что делать?

Я направился к выходу, но в дверях встретился с красноармейцем Дубовцевым, который в старой армии был унтер-офицером, а впоследствии был помощником командира нашего коммунистического отряда.

Переговорив с Дубовцевым и рассказав ему суть дела, я просил его принять меры к охране партийного комитета. Дубовцев ушел и скоро вернулся с группой в восемь—десять красноармейцев, часть которых он поставил часовыми около входных дверей в партийный комитет, а остальных оставил в помещении.

Этот караул простоял на охране партийного комитета до убийства Муравьева, а затем вместе с другими красноармейцами принимал участие в разоружении муравьевского отряда.

* * *

После того, как Дубовцев обеспечил охрану нашего партийного комитета, я направился наверх, в комнату президиума губисполкома. В вестибюле я встретил коммунистов Швера, И. Х. Иванова — губернского комиссара труда, В. Новикова и еще кого-то.

Мы обменялись короткими замечаниями о происходящих событиях. Хорошо запомнились слова Иванова:

— От «левых» эсеров я всегда ждал этой подлости.

Товарищи направились в помещение губисполкома, а я пошел в красногвардейский отряд, который состоял преимущественно из рабочих текстильных фабрик Симбирской губернии. Большая часть этого отряда, слабо обученного, но довольно крепко сколоченного, находилась в это время на фронте. Красногвардейцы, видимо, только что поужинали. Большинство из них — кто раздевшись, кто нет — лежали на койках и покуривали. Посидев немного и расспросив, как дела, проходят ли они военное обучение, что делается на фабриках, как семьи живут, — я незаметно перешел к разговору о Муравьеве и, рассказав, что происходит, спросил несколько иронически:

— Вы за кого, товарищи текстильщики?

— Мы... мы-то, — ответило сразу несколько голосов, — понятное дело, мы за рабочий класс.

— Мы, суконщики, не пойдем против Советской власти и против рабочих, — громко заявили красногвардейцы.

Но настроение отряда в целом было слишком благодушное, и поэтому я более резко сказал:

— Не о том я вас спрашиваю, за рабочий класс вы или нет. Конечно, вы за рабочий класс, за Советскую власть, — в этом наш партийный комитет не сомневается. Но почему вы в такое тревожное время, когда против вас направлены дула броневиков, спокойно полеживаете на койках?

— А что, что такое? — раздался ряд голосов. — Что такое случилось? — и многие, вскочив, бросились к окнам.

— Ребята, в самом деле броневики!

Красногвардейцы, вскочив с коек, стали торопливо одеваться. Многие бросились разбирать винтовки. Ска-

зав им, чтобы они были наготове, но ничего сами не предпринимали, я вышел, крикнув на ходу:

— Не торопитесь, когда нужно будет, мы вас позовем.

Поднявшись от них на третий этаж, я видел, как Швер, Варейкис и еще кто-то направились в редакцию нашей газеты, редактором которой был Швер. На ходу я узнал от Швера, что они собираются печатать воззвание к муравьевским отрядам и что предстоит совещание с некоторыми руководителями муравьевских отрядов. После этого я спустился вниз, зашел в латышский отряд и от одного знакомого товарища узнал, что адъютанты Муравьева и сам Муравьев очень старались сагитировать отряд в свою пользу, но у них ничего не вышло. Отряд был настроен против Муравьева.

Когда я вернулся опять в партийный комитет, то застал там не менее десяти—пятнадцати человек. Здесь были: печатник Абросимов, Дубовцев, Пильчак, Валхар, Савандеев, Преснов и еще кто-то. Я зашел в тот момент, когда помощник политического комиссара при командующем группой войск К. Иванове—Клевицкий — доказывал, что Муравьев — подлинный революционер и поступил совершенно правильно, решив повернуть армию против немцев.

Когда я вошел, Клевицкий начал переводить разговор на другую тему. Я заметил, что таким разговорам не место в партийном комитете.

— Я, — ответил мне Клевицкий, — левый коммунист. Почему же это я должен молчать?

— Ты «левый» коммунист? Чего же ты нам раньше об этом не заявил?

— Да так, не пришлось.

— Вот что, дорогой, если ты за Муравьева, то тебе здесь делать нечего, ступай к нему вон туда, — сказал я, указывая на Троицкую гостиницу, где в это время происходило совещание Муравьева с лидерами «левых» эсеров по вопросу о замене правительства Ленина правительством Камкова-Муравьева.

Заметив на себе строгие взгляды наших партийных товарищей, Клевицкий не спеша удалился.

О том, что происходит в гостинице, я был хорошо информирован Райсом, который рассказал мне, что эсеры решили несколько министерских постов предложить на-

шим руководящим товарищам и что им хотелось бы заполучить к себе Варейкиса.

Было около 11 часов ночи, когда в партийный комитет вошел секретарь редакции «Известий» В. Новиков, держа написанное Варейкисом воззвание к муравьевским частям. Воззвание говорило об измене Муравьева. Оно было написано кратко, но выразительно. Необходимо было подыскать партийных товарищей, которые могли бы набрать и отпечатать его. Это удалось сделать довольно легко и быстро, так как наборщик — член нашей партийной организации — Абросимов находился тут же. Абросимов, взяв текст воззвания, обратился ко мне с просьбой дать ему небольшую охрану, что мною и было сделано.

Я опять поднялся на третий этаж, в помещение президиума губисполкома, где должно было происходить заседание губисполкома. Варейкис просил меня послать кого-нибудь в гостиницу «Пассаж», где проживало чуть ли не большинство членов губисполкома, чтобы уведомить их о предстоящем заседании губисполкома.

* * *

Время шло, но мне казалось, что оно стоит на месте. Бывший кадетский корпус, как всегда ярко освещенный огнями, ничем особенным в эти часы не отличался.

На третьем этаже было тихо и спокойно, как никогда. Ничего особенного, казалось, здесь не происходит. Между тем в эти часы, когда весь город погрузился в глубокий сон, Варейкис с небольшой группой членов симбирской партийной организации подготовлял план ликвидации муравьевской авантюры, грозившей огромными бедствиями для Советской Республики. Опасность была чрезвычайно велика, велика была и ответственность.

Не останавливаясь ни перед чем, надо было принять самые решительные, самые героические меры, дорога была каждая минута, дорог был каждый человек. Невзирая на колоссальный перевес сил и техники на стороне Муравьева, надо было ликвидировать затеянную им авантюру. Задача состояла в том, чтобы разложить войска Муравьева. Это было основное и главное. Одновременно надо было подготовить собственный вооруженный кулак из решительных и отважных бойцов, чтобы в лю-

бой момент вступить в вооруженную борьбу с муравьевскими частями. Надо было изолировать и самого Муравьева.

* * *

Время шло... Ждали Муравьева.

С напряженнейшим вниманием, волнуясь, прислушивались мы, находящиеся в партийном комитете, к каждому шагу, к каждому шороху и звуку. То и дело кто-нибудь из нас выбегал на улицу посмотреть на Троицкую гостиницу, откуда должен был выйти Муравьев со своими соратниками. Мы ждали нетерпеливо, заводили все новые и новые разговоры на тему о том, что делать, если Муравьев не придет. Предлагались самые фантастические планы. Говорили о необходимости убить Муравьева, предлагали свои услуги.

Вдруг кто-то негромко крикнул:

— Идут!.. Идут!..

Все присутствующие бросились к выходу, но я их остановил, заявив, что тем самым мы можем выдать себя. Остановились... Постояли немного и перешли в другую комнату, закрыв дверь. Только я и Дубовцев вышли и встали по обеим сторонам двойных дверей так, чтобы нас трудно было заметить, но чтобы мы видели все и всех входящих на лестницу.

Теплая, тихая июльская ночь. С улицы доносится говор красноармейцев, стоящих у броневых машин и беседующих с нашими товарищами, которые вели в эти часы непрерывную агитацию против Муравьева. К этому времени почти все броневики были уже на нашей стороне. Мы видели, как впереди, четко, по-солдатски отбивая шаг, шел Муравьев, слегка придерживая рукой кобуру маузера, за ним — несколько вооруженных матросов и «левые» эсеры: Белешин, Миронов, Иванов, Недашковский и еще кто-то.

Войдя в вестибюль, Муравьев оглянулся по обеим сторонам. Часовые стояли на своих местах. Муравьеву и в голову не пришло, что это не его караульные, а красноармейцы-большевики, с нетерпением ожидающие сигнала, чтобы его уничтожить. Быстрыми шагами муравьевская группа поднялась по лестнице.

Едва Муравьев с своей компанией прошел первую площадку, как мы, небольшая группа партийцев, среди которой были и латышские стрелки, пошли за ними.

Я поднялся на третий этаж в тот момент, когда из двух комнат, смежных с комнатой президиума, почти одновременно, как бы по сигналу, вышло человек 30 красноармейцев с винтовками в руках. Они охватили полукольцом комнату президиума, где должно было происходить заседание и куда вошел Муравьев со своей компанией.

Я быстро спустился в комнату, где находился отряд текстильщиков. Красногвардейцы в полной боевой готовности были на своих местах и на мое предложение — пойти за мной — немедленно без всякого колебания вышли. Наш небольшой отряд человек в 20—25 присоединился к красноармейцам, окружавшим комнату, в которой находился Муравьев.

Стеклянные двери комнаты президиума были завешаны газетой и плотно прикрыты. К самым дверям прильнул худой, среднего роста красноармеец, заглядывая то в замочную скважину, то в глазок, прорезанный чьей-то заботливой рукой в газете. Это был, как я уже потом узнал, Медведь — красноармеец московского рабочего отряда, сыгравший огромную роль в ликвидации Муравьева, все время по-большевистски выполнявший указания т. Варейкиса.

Не будучи членом губисполкома, я в комнату президиума не вошел, а вернулся в партийный комитет. Здесь я рассказал все, что видел. Товарищи, выслушав мой рассказ, схватили винтовки и побежали наверх.

Через некоторое время, выйдя на улицу к броневикам, я заметил приближающуюся к кадетскому корпусу небольшую группу военных. Среди них находился тот самый человек, который до приезда Муравьева распоряжался расстановкой пулеметов около здания Совета. Это был, как потом оказалось, адъютант Муравьева. Группа эта поднялась наверх.

Не прошло и пяти минут, как кто-то прибежал сверху и сообщил, что только что поднявшиеся люди — это ближайшие помощники Муравьева, все они задержаны и находятся в комнате финансового отдела губисполкома, где их сейчас разоружают.

Я поспешил туда и пришел в тот момент, когда группа красноармейцев отнимала у арестованных оружие. Я попросил товарищей оружие отдать мне для партийного комитета. Красноармейцы передали мне 8—10 браунин-

гов и несколько кинжалов. С большой радостью я принес трофеи в партийный комитет и положил в стол.

Часть этого оружия позднее я роздал товарищам, отправившимся после убийства Муравьева на пристань, чтобы разоружить его части.

* * *

Заседание губисполкома продолжалось несколько часов.

Чем дольше продолжалось заседание, тем все более и более нетерпеливыми становились красноармейцы и коммунисты, окружавшие комнату, в которой происходило заседание и где находился Муравьев.

Все громче и громче они выражали свое недовольство тем, что заседание затягивается, резко и громко требовали немедленно покончить с Муравьевым:

— Довольно там волынить. Ишь, раззаседались. Довольно. Больше ждать не будем. Давайте сюда Муравьева. Смерть предателю!

Эти крики становились все грознее. Неоднократно отдельные красноармейцы пытались ворваться в комнату заседания, и их с большим трудом приходилось сдерживать.

И действительно, пора было кончать. Напрасно некоторые члены губисполкома, наши партийные товарищи, пытались успокоить собравшихся. Из этого ничего не выходило.

Красноармейцев теперь уже собралось так много, что большой гимнастический зал б. кадетского корпуса едва вмещал всех. Многие разместились на столах и подоконниках.

Я решил направиться вниз, но едва дошел до первой лестничной площадки, как услышал сперва отдельные выстрелы, а затем дружный залп. Я сейчас же побежал к месту выстрелов. Когда я прибежал туда, раздавались еще отдельные выстрелы. Все красноармейцы были страшно возбуждены, шумели, о чем-то кричали. Все старались протиснуться в комнату, где происходило заседание.

С большим трудом пробрался я в эту комнату. Дверь была открыта. Муравьев лежал застреленный у самых дверей. Когда я, перешагнув через его труп, вошел в комнату, я увидел тов. Варейкиса, который усиленно махал белым платком и кричал:

— Прекратите стрельбу! Немедленно прекратите!

В стороне от Варейкиса стояло несколько наших товарищей. Под длинным столом, накрытым огромной скатертью, что-то двигалось. Оказалось, что, когда начали стрелять, некоторые бросились под стол, особенно этим отличились эсеры.

Выйдя из комнаты, я увидел, что часть красноармейцев бросилась к выходу, а у тех, которые остались здесь, напряженное настроение стало заметно сменяться растерянностью. Некоторое время никто не знал, что делать дальше. Началась беспорядочная беготня сверху вниз, из комнаты в комнату.

Обгоняя друг друга и мешая один другому, красноармейцы и красногвардейцы с места на место перетаскивали пулеметы, беспорядочно заряжали винтовки, то опуская, то поднимая их. А снизу все больше и больше стали прибегать одиночками и группами возбужденные красноармейцы и командиры, ругаясь и крича:

— Что случилось, кто стреляет?

Узнав, что убит Муравьев, видя его труп, они еще больше возбуждались.

— Кто убил Муравьева?.. Почему? Кто посмел убить главнокомандующего? — слышалось со всех сторон. Этим самым вносился еще больший беспорядок, усиливался хаос.

Надо сказать, что не все муравьевские части были нами распропагандированы, а многие из тех, которые перешли на нашу сторону, не представляли себе, что дело кончится убийством Муравьева.

Железной рукой наводил Варейкис порядок. Не теряя ни одной минуты, бегая с одного места на другое, то спускаясь, то поднимаясь по лестнице, переходя от одной группы красноармейцев к другой, он в двух—трех словах доказывал, что только так и надо было поступить с предателем, что это правильно, иного выхода не было; он призывал к порядку и строжайшей революционной дисциплине.

— Муравьев, — говорил он, — предатель революции, он изменил Советской власти, открыл фронт белогвардейцам и чехословакам. Муравьев — контрреволюционер, его постигла революционная кара, которая ждет и всякого другого, кто изменит пролетарской революции.

Незадолго до выступления Муравьева, по его при-

казу, в Симбирске был разоружен и заключен в тюрьму отряд матросов. Муравьев же и освободил матросов, увлек за собой.

Вскоре после убийства Муравьева командир этого отряда со значительной группой матросов с бомбами и маузерами в руках, с криком и ревом ворвались в здание Совета. Неулегшаяся паника начала разрастаться. Находившиеся в здании красноармейцы и латышские стрелки побежали кто куда. Поднялся невероятный шум, крик, раздались выстрелы. Услышав их и заметив происходящее, Варейкис схватил винтовку в руки и стремительно бросился к лестнице, за ним Швер, я и небольшая группа красноармейцев. Матросов мы настигли около второй лестничной площадки.

— Кто дал вам право врываться в таком виде сюда, в Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов? Кто спровоцировал вас? — резким голосом произнес Варейкис.

— Кто убил Муравьева? Почему вы его убили? Он наш главком, — закричали в ответ матросы.

— Он уже не главком... Муравьев — изменник, предатель и его постигла революционная кара. Я взял на себя командование до назначения нового главкома... Именем революции я приказываю вам немедленно вернуться к себе и ждать моих приказов!

Матросы опешили, подались назад, притихли и только командир их выдвинулся несколько вперед и совершенно иным тоном сказал:

— Простите, товарищ, мы не знали. Нас, должно быть, действительно обманули... Почему вы нас арестовали, ведь мы тоже большевики?

— Так идите к своему отряду и предложите ему ждать моих распоряжений, — ответил Варейкис.

— Хорошо, мы это выполним, — заявил командир. Он тут же повернул своих матросов к выходу, а сам пошел за Варейкисом.

В эти тревожные часы, когда авантюра Муравьева грозила огромным бедствием для молодой и еще не окрепшей Советской страны, окруженной со всех сторон кольцом враждебных белогвардейских контрреволюционных и интервенционистских войск, когда от исхода нашей борьбы с Муравьевым в значительной степени зависела

судьба фронта, И. М. Варейкис проявил подлинно большевистскую твердость и самоотверженность.

Не имея никакой связи с Москвой и Казанью, где тогда находился штаб Восточного фронта, потеряв связь с командующим 1-й армией Тухачевским, который оказался арестованным Муравьевым, тов. Варейкис сумел с самого начала выступления Муравьева взять правильную партийную линию и как недюжинный организатор, опираясь на актив симбирских большевиков, сумел в течение 5—6 часов не только организовать солидные силы против Муравьева, но и разложить его отряды, значительную их часть привлечь на свою сторону и тем самым ликвидировать муравьевскую авантюру.

После ухода матросов я с несколькими красноармейцами ушел за грузовиками, чтобы отправить на них несколько отрядов для разоружения муравьевских частей, находившихся на пристани.

Было уже совсем светло, когда три грузовика, переполненные вооруженными красноармейцами и красногвардейцами, с шумом и грохотом, нарушая утренний покой симбирских обывателей, направились на пристань. Когда автомобили двинулись, из политотдела штаба выбежал с винтовкой в руках Клевицкий и влез в один из автомобилей. Он, должно быть, торопился загладить свою вину перед партией. После этого я его потерял из вида.

В шесть часов утра я вновь поднялся в комнату президиума губисполкома. Здесь было очень много людей: пришел Гимов и другие руководящие товарищи, которые по тем или другим причинам не были ночью.

Едва вошел я в комнату, как Варейкис, сидевший за отдельным столом и что-то писавший, позвал меня к себе и сказал, что нужно немедленно отправить телеграмму в Москву, и тут же прочел мне ее текст. Телеграмма была адресована Ленину и Свердлову.

Я взял телеграмму и прежде чем отправиться на телеграф, который помещался недалеко от здания Совета, пошел и забрал сверток бумаг, который запрятал в момент прибытия Муравьева. В здании телеграфа находились красноармейцы, не то муравьевский караул, не то уже наш, но я не обратил на них никакого внимания, вошел в аппаратную комнату, вызвал старшего дежурного, передал ему текст телеграммы и предложил немедленно передать в Москву.

Ф. М. ИВАНОВ, М. П. ПЫРКОВ, А. С. СЕЛУЯНОВ[1]

РОЛЬ КУРСКОГО БРОНЕДИВИЗИОНА В ЛИКВИДАЦИИ АВАНТЮРЫ МУРАВЬЕВА

В строительстве Красной Армии, начавшемся в первой половине 1918 года, огромная роль принадлежала московскому пролетариату, давшему много тысяч добровольцев в первые ряды советских вооруженных сил.

Разными путями и в различные советские воинские части шли московские рабочие на различные участки фронтов. Но всюду они, представители московского передового отряда русского рабочего класса, несли с собой на фронт дух пролетарской организованности, революционной сознательной дисциплины и беззаветной преданности социалистической революции, Советскому отечеству.

Исключительную организующую помощь оказывали московские коммунисты и рабочие летом 1918 г. делу цементирования Восточного фронта, являвшегося тогда главным в деле обороны Советской Республики.

Мы, трое московских пролетариев, оказались в составе 1-го Курского бронедивизиона.

На призыв В. И. Ленина к передовому рабочему классу — идти на защиту революции, на борьбу за хлеб, мы, Пырков и Селуянов, пошли добровольцами в ряды Красной Армии на борьбу против поднявшихся белогвардейцев.

В. И. Ленин летом 1918 г. не раз указывал, что рабочие, отправляясь в военных и продовольственных отря-

---

[1] Федор Михайлович Иванов, член Коммунистической партии с 1917 г., бывший командир бронеотряда, ныне работает инспектором ЦК профсоюза работников машиностроения.

Михаил Петрович Пырков и Алексей Сергеевич Селуянов были командирами бронемашин, ныне пенсионеры, проживают в Москве.

дах на Волгу и Урал, спасая себя от мук голода, вместе с тем укрепят позиции Советской власти в наиболее угрожаемых районах и помогут общему укреплению Республики рабочих и крестьян.

Тов. Иванов Ф. М. не был шофером, а был принят в дивизион в качестве старшего слесаря по ремонту автомашин. Таким образом сложилась наша группа, возглавляемая коммунистом тов. Ивановым Ф. М.

В начале апреля 1918 года мы были уже в составе бронедивизиона в Казани.

1-й Курский бронедивизион размещался в казанском Кремле. Он состоял из 12 боевых машин различных марок. Тут были машины и марки «Остин», и «Ланчестер», и «Пирсарау», и «Дионбутон» и др. Шесть машин были вооружены 75 мм. орудиями, а другие шесть — пулеметами. В автопарке дивизиона были еще обслуживающие машины, 2 легковых. Личный состав шоферов и командиров, вместе с приданными к нам пулеметчиками, доходил до 50 человек. Кроме того, дивизиону был придан отряд пехоты в 200 бойцов, среди которых было много китайцев.

Командиром бронедивизиона был бывший поручик Беретти Н. Н.—сын генерала царской армии. Это был человек лет 30, старше по возрасту, чем большинство бойцов отряда. Беретти числился членом партии «левых» эсеров, в которую входили тогда многие затаенные контрреволюционеры, чтобы использовать эту партию в целях свержения Советской власти.

Политическим комиссаром дивизиона также был весьма подозрительный, подстать командиру, человек. Это был авантюрист Иван Каинов, называвший себя анархистом. Бойцы звали его «Ванька Каин».

Следует отметить, что наш бронедивизион был в более привилегированном положении, чем другие части. Нам выдали отличное обмундирование, нас, по тем временам, хорошо кормили и т. д. Возможно, что «левые» эсеры, которые были довольно влиятельны в Казани, хотели этим воспитать нас в духе личной преданности левоэсеровскому командиру.

Некоторое время мы, москвичи, приглядывались к обстановке. Окружали нас незнакомые люди, поэтому мы держались вместе. Среди шоферов было немало случайных людей. Нам не нравилось, что комиссар Каинов потакал некоторой распущенности, имевшейся среди части

шоферов. Но пока ничего другого, возбуждающего подозрения, не замечалось. Постепенно мы сходились с товарищами, и наша сплоченная группа москвичей становилась организующим ядром среди бронеотрядников.

В мае у нас в части произошло событие, которое заставило нас насторожиться, хотя придти к каким-либо выводам мы не могли.

Однажды к нам в Кремль пришли двое представителей от рабочих организаций. В беседах с бронеотрядниками они говорили, что в Казани все больше поднимает голову контрреволюция, а что у них, рабочих, вооружения мало, нет боеприпасов.

Мы направили представителей в штаб, к командиру и комиссару.

Командир Беретти выслушал рабочих, просмотрел их документы и потом сказал:

— Идите с моим комиссаром, он все сделает!..

В то же время он что-то сказал комиссару Ваньке Каинову на ухо... Дальше произошло нечто неожиданное для нас, бронеотрядников. Ванька Каинов приказал рабочим зачем-то идти к кремлевской стене, затем отстал от них на шаг, выхватил наган и выстрелил в затылок одному из представителей. Второй рабочий сразу все понял, увернулся от выстрелов и убежал.

Поскольку Беретти не опротестовал этого действия своего комиссара-анархиста, стало очевидным, что это преступное дело было между ними согласовано. Ванька Каинов исполнил то, что ему приказал Беретти. Событие это вызвало возмущение всего отряда. Мы, москвичи, единодушно пришли к выводу, что в командовании у нас неблагополучно, что здесь творятся какие-то темные, может быть, контрреволюционные дела. Мы решили наблюдать.

...Через несколько дней Ванька Каинов, который был, кроме «комиссара», еще и казначеем, похитил все деньги дивизиона и скрылся. Он, очевидно, испугался протеста казанских советских организаций по поводу его расправы над рабочими.

После этих событий в дивизионе мы и вся здоровая часть отрядников стали относиться к своему командиру Беретти с подозрением. Но так как ясности не было, то приказы его мы продолжали выполнять. Видимо, нашей ошибкой было то, что мы не связались с Казанским коми-

тетом РКП(б) и не помогли ему расследовать как следует подозрительное дело с убийством рабочего.

...Числа 9—10 июня дивизион получил приказ грузиться на железнодорожные платформы и следовать через Рузаевку на Самару для подавления начавшегося контрреволюционного выступления белочехов. Но с этого момента с нашим бронедивизионом начались новые странные явления.

В течение целого месяца наши эшелоны никак не могли добраться до района военных действий против интервентов и белогвардейцев. Между тем надобность в наших бронемашинах на фронте несомненно была велика. Наши эшелоны перегоняли с места на место по тыловым станциям. Все это были холостые переезды, если не считать несколько случаев, когда нам пришлось помогать подавлению кулацких мятежей.

Только позднее, уже после ликвидации контрреволюционной авантюры Муравьева, нам стало понятно, что это наше «прокатывание» по тылам было не случайным и объяснялось не простой неразберихой, а делалось по приказу Муравьева.

Муравьев, подготовлявший по заданию ЦК партии «левых» эсеров восстание против Советской власти, возлагал в своих планах большие надежды на своего подручного — «левого» эсера Беретти. С помощью Беретти он, видимо, рассчитывал использовать в своих целях и наш бронедивизион. Поэтому он не пускал нас в бой с чехословаками и тем самым ослаблял действия Красной Армии и содействовал наступлению белых на фронте Средней Волги.

Однако намерения предателей Муравьева и Беретти — использовать наш бронедивизион против Советской власти — потерпели полный крах.

...8 июля 1918 года наш бронедивизион прибыл, наконец, на станцию Симбирск I. После выгрузки бронемашин с платформ Беретти заявил, что мы находимся в личном подчинении командующего фронтом Муравьева и будем ждать в Симбирске его дальнейших распоряжений. Со станции Беретти ездил в штаб Симбирской группы войск, командующим которой был также «левый» эсер Клим Иванов. Муравьев, как видно, успел занять своими людьми важнейшие командные посты в советских войсках, на них он, вероятно, сильно рассчитывал.

Прошло два дня. За это время произошло два события. Во-первых, один из наших эшелонов, представлявший базу боевого снабжения бронедивизиона, был отведен от ст. Симбирск I. Наши бронемашины остались лишь с небольшим наличием запасов боеприпасов. Это было весьма странно.

Во-вторых, 10 июля утром на ст. Симбирск I прибыл поезд Реввоенсовета I армии, на котором находился командующий армией Тухачевский.

Вечером 10 июля произошло третье событие, которое и явилось началом муравьевской авантюры в Симбирске.

Беретти приказал нашим частям выстроиться у вокзала. Построилась рота нашей пехоты. Впереди пехоты выстроились мы: командиры машин, артиллеристы и пулеметчики с боевых машин.

Беретти объявил, что к нам сейчас прибудет командующий фронтом Муравьев. И действительно, через некоторое время на одной из наших легковых машин (марки «Каделак»), находившейся в личном пользовании Беретти, прибыл Муравьев. С ним были его адъютант в черкесской форме и еще двое военных.

Муравьев в сопровождении нашего командира и всей своей свиты подошел к нашим рядам, поздоровался. Потом обратился к нам со следующей речью (передаем ее, конечно, примерно, так как записи никто не вел):

— Товарищи красноармейцы! В Москве произошел контрреволюционный переворот. Симбирский Совет совместно с Тухачевским хотят пойти по тому же пути. Тухачевский уже отдал приказ — арестовать вашего любимого начальника Беретти. Но я думаю, что вы — дети революции — не допустите этого, и сами арестуете Тухачевского! За вашу верную службу Родине приказываю наградить вас каждого по десять тысяч рублей. Ваши имена будут занесены в книгу истории золотыми буквами. Приказываю вам выступить на броневиках в боевом порядке к Симбирскому Совету и ждать дальнейшего распоряжения от вашего начальника!

Немедленно вслед за этим Муравьев приказал арестованного им командующего I армией Тухачевского перевести в теплушку нашего состава. На охрану встали два броневика. Непосредственно у вагона арестованного был поставлен красноармеец Павлов.

После митинга Беретти скомандовал нам: «По машинам!»

В центр города двинулось шесть броневиков. Вместе с нами на автомашине ехали Муравьев, его свита и Беретти.

Вслед за броневиками двинулся и наш отряд пехоты человек в 80.

...Следует заметить, что, когда Муравьев подошел здороваться с нами, он обратил внимание на стоящего вне рядов, одетого в черный штатский костюм, тов. Иванова Ф. М.

Муравьева, видимо, обеспокоило присутствие при отряде штатского человека (такими тогда часто бывали политические комиссары, посылаемые на фронт Коммунистической партией).

Муравьев, нам было слышно, спросил Беретти:

— Кто это такой, среди бойцов в штатском?

Беретти успокаивающе ответил:

— Это наш старший слесарь по автоделу!

Муравьев успокоился, полагаясь, видимо, на Беретти.

Коммунист Иванов Ф. М. с броневиками к Симбирскому Совету не поехал, а остался на станции, чтобы удостовериться, действительно ли в Москве произошел переворот.

Вместе с другим коммунистом — Егоровым (командиром пехотного отделения) ему удалось узнать от начальника телеграфа станции Симбирск I, что действительно в Москве три дня назад «левые» эсеры пытались произвести контрреволюционный переворот, и что сейчас этот мятеж уже подавлен, и что Советское правительство во главе с В. И. Лениным остается полным хозяином положения.

Стало ясно, что заявление Муравьева о контрреволюционных замыслах Симбирского Совета и Тухачевского — страшная провокация. Изменник и негодяй хотел силою нашего бронедивизиона свергнуть Советскую власть в Симбирске.

Им также удалось узнать, что по приказу Муравьева переданы телеграммы по фронту и самарскому белогвардейскому правительству о том, что он, главнокомандующий Муравьев, заключил мир с чехословаками, объявляет войну германскому империализму и пр.

Муравьевская авантюра предстала во всей полноте.

Тов. Иванов оставил тов. Егорова на станции Симбирск I и поручил ему принять меры к освобождению Тухачевского. Сам же он поспешил в город, чтобы предотвратить ужасную катастрофу. Нельзя было допустить, чтобы наши броневики были использованы против Советской власти.

Между тем Симбирский Совет уже был окружен броневиками. Два броневика, как раз машины тт. Пыркова и Селуянова, встали у главного входа в здание губисполкома (б. кадетский корпус), третий и четвертый броневики стояли против корпуса дальше, в направлении к Новому Венцу. Пятый броневик стоял недалеко от корпуса на углу Гончаровской улицы. Шестой броневик занял улицу сзади кадетского корпуса.

Против фасада корпуса, на плацу, были установлены пулеметы муравьевской части и рассыпана его пехота. Все жерла орудий и пулеметов были направлены на окна здания губисполкома. Входы в здание были заняты нашими пехотинцами.

Перед лицом такой военной силы, окружающей кадетский корпус, положение Симбирского губисполкома казалось безнадежным. Но среди бронеотрядников также возникло какое-то сомнение в отношении всего происходящего.

Было часов 8 вечера, когда Иванов Ф. М. подошел к кадетскому корпусу. Разыскав своих московских друзей, командиров двух центральных броневиков тт. Пыркова и Селуянова, он сообщил им об изменнических действиях Муравьева.

Зреющие в мыслях бронеотрядников сомнения сразу приняли ясные очертания.

— Муравьев и Беретти — предатели! Если мы пойдем за ними, то перестреляем друг друга! Они хотят нас заставить выступить против Советской власти! Надо выяснить истинную позицию Симбирского губисполкома!

На коротком совещании бронеотрядников Пырков и Селуянов предложили Иванову Ф. М. взять на себя функцию командира бронедивизиона, сами они взялись осторожно оповестить экипажи всех броневиков об измене Муравьева и Беретти, чтобы ни один выстрел не делался без указания Иванова Ф. М.

Командиры броневиков Пырков и Селуянов пошли по машинам, ведя соответствующие беседы с шоферами,

артиллеристами, пулеметчиками, а затем и с пехотинцами. Следует отметить, что к кадетскому корпусу в это время подходили и другие воинские части местного гарнизона. На улице было много латышских стрелков. Среди этой возбужденной событиями массы вооруженных людей, находившихся перед кадетским корпусом, агитация против Муравьева велась местными коммунистами.

Всюду бронеотрядники, по разъяснении им обстановки, заявили, что они, конечно, за Советскую власть и выражали согласие признавать своим командиром только Иванова Ф. М.

Между тем новый командир бронедивизиона коммунист Иванов Ф. М., чтобы выяснить обстановку в городе, вошел в здание губисполкома, где разыскал заместителя председателя губисполкома тов. Варейкиса и сообщил ему, что он уполномочен бронеотрядниками узнать о политической позиции Симбирского Совета.

Варейкис был явно взволнован этим заявлением. После еще некоторого взаимного «прощупывания» тов. Иванов изложил ему все, что уже знал об изменнических действиях Муравьева, о его телеграммах в Москву и по фронту.

Тогда и Варейкис стал говорить обо всем открыто. Он сообщил, что положение губисполкома очень тяжелое.

— В настоящее время, — говорил Варейкис, — мы готовимся к заседанию губисполкома, которое должно состояться в 24.00.

После этого тов. Иванов с Варейкисом прошли в помещение латышского полка, где Иванов рассказал о позиции бронедивизиона. Латыши заявили, что они тоже на стороне Симбирского Совета.

Позиция бронедивизиона и латышских стрелков, составлявших вместе решающую военную силу в городе, коренным образом меняла обстановку не в пользу Муравьева, хотя он этого и не знал.

После разговора с латышами Варейкис поднялся к себе в комнату президиума губисполкома, а тов. Иванов вышел к броневикам. Здесь к нему подошел адъютант Муравьева и спросил:

— Кто это в черном костюме ведет агитацию против командующего Муравьева?

Иванов ответил уклончиво:

— Наши бойцы тоже мне об этом говорят. Но кто этим делом занимается, я не знаю.

В это время появился и сам Муравьев со свитой. Увидев Иванова, Муравьев обратился к Беретти:

— Это твой человек! Возьми его на заседание губисполкома, и пусть он выступит там как представитель бронедивизиона!

«Я успел, — рассказывал Иванов Ф. М., — предупредить еще раз своих командиров бронемашин, чтобы без моего распоряжения огня не открывать, а вместе с тем указал, чтобы после того, как Муравьев, Беретти и другие их сообщники войдут в губисполком, из здания вновь никого не выпускать. Части наших отрядников я велел войти в коридоры кадетского корпуса».

Беретти с Ивановым пошли на заседание губисполкома.

Муравьев занял место за столом президиума рядом с председательствующим.

На заседании было много нечленов губисполкома и лиц из свиты Муравьева. Открывая собрание, председательствующий объявил, что данное экстренное заседание губисполкома собрано по инициативе командующего Восточным фронтом Муравьева и что поэтому первое слово предоставляется командующему.

Муравьев сказал примерно следующее: «Товарищи депутаты Симбирского Совета! Я буду говорить с Вами как с политическими деятелями. Вы не солдаты, которых можно повести куда угодно.

Я провозглашаю Поволжскую Республику и возглавляю ее до созыва Учредительного собрания, которое состоится в январе 1919 г. Симбирский Совет я призываю поддержать меня в этом. Мне нужен и дорог авторитет вашего Совдепа, а для вас другого выхода нет!

Вы должны учесть, что сила на моей стороне! Вы видели, что на вас уже смотрят жерла орудий, пулеметы броневиков. На Волге у меня вооруженные пароходы.

Выбирайте!

Республика же наша будет сильна. У нас в Поволжье хлеб, без которого центр существовать не может. Мы хозяева положения. Мы продиктуем Москве наши условия. И первое из них: война с Германией, объединение всех патриотических сил страны!»

После Муравьева с разоблачением его планов выступил Варейкис.

Наиболее резко выступил самый старший по возрасту из членов губисполкома, это был, по-видимому, коммунист Фрейман В. Н.

В своей краткой речи он без обиняков назвал Муравьева изменником, а о позиции губисполкома в отношении муравьевской «Поволжской республики» он сказал:

— Нам, коммунистам, лучше погибнуть здесь, но не изменить делу революции.

Муравьев, начав нервничать, предложил дать слово представителю бойцов от Курского бронедивизиона, т. е. тов. Иванову. Но то, что он сказал, конечно, полностью опрокинуло ожидания Муравьева, рассчитывавшего припугнуть броневиками коммунистическую фракцию губисполкома.

— Вы ошибаетесь, — говорил тов. Иванов, обращаясь к Муравьеву, — что красноармейцы в политике не разбираются.

На эти слова Муравьев одобряюще кивнул, ожидая, видимо, что Иванов выскажется в пользу его плохо завуалированной контрреволюционной программы.

— Нет, это не так! — продолжал тов. Иванов, обращаясь уже к членам Симбирского Совета. — Заверяю Вас, товарищи депутаты, от имени всех красногвардейцев 1-го Курского бронедивизиона, что пулеметы наших броневиков направлены не против вас, а против лиц, которые хотят сделать контрреволюционный переворот. Красноармейцы в политике разбираются и за 10 тысяч рублей наградных революции не продадут.

Муравьев в гневе бросил какую-то реплику.

Зал за дверью был полон красноармейцев, коммунистов, наших бронеотрядников, латышских стрелков. Все они слышали речи и горели желанием покончить с изменой Муравьева. Они стали требовать выдачи Муравьева.

Муравьев, видимо, почувствовал грозившую ему опасность, нервничал и что-то задумал, очевидно, предпринять. Когда он поравнялся с дверями, один из стрелков выстрелил в Муравьева. Изменник был убит.

Курскому бронедивизиону, его бойцам и командирам принадлежала, вместе с симбирскими коммунистами,

ответственная роль в ликвидации муравьевской авантюры. Вероломная попытка заговорщиков «левых» эсеров —полковника Муравьева и поручика Беретти использовать обманом бронедивизион в своих антисоветских целях жалким образом провалилась. Коварство врагов народа разбилось о бдительность солдат революции, в том числе и московских рабочих — ядра бронедивизиона.

Но роль бронедивизиона не ограничилась помощью коммунистической фракции Симбирского губисполкома в обезвреживании руководителей мятежа на заседании Совета. Как только в здании губисполкома прозвучали выстрелы, командиры броневиков Пырков, Селуянов и др. изготовили своих отрядников к бою.

После 15 минут томительного ожидания к ним вышел их новый командир коммунист Иванов Ф. М. После скупых слов о происшедшем он приказал бронеотрядникам разоружить муравьевских пулеметчиков, занявших позиции на плацу перед кадетским корпусом, что и было выполнено мгновенно. Вслед за этим Иванов сообщил, что бронеотряду и латышским стрелкам губисполкомом приказано захватить и обезоружить пароходы Муравьева на Волге.

Для проведения этой операции вместе с латышами было направлено два броневика — всего до 250 бойцов. По пути к пристани бронеотрядниками были захвачены врасплох и сняты две заставы мятежников с пулеметами «кольт». Затем быстрым броском был захвачен пароход, где находился штаб Муравьева.

Муравьевцев мы застали безмятежно спавшими по каютам. Наше появление было настолько неожиданным, что некоторые из них встречали нас вопросами: «Что, Симбирский Совет капитулировал?»

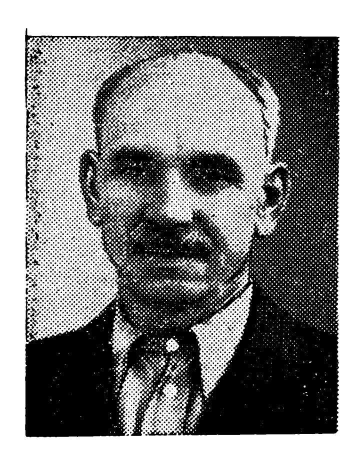
Все арестованные были отправлены в тюрьму, а найденная на пароходе касса муравьевского штаба с полутора миллионами рублей была сдана Симбирскому губисполкому.

Первым нашим делом было — освободить командующего I армией тов. Тухачевского. Попутно мы разоружили расставленных вокруг наших эшелонов муравьевских пулеметчиков. Охранявший тов. Тухачевского красноармеец Павлов, после разъяснения ему обстановки, охотно отомкнул двери вагона.

Тов. Тухачевский, выслушав доклад Иванова Ф. М.,

подтвердил своим приказом назначение Иванова Ф. М. в качестве командира бронедивизиона. Тут же Тухачевский отдал приказание подготовить Курский бронедивизион к отправке на Мелекесско-Бугульминский фронт, где усилилось наступление белочехов.

...17—19 июля 1918 г. нашим броневикам пришлось участвовать в весьма тяжелых боях под Мелекессом и Бряндино. Советское командование этого участка фронта не сумело правильно использовать свои силы и обеспечить необходимое взаимодействие пехоты, бронированных поездов Полупанова и наших броневиков. К тому же в нашем тылу действовали банды восставших кулаков, и интервенты с их помощью обходили наши фланги. Почти все наши броневики были повреждены. Поэтому бои кончились для нас неудачно. Наши части отошли к ст. Нижняя Часовня. Здесь броневики были погружены на железнодорожные платформы и эвакуированы через Инзу в Казань.

С. М. АВВАКУМОВ[1]

ЭТО БЫЛО 10 ИЮЛЯ

В феврале 1918 года я вернулся с Украины, где находился в 1 революционном Минском батальоне, выделившемся из 107-го Троицкого полка, и поступил на чугунолитейный завод Голубкова в слободе Туть в модельный цех. Но работать пришлось недолго, т. к. враги вновь угрожали молодой Республике, используя для этой цели обманутых чехословаков, создалась угроза Самаре.

Я решил вместе со своим товарищем Владимиром Стасюк идти добровольно в армию, и мы поступили в 1-й Латышский стрелковый полк, который размещен был в Симбирске в бывшем кадетском корпусе, где помещался также и губернский исполком Совета.

День убийства Муравьева, бывшего до того командующим Восточным фронтом, мне памятен, это было 10 июля. Мы, стрелки, гуляли по Венцу. Было около 7-ми часов веч. Вдруг начали ходить слухи, что некоторых из стрелков штатские поздравляли с заключением мира с чехословаками. Мы были удивлены, а затем слышим звук двух гранатных разрывов со стороны церкви Вознесения. Мы бросились к кадетскому корпусу. Когда мы подбежали к Троицкому проезду, то нашим глазам предста-

---

[1] Сергей Михайлович Аввакумов, член КПСС с 1919 г., бывший красноармеец 1-го Латышского стрелкового полка, ныне персональный пенсионер, проживает в г. Ульяновске.

вилась следующая картина: со стороны Спасской улицы по направлению кадетского корпуса направлено было два пулемета системы «Максим», то же и со стороны Гончаровской — и никого не пропускают. Но мы различными уловками проникли в помещение и стали спрашивать, что это значит. Затем некоторое время спустя против корпуса останавливается в полной боевой готовности батальон, не принадлежащий к симбирскому гарнизону. Постояв некоторое время, ничего не предприняв, этот батальон был отправлен к станции Симбирск I. Только что ушел этот батальон, как прибывают шесть бронеавтомобилей, разворачиваясь, направляют пулеметы и легкие орудия на кадетский корпус. Это был Курский броневой отряд.

Далее события развертываются так: прибывает легковой автомобиль с Муравьевым и адъютантами. По прибытии Муравьев отдает приказание нашему командиру полка Тилле — построить полк без оружия. Когда полк был построен, явился Муравьев и выступил с речью. Первое, что нас удивило в его словах, это то, что он нас назвал не товарищами, а «братцами».

— Братцы! Довольно братоубийственной войны, у нас общий враг — немец, который пядь за пядью захватывает Украину. Нужно всему русскому народу встать, как один, на защиту своего отечества и проучить немца. Возможно, что наверху, в центре, будут против, но я заключил с чехословаками мир и знаю, что армия откликнется на мой призыв и совместно с нашими теперешними друзьями — чехословаками и верными сынами отечества мы дадим отпор захватчику-немцу. Ура!

Вот примерно в этом духе говорил Муравьев. Но, конечно, нужно признать, что он говорить умел и говорил долго. После того, как нас распустили, мы стали собираться группками и обсуждать речь и как нам быть, что делать. Некоторое время спустя к нам в помещение пришел Варейкис и стал говорить, что вскрыта авантюра Муравьева, который изменил делу рабочего класса, открыл фронт, хочет арестовать членов Совета и комитета коммунистов, он хочет создать в Симбирске директорию и что у Совдепа надежда только на Латышский полк. Приходил также и говорил с нами Швер. Затем через некоторое время пришла делегация от бронеавтомобильного отряда. Они нам сказали: «Товарищи! Мы ехали на

фронт, но в пути следования нас остановил главнокомандующий Муравьев и приказал ехать в Симбирск, так как, якобы, в Симбирске Совет контрреволюционен, что его нужно арестовать. Скажите, товарищи, так ли это?»

Мы, конечно, рассказали, каков наш Совет, что в нем много большевиков, опровергли клевету о его контрреволюционности. Тогда представители Курского бронеотряда нам заявили: «Мы с вами, товарищи, если вы нам не доверяете, то можете посадить своих пулеметчиков в наши бронемашины». Ну, мы, конечно, ответили, что доверяем.

Муравьев, очевидно, не будучи вполне уверен в Латышском полку или может быть из других соображений, посылал своих адъютантов, чтоб проверить, как держит себя полк. Но прежде чем попасть в помещение наших рот, нужно было пройти несколько свободных зал, где стояли дневальные. Последним же достаточно было сказать одно слово: «Адъютанты», как мы, как ни в чем не бывало, прекращали обсуждение обстановки, кто ложился спать, кто в шашки играет и т. д. Пройдя по казарме, адъютанты, а их было двое — один в матросской форме, а другой — в черкесской, улыбнулись, что-то между собой переговорили и ушли.

Затем дневальные передали, что Муравьев приехал и прошел наверх в Совет. Некоторое время спустя (было уже темно) командир полка Тилле подал команду:

— В ружье! Занимай все входы, впускать можно, выпускать — никого!

Остаток от наряда после занятия входов был поднят в зал, куда выходила дверь из комнаты, в которой происходило заседание президиума губисполкома. В этот зал также пришли товарищи из Московского коммунистического отряда, которые также помещались в кадетском корпусе. Я был в числе находившихся в зале. Все бойцы были наэлектризованы, волновались и при появлении Варейкиса требовали, чтобы им выдали Муравьева для расправы. Но тов. Варейкис нас уговаривал, что нужно Муравьева передать центру, на суд Революционного трибунала, что этим мы больше откроем глаза трудящимся на измену.

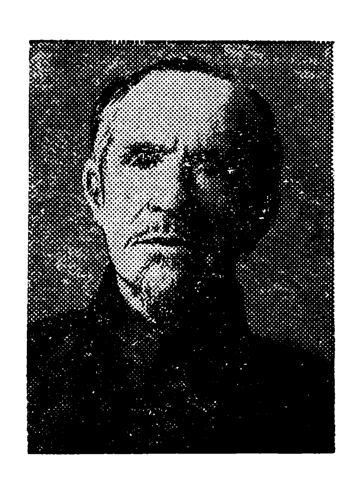
Время было уже за полночь, но мы все были бодры,

как никогда. Затем слышим возглас одного из бойцов: «Вот он!»

Повернувшись к двери, я увидел — в дверях стоял Муравьев. Увидев направленные на него штыки, Муравьев выхватывает маузер и стреляет. В этот же момент раздается винтовочный выстрел, направленный в Муравьева. (Впоследствии оказалось, что выстрел произведен стрелком из Московского коммунистического отряда Медведем). Тут же с разных сторон в двери стали палить все. Так как стрельба шла в помещении, то грохот стоял необычайный, а пули свистя рикошетили. Мы побежали в разные стороны. Мне показалось, что подошел батальон, который был с Муравьевым. Когда же не стало слышно выстрелов, мы вернулись в зал и первым долгом открыли окна. Когда пороховой туман рассеялся, то увидели, что Муравьев лежит убитым у двери, дверь же, где проходило заседание, закрыта.

На следующий день в газете «Известия» было сообщено, что Муравьев при выходе с заседания губисполкома покончил самоубийством, а затем в следующем номере — что он был убит при сопротивлении аресту.

После всех этих событий наш полк получил приказ оборонять от белочехов железнодорожный мост через Волгу.

В. М. КАДЫШЕВ[1]

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

Суровый 1918 год. Всюду поднимали голову враги. Появился Дутов на Урале, Колчак в Сибири, взбунтовались чехословаки. На Волге развернулись бои, и Сызрань попала в руки «учредиловцев» — белогвардейцев.

Партийная организация Симбирска жила в боевой готовности. Коммунисты несли неустанное дежурство по охране города. Как-то иду по улице ночью и встречаю с винтовкой на плечах женщину Д. И. Иванову. Она ведет белого лазутчика. Женщины наши также понимали хорошо свои задачи и помогали нам.

И вот в одно из моих дежурств в комитете партии утром из Самары приехали отступающие. Город Самару захватили белогвардейцы. В Симбирск приехал В. В. Куйбышев. Он, как живой, стоит передо мной! С открытым и ясным ласковым взглядом, огромным лбом, красивой шевелюрой.

В речах, с которыми выступал тогда тов. Куйбышев перед симбирскими большевиками, он говорил, что с потерей Самары положение становится очень трудным, но нельзя теряться, нужно сколачивать вокруг себя силы для нанесения окончательного удара по врагу. Но

[1] Василий Михайлович Кадышев, член КПСС с 1917 года, бывший работник исполкома Симбирского губернского Совета, ныне пенсионер, проживает в г. Куйбышеве.

вскоре нам пришлось все же на некоторое время отступить из Симбирска.

Пятьдесят дней оскверняли белогвардейцы Симбирск. Белогвардейские банды расстреляли и зверски замучили до 400 большевиков, членов их семей, красноармейцев и красногвардейцев. Тюрьмы Симбирска были переполнены. Преследовали и мою семью, находившуюся в Симбирске. Детям моим и жене приставляли к виску пистолеты, — выпытывали, где находится отец. А чтобы окончательно запугать семью, ей объявили, что я найден и уже расстрелян в лесу, в «Колках».

Одна из главных причин падения Симбирска — это измена главнокомандующего фронтом Муравьева. Муравьев—бывший подполковник, «левый» эсер, перед своим приездом в Симбирск дал знать об этом «левым» эсерам и максималистам. Это были губвоенком К. Иванов, Гольман и другие, занимавшие важные в то время военные посты.

10 июля 1918 г. Муравьев со своим многочисленным штабом из бывшего офицерья, с воинскими частями на пароходах прибыл из Казани в Симбирск и выступил с речью, в которой заявил, что он, Муравьев, не подчиняется Москве и организует «Поволжскую республику».

До 20 муравьевцев, вооруженных до зубов, заняли почту, телеграф и банк. Дежурный на телеграфе был арестован. Иду в комитет партии, нахожу секретаря комитета тов. Каучуковского. Доложил ему, что делается на телеграфе. Каучуковский мне сообщил, что Муравьев, видимо, авантюрист, что он на пристани арестовал члена губкома тов. Шеленшкевича. Не успели мы обо всем поговорить, как подошли к кадетскому корпусу муравьевские части.

Муравьев со своей шатией разместился в Троицкой гостинице. Штабные его занялись пьянкой. В эти трагические часы коммунистка Дарья Иванова под видом торговки пирожками вела работу среди муравьевцев. Она расспрашивала солдат, что их командиры замышляют, и незаметно разъясняла им, что Муравьев — предатель, изменник делу Ленина. Выяснилось, что часть комсостава (среди них были и казанские коммунисты), а также и красноармейцы не сочувствуют авантюре Муравьева.

Дело ясное. Наш комитет большевиков не дремал в

эти часы и подготовил ловушку для Муравьева и его штаба. Коммунистическая фракция пригласила Муравьева на заседание губисполкома, чтобы выяснить с ним все вопросы. Муравьев явился со свитой до 20 человек.

Он хотел арестовать всех ответственных партийцев — руководителей Симбирской организации, но получилось другое. Выступили Фрейман и др. и стали смело разоблачать Муравьева.

На заседании Совета было оглашено несколько телеграмм изменника Муравьева, перехваченных коммунистами. Первая телеграмма — о прекращении войны с чехословаками и о занятии ряда выгодных пунктов для наступления, в случае необходимости, на Москву; вторая телеграмма — в Берлин на имя Иоффе, в которой сообщалось об объявлении войны Германии, и третья была адресована: «Всем, всем...», с призывом идти в ряды войск Муравьева.

Во время перерыва Муравьев пошел к выходу, к двери. Но в этот момент укрытые нами бойцы по сигналу выстрелили в изменника Муравьева.

Мне в эту ночь пришлось нести охрану складов военного имущества. Нам было известно, что муравьевцы имели в виду утром захватить оружие. Еще ночью местное офицерье пыталось захватить склады. Но им дали отпор.

Муравьевская авантюра имела своим результатом то, что через 12 дней белогвардейцы с помощью белочехов захватили город Симбирск.

Вскоре героизмом красных воинов под руководством большевистской симбирской организации Симбирск был освобожден.

12 сентября 1918 г. над городом Симбирском—родиной В. И. Ленина—вновь взвилось победное красное знамя Октября.

Я. М. ЗВИРБУЛЬ-РОСЛАТ[1]

ОБОРОНА СИМБИРСКА

С конца мая 1918 года в Среднем Поволжье началась гражданская война, развязанная антисоветским мятежом чехословацкого корпуса, ставшего орудием в руках империалистических интервентов США, Англии и др.

1 июня 1918 года на общем собрании членов партии был заслушан доклад тов. Варейкиса Иосифа о текущем моменте. Тов. Варейкис говорил, что Советская власть окружена со всех сторон врагами. Передышка, которая была получена от Брестского мира, пришла к концу. Буржуазия, пользуясь всеми средствами, напала на Советскую власть, чтобы свергнуть ее. Центральным Комитетом нашей партии выпускаются воззвание за воззванием с призывом сплотиться, организоваться, обучаться военному делу. Мы должны приложить все усилия, чтобы этот призыв не остался на бумаге.

Единогласно общее собрание постановило: организовать военный отряд при комитете партии из коммунистов и сочувствующих большевикам. Членов партии поголовно вооружить и обучать в нерабочее время военному делу. Работу в этой области возложить на военную комиссию, в состав каковой вошли члены партии: Я. М. Звирбуль, И. Ф. Олейник, А. К. Нейланд, Б. Н. Чистов,

---

[1] Яков Мартынович Звирбуль-Рослат, член КПСС с 1917 г., бывший комендант г. Симбирска, ныне персональный пенсионер, проживает в г. Вентспилс, Латвийской ССР.

Любимов, А. Швер. Военные занятия проходили во дворе кадетского корпуса.

С объявлением Симбирска на военном положении с 1 июня 1918 г. ночную охрану города пришлось взять на свои плечи вооруженным коммунарам, не успевшим еще усвоить необходимые военные знания.

Тяжелое положение в стране явилось сигналом к выступлениям притаившихся антисоветских элементов, в том числе и кулаков, отказывавшихся, в частности, платить контрибуцию местным Советам. Отряды коммунистов посылались и на этот фронт, на ликвидацию этих выступлений. Среди сведенных в отряд членов партии мало было бывших солдат. Поэтому главному инструктору и ротному командиру тов. Заворотнову обучение пришлось начать с самого элементарного — «Что такое винтовка?» Частая порча оружия и нечаянные выстрелы заставили издать сжатую инструкцию о том, как обращаться с оружием. В составе партийного отряда, кроме симбирских коммунистов, имелись рабочие Заволжского завода (57 чел.), Волго-Бугульминской жел. дороги (17 чел.), бывшей Шатровской фабрики (50 чел.).

Вопрос о создании вооруженных отрядов обсуждался на массовых собраниях эвакуированных и военнопленных, находившихся в Симбирске. В результате мною была организована отдельная рота латышских стрелков, свыше 100 человек. Военнопленным западных стран было дано разрешение организовать отряд, но под руководством существующего у них революционного комитета иностранных рабочих и крестьян — социал-демократов III Интернационала.

Согласно приказу от 15 июня 1918 года Высшей военной инспекции, прибывшей в Симбирск, все различные отряды включались в состав вновь формируемых регулярных частей. Наш коммунистический отряд был причислен к 1 Симбирскому полку, но остался как бы подшефным комитету партии, то же самое было и с отрядом «III Интернационала». Рота латышских стрелков была передана 1 Латышскому революционному полку, прибывшему в Симбирск на отдых и пополнение с Южного фронта после боев с немецкими оккупантами.

В целях подготовки кадров красного командования губсовдеп постановил открыть школу красных инструкторов военного дела. Начальником штаба в ней был

И. В. Поляков, преподавателями Карелкин и Кортянович, — все бывшие офицеры. Так началась организация красноармейских частей в городе Симбирске.

29 июня вечером временно исполняющий обязанности командующего группой войск Гинтер вызвал меня в штаб и сообщил, что сегодня в г. Симбирск прибывает отряд черноморских матросов численностью 92 человека, снявшихся с Мелекесского фронта, и что по прибытии эшелона на станцию приказано отряд разоружить и сопротивляющихся расстрелять. Исполнение этого приказа было поручено мне.

Я, потребовав письменный приказ от Гинтера, заявил, что постараюсь выполнить приказ без применения оружия.

Для выполнения этой боевой задачи в мое распоряжение были вызваны: курсанты школы красных инструкторов — 30 человек с пулеметом, отряд Латышского полка — 15 человек с пулеметом и человек 20 из коммунистического отряда.

Отряду латышей было приказано занять позицию в голове поезда, курсантам школы красных инструкторов под командованием Кортяновича — занять позицию с левой стороны, а отряду коммунаров — стать позади поезда. О готовящейся боевой операции начальник станции был нами предупрежден. Поезд уже стоял на станции Симбирск II. Отряды пробирались Введенским спуском, а потом садами на свои указанные позиции. В поезде было спокойно. Часовой на поезде, заметив приближающуюся группу вооруженных «парламентеров», поднял тревогу, но мы уже были у вагонов. Первого выскочившего матроса я просил указать вагон командира отряда, он показал, но нас уже окружили матросы. Мне пришлось представиться и разъяснить, что как комендант города я обязан знать, по какой причине с фронта в город прибыл вооруженный отряд и что по этому случаю мне нужно говорить с командиром отряда. Матросы остыли и решили допустить в командирский вагон меня и Олейника.

На мой вопрос, почему и куда отправляется вооруженный отряд с фронта, командир ответил: «На фронте измена. Пропустите поезд, мы едем домой». Я ответил ему, что имею приказ от командующего Симбирской группы войск, написанный на основании телеграммы главно-

командующего Восточным фронтом, разоружить ваш отряд, как самовольно снявшийся с фронта, и в случае сопротивления — расстреливать. Он поинтересовался, какая власть в городе Симбирске и в какой партии состою я. Получив надлежащий ответ, командир отдал распоряжение матросам выстроиться вдоль поезда без оружия. По установленному сигналу наши отряды заняли поезд и приступили к отбору оружия и боеприпасов. Тут же составлялась опись оружия, боеприпасов и список разоруженных матросов. Оружие и боеприпасы были отправлены в военный комиссариат. Отряд под конвоем был направлен в губернскую тюрьму и сдан под личную ответственность помощнику коменданта Курышеву, которому было приказано обеспечить нормальное содержание и охрану разоруженных матросов.

Когда командующий Симбирской группы войск К. Иванов вернулся из инспекционной поездки, мною был сделан ему краткий доклад — как прошло разоружение отряда матросов Черноморского флота. Выслушав доклад, он сказал: «Разбор дела разоруженных матросов оставить до возвращения главнокомандующего фронтом».

Когда 10 июля Муравьев без разбора дела освободил матросов из тюрьмы, выступая в роли их покровителя, стало ясно, что своим приказом об их аресте он хотел восстановить матросов против Симбирского Совета и использовать их в своих коварных замыслах против Советской власти.

* * *

В ночь на 11 июля в просторных залах бывшего кадетского корпуса прогремели выстрелы, ликвидировавшие муравьевскую левоэсеровскую авантюру.

Это была победа нашей партии, ее симбирской организации.

Наутро жизнь, казалось, потекла своим обычным порядком, без особых изменений в военно-политической обстановке. В действительности, конечно, было не так.

Авантюра «главкома» Муравьева послужила сигналом для решительных действий противника. Ближайшим объектом чехо-учредиловцев стал именно Симбирск.

Росло беспокойство за состояние красного фронта. Ведь Муравьев успел разослать свои предательские те-

леграммы о мире с чехословаками. Не поколебало ли это и наш фронт?

«Мы ликвидировали авантюру Муравьева, теперь надо преодолеть последствия его», — говорил тов. Варейкис на партийном собрании.

Комитет большевиков и командарм I революционной армии тов. Тухачевский слали телеграммы по фронту о ликвидации авантюры, о необходимости удерживать занятые позиции.

Утром 11 июля узнали, что Сызрань вновь занята белыми и что наши части понесли там тяжелые потери... Что-то делается на других участках фронта? Под Бугульмой, Ставрополем, Новодевичьем?

Командарм Тухачевский, арестованный вчера Муравьевым за отказ присоединиться к его авантюре, принял на себя командование фронтом.

Обменявшись мнениями с Варейкисом, Тухачевский взялся за реорганизацию командования Симбирской группы войск и вместо арестованного «левого» эсера Клима Иванова, присоединившегося к Муравьеву, назначил командующим группой Пугачевского. Одновременно с этим при Симбирской группе войск начальником укрепленного района был утвержден я.

Пугачевский большую часть времени находился на Бугульминском фронте, явно в ущерб общему руководству группой. Действительно, муравьевская авантюра особенно пагубно отразилась на Бугульминском фронте. Развившаяся среди бойцов боязнь измены со стороны комсостава здесь проявлялась особенно сильно.

Между тем начатая реорганизация штаба Симбирской группы войск до конца доведена не была. От засилия «левых» эсеров в военных органах в период, предшествующий муравьевскому восстанию, осталось тяжелое наследие. Захватив в свои руки штаб Симбирской группы войск, губвоенкомат, командование гарнизонным Симбирским полком, они кустарничали в управлении фронтом, в строительстве Красной Армии, насаждая партизанщину, «отрядчину», мешая правильному распределению коммунистических сил в частях.

Логика борьбы с большевиками, связь с Муравьевым, готовившим восстание, не позволяли «левым» эсерам вести борьбу против белогвардейских элементов, проникающих в военные органы наряду с честными военными

специалистами. Так, левоэсеровская «ура-революционность» и партизанщина служили хорошим прикрытием для белогвардейского офицерства, свившего себе прочное гнездо в штабе Симбирской группы войск и в губвоенкомате. В руках саботирующих офицеров оказались: оперативная часть, разведка, связь штаба. Этого было достаточно, чтобы незаметно дезорганизовать и саботировать управление фронтом.

Назначенный политком в штаб группы тов. Певзнер, его помощники — молодые партийцы (Муратов, Афанасьев В., Евреинов и др.) работали в атмосфере едва скрываемой неприязни со стороны офицерского состава штаба.

Несмотря на все попытки сблизиться с офицерским составом штаба, политработникам это не удавалось. Более того, под прикрытием внешней корректности в отношении политработников осуществлялся тонкий скрытый бойкот и чинились всяческие препятствия в их работе. Неожиданно, например, начальник оперативной части лишал политработников права входа в аппаратную штаба или прекращал доставку телеграмм для политсводок и т. п. Все это преодолевалось после трений и конфликтов, в большинстве лишь при содействии губисполкома и комиссара I армии тов. Куйбышева. Политпросветработники ощущали враждебность офицерского состава штаба, но вскрыть нити плетущейся измены и саботажа им не удавалось.

Симбирский комитет партии вполне основательно выражал свои опасения за постановку дела в штабе перед приехавшим в Симбирск Благонравовым, — членом Реввоенсовета Восточного фронта.

Тов. Благонравов приехал в Симбирск с широкими полномочиями — организовать оборону города и превратить Симбирск в крепость. Благонравов согласился с предложением комитета партии большевиков об организации военного совета при Симбирской группе войск. В состав его вошли: председатель комитета большевиков — Иосиф Варейкис, член президиума губисполкома — Фрейман, командующий группой войск — Пугачевский, губкомиссар труда — Иванов (большевик), командир 1-го Латышского революционного полка — Тилле, губвоенком — Гольман (максималист) и начальник укрепленного района — пишущий эти строки.

Обстановка на фронте, особенно на Бугульминском участке, все более ухудшалась. Наши части оставили Бугульму и к 15 июля были уже в тридцати верстах от Мелекесса.

Перед военным советом встал вопрос о срочном укреплении подступов к городу Симбирску. Но с первых же шагов работы по обороне города мы натолкнулись на целый ряд серьезных трудностей, приводивших к тому, что мероприятия по обороне осуществлялись медленно. Своего рабочего аппарата начальник укрепленного района не имел, и все мероприятия должны были практически осуществляться через другие органы, главным образом через штаб Симбирской группы войск и губвоенкомат.

Как обстояло дело в штабе группы войск, я уже говорил. Неблагополучно было и в аппарате губвоенкомата.

После заявления левоэсеровской фракции, что она «осуждает» авантюру Муравьева, губисполком многих из них оставил на прежних постах. В частности, губвоенкомом был назначен отмежевавшийся от Муравьева эсер-максималист Гольман.

Правда, в губвоенкомат были посланы видные коммунисты, но они, перегруженные другой работой, не могли органически заниматься вопросами техники и управления военными делами. Основной фигурой был Гольман, и он продолжал в губвоенкомате традиции левоэсеровского кустарничества.

Одной из вреднейших традиций того времени была тактика раздробления целых сложившихся военных соединений и бросания их на фронт отдельными небольшими частями, отрядиками. Это процветало еще до муравьевской авантюры, продолжалось и после нее. Губвоенкомат под разными предлогами не соглашался давать на фронт более или менее компактные целые части. И обычно для отправки на фронт выдергивались отдельные взводы из ряда частей. Из них создавался очередной, так называемый, «сводный Симбирский отряд» и передавался в распоряжение группы войск.

Эти «сводные» отряды» бросались поодиночке против наступающего противника. Так, в течение недели на поддержку Бугульминской группы были брошены: батальон Хлебникова, затем небольшой отряд интернационалистов, человек в 70, «сводный отряд», надерганный из разных рот Симбирского советского полка, наконец, под

Мелекесс были брошены остатки Симбирского рабоче-крестьянского отряда. Все эти разрозненные, неспаянные отряды появляясь поодиночке на фронте, неизменно разбивались чешским полком капитана Степанова с помощью уральских и оренбургских белоказаков.

Ко всему этому в губвоенкомате тоже не было произведено необходимой чистки от белогвардейских элементов. Особенно заметно было их засилье в артиллерийском управлении. В результате их саботажа в момент боя под Симбирском у нас действовало всего одно орудие.

В этот ответственный тяжелый момент необходимо было сосредоточить военную и политическую власть в одних сильных руках. Вместо этого в Симбирске оказалось большое количество военных органов, властей и начальников.

Штаб Симбирской группы войск и военный совет при нем считали себя верховным органом; но, кроме того, существовал губвоенкомат с продолжавшимся левоэсеровским засильем; штаб гарнизона, во главе которого стоял военспец Поляков, человек хотя и лояльный, но оторванный от политических органов; начальник укрепленного района; чрезвычайный комендант города Иосиф Варейкис с губисполкомовским штабом при нем и, наконец, приехавший из Казани с чрезвычайными полномочиями член Военревсовета Восточного фронта Благонравов. Кроме того, в городе находились комитет партии, губисполком и политический комиссар I армии В. В. Куйбышев. Эти последние представляли собой как бы высшие органы политического контроля и также вынуждены были вмешиваться в военные дела. В такой обстановке автору этих строк, как начальнику укрепленного района, пришлось проводить работу по укреплению подступов к городу Симбирску.

Решением совета для проведения работ по укреплению города была создана комиссия, в состав которой входили: главный инженер губвоенкомата Зингенкорн, командир 1-го Латышского революционного полка Тилле, комиссар труда И. Х. Иванов и я, как начальник укрепленного района. Согласно разработанному комиссией плану было решено возвести на важнейших подступах к городу окопы, пулеметные блиндажи, проволочные за-

граждения, траверсы на железнодорожном мосту через Волгу.

При рассмотрении и обсуждении данного плана в совете возникли серьезные разногласия по вопросу о том, с какой стороны прежде всего угрожает опасность городу.

Большинство было загипнотизировано Бугульминским направлением. Здесь наши части уже целую неделю отходили с боями. Естественно, казалось, что отсюда и грозит Симбирску главная опасность. Сюда посылали все, что можно было выжать боеспособного из симбирского гарнизона, и отсюда ежедневно поступали сводки о наших неудачах и неуклонном приближении противника. Поэтому большинство настаивало на первоочередности укреплений на левом берегу Волги у станции Верхней Часовни и на подступах к волжскому мосту. Меньшинство военсовета, в том числе автор, отстаивало точку зрения, что гораздо бо́льшая угроза городу существует с юга.

Свои предположения я строил на основе последних сведений, полученных с Сенгилеевского и Тереньгульского направлений. Тов. Гай сообщал об усилившейся активности Волжской флотилии противника в районе Климовки. С Тереньгульского направления секретная разведка от 16 июля сообщила, что через село Троицкое прошла разведка противника. А на следующий день поступили глухие сведения о движении каких-то колонн противника неизвестной численности от Сызрани по тракту на север.

Безусловно, мало вероятным казалось, чтобы в этих передвижениях противника заключалась какая-либо непосредственная угроза Симбирску, находящемуся на расстоянии свыше 150 километров от Сызрани. Однако лично мне чрезвычайно не нравилось, что огромное пространство, шириной около 60 километров, между Сенгилеевской и Инзенской группами войск оставалось неприкрытым и не освещенным даже разведкой в должной мере.

Я стоял на той точке зрения, что оживление противника севернее Сызрани могло иметь своей целью как удар на Инзу на штабарм I в обход Инзенской группы, так и на Симбирск. Но это были скорее догадки, предположения, чем обоснованные соображения. Говорили, что трудно думать, чтобы противник рискнул двинуться прямо на Симбирск между двумя группами красных войск.

Поэтому большинство штаба решительно выступило против моего предложения о первоочередности укрепления южных подступов к городу, возле села Белый Ключ. Первоочередными были признаны укрепления на левом берегу.

Вообще укрепления, окопы и т. п. при чрезвычайно низкой боеспособности большинства наших частей, в тот период кустарничества и партизанства, навряд ли имели решающее значение для отражения белых. Однако несомненно, что неожиданное нападение противника с той стороны, откуда его меньше всего ждали, имело громадное психологическое значение, повлиявшее на исход боя.

Начиная с 16 по 18 июля включительно, комиссия развернула спешные работы по возведению окопов, блиндажей и траверсов на железнодорожном мосту через Волгу. Туда были высланы инженеры и мобилизованные чернорабочие. Наша комиссия все время находилась на месте работ.

19 июля мы с Благонравовым ездили на моторной лодке осматривать укрепления на левом берегу. После осмотра было решено заняться, наконец, южной стороной города на правом берегу. Комиссия на автомобиле выехала к селу Белый Ключ для проектировки линии наших окопов. 20 июля к селу Белый Ключ было двинуто около 300 человек рабочих для производства работ. В этот день поступили весьма тревожные сообщения о событиях под ст. Бряндино. Наши части и здесь потерпели поражение. Полупанов потерял в бою свой вспомогательный бронепоезд.

Наши части без боя отходили к станции Чердаклы. А это уже предпоследняя станция на пути чехов к Симбирску... Следующая — Верхняя Часовня, где возведены наши окопы...

...Но у нас не установлена еще артиллерия! Не хватает пулеметов! Не определены части, которые должны занять позиции!

Не было плана предстоящего боя с наступающими чехами. Будем ли мы только обороняться или попробуем от Верхней Часовни перейти в наступление? Чувствовалось, что мы запаздываем с организацией защиты города...

Несогласованность между многими военными центрами, неуловимый саботаж грозили сорвать оборону Сим-

бирска. Поэтому губисполком и военный совет решили сосредоточить власть в руках чрезвычайного коменданта города Варейкиса И. М.

Особенное беспокойство возбуждал вопрос об артиллерии. Начальнику артиллерии укрепленного района, члену губисполкома Хламину не удавалось преодолеть саботаж артиллерийского управления губвоенкомата. 20 июля в нашем распоряжении было всего только два готовых к действию легких орудия Латышского полка. В то же время, как потом выяснилось, в складах военкомата орудия имелись. Чтобы разыскать их, пришлось нам троим (чрезвычайному коменданту города И. Варейкису, начальнику артиллерии Хламину и мне, как начальнику укрепленного района) самим непосредственно объездить склады оружия.

Вечером 20-го мы поехали на станцию Киндяковка для осмотра стоявших там на платформах пушек, с целью использования их. Станции Симбирск I и Киндяковка были забиты составами и платформами с военными материалами, продовольствием, а также санитарными поездами. В последние дни сюда, с одной стороны, прибывали поезда с амуницией из штабарма I (ст. Инза), а с другой стороны, — здесь скапливались составы, эвакуируемые с Волго-Бугульминской железной дороги.

...Вскоре мы отобрали необходимые орудия и отправили их для установки на позициях. Гипноз вражеского нажима из-за Волги продолжал действовать, и орудия размещались с расчетом обстрела Заволжья и переправ через Волгу...

Между тем войска Бугульминского фронта уже скопились перед Симбирском на левом берегу Волги. Утомленная и деморализованная многодневным отступлением, непрерывными обходами, масса красноармейцев готова была бежать при первом же выстреле. Шли митинги. Солдаты требовали выплаты «жалованья вперед», отказывались выходить из вагонов и, угрожая оружием, кричали, чтобы их немедленно пропустили в Симбирск...

Бугульминская группа войск перестала существовать, теперь ее должен был сменить Симбирский гарнизон.

Что он представлял из себя? Численно он был как будто бы серьезной величиной. В его составе находились: формировавшиеся 1-й Симбирский и 2-й Симбирский пехотные полки по 400 человек, латышский полк в 200

стрелков, отряд интернационалистов в 250 человек, командные курсы в 70 чел., уездная рота в 70 чел. Наконец, под ружьем находились остатки городской организации большевиков в 25—30 человек. Всего было более 1000 человек. Но из этого количества следовало вычесть качественно совершенно небоеспособный 2-й Симбирский полк, формировавшийся из только что мобилизованной крестьянской молодежи, не прошедшей еще необходимого военного обучения и не воспитанной политически. Им только что стали раздавать винтовки, и они не умели, в большинстве, как следует обращаться с ними.

Одна из наиболее способных частей — рота курсантов под командой начальника гарнизона Полякова и начальника курсов Кортяновича — была направлена на охрану переправы через Волгу у дер. Поливны. Эта рота не была использована в бою, была забыта и при взятии Симбирска белыми большинство курсантов просто разошлось по деревням. Латышский полк и отряд интернационалистов были в боевом отношении лучшим материалом, но плесень разложения охватила и латышей, а главное, использование их в бою оказалось совершенно не умелым.

Продолжалось дробление частей... Для прикрытия отступавших на Верхнюю Часовню были направлены небольшие отрядики интернационалистов и латышей человек по 70. Отступавшие, втягиваясь в город, вносили в него настроение неуверенности и паники.

В городе росла тревога. Поступали сведения, что белогвардейская молодежь и офицерство группируются по частным квартирам... Чрезвычайный комендант города Варейкис опубликовал приказ о взятии заложников и красном терроре в случае попыток выступления городских белогвардейцев. В то же время работники ЧК, политработники штаба группы войск и вооруженные коммунисты ночью произвели ряд арестов среди белогвардейских элементов. Взяты были: полковник Иорданский, купец Н. А. Варгин, поручик Гребенщиков, присяжный поверенный Попов, Пекарев и др. Заложники были помещены на один из пароходов. Но при эвакуации из Симбирска у пристани Старая Майна пароход был перехвачен белочехами.

В воскресный день, 21 июля, в штабе Симбирской группы войск шло военное совещание у Пугачевского.

Присутствовали Благонравов, Куйбышев и др. Решено было, что руководство обороной в дальнейшем переходит к Пугачевскому, что он будет руководить боем...

Вскоре после этого совещания раздался первый орудийный выстрел с южной стороны города. Немедленно посланный туда ординарец, вернувшись, сообщил, что бронепоезд Полупанова ведет бой с белогвардейцами возле станции Киндяковка. Это наступал белогвардейский отряд полковника Каппеля. Каппель предпринял несомненно смелый маневр, успех которого зависел только от нашего разгильдяйства, неповоротливости и кустарничества в управлении фронтом. 16 июля отряд Каппеля в составе двух батальонов, двух батарей и одного эскадрона кавалерии, всего в количестве около 600 бойцов, двинулся из Сызрани по тракту на Симбирск. Он совершил фланговый марш мимо сенгилеевской группы Гая.

Пройдя в пять дней расстояние от Сызрани до Симбирска, отряд Каппеля к вечеру 21 июля стал втягиваться в село Белый Ключ. Кавалерия противника, захватив ст. Охотничья, взорвала несколько деревянных железнодорожных мостов и отрезала, таким образом, Симбирск от Инзы, от штаба I армии. В 5 часов вечера завязался бой на подступах к Симбирску.

Неожиданность этого нападения сразу же привела к тому, что возведенные нами укрепления у села Белый Ключ остались в тылу противника... Первый эпизод боя — это артиллерийская перестрелка между бронепоездом Полупанова и батареей противника, занявшей позиции в лесу близ села Белый Ключ, слева от ж.-д. линии. После двухчасовой перестрелки бронепоезд, расстреляв свои снаряды и потеряв последнее орудие, должен был отойти...

Тем временем к месту боя стали подходить части симбирского гарнизона под командой бывшего офицера Цевловского. Навстречу наступавшим на Киндяковку белогвардейцам был брошен необученный, небоеспособный 2-й Симбирский полк. Присоединенный к нему небольшой отряд венгров в 80 человек не мог играть серьезной роли.

Участок обороны у ст. Киндяковка в тот момент являлся главным, и от исхода боя там зависела судьба позиций Симбирска. Туда следовало бы бросить наиболее крепкие части и в достаточно большом числе, чтобы от-

бросить противника и восстановить связь с штабармом I. Но латышский полк, наиболее многочисленная и относительно боеспособная часть, был брошен на охрану переправ возле Волжского моста. Создалось тяжелое положение.

Обстановка осложнилась саботажем в губвоенкомате. В момент боя, когда требовался подвоз пулеметов и боевых припасов на позиции, никто не мог или не хотел сказать, где находятся эти запасы...

Часов в 9 вечера на главном направлении под ст. Киндяковка концентрировались части 2-го Симбирского полка, группа интернационалистов и команда полупановцев. Красноармейцы Симбирского полка не умели рассыпаться в цепь... Командиры проходили по рядам и укладывали бойцов, указывая им направление — куда надо стрелять... Цепи противника появились у ж.-д. моста через Свиягу, ведя редкую стрельбу и угрожая нашему правому флангу.

Густые цепи красноармейцев, рассыпанные вдоль линии железной дороги, открыли сильную, но беспорядочную стрельбу. Заговорили наши пулеметы... Противник стал оттягиваться назад... Наши цепи поднялись и пошли на противника. Впереди двигались интернационалисты, за ними в беспорядке шли испуганные красноармейцы. Неубранная рожь прикрывала их, но одновременно и затрудняла движение.

Белые как будто подавались назад. Открылась дорога на село Белый Ключ. В Симбирск, в штаб, было послано сообщение, что фронт противника прорван и что наши части наступают на село Белый Ключ... Но в этот момент с левого фланга затакали пулеметы противника... Цепи интернационалистов и красноармейцев смешались и, неся большие потери, бросились назад, покидая позиции у ст. Киндяковка и стремясь в город. Противник занял деревню Винновку и Винновскую рощу.

Губисполком проводил лихорадочную эвакуацию города. Богатейшие запасы военного имущества, сосредоточенные на ст. Симбирск I, были уже под ударом врага. Выгружать их из вагонов и вывозить было поздно. Поэтому все усилия сосредоточились на эвакуации городских интендантских складов. В течение вечера и ночи от Симбирска отошла большая флотилия пароходов и барж, нагруженных военным имуществом (Впоследствии сфор-

мированные воинские части в Алатыре и Саранске были снабжены за счет эвакуированного из Симбирска имущества).

21 июля, часов в 11—12 вечера, в штабе Симбирской группы войск состоялось военное совещание, участвовали: командующий группой войск Пугачевский, члены губисполкома — Фрейман, Малаховский, Гольман, Хламин и я (не член губисполкома). Работников штаба, за исключением нескольких человек, в штабе Симбирской группы войск уже не было. Оказалось, что часть штабных офицеров, забравши телефонное и другое имущество, во главе с начальником связи Якиманским на автомобиле уехали к белогвардейцам. Вопрос об эвакуации государственных ценностей и материальной части гарнизона был уже решен. Чрезвычайный комендант города тов. Варейкис находился на пристани и руководил погрузкой и отправкой пароходов вверх по Волге.

Мне было поручено обеспечить прикрытие Буинского тракта, по которому должны были отправляться имущество на автомашинах и эвакуируемые работники учреждений. Для этой цели пришлось задержать отступающих красноармейцев и группировать их в Ленкоранских казармах. Таким образом, набралась рота вооруженных и под командованием тов. Бородулина она обеспечила охрану дороги до пристани Тетюши, где была назначена погрузка на пароходы и отправка в Казань.

Б. Н. ЧИСТОВ[1]

В ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ ОБОРОНЫ СИМБИРСКА[2]

Числа 22 июня комитет партии поручил своей военкомиссии выделить группу коммунистов для работы в качестве политработников в образовавшемся штабе Симбирской группы войск I армии Востфронта. Для этого были выделены товарищи: Муратов М. М., Евреинов С., Афанасьев Владимир и пишущий эти строки — Чистов.

С образованием регулярного штаба, сменившего собой чрезвоенревштаб, связано дальнейшее обострение борьбы коммунистов с «левыми» эсерами за руководящую роль в военных органах.

Лидеры местных «левых» эсеров, имевшие целью не борьбу с самарской «учредилкой», а подготовку к антисоветскому мятежу, не успокоились на потере ими руководящего положения в чрезвоенревштабе. Для реванша они ловко использовали, сам по себе безусловно необхо-

---

[1] Борис Николаевич Чистов, член КПСС с декабря 1917 г., бывший работник Симбирского комитета РКП(б), ныне кандидат исторических наук, персональный пенсионер, проживает в г. Москве.

[2] Данный очерк представляет собой отрывок из воспоминаний автора, объединенных общим названием «В тяжелые дни обороны Симбирска». В предыдущих разделах автор описывает свою работу в первые дни гражданской войны в Симбирском Чрезвычайном Военно-Революционном штабе и в военной комиссии Симбирского Комитета РКП(б). В данном отрывке речь идет о работе в политотделе штаба Симбирской группы войск в июне — июле 1918 г.

димый, переход от чрезвычайных штабов, созданных местными Совдепами, к правильно организованным штабам, подчиненным соответствующим высшим командным органам Красной Армии.

Командующим Симбирской группой войск стал «левый» эсер Кл. Иванов, а губвоенкомом вместо него стал другой левоэсеровский заговорщик — Недашковский.

Потеря руководства в штабе Симбирской группы войск вызвала бурю возмущения на общем собрании коммунистов, состоявшемся 21 июня 1918 г. Коммунисты резко критиковали свою фракцию в губисполкоме, принимавшую важнейшие политические решения без ведома и указаний партийной организации. Комитет партии с помощью прибывшего вскоре в Симбирск председателя Высшей военной инспекции Подвойского Н. И. предпринял меры к усилению военных позиций коммунистов.

В штаб Симбирской группы войск были введены коммунисты: Першин, Измайлов С. М. (начальник связи), К. С. Шеленшкевич (начальник транспортного отдела) и др.

Кроме четверых симбирских коммунистов, в состав группы политработников были включены и самарские коммунисты: Васянин И. и Полетаев. Лавров, прибывший из Казани с мандатом Реввоенсовета Востфронта, был назначен политическим комиссаром Симбирской группы войск.

Но наш руководитель Лавров, по-видимому, не уяснял, как и все мы вначале, задач политического аппарата штаба войск. Он ограничивался дачей нам — своим помощникам — случайных, бессистемных заданий.

Вначале мы с Муратовым занимались, главным образом, проведением бесед и читок газет в казармах, куда прибывали мобилизованные в Красную Армию. Из них создавались два новых полка: 1-й и 2-й Советские Симбирские.

Мы, политработники-симбиряки, жили вместе с нашими сотоварищами по работе — самарцами Васяниным и Полетаевым — в Троицкой гостинице. Через них мы сблизились с работниками Самарского губкома РКП(б) и губревкома, также жившими в этой гостинице.

Самарский Ревком после эвакуации в Симбирск не прекратил своего существования, а, наоборот, развил

большую военно-организаторскую деятельность, особенно пока не было правильного управления фронтом.

Председатель Ревкома В. В. Куйбышев принимал на свою ответственность решения большого военного значения. Эта его деятельность, которую он проводил еще будучи председателем Самарского Ревкома, опираясь на свой авторитет члена ВЦИК, получила одобрение Председателя Высшей военной инспекции тов. Подвойского. Вскоре В. В. Куйбышев был официально утвержден ВЦИКом политическим комиссаром I армии Востфронта.

В. В. Куйбышев умел как-то по-особому объединить вокруг себя людей. Его комната была местом не только официальных, но и товарищеских бесед. Через тов. Васянина мы, политработники-симбиряки, тоже стали участниками таких бесед.

В. В. Куйбышев был озабочен явлениями недисциплинированности в наших войсках. Он был не доволен Лавровым — руководителем нашей группы, не умевшим использовать свои права комиссара для систематического большевистского контроля за деятельностью командующего войсками «левого» эсера.

Симбирский и Самарский комитеты партии стояли в то время перед вопросом — иметь ли специальные коммунистические отряды, как безусловно надежные, но неизбежно малочисленные, или же целесообразнее распределить коммунистов по общим воинским частям, чтобы они цементировали более многочисленные массы красноармейцев. В июне—июле 1918 г. этот вопрос толком так и не был решен.

То обстоятельство, что во главе Симбирской группы войск и Симбирского губвоенкомата стояли «левые» эсеры, создало нам, коммунистам, серьезные трудности в деле организации отпора контрреволюции. Занимая высшие командные посты, «левые» эсеры не только не боролись с явлениями мелкобуржуазного развала в частях, но потворствовали им.

В одной из рот 1-го Симбирского полка, под влиянием проникших в полк правоэсеровских провокаторов, в конце июня была принята демагогическая резолюция, требовавшая выплаты жалования за два месяца вперед, выдачи оружия только что мобилизованным и права отвода солдатами неугодных им командиров. От нас, политработ-

ников, понадобились огромные усилия, чтоб ликвидировать влияние провокаторов и демагогов в полку. «Левые» же эсеры явно потакали анархическим настроениям, в том числе Кл. Иванов в штабе Симбирской группы войск. Военспецов в штаб он набрал из самых сомнительных элементов офицерства, которые в критический момент почти все изменили нам. Но именно подобные тайные белогвардейцы наиболее и подходили для «левых» эсеров, готовившихся к перебежке в лагерь контрреволюции.

Захват «левыми» эсерами в Симбирске командно-строевых постов в полках находился, конечно, в теснейшей связи с линией ЦК «левых» эсеров на прямую подготовку антисоветского вооруженного выступления.

9 июля вечером на собрании симбирских коммунистов обсуждалось сообщение о провокационном убийстве в Москве «левыми» эсерами германского посла Мирбаха. С сообщением об этой преступной попытке навязать трудящимся новую войну с империалистической Германией выступали члены комитета И. М. Варейкис и Г. Д. Каучуковский. О мятеже в Москве точных данных не было, о нем говорилось пока как о выступлении одного из левоэсеровских отрядов московского гарнизона.

В принятой собранием резолюции отмечалось, что убийство Мирбаха на руку империалистам Германии и Антанты и что долгом коммунистов является «как можно шире разоблачать перед массами виновников этого убийства — партию эсеров»[1].

На собрании военкомиссия объявила, что все присутствующие остаются в полной боевой готовности, — частью во дворе, частью — внутри кадетского корпуса. Исключение было сделано для членов губисполкома, ввиду предстоящего заседания последнего для выяснения позиции местных «левых» эсеров. В коммунистическом отряде, после отъезда основной его части на фронт, осталось до 50 человек. Почти все они были налицо. Отрядники горели желанием пойти и немедленно арестовать всех «левых» эсеров, и лишь партийная дисциплина, отсутствие на то указаний комитета и военкомиссии сдерживали их.

Так мы пробыли в ожидании до глубокой ночи, пока шли бурные дебаты на заседании губисполкома. Но вот,

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 52, д. 30, л. 3.

наконец, узнаем, что «левые» эсеры и максималисты как будто согласились осудить провокационное убийство Мирбаха, но тут же огласили декларацию, требующую разрыва Брестского мира. «Левые» эсеры маневрировали.

На этом кончились в Симбирске события 9 июля. Домой вряд ли кто пошел, у каждого из коммунистов была койка в казарме. Здесь мы все и остались, обсуждая события в Москве.

Днем 10 июля я отправился в клуб Красной Армии, где стал проводить читку газет, рассказывая красноармейцам то, что знал о московских событиях. В клубе пробыл несколько часов. Уже вечером зашедшие в клуб красноармейцы сообщили, что у кадетского корпуса «что-то неладное».

Поспешив к корпусу, я увидел картину, много раз описанную уже участниками ликвидации муравьевской авантюры. На здание губисполкома были направлены дула пушек и пулеметов броневиков. Я застал конец мятежной речи Муравьева о возобновлении Германией войны против Советской Республики, о мире с чехословаками и совместном с ними походе на Запад...

Некоторое время я наблюдал за происходившим. Подошедшие ко мне политработники Васянин и Муратов сообщили, что наш руководитель Лавров неизвестно где, поэтому нам надо ориентироваться самим. Надо пойти в муравьевские войска, прощупать их настроение, раскрыть им глаза на обман их Муравьевым. Посоветовавшись, мы разошлись, чтобы действовать.

У броневика, стоявшего ближе к Троицкой гостинице, я вслушался в разговор между двумя матросами и бронеотрядниками. Муравьевские агитаторы говорили, будто немцы уже заняли Оршу и наступают на Москву, что в центре «Советская власть переменилась», стала «истинно-революционной», что надо, мол, идти с Муравьевым.

Вмешавшись в разговор, я хотел было повести его издалека, но не сумел, стал говорить слишком прямолинейно о том, что здесь происходит продолжение московского левоэсеровского мятежа. Я был схвачен матросами, которые вывернули мне руки, залезли в карманы, отобрали револьвер и нашли партбилет. Я успел крикнуть бронеотрядникам:

— Не верьте им, товарищи!

Вслед за этим матросы потащили меня к Троицкой

гостинице, советуясь между собой, пустить ли меня «в расход» здесь же или сдать в штаб.

У гостиницы зачем-то стоял легковой извозчик. Увидев его, матросы решили везти меня в свой штаб — на пароход.

Втолкнув меня в пролетку и разместившись по краям ее, вооруженные маузерами матросы приказали извозчику ехать на пристань. Поехали на Гончаровскую улицу и по ней вниз — на Петропавловский спуск.

На Петропавловском спуске я увидел едущего навстречу на губисполкомовской пролетке члена нашего комитета партии Александра Швера. Узнав его издали, я крикнул ему:

— Шура, я арестован, не останавливайся! Гони!

Губисполкомовский кучер понял ситуацию и погнал вовсю!

Анархисты схватились было за маузеры, но Швер уже скрылся за поворотом. Обозленные анархисты начали орать на меня:

— Расстреляем тебя, как собаку, если еще кого-либо предупредишь!

При этом я получил основательный удар по скуле. Но, к счастью, на пути к пристани больше никто из наших товарищей не встретился.

На пристани и на палубе знакомого мне парохода «Межень», на который меня провели, я увидел смуглых солдат в бескозырках.

— Чехословаки. Неужели они уже прибыли из Самары? — подумал я.

Но, как потом выяснилось, это были сербы из личного конвоя Муравьева, набранного им в полку югославов в Казани.

...В передней рубке парохода, охраняемой сербами, находились уже человек восемь арестованных симбирских и казанских коммунистов, в том числе член губисполкома Шеленшкевич, комиссар группы войск Лавров, известный мне политработник штаба Востфронта Вайнбайм и др. Они набросились на меня с вопросами: «Что в городе?», «Оказывают ли наши войска сопротивление Муравьеву?» Я ответил, что пока никакой стрельбы в городе нет...

Известно, что симбирские коммунисты во главе с И. М. Варейкисом быстро ликвидировали муравьевскую авантюру. Это имело громадное военное и политическое значе-

ние. Устранена была созданная Муравьевым угроза центру страны.

...Утром 11 июля, придя в штаб, я был до крайности удивлен, когда увидел там тех самых двух анархистов, которые вчера арестовали меня. Виновато улыбаясь, они протянули мне револьвер, мой партбилет и штабное удостоверение.

— Попутал нас эта сволочь — Муравьев, — заявили они.

Состоялось наше примирение. «Братва» была удовлетворена тем, что Симбирский Совдеп проявил к ним доверие, и они отправлялись на фронт. Это был один из моментов начавшейся ликвидации последствий муравьевщины.

Только что назначенный приказом РВС фронта комиссаром I армии В. В. Куйбышев собрал нашу группу политработников и сообщил, что наш прежний руководитель Лавров отстранен и наша группа переходит в его непосредственное подчинение. Тов. Куйбышев предложил нам рассказать, как проходила ликвидация муравьевской авантюры, при этом он делал себе пометки. Обобщив все данные, В. В. Куйбышев составил потом телеграмму во ВЦИК и в Совнарком об обстоятельствах муравьевской авантюры и ее ликвидации.

На этом же совещании В. В. Куйбышевым поручено было Васянину и мне рассмотреть всю штабную переписку Кл. Иванова за последние дни.

В этой переписке мы нашли объяснение одному из обстоятельств происшедших событий. Обнаруженная в переписке Кл. Иванова телеграмма все объясняла. На бланке командующего группой войск рукой Кл. Иванова было написано: «Командиру самарских боевых дружин Гаю. 1918, 8/VII. Приказываю Вам отправить в мое распоряжение Самарскую боевую дружину левых социалистов-революционеров. Командующий группой Клим Иванов».

Эта телеграмма показала, что дружина Устинова, вопреки договоренности на президиуме губисполкома, все-таки была вызвана в Симбирск. Кл. Иванов предполагал вовлечь ее в антисоветскую авантюру Муравьева.

Под влиянием измены Муравьева в войсках появилось недоверие к командирам и даже к комиссарам. Солдаты всюду видели измену. Дисциплина пала. Возобновились случаи беспричинной паники и отступления. Муравьев-

ские последыши и белогвардейские агенты стали усиленно разжигать эти отрицательные явления в советских войсках.

Особенно тяжелая обстановка сложилась на Бугульминском направлении, откуда как раз противник начал свой решающий натиск на Симбирск. Белочехи вновь заняли Бугульму. При этом ими едва не был окружен наш Симбирский коммунистический отряд, стойко державший свои позиции.

На неудачи наших войск влияли и кулацкие мятежи, организуемые агентами самарской «учредилки». Большое восстание ими было поднято в тылу мелекесского фронта в селах Мулловке, Степанове, Еремкине и др.

Поэтому особое внимание уделялось укреплению наших частей под Мелекессом. Политическим комиссаром всей группы отрядов, защищавшей район Мелекесс — Бряндино, был назначен член Симбирского губисполкома коммунист Петр Смирнов. Комиссаром сводного отряда, составившегося из прибывших из Казани подкреплений и батальона 1-го Симбирского полка, был назначен коммунист тов. Самойлов Н. Г., тоже член Симбирского губисполкома. Помню разговоры Васянина по прямому проводу с комиссаром Самарского Коммунистического отряда в Мелекессе тов. А. Гавриленко, которому он говорил, чтоб коммунисты были первыми в наступлении и последними в случае отступления.

В этих условиях В. В. Куйбышев и развертывал большую политическую работу в частях I армии. Созданная им специальная группа в составе самарских коммунистов Крайнюкова И. А. и Бешенковской М. С. должна была постоянно курсировать между Симбирском и Москвой или Нижним, добывать в центре литературу и везти ее на фронт. Эти товарищи успели доставить только одну партию литературы, а следующий их рейс был оборван боями под самим Симбирском. На мою долю в политотделе пала информация. Я заботился о получении не только политических, но и оперативных сводок, докладывал об них В. В. Куйбышеву.

Пребывание отдельных работников политотдела I армии в Симбирске, в отрыве от всего штаба армии, находившегося на станции Инза, накладывало отпечаток на нашу работу. Мы, политработники, неизбежно были втянуты, главным образом, в дела Симбирской группы

войск и совсем не занимались политработой в масштабе всей I армии.

Характерным для симбирского периода деятельности комиссара I армии В. В. Куйбышева было то, что он чрезвычайно сильно был отвлечен в сторону вопросов оперативного порядка.

Слабость наших вооруженных сил под Симбирском в июле 1918 года заключалась не только в том, что коммунисты не преодолели еще мелкобуржуазных настроений и действий в солдатских массах. Она состояла и в неумении организовать, как следует, оперативное руководство ими.

В. В. Куйбышев, являясь представителем РВС I армии на самом угрожаемом участке фронта, помогал новому комвойск Пугачевскому в налаживании управления войсками. Но дело осложнялось тем, что в Симбирске возникло военное многовластие.

В Симбирск прибыл член РВС Востфронта тов. Благонравов, имевший чрезвычайные полномочия от высшего органа. Одновременно Симбирский губисполком, обеспокоенный приближением противника, создал свой штаб обороны во главе с чрезвычайным комендантом И. М. Варейкисом.

...На Симбирск противник наступал силами белочешского полка капитана Степанова с востока, вдоль Волго-Бугульминской железной дороги. Но после взятия Мелекесса противник, кроме того, предпринял поход на Симбирск с юга, от Сызрани, силою Самарского белогвардейского отряда полковника Каппеля.

В нашем штабе возможная опасность со стороны Сызрани признавалась лишь теоретически, практически же все внимание оставалось прикованным к Мелекесскому направлению.

Помню частную беседу Благонравова, Пугачевского и Звирбуля. Звирбуль предупреждал, что «если белые возьмут Симбирск, то сделают это с юга», а Благонравов и Пугачевский отводили его доводы.

...Примерно 15 июля командующий Сенгилеевской группой отрядов Г. Гай донес, что у него на правом фланге замечается скопление противника. Это сопровождалось у Гая потоками требований на подкрепления. Донесение было сообщено в штаб I армии на ст. Инза. Там отнеслись к нему иначе. 16 июля оттуда было предписано

отвести отряды Гая от линии Климовка—Шигоны к северу, на линию Новодевичье и выслать отряд для действия на Сызрано-Симбирском тракте.

Но Сызрано-Симбирский тракт, несмотря на указание штаба I армии, оставался незащищенным, что и облегчило маневр полковника Каппеля. 17 июля вечером Каппель выступил со своим офицерским отрядом и дивизионом уральских белоказаков из Сызрани на Симбирск.

Между тем наш отряд Киселева, выступивший 18 июля из Симбирска, вместо походного порядка по тракту на Тереньгу, где он столкнулся бы с Каппелем, поехал на пароходе. В Сенгилее отряд потерял целые сутки. И только 20 июля вечером отряд Киселева с приданной ему Гаем кавалерией двинулся из Сенгилея на Тереньгу.

А в этот день белогвардейцы Каппеля, миновав Тереньгу, проходили уже Ясашную Ташлу. Отряд Киселева, выйдя на тракт, сообщил лишь туманные сведения, что вчера, 19 июля, через Тереньгу проходил какой-то отряд белых неизвестной численности, державший, по словам крестьян, направление не то на Сенгилей, не то на Симбирск.

Опасный враг уже обошел Сенгилеевскую группу красных войск и двигался на Симбирск. Но ни Гай в Новодевичье, ни Пугачевский в Симбирске не представляли серьезности положения.

Все же и неясные сведения Киселева о каком-то белогвардейском отряде в районе Тереньги вызвали беспокойство у нас в штабе. Товарищи Благонравов и Пугачевский, потеряв четверо суток после предупреждения штаба I армии, спохватились. Они принимают решения прикрыть Симбирск с помощью Сенгилеевской и Ставропольской групп.

20 июля Пугачевский приказывает Гаю произвести радикальную перегруппировку и перенести свой фронт на северо-запад — на линию сел Ясашная Ташла — Суровка, а оборону района Сенгилея передать Ставропольской группе тов. Павловского, которая должна была переправиться на правый берег Волги.

Если бы такая перегруппировка была проведена числа 17—18 июля, то она помешала бы Каппелю пройти на Симбирск. Но к осуществлению этой меры наше командование приступило поздно. Белогвардейцы уже прошли

Ясашную Ташлу и были 20 июля в полутора переходах от Симбирска.

Неопределенность положения на Сызранском тракте, между тем, вселяла все большую тревогу в наш Симбирский штаб. Вечером 20 июля и в ночь на 21 июля в штабе царило исключительное напряжение. Пугачевский и Куйбышев несколько раз вызывали Гая по прямому проводу, торопя его с перегруппировкой.

Утром 21 июля у всех у нас в штабе вырвался вздох облегчения, когда поступило сообщение, что Гай и его штаб прибыли из Новодевичья в Сенгилей, что им уже отданы приказы отрядам о переходе в район Ясашной Ташлы, что отряды Ставропольской группы переправляются через Волгу. Обо всем этом было передано на Инзу в штаб I армии.

Теперь считалось, что Симбирск прикрыт с юга надежно, ибо Сенгилеевско-Ставропольские отряды были самыми стойкими на Симбирском фронте. К этому же времени из штаба Востфронта, из Казани, сообщили, что в Симбирск из Рузаевки направляется 4-й Латышский полк в 500 штыков.

В нашем штабе наступило успокоение. В действительности же отряды Гая предотвратить опасность с юга уже не могли, так как каппелевцы прошли Ясашную Ташлу еще 20 июля, а 21 июля они подходили к с. Белый Ключ. Белоказаки уже направлялись к станциям Охотничья и Майна, чтобы взорвать здесь мосты и отрезать Симбирск от Инзы.

Трагедия нашего штаба состояла в том, что он все еще не знал действительного положения вещей, хотя тайные белогвардейцы, орудовавшие в нашем штабе, вероятно, все это знали.

Около 4 часов вечера 21 июля в штабе происходило совещание тт. Благонравова, Пугачевского, В. В. Куйбышева, Певзнера с участием оперативных и политических работников штаба. На нем шла речь о ликвидации излишних инстанций, ведающих обороной Симбирска. В. В. Куйбышев заявил, что в целях устранения параллелизма он переносит свою работу комиссара армии в штаб I армии на ст. Инза и сегодня выезжает туда. При этом он предложил комиссару Симбирской группы войск тов. Певзнеру немедленно принять руководство нашей группой политработников штаба...

Вскоре после окончания совещания с юга-запада раздались глухие орудийные выстрелы.

Участники его еще не разошлись. Пугачевский выбежал, чтобы узнать в чем дело. Оказалось, что телефонные линии к району станции Киндяковка еще не протянуты, а со станции Симбирск I никто не мог объяснить, что происходит на юго-западном подступе к городу. Пугачевский немедленно выслал конных, а также приказал срочно подготовить автомобиль, чтобы самому ехать на выстрелы.

Орудийная стрельба продолжалась...

В это время в штаб прибежал член губисполкомовского штаба обороны тов. Мороз. Он сообщил, что в губисполком только что звонил с вокзала председатель Мелекесского ревкома тов. Пискалов о том, что Симбирск атакуется неприятелем со стороны села Белый Ключ, но сдерживается командой бронепоезда Полупанова и отрядом Мелекесского ревкома, стоявшего в эшелоне на ст. Киндяковка.

Штабное совещание возобновилось, но уже в качестве оперативного. Пугачевский получает подтверждение, что ему поручается ведение боя.

Непонимание, что район Киндяковки стал главным участком обороны города, привело к тому, что сразу же был наделан ряд роковых ошибок. Навстречу белогвардейцам-офицерам бросили необученный как следует 2-й Симбирский полк. Присоединенные к нему рота 1-го Симбирского полка и небольшой отряд интернационалистов-венгров не могли играть серьезной роли. Под Киндяковку следовало бросить наиболее крепкие части с достаточным числом бойцов, чтобы отбросить противника и восстановить прерванную связь с Инзой, со штабармом. Но лучшие советские части были обречены на пассивность. Латышские стрелки частью оставались на охране кадетского корпуса, а частью были брошены на охрану переправ у Волжского моста, тогда как белочехи сюда еще не подошли.

Латышские стрелки должны были в течение целого вечера и ночи бездействовать, слыша в тылу раскаты идущего боя. Неизвестность, провокационно-панические слухи, беспокойство за свою судьбу, — все это разлагало стрелков и они теряли свою силу сопротивления...

Первый натиск каппелевцев вечером 21 июля был

отбит командой бронепоезда, перешедшей вместе с интернационалистами и красноармейцами 2-го Симбирского полка в контратаку. Поздно вечером 21 июля в штабе Симбирской группы войск снова происходило совещание. Обсуждался вопрос об организации новой контратаки за Киндяковкой. Мы, политработники и отрядники-коммунисты, деятельно помогали созданию отряда, мы звонили в казармы, останавливали уходивших с позиций солдат и т. п. После 10 часов вечера 21 июля я по поручению политотдела штаба Симбирской группы войск вместе с одним красноармейцем провел обследование нашего правого фланга у Свияги за вокзалом. При этом мы имели столкновение с белогвардейцами, обходившими здесь наше расположение. Мой спутник погиб, сраженный пулеметным огнем. С донесением об обходе противника нашего правого фланга я пошел через город в штаб.

Было за полночь. Боя за городом не было.

...В штабе тов. Певзнер жег в камине штабные бумаги. Я доложил ему об обстановке на позициях. Он ответил: «Город решено оставить. Латышские стрелки эвакуировались. Полупанов взрывает бронепоезд. Товарищи Благонравов, Варейкис, Гимов и другие эвакуировались Волгой». На вопрос: «Что нам делать дальше?» Певзнер дал директиву:

— Вы, политработники-коммунисты, уйдете из города последними! Ваша задача — обеспечить отход наших частей!

Певзнера в Симбирске видеть больше мне не пришлось.

В воспоминаниях об этих часах многие подчеркивают только то, что в штабе был хаос, рваные бумаги и только! Но это внешняя сторона дела. Военный штаб Симбирской группы войск действительно перестал существовать. Но борьба еще не была кончена.

Часа в 3 ночи в кадетском корпусе появились члены губисполкомовского штаба тт. Фрейман В. Н., Малаховский Е. В., Мороз, Звирбуль Я. М. Они взяли на себя трудную задачу — попробовать укрепить разваливающийся фронт, наладить управление им. Но как это можно было сделать при отсутствии даже телефонной связи с участками обороны? Военспец Якиманский, ведавший техникой связи, погрузив телефонное имущество на грузовик якобы в целях установления связи с районом вок-

зала, на самом деле переехал к белым. Бродившие по штабу другие военспецы лишь пожимали плечами.

Помню, что только один пожилой капитан Карибский действительно что-то предпринимал. Хотел ли он честно выполнить свой долг или хотел только контролировать мероприятия коммунистов, это неизвестно. Но я наблюдал, как он по поручению Фреймана и Мороза связывался по телефону со штабом I армии — с Инзой, делая это через Тагай и Карсун ввиду того, что телеграф по железной дороге был прерван белыми. Наконец, ему это удалось, и он стал передавать сообщения нашего импровизированного штаба. Ожидаемый от Инзы 4-й Латышский полк* предупреждался, что район Охотничья—Киндяковка в руках противника, что губисполком создал свой штаб, который собирает все наличные силы, чтобы организовать утром контратаку навстречу 4-му Латышскому полку, что командующим назначен тов. Мороз. Таким образом, когда военный штаб перестал существовать, на сцену выступил революционный орган Советской власти — губисполком, избранный рабочими и крестьянами губернии, и предпринял героические меры к дальнейшей обороне города.

К рассвету мы собрали из бродивших по городу красноармейцев еще один отряд, в него влились все наличные отрядники нашей партийной дружины. Их было человек 15. Главное ядро нашего коммунистического отряда было далеко, на фронте под Сенгилеем, и не могло участвовать в защите родного города.

Тов. Мороз повел образовавшийся отряд на позиции. С отрядом пошла и наша группа политработников: Муратов, Вл. Афанасьев и пишущий эти строки. Звали Евреинова, но он сказал, что занят арестами белогвардейцев по городу и что у него еще куча невыполненных ордеров от Чека.

Отряд наш дорогой наполовину растаял.

Мы с Муратовым с одним взводом, с согласия Мороза, свернули с Сызранской улицы к Свияге, чтобы прикрыть правый фланг, имея в виду намерение белых обходить наше расположение с этой стороны. В это время возоб-

* 4-й Латышский полк опоздал к моменту борьбы за Симбирск 21—22 июля и прибыл в район ст. Майна лишь 23—24 июля, когда Симбирск был уже в руках белых.

новился, прерванный ночью, вражеский обстрел города из артиллерии. Тотчас ответили наши орудия от Уланских казарм. Спустившись на пойму, мы развернулись в цепь и стали продвигаться. Поравнявшись с пивоваренным заводом, мы попали под обстрел. Впереди были белые. Мы залегли и начали перестрелку. Что делалось на других участках, мы не знали. Слышна была сильная трескотня в районе вокзала или дальше за вокзалом. Белогвардейцы, что были перед нами, имели, очевидно, задачей выйти в тыл нам у вокзала. Но наше появление сковывало их. Так прошло с полчаса.

Стали видны перебежки белых в нашем направлении, а затем у них появился пулемет. Его огонь стал достигать нас, мы стали отбегать к монастырскому подворью. Здесь, на бугре, при входе в город, были кучи щебня. Их мы использовали как хорошее прикрытие. Стреляя из-за них, мы сдерживали белых у монастыря минут двадцать.

Вдруг по нас началась стрельба с монастырской стены. Стреляли сбоку, продольно, наше укрытие нас больше не защищало. Кто стрелял со стены: или белогвардейцы, проникшие от Свияги в монастырский двор, или монахи, своевременно не разогнанные Советской властью, — это было неизвестно.

Отходим в переулок, ведущий к зданию тюрьмы. Красноармеец, посланный на Сызранскую улицу, возвращается предупредить, что наши от вокзала отходят. Мы тоже снимаемся. Было 8 часов утра.

Большинство наших отступало Сызранской улицей к Колючему садику. Но мы с Муратовым и несколькими красноармейцами решаем идти к штабу и бежим через Больничную площадь.

...Вот мы у кадетского корпуса. Над зданием губисполкома еще полощется красный флаг. Завертываю в штаб, а Муратов бежит в Троицкую гостиницу захватить наши вещи.

В штабе на этот раз уже никого своих нет. Некоторые известные мне военспецы там, но в помещении толкутся и какие-то неизвестные люди.

В комнате политработников срываю и уничтожаю список наших дежурств. Нахожу папки с личными делами политработников и комиссаров и нашими политдонесениями и сводками. Что с ними делать?

Пробегая коридором, заметил, что в первой комнате

еще теплится камин, в котором сжигались штабные дела. Возвращаюсь и снова разжигаю огонь. Наши политдонесения горят. Снова выхожу. В районе штаба разрывается несколько снарядов. Потом тишина. Слышу, за акациями двое штабных военспецев, позевывая, спокойно толкуют: «Пожалуй, пора домой? Выпить кофе и переодеваться! У вас все готово?»

Соображаю, что это они готовятся снова одеть офицерские погоны. Заметив меня, они замолкают, у одного рука опускается в карман, наверное, за револьвером. Взбрасываю на всякий случай винтовку. Но изменники отходят. На улице вижу знакомых мне гимназистов. Они вооружены... входят в кадетский корпус.

В голове у меня моментальная догадка: городские белогвардейцы под видом красноармейцев уже проникают в кадетский корпус и в штаб... Еще немного поредеют кучки отступающих, и беляки начнут охоту за нашими людьми.

Ко мне подбегает Муратов, он несет наши скатки-шинели и вещевые мешки.

Муратов, со слов встретившегося ему Евреинова, передает, что городские белогвардейцы захватили интендантский склад на Комиссариатской улице и вооружились там. Евреинов, — отчаянная голова, — предлагал «пойти их разогнать»! Но обстановка явно невыгодна для этого.

— Уходим! — решаем мы.

Пробегая мимо Троицкой гостиницы, замечаем, что от Нового Венца идет стрельба по отступающим. Выпускаем, в ответ, по обойме туда. Когда пробегаем перекресток Верхне-Московской и Спасской улиц, видим трупы убитых красноармейцев и снова отмечаем стрельбу от Нового Венца.

Снова выпускаем по обойме туда. Там, у собора, замолкают. Дальше бежим меж кучек обывателей, стоявших по обеим сторонам улиц. Иногда из этих кучек раздаются выстрелы, наверное, в нас. Организуем группу красноармейцев, чтобы отходить «перекатами» — часть заходит вперед, а задние их охраняют, затем передние останавливаются, прикрывают отход других и т. д. по очереди. Выстрелы по нас прекращаются.

...Вот уже казармы на краю города. Они уже пусты. Выходим на Казанский тракт. По нему идет отступление.

Н. Я. ГИМЕЛЬШТЕЙН[1]

С БРОНЕПОЕЗДОМ «СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ»

До прибытия на Восточный фронт наш бронепоезд сражался с немецко-австрийскими оккупантами и гайдамаками на Украине. Бронепоезд этот был отобран отрядом советских моряков у гайдамаков. Командиром его стал Полупанов Василий Андреевич, моряк, родом из шахтеров Донбасса. Команда бронепоезда состояла из матросов и рабочих Одессы, Херсона и др. южных городов.

В мае 1918 г. бронепоезд, получивший серьезные повреждения в боях на Украине, прибыл по распоряжению Центроброни для ремонта в Коломну.

Тем временем наша команда, оставшаяся с вспомогательным поездом в Москве, пополняла там свои поредевшие ряды новыми добровольцами.

В последних числах мая, когда пришли известия об антисоветском мятеже чехословацкого корпуса в Сибири и на Волге, наш бронепоезд получил приказание двигаться на Восточный фронт.

Перед отправкой на фронт тов. Полупанову и мне выпало счастье быть у В. И. Ленина и беседовать с ним. В. И. Ленин обрисовал нам огромные трудности борьбы и все великое значение отпора, который мы должны были

---

[1] Наум Яковлевич Гимельштейн, член КПСС с марта 1917 г., бывший комендант бронепоезда «Свобода или смерть», ныне персональный пенсионер, проживает в Симферополе.

дать наймитам Антанты, наступавшим на города Средней Волги.

В начале июня бронепоезд был уже на Сызранском участке фронта. Здесь он принимал участие в наступлении на Сызрань и после отхода к Инзе был направлен через Симбирск на Бугульминский фронт.

В Симбирск бронепоезд прибыл во второй половине июня. По прибытии в Симбирск командир поезда тов. Полупанов и я, комендант поезда, связались с партийным комитетом. Последний немедленно прислал в нашу команду своего представителя, который провел митинг.

Общее настроение наших красногвардейцев и партизан было приподнятое. Они требовали быстрейшей отправки на позиции.

Сделав остановку на станции Мелекесс, мы выслали вперед по линии разведку на дрезине. Разведка донесла, что впереди, вправо от полотна железной дороги, вблизи мельницы, обнаружена чехословацкая пехота численностью около 300 человек.

Затрещали передаточные шестерни, завертелись пулеметные бойницы. Паровоз набрал пары. Мы готовились к боевой встрече с противником.

При приближении нашего бронепоезда белые залегли в цепи. В то же время с левой стороны заговорило замаскированное орудие противника, по-видимому трехдюймовое, но при первом нашем выстреле неприятель прекратил огонь. Появление бронепоезда было для чехословаков полной неожиданностью. Это чувствовалось по их паническому отступлению, когда заработали наши пулеметы.

Правда, сначала белочехи яростно бросились в атаку, перейдя на левую сторону железной дороги. Они, видимо, хотели зайти с обоих флангов и забросать поезд гранатами. Но немногие из них уцелели при этой попытке, так как местность была совершенно открытая и хорошо простреливалась. Только небольшой части противника удалось спастись в высокой ржи. Мы потеряли в этой операции одного моряка-разведчика тов. Шестопалова.

Не теряя времени, бронепоезд бросился преследовать отступающих интервентов.

...В первых столкновениях мы опрокинули врага своим натиском и дерзостью. У нас не было сил, чтобы закреплять наше продвижение. Пехоты на фронте почти

не было, если не считать незначительных гарнизонов Мелекесса и других станций да небольших разрозненных партизанских отрядов из деревенских коммунистов и бедноты. Не изменил существенно положения и прибывший вскоре Симбирский рабоче-коммунистический отряд. В нем было не более 200 бойцов.

Оперируя на Волго-Бугульминской дороге, мы постоянно находились под угрозой обхода с правого фланга, так как противник вел наступление не только с востока, но и с юга, со стороны Ставрополя—Кротовки, Бугуруслана. Противник выходил время от времени на линию железной дороги и занимал отдельные станции. Имея в своем распоряжении кавалерию, противник не раз пытался охватить наш бронепоезд с флангов и тыла.

В начале нашего наступления Уфа и Бугульма были еще в руках красных войск. Но 5 июля пала Уфа, а затем Бугульма. Нашей задачей стало очищение этих городов от чехословаков.

«Даешь Бугульму!», «Даешь Уфу!» — то и дело слышались возгласы команды.

Командование поезда решило прорваться до Бугульмы и, организовав там рабочих, создать таким образом пехотные части, чтобы потом более уверенно продвигаться на Уфу. И мы настойчиво шли вперед, с небольшими боями занимая станции Нурлат, Челны, Шенталу и Клявлино.

По мере нашего продвижения к Бугульме мы все чаще встречали отряды и разъезды противника. Они оказывали все более упорное сопротивление, часто переходя в контрнаступление. Особенное упорство белочехи проявили в бою 8—9 июля у железнодорожного моста через реку Шемшу.

По ту сторону моста, с правого фланга, белые сосредоточили большие силы пехоты и замаскировали пулеметы. А с левой стороны они стали бить беглым артиллерийским огнем по нашему бронепоезду и по мосту, стремясь поджечь мост, чтобы воспрепятствовать переходу бронепоезда через реку.

Неожиданно, в обход с левого фланга, появилась белогвардейская пехота в рассыпном строю численностью до 150 человек. Она продвигалась с очевидной целью взорвать позади нас железную дорогу.

Мы поспешили повернуть несколько бойниц навстречу этой пехоте. Загорелся упорный бой.

Здесь наш бронепоезд показал всю свою силу. Бойцы не знали усталости. Земля дрожала от артиллерийского огня. Пыхтел паровоз. Из бойниц строчили пулеметы.

Вдруг в разгаре боя раздался тревожный звонок из паровоза. Машинист сообщил об отсутствии воды в тендере. Что делать? Отойти назад нам казалось преступным: это значило бы отдать позицию неприятелю, дать ему возможность сжечь мост, выиграть время и сильно окрепнуть.

Наученные опытом боев на Украине, мы нашли выход из положения. Бронепоезд отошел только до ближайшего разъезда. Здесь мы быстро созвали крестьян и вместе с ними стали вручную и насосами наполнять тендер из водонапорной башни и кранов. Работали геройски.

Скоро паровоз зашипел, заработали поршни. Рванув бронеплощадку, он снова понесся к мосту на неприятеля.

За первым же поворотом железной дороги противник встретил нас упорным артиллерийским огнем. Но снаряды ложились сзади бронепоезда. По-видимому, вражеские орудия были наведены на место стоянки бронепоезда, где мы только что набирали воду. Снова закипел бой.

После часового орудийного и пулеметного огня неприятельская пехота стала отходить по флангам в глубь степи, а часть стала в панике отступать по направлению к Бугульме.

Не медля ни минуты, мы проскочили через мост, продвинулись еще немного вперед и выслали на дрезине разведку в количестве 6 человек под моей командой.

...Вооруженные с ног до головы влетели разведчики на первый от Бугульмы полустанок. Белочешских солдат было здесь немного, они сейчас же скрылись. На полустанке были захвачены и переданы в штаб поезда телеграфные ленты, аппараты, шифр и документы.

После боевого урока у Шемши противник, видимо, не хотел пока вступать с нами в серьезный бой. Он дал лишь небольшой бой, когда мы продвинулись к семафору перед Бугульмой. После трех наших орудийных выстрелов неприятель отвел свои силы за Бугульму.

10 июля мы заняли город. Здесь мы получили срочную телеграмму за подписью главкома Муравьева примерно следующего содержания:

«Ввиду объявления нам войны Германией приказываю прекратить наступление на Уфу. Предлагаю повернуть все части против немцев на Украину».

Содержание этой телеграммы сразу возбудило сомнения, и на другой день Полупанов выехал в Симбирск проверить смысл телеграммы главкома.

В Симбирске Полупанов побывал в комитете РКП(б) у тов. Варейкиса и, получив подробную информацию о предательстве Муравьева, сообщил об этом в Бугульму по телеграфу. Затем он выехал в Москву, в оперативный штаб Центроброни с докладом и вскоре вернулся обратно на фронт.

Восстание Муравьева деморализующим образом подействовало на команду бронепоезда. Зашевелились темные силы, пробравшиеся в ряды нашей команды. Они повели агитацию среди команды за оставление позиций и за возвращение в Симбирск.

Открываем митинг, призываем команду не поддаваться изменнически-грабительскому порыву, помнить, в каком положении мы сейчас находимся и стойко продолжать борьбу за дело рабочего класса.

После моего выступления и выступления других коммунистов команда приняла решение: «Всеми мерами бороться против провокаторов и грабителей и убирать с дороги тех, кто мешает борьбе».

Наш бронепоезд фактически занимал только станцию и город Бугульму. А вокруг города оставались белые части.

Впереди по направлению к Уфе красными войсками заняты были еще три станции. Но необходимость охранять город, обнаружившийся недостаток снарядов и патронов — все это не позволяло удерживать занятые станции, и мы должны были отойти к Бугульме, потеряв в боях два орудия. Вредно влияло и отсутствие опытного командира Полупанова. Вообще, заняв Бугульму, мы слишком выдвинулись вперед и лишили себя возможности свободно маневрировать. Наша стоянка в Бугульме (на одном месте) была выгодна неприятелю. От захваченных в плен чехословаков мы узнали, что части противника обходят нас в направлении Дымка—Клявлино с целью отрезать отступление бронепоезду и захватить весь наш состав.

Командир бронепоезда «Свобода или смерть» А. В. Полупанов.

Комендант бронепоезда «Свобода или смерть»
Н. Я. Гимельштейн.

Обстоятельства складывались так, что нам необходимо было оставить Бугульму.

13 июля бронепоезд отступил из Бугульмы. Как только поезд вышел на открытую, выгодную для неприятельской артиллерии позицию, белочехи из двух орудий стали нащупывать наше местонахождение. Но их снаряды ложились позади полустанка. Бронепоезд двинулся вперед, но там заговорило еще два орудия. Было очевидно, что противник пытается захватить бронепоезд. Вновь очутились мы в кольце огня, в неблагоприятных условиях.

Мы должны были отступать, чтобы не остаться в кольце белых войск. В первую голову надо было отвести подальше весь состав отдела снабжения.

За Шешмой, у знакомого нам уже разъезда, мы вновь остановились набрать воды. Эта остановка чуть не привела к гибели наш бронепоезд. С целью сбить наш бронепоезд белочехи пустили на него полным ходом паровоз с платформой, наполненной песком и камнями. Однако мы вовремя заметили опасность, приняли меры, и паровоз с платформой были пущены под откос. Вслед за этим противник повел бешеную атаку на нас с левого фланга. Вновь заработали наши пулеметы. Бешено стали «плевать» стальные пасти орудий.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Оказалось, на первой площадке от частого огня и неосторожности наводчика получился взрыв, замок орудия и правая дверь бронеплощадки были вырваны. Три артиллериста были серьезно ранены, а я контужен.

16 июля утром в расположение бронепоезда прибыл новый командующий Симбирской группой войск Пугачевский.

На состоявшемся митинге он обрисовал общее тяжелое положение фронта и нашего участка. Он ссылался на измену Муравьева, на хозяйничанье в Симбирске «левых» эсеров, которые подорвали силу обороны и помешали послать нам своевременно достаточные подкрепления.

На наши вопросы: почему нет снарядов, почему нет взаимодействия с пехотой, почему бы нам не наладить более тесную связь с Симбирском, — командующий не дал ясных ответов.

На митинге выступили начальник пулеметной команды Васильев и я. Мы призывали товарищей не поддаваться унынию и смело смотреть вперед.

На следующий день к нам прибыло подкрепление — пехота. К нам присоединился также отряд интернационалистов — венгров в составе 60 человек. Затем прибыли два вагона·снарядов, но снаряды оказались не того калибра, какой нам был нужен. Мы вынуждены были отступить к Мелекессу. Во время нашей стоянки под Мелекессом кулаки захватили и зверски убили машиниста бронепоезда, немецкого солдата-спартаковца Эрдмана.

Это был неустрашимый, зоркий водитель бронепоезда, не знавший никогда усталости.

Эрдман с другими полупановцами рано на заре отправился в разведку. Оторвавшись от товарищей, он стал жертвой коварного нападения со стороны вооруженного кулачья. Эрдман был зверски растерзан.

Мы похоронили Эрдмана у самой линии железной дороги. На могиле героя положили несколько гильз. Успели и отомстить за смерть героя: два кулака, убившие Эрдмана, были нами пойманы и расстреляны рядом с его могилой.

Около станции Бряндино наш бронепоезд и другие, прибывшие из Симбирска части, приняли бой с наступающими чехословаками. Это был один из наиболее упорных боев во время симбирской операции. Обстановка складывалась для нас неблагоприятно. Кавалерия противника все время обходила нас с флангов и не раз пыталась подорвать железнодорожный путь, чтобы отрезать отступление бронепоезду. В то же время на нас надвигались значительные силы противника со своим бронепоездом. Чтобы задержать это наступление, Полупанов послал навстречу неприятелю подрывную команду, поручив ей взорвать линию железной дороги.

В составе подрывников были Зеленов, Вобин, я и другие.

Под огнем наступающего противника закипела работа. Пошли в ход консервные коробки. Мы набивали их пироксилином, привязывали к рельсам и взрывали путь, развинчивали винты, растаскивали рельсы... Примерно на полкилометра путь был приведен в негодность.

Подрывники вернулись на станцию Бряндино. Решено было пожертвовать старым паровозом, пустив его по испорченному пути, чтобы его обломками еще больше загромоздить путь. Мы разогнали паровоз и быстро соскочили с него. Но в этот же момент пожалели, что разо-

брали путь. На нас надвигался бронепоезд противника. Заметив несущийся навстречу паровоз, противник бросился наутек.

Мы жалели, что пущенный нами паровоз не мог врезаться во вражеский бронепоезд.

Наступление противника стало более настойчивым. Усилилась артиллерийская стрельба. Наш бронепоезд отвечал. Появился аэроплан противника. Мы встретили его энергичной стрельбой.

Беспокоясь за левый фланг, командир поехал на разведку, взяв с собой двух бойцов. Разведка вскоре была обстреляна из лесу. Двое разведчиков были убиты наповал. Было ясно, что нас обходят с флангов.

Надо было отходить. Мы выслали еще одну разведку на дрезине в тыл, к станции Чердаклы.

Через некоторое время разведка по телефону сообщила, что путь еще свободен. Ожидая наш бронепоезд, разведка заметила, что на путь выходит какой-то пустой состав. Через несколько минут этот состав разбил дрезину. Разведчики бросились на паровоз и под угрозой нагана заставили машиниста вовремя увести состав. Вскоре проследовал наш бронепоезд.

Со стороны станции Бряндино доносились звуки артиллерийской, пулеметной стрельбы и треск ручных гранат. Догадываемся, что наш вспомогательный бронепоезд под командованием Ивана Болдеско попал в беду.

Поезд Болдеско не успел выскочить из неприятельского мешка, образовавшегося у станции Бряндино. На повороте, над высоким откосом, где требовался замедленный ход, белочехам удалось пулеметным огнем разрезать бак тендера, и вся нефть была выпущена. Поезд стал. Болдеско совсем растерялся и кричал пулеметчику Гольденбергу: «Юрка, выручай!» Противник между тем забрасывал поезд ручными гранатами.

Гольденберг — парень «сорвиголова» — немедленно запер выходы площадки и начал отбиваться насколько было возможно, не давая врагам подойти близко. Однако команда бронепоезда несла большие потери. Гольденберг, видя, что им долго не продержаться, вооружил всех и приказал выходить по одному из поезда. Под жестоким огнем, теряя убитых и раненых, часть команды ушла в лес и на второй день добралась до нашего поезда.

Мы отступили к станции Верхняя Часовня, под Сим-

бирском. В результате боев на бронепоезде «Свобода или смерть» оказались испорченными два орудия из четырех, а к шестидюймовому орудию не было снарядов. Состав был сильно потрепан, поврежденные бойницы требовали ремонта. Командир поезда выехал с докладом в Симбирск. Штабом Симбирской группы войск было решено отвести бронепоезд на ремонт в Инзу.

21 июля в 15 часов бронепоезд вышел из Симбирска. Не доезжая Киндяковки, бронепоезд остановился. Отсюда мы выслали разведку на дрезине, которая скоро возвратилась и сообщила, что впереди путь разобран, а деревянный железнодорожный мостик горит.

Бронепоезд медленно продвигался вперед к станции Охотничья. Вдруг нас стали обстреливать из орудий с левого фланга со стороны села Белый Ключ. Бронепоезд отвечал.

Более двух часов продолжалась перестрелка, а затем вследствие порчи последнего орудия бронепоезд вынужден был вернуться на станцию Симбирск I.

Путь нам на ст. Инза был отрезан белогвардейским отрядом, незаметно обошедшим город Сенгилей с юго-запада. Его приближение никем замечено не было, и штаб Пугачевского был застигнут врасплох.

Во время артиллерийского боя с белыми у нас не было ни одного отряда пехоты, кроме железнодорожной охраны. Только около 6 часов вечера, когда мы отошли к ст. Симбирск I, можно было наблюдать начавшееся передвижение групп красной пехоты к Киндяковке и по линии железной дороги.

На вокзале Симбирск I царила растерянность. Мы сейчас же стали добиваться по телефону нужных подкреплений и указаний Симбирского штаба о дальнейших действиях. Однако вследствие порчи телефонной сети мы не могли связаться ни со штабом, ни с губисполкомом. Летучее собрание всего состава бронепоезда решило оставить поезд под небольшой охраной и всей командой присоединиться к гарнизону города для совместных действий против белогвардейцев. Наскоро вооружившись кто чем попало, команда поспешила к месту боя. По пути к нам присоединилась часть гарнизона (до 100 человек), которая двигалась в рассыпном строю вдоль железной дороги.

Не доходя до станции Киндяковка, у откоса железной

дороги наши части разбились на два отряда. Один взял направление по линии железной дороги, а другой, состоявший из команды поезда и части гарнизона, направился несколько левее, между шоссе и Киндяковкой. Этот отряд поставил себе задачу — окружить неприятельскую батарею, которая обстреляла наш бронепоезд из села Белый Ключ. Благодаря красногвардейцам из гарнизона, которые хорошо знали местность, отряд продвигался к намеченной цели беспрепятственно.

Киндяковка уже оставалась позади, как вдруг из-за деревни начали обстреливать нас из пулеметов. Тогда из отряда выделились 25 смельчаков, которые пошли в обход, чтобы сбить вражеские пулеметы. Остальные направились в сторону реки Свияги. Нашим бойцам удалось заставить замолчать один из неприятельских пулеметов, потеряв в этом бою 19 человек. Остальные отошли на Свиягу и присоединились к первой группе, которая уже вела жаркий бой.

Было уже 8 часов вечера. Перестрелка разгоралась. Около железнодорожной будки наши бойцы укрепили 2 пулемета. Сзади, на расстоянии приблизительно 100 шагов, строчил пулемет отряда из симбирского гарнизона. В это время от села Вырыпаевки через железнодорожный путь нас обошла цепь белых, человек в 60—70. Отходить было поздно, и мы сошлись с превосходящими силами врага врукопашную.

Выручая друг друга, мы сумели оторваться от врагов и отойти. Соединившись с другими нашими бойцами, мы открыли частый огонь по белогвардейцам и заставили их отступить.

Со стороны Киндяковки усилилась стрельба. «Это приближается цепь противника с другой стороны», — думали мы. Открываем огонь и затем отходим. Только остановившись у Винновской рощи, когда эта цепь совсем приблизилась к нам, мы заметили, что это были не белые, а наши. Обе группы соединились. Часам к 11 ночи неприятельские цепи замолчали. Неприятель, видимо, к чему-то готовился. Мы же со своей стороны выслали во все стороны разведку.

В ночь на 22 июля до 4 часов утра было затишье, несколько раз прерываемое вспышками ружейной и пулеметной стрельбы с обоих флангов. Мы готовились с

рассветом пойти в атаку и опрокинуть противника, занявшего деревню Винновку.

Но позже от товарищей, прибывших с бронепоезда, мы узнали, что части симбирского гарнизона бросают позиции и отходят по разным направлениям, что со стороны станции Чердаклы к Волге продвигаются чехословацкие части. Тогда-то бронепоезд и был переведен нами со станции Симбирск I под гору, к железнодорожному мосту через Волгу.

С рассветом бой возобновился. Противник за ночь успел выдвинуть свой левый фланг, и станция Киндяковка была занята передовыми частями белых.

Сперва мы в центре продвинулись вперед. Но, опасаясь быть охваченными с трех сторон, отошли и залегли между Винновской рощей и городом. Наши силы были ослаблены тем, что часть команды находилась при бронепоезде у железнодорожного моста через Волгу, т. е. далеко от места боя.

Часов в 5 утра над нами появился неприятельский аэроплан, бросивший бомбы. Истощив запасы патронов и гранат и не дождавшись подкрепления, мы стали постепенно отходить к городу, стягиваясь под гору, к нашему бронепоезду...

На совещании командного состава бронепоезда выяснилось, что для бронепоезда спасения нет. В один голос решаем: «Не сдавать бронепоезда. Уничтожить его самим!» Начали развинчивать рельсы и разводить их с расчетом спустить поезд в Волгу. Снимаем и уничтожаем пулеметные и орудийные замки, набираем пар, разгоняем паровоз...

Но расчеты наши не оправдались... Лишь первая площадка спустилась под откос, паровоз же своей тяжестью выправил правый рельс и застрял у моста. С непередаваемым горьким чувством мы покидали свой бронепоезд. Но надо было спасать живую силу команды.

...Город пал. Мы стали отступать к волжской пристани. Между 6 и 7 часами утра команда поезда и венгры, примкнувшие к нашему отряду возле Киндяковки (всего до 150 чел.), погрузились на подвернувшийся катер и отошли вверх по Волге.

Усталость взяла свое, и почти все находившиеся на палубе заснули, как убитые. Сестра милосердия из бронепоезда оказывала медпомощь раненым.

В 12 часов дня, когда наш катер поравнялся с пристанью Старая Майна, с берега раздался орудийный выстрел, а затем был открыт пулеметный огонь. Стоявший у пристани пароход предлагал нам пристать к берегу.

Мы не могли ориентироваться, кто там на берегу. Вообще встретить противника на расстоянии 40—50 километров от Симбирска мы не ожидали.

Стоявшие на берегу, как выяснилось потом, русские белогвардейцы кричали нам:

— Эй, товарищи, здесь свои! Подходи сюда!

Проскочить было невозможно, так как рукав Волги в этом месте был настолько узок, что гибель катера от обстрела была неминуема. Кроме того, мы были почти уверены, что на берегу свои. Орудийный выстрел можно было понять как сигнал, а пулеметный огонь могли открыть и наши, предполагая, что на катере белочехи.

Так, ничего не подозревая, мы позволили капитану подвести катер к пристани. Не успела команда сойти на берег, как на катер вскочили белохечи с бомбами в руках, крича: «Сдавай оружие!» Сопротивление было бесполезно. Мы стали уничтожать документы.

«Кто мадьяр, становись сюда!» — раздалась команда. И тут же шагах в 40 от пристани начался зверский расстрел венгров. Русских красногвардейцев прикладами выталкивали на берег. На берегу идет расстрел. У меня на лице запекшаяся кровь, тужурка тоже в крови — явные следы недавнего боя. С парохода нас вывели троих: меня, пулеметчика со второй площадки и кочегара бронепоезда.

У всех нас, по-видимому, была одна и та же мысль: «Все равно убьют, — надо бежать». Лишь только ступили мы на берег,—все разом врассыпную бросились в лес. Кочегар упал, сраженный пулей. Пулеметчик продолжал бежать рядом со мной, хотя у него было уже раздроблено плечо.

Бежим куда глаза глядят. За леском хутор. Бежим туда, но видим, что там копошатся люди. Мы бросаемся в рожь. Меня охватывает непреодолимая слабость — результат контузии и всего пережитого. Я лишаюсь чувств...

Сколько времени лежал я во ржи — не знаю. Когда я очнулся, то увидел возле себя записку, оставленную пулеметчиком: «Прости, спасайся также!»

Слюной умываю себе руки и лицо. Голенища сапог

прячу под брюки. Тужурку совсем сбрасываю и оставляю свое укрытие.

Но что это? Да, так оно и есть — казачий разъезд. Их двое. Они меня заметили, укрываться бесполезно, иду им навстречу.

— Ты кто такой и куда идешь? — был задан мне вопрос.

— Я отстал от партии, ищу работу, — пустился я на хитрость.

— Ну, идем с нами, там разберемся.

— Да мне не по дороге с вами, господа!

— А ты не большевик?

Я ответил отрицательно. Все же мне пришлось пойти с ними. По пути разговорились. Я заявил, что я портной. Казак спрашивает: «Могу ли я шить брезентовые ведра?» Я ответил, что могу.

Я вновь у пристани. Часовой не понимает по-русски и, не разобравши, что ему говорят казаки, толкает меня на пароход, на тот самый пароход, на котором я приехал из Симбирска. На нем уже осталось очень мало людей.

Разговорившись с одним из товарищей, который впоследствии признался мне, что он комиссар артиллерийского полка города Симбирска, я узнал, что комендант белочешского отряда решил ночью покончить с остальными пленными.

Мы решили пойти к коменданту. Часовой нас пропустил к нему.

Мы стали просить разрешения сойти на берег для покупки хлеба. Комендант расспросил, кто мы такие, и, узнав, что мы «портные», предложил нам работу. Мы согласились. Получив пропуск, написанный на чехословацком языке, мы отправились на берег.

На берегу мы отыскали подводу, идущую в село Старая Майна, в семи километрах от пристани. Договорились с подводчиком и поехали в это село.

Встречавшиеся по дороге белочешские разъезды, проверив пропуск, пропускали нас.

Наш подводчик оказался очень приветливым и разрешил нам даже переночевать у него, спрятав нас на сеновале.

Ночью со стороны Волги была слышна сильная артиллерийская перестрелка.

Наш хозяин согласился повезти нас дальше, если мы

достанем пропуск в волостном Совете. Идем туда. При поддержке того же крестьянина нам удалось получить пропуск. 23 июля в 12 часов дня мы отправились в город Спасск и прибыли туда около 10 часов вечера того же дня.

Встретившийся нам патруль, расспросив нас, сообщил, что советские власти эвакуируются из Спасска в Казань.

Мы поспешили к Волге и добрались туда, когда уже убирали сходни с парохода «Кавказ и Меркурий». Мы едва успели вбежать на пароход.

На рассвете тревога. Какой-то пароход с двумя жерлами впереди догоняет нас, сигнализирует нам остановку. Наш пароход прибавляет пары. Напрасно. Мы настигнуты. Однако наши страхи оказались неосновательными. Это был пароход советской сторожевой волжской флотилии.

24 июля мы прибыли в Казань, а 26 июля я уже был в Москве и выступал в Центроброни с подробным докладом об обстоятельствах гибели нашего бронепоезда.

Так кончилась борьба команды бронепоезда «Свобода или смерть» с интервентами. Из захваченных в плен товарищей многие были расстреляны, многие погибли от голода и эпидемии.

Тов. Полупанов вместе со своей женой и начальником связи Соколовым воспользовались чужими паспортами, выдали себя за мирных жителей и были отпущены «на родину». Девять дней блуждали они, прячась в лесах и хлебах, и только на десятый день около станции Чуфарово наткнулись на наш Латышский полк, который направлялся на симбирский фронт.

А. Г. СТЕПАНОВ[1]

НА ВОЛГО-БУГУЛЬМИНКЕ В ИЮНЕ—ИЮЛЕ 1918 г.

Настали тяжелые дни контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса, и все наши силы были направлены на его подавление.

31 мая утром на заседание часовенского партийного комитета приехали представители Симбирского комитета большевиков. Они информировали нас о том, что белочехи могут пойти по Волго-Бугульминской железной дороге, и предложили приготовиться к отпору.

Мы сейчас же собрали совещание из представителей партячеек и наиболее близких к нам беспартийных. Было решено организовать отряд по охране дороги, специальный боевой отряд для военных действий против банд и белочехов и вспомогательный технический отряд для исправления аварий.

Тут же создали Военно-Революционный штаб, в который вошли: я, как начштаба, Востров — помощник по военной части и В. Гудков — помощник по эксплуатации.

Назначили политических комиссаров: по всей дороге — меня, по службе тяги — Шалдаева М. (машинист), по движению — эксплуатации — Варламова, по теле-

---

[1] Алексей Герасимович Степанов (1884—1939), член Коммунистической партии с 1917 г., бывший политический комиссар Волго-Бугульминской ж/д. Воспоминание печатается по рукописи 1935 г.

графу — Претуло, по службе пути—И. Гудкова, по материальной службе — А. Кулагина.

В этот же день был создан Чрезвычайный военно-революционный штаб в городе, куда меня и вызвали. Здесь мне предложили доложить, как я предполагаю использовать свой аппарат, если меня назначат комиссаром по всей дороге. Я рассказал, что мы уже успели проделать, и штаб немедленно телеграфировал в Москву об утверждении меня комиссаром дороги.

Вслед за созданием отрядов мы взялись за оборудование 2-х бронепоездов. Отобрали несколько пульманов. Забронировали их, проделали бойницы, поставили пулеметы, забронировали два паровоза. Кроме того, создали еще один технический вспомогательный поезд для исправления аварий.

Наступили боевые тревожные дни. Ежедневно какое-нибудь событие.

Однажды в начале июня из Симбирска был пропущен эшелон, следовавший якобы за продовольствием. Вагоны были запломбированы. Сопровождавший эшелон представитель предъявил мандат члена ВЦИК и требовал срочного пропуска на восток, ссылаясь на то, что в Симбирске его уже пропустили.

Но наши отрядники и юные разведчики прибежали ко мне взволнованные и сообщили, что этот эшелон весьма подозрителен. Вагоны за пломбами, но в них слышны разговоры. Обнаружили также, что кое-где из отверстий выглядывают дула винтовок.

Между тем начальник станции уже отдал распоряжение «отправить». Мы задержали отправку, немедленно, невзирая на протесты «члена ВЦИК», загнали состав в тупик, а «члена ВЦИК» арестовали.

Обо всем этом я сообщил по телефону М. Гимову. Тот санкционировал наши действия.

Мы поставили на ноги весь наш небольшой отряд. По обеим сторонам подозрительного состава, стоявшего в лощине, мы установили в кустах пулеметы, рассыпали дружинников в цепь и стали срывать пломбы.

В вагонах оказались чехословацкие офицеры и русские белогвардейцы. Они схватились за оружие, но мы предупредили, что они окружены и при малейшем сопротивлении будут все уничтожены. Предложили им выходить без оружия. Было арестовано до 100 человек, в том

числе 10 русских белых офицеров. Сопровождающий их оказался видным правым эсером, пытавшимся использовать свой билет «члена ВЦИК» для того, чтобы под видом продовольственного поезда провести белогвардейцев через фронт. В вагонах взято было много оружия, в том числе пулеметы. На ст. Симбирск II мы передали разоруженных подошедшему отряду венгров и латышей. Начальник станции Тарасов был арестован за содействие белогвардейцам.

В первых числах июля на ст. В. Часовня прибыл эшелон со сводным отрядом из Казани, отправлявшимся на фронт. Я в это время производил посадку наших дружинников для отправки на фронт к ст. Чишма.

Казанские «красноармейцы» были спровоцированы контрреволюционными элементами и учинили разгром моего штаба. Они выпустили находившихся в штабе арестованных — и политических и уголовных. Ими были захвачены все наши пулеметы, а я был схвачен и избит. Комиссар телеграфа Претуло, однако, успел сообщить о происходящем в Симбирск.

Меня хотели расстреливать, как из города прибыл бронепоезд, быстро установивший порядок. И я был спасен.

Борьба с различными провокационными элементами занимала тогда очень много времени и места.

Однажды в наш бронепоезд явился некто с тремя георгиевскими крестами, назвавшийся анархистом, и предложил себя в качестве командира орудия. Работников было очень мало, и мы согласились его взять. Но вслед за этим сразу же участились случаи повреждений в бронепоезде и потерь в команде. Пришлось мне самому выехать на фронт и проверить, в чем дело. Все нити вели к «анархисту». Почуяв недоброе для себя, он перебежал к белым. Таким же образом втерся к нам в доверие Коваль (меньшевик с заволжского завода), но его вредительство было скоро разоблачено, и он был расстрелян.

В эти же дни появился у нас на линии и прибывший с Западного фронта «отряд Орла». Несмотря на громкое название, он всячески избегал фронта и предпочитал «воевать» с мешочниками. «Отряд Орла» упорно не хотел вливаться в наши отряды и его пришлось распустить, а сам «Орел» скоро сбежал к белым.

Наша дорога стала фронтом...

Наши бронепоезда и отряды упорно сдерживали чехов. Постепенно мы отходили с боями от ст. Чишма до ст. Нурлат. Особенно стойко дрался объединенный Чишминский и наш Часовенский отряды.

Хуже обстояло дело с бугульминцами, во главе которых стоял комиссар Ворожейкин, член Бугульминского Совета. При обороне Бугульмы отряд держался пассивно, ограничивался лишь охраной своей станции. Тыл наших частей, дравшихся под Чишмой, не был поэтому обеспечен, и они вынуждены были отходить.

При захвате Бугульмы белыми там было расстреляно 18 человек наших самых лучших рабочих, выданных начальником службы пути неким инженером Кованько.

В ответ на его предательство мы арестовали ряд заложников из среды административно-технического состава дороги, но они успели передать жалобу главкому Муравьеву, и я получил предписание освободить заложников. Я не подчинился, так как получил дополнительный материал об актах саботажа со стороны задержанных. Вскоре они были ликвидированы железнодорожной ЧК.

С приходом бронепоезда Полупанова положение на фронте сперва укрепилось. Бронепоезд здорово крошил белогвардейцев и забрал обратно Бугульму. Наши боевые отряды действовали с полупановцами дружно, и Полупанов не раз по телеграфу благодарил меня за помощь. Когда его бронепоезд выходил из строя или портились пути, мы быстро устраняли повреждения, и не раз наши боевые поезда прикрывали в таких случаях фронт.

10 июля вечером ко мне в Главное управление дороги вбежал взволнованный комиссар нашего железнодорожного телеграфа тов. Претуло. Он сообщил, что им только что получена телеграмма штаба Востфронта, объявлявшая, что Муравьев изменил и бежал в Симбирск. Далее он сообщил, что, по-видимому, симбирский городской телеграф уже захвачен сторонниками Муравьева и оттуда идет передача воззваний за подписью изменника.

Мы решили использовать телеграф для дальнейшего перехвата передаваемых Муравьевым телеграмм, немедленно передали по линии на восток о событиях в Симбирске и привели в боевую готовность наши отряды.

К утру мы стянули наши отряды на Симбирск II на случай военных действий против Муравьева. Но его авантюра уже была ликвидирована, и мы взяли на себя охра-

ну Совета, приняли участие в разоружении муравьевских солдат.

В роковой день падения Симбирска мы на В. Часовне готовились к эвакуации. Забирали с собой семьи. В поступавших распоряжениях чувствовалась нервозность, то приказывали эвакуироваться на Инзу, то грузиться на пароходы и отступать на Казань. В этот момент я получил приказ принять Московско-Казанскую железную дорогу. Но Попова, комиссара М.-К. ж. д., я нигде разыскать не мог и выполнить приказ не успел. Когда наши эшелоны подходили к станции Киндяковка, здесь уже начался бой с появившимися с тыла белогвардейцами.

Пришлось тут же из вагонов идти в бой. Обстановка сложилась очень неблагоприятная. Со стороны противника действовала артиллерия и пулеметы. У нас же были только винтовки и пулеметы, да и тех мало.

Кстати, недели за две перед этим на Киндяковке стояла наша батарея, имевшая возможность обстреливать с этого пункта южные подступы к городу. Но по чьему-то распоряжению эту батарею сняли, и в момент боя у нас не оказалось здесь орудий.

К вечеру к месту боя подошел большой отряд из Симбирска, но его красноармейцы были недисциплинированны и не оказали должного отпора врагу. Нас стали теснить.

Находясь на боевой линии, я заметил, что с водопроводной башни подаются сигналы для белой артиллерии. Выстрелом я сшиб наблюдателя.

В этот момент усилилась стрельба белых, и одним снарядом были взорваны наш штабной и санитарный вагоны. Находившиеся здесь члены моей семьи были ранены. С помощью товарищей я их эвакуировал в город.

На другой день началось отступление из Симбирска. Я с группой товарищей попробовал выйти на Московский тракт, но он уже был захвачен белыми. Мы вернулись в город. На городские улицы выползла нарядно одетая буржуазия. Под разрывами белогвардейских шрапнелей мы вышли на Северный выгон и отступали берегом Волги.

При выходе из города наша группа рабочих-красногвардейцев невольно остановилась. Обернувшись, мы подняли винтовки кверху и разом крикнули: «Прощай, Симбирск и Волга! Но мы скоро вернемся».

Ф. ВАЛХАР и Л. ФОРСТ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИМБИРСКЕ[1]

Под знаменем интернационализма

Одной из форм поддержки Великой пролетарской революции международным пролетариатом явилось широкое участие военнопленных солдат иностранных армий в защите завоеваний революции. Организации интернационалистов, работавшие рука об руку с Коммунистической партией, сыграли значительную роль в укреплении и отстаивании власти Советов.

Вооруженные иностранные рабочие, проявляя подлинное интернациональное братство, вместе с русскими рабочими и крестьянами беззаветно сражались против русской белогвардейщины, против интервентов и зачастую против буржуазии своей нации. Интернациональное братство пролетариата СССР и пролетариев Запада было скреплено кровью на полях Украины, на берегах Волги, на склонах Урала и в других краях нашей обширной страны.

Интернациональное движение среди военнопленных складывалось и росло вместе с развитием русской пролетарской революции. Крушение царизма и подъем революционной борьбы русского пролетариата не могли не отразиться на положении и настроениях солдатских масс, сосредоточенных в лагерях военнопленных. Массы военнопленных немцев, венгров, поляков, чехов, словаков, болгар и других пришли в движение. Революция в России давала им надежду на скорый мир и возврат на родину.

Классово-сознательные пролетарии видели в борьбе

---

[1] Из книги «1918 г. на родине Ленина». Куйбышев, 1936 г. Печатается с сокращениями.

русского пролетариата сигнал к решительной борьбе со своей буржуазией. Среди военнопленных происходили процессы классового и политического размежевания. Монархическое и буржуазное австро-германское офицерство, нередко при содействии русского офицерства и представителей «демократической» власти Керенского на местах, старалось всеми силами удержать массы в русле националистической буржуазной идеологии. В этом они находили также помощь со стороны пленных социал-шовинистов, бешено травивших отдельных революционно-мыслящих пролетариев — солдат.

Летом 1917 г. в лагерях вокруг Симбирска находилось около 6 тысяч, а по губернии свыше 28 тысяч военнопленных. Наиболее обширный лагерь был под Симбирском, у села Красный Яр, где в бараках размещалось более 3 тысяч военнопленных разных национальностей.

На станции Верхняя Часовня (б. Волго-Бугульминской железной дороги) работало свыше 200 русских и австрийских (военнопленных) рабочих на постройке железнодорожного моста.

Высококвалифицированная и дешевая, а иногда и даровая рабочая сила военнопленных представляла заманчивый объект для эксплуатации. Буржуазия стремилась широко использовать военнопленных для работ на железнодорожном транспорте, на текстильных фабриках, лесопильных, цементных заводах и т. п.

Незнание русского языка тормозило общение военнопленных с русскими рабочими, но это общение все же росло и крепло. Военнопленные все более широко знакомились как с общим ходом революционной борьбы в стране, так и с конкретными ее проявлениями в районе их работы.

В октябре 1917 г. состоялось совещание военнопленных, на котором было решено для руководства революционной работой создать комитет военнопленных по типу комитета беженцев.

Создав организационный комитет, симбирские революционные интернационалисты начали устанавливать связь с местными большевиками. Была послана делегация в рабочую секцию Совета. После беседы с представителем большевиков Швером было решено устроить в Доме Свободы (здание Совета) общее собрание военнопленных. Швер обещал добиться предоставления зала, а

также сделать доклад о Великой пролетарской революции и перспективах борьбы.

Это собрание состоялось в конце ноября 1917 г. Меньшевики и эсеры, имевшие еще значительное влияние в Совете, попытались сорвать собрание.

На этом собрании был избран комитет военнопленных в составе 7—9 человек. В него вошли Гурко, Глясс, Валхар, Пильчак, Кифлер, Гильдебранд и другие.

В конце собрания инициаторы его поставили вопрос о создании отряда Красной Гвардии из числа военнопленных.

Организация этого отряда была одной из первых задач возникшего комитета военнопленных. Душой создания отряда были Пильчак и Гурко. Оставив работу в Н. Часовне, они приступили к подысканию помещения в Симбирске. Через некоторое время оно было найдено, и началось собирание людей.

На первых порах в красногвардейский отряд записалось 15—20 человек. Отряд вначале нередко переживал затруднения с обмундированием и продовольствием.

17 февраля 1918 г. комитет был переизбран. В новый комитет вошли Пильчак — чех, Валхар — чех, Форст — немец, Пружанский — словак, Самовон — украинец, Глясс — немец, Гурко — чех и другие.

Таким образом, и в обновленный комитет попали Глясс и некоторые другие пацифисты.

Обновленный комитет, получив новое помещение, приступил к систематической организационной, пропагандистской и культурной работе среди военнопленных.

В ответ на требования германского посольства (в связи с заключением Брестского мира) распустить организации и отряды военнопленных Всероссийский конгресс военнопленных в Москве, состоявшийся 14 апреля 1918 г., постановил вместо организации военнопленных создать революционные организации иностранных рабочих и крестьян, социал-демократов-интернационалистов.

По возвращении Пильчака с конгресса Симбирский комитет военнопленных был реорганизован.

Вооруженные отряды интернационалистов

Передышку, полученную путем заключения мира с Германией, страна Советов использовала широко для создания и укрепления Красной Армии.

В конце апреля Симбирский комитет большевиков поручил комитету интернационалистов усилить работу по формированию красногвардейского интернационального отряда с тем, чтобы развернуть его в дальнейшем в красноармейскую часть.

Эта работа проводилась под руководством комитета большевиков.

В первых числах мая две группы агитаторов-вербовщиков двинулись по предприятиям и лагерям военнопленных Симбирской губернии, посетив Румянцевскую, Абдулинскую, Протопоповскую, Ишеевскую текстильные фабрики, уездные города Тетюши, Сенгилей, с. Базарный Сызган и другие пункты.

Вербовщики побывали везде, где были значительные массы военнопленных.

Работу они вели как среди русских, так и среди иностранных рабочих.

Принципом вербовочной работы был отказ от всяких заманиваний какими-либо побочными соблазнами, обещаниями и т. п. Ставка делалась исключительно на добровольность, на классовое сознание. Вся работа шла под лозунгом—«На защиту пролетарской революции».

Вербовка сопровождалась серьезными политическими столкновениями с меньшевиками и эсерами, имевшими влияние на некоторых заводах. Серьезное противодействие вербовщики встретили на Румянцевской фабрике, а на одном лесопильном заводе собрание было сорвано, и ни одного красногвардейца завербовать не удалось.

Особенно серьезную борьбу пришлось вести с эсерами и меньшевиками среди железнодорожников Московско-Казанской железной дороги. Собрания у железнодорожников проходили бурно. Выступления коммунистов и интернационалистов встречались выкриками: «Вместо хлеба новую войну даете», «Накормите сперва рабочих, а потом уже о войне говорите».

Агитационно-вербовочная работа сопровождалась и организационной. На Румянцевской и Абдулинской фабриках были созданы группы интернационалистов (по 3 — 4 человека), которые вступали в тесную связь с местными коммунистами и рабочими комитетами. В итоге всей этой работы симбирский красногвардейский отряд интернационалистов возрос до 300 бойцов.

Работа революционной организации иностранных ра-

бочих строилась на крепких большевистских основах. По требованию интернационалистов ведавший до того делами военнопленных и беженцев анархист Койранский был снят, и на пост комиссара по делам военнопленных был назначен большевик Князихин. С его помощью, наконец, был арестован провокатор Пфайл и реорганизован комитет беженцев.

Произошло восстание чехословаков в Пензе. Симбирский военно-революционный штаб в числе других красногвардейских отрядов отправляет под Пензу и интернациональный отряд в составе 200 лучших бойцов под командой Зильвендера. С отрядом пошли также лучшие активисты-интернационалисты.

Симбирские интернационалисты вступили в бой с контрреволюционными чехословаками в Пензе. Но неудачен был этот бой. Усталые, в незнакомом городе, они потерпели поражение, и значительная часть отряда рассеялась по Пензе и окрестностям.

Одна часть отряда интернационалистов вернулась в Симбирск, а другая в составе 70 человек осталась в Пензе и вместе с другими отрядами Красной Армии преследовала чехословаков, уходивших на Сызрань. За Сызранью этот отряд соединился с Симбирским коммунистическим отрядом Олейника.

Одной из ошибок красного командования того периода было дробление более или менее сложившихся частей и бросание в бой отдельных небольших групп. Так получилось и с отрядом интернационалистов: в течение недели он оказался распыленным в различных направлениях. Это раздражало бойцов и угнетающе действовало на них.

Вскоре после поражения в Пензе Симбирский ревком включил отряд интернационалистов в составе 60 штыков в отряд Гладышева, отправлявшийся на помощь Самаре. Этот отряд также был разбит вместе со всем отрядом Гладышева под Липягами. Лишь единицы уцелели. Взятых в плен интернационалистов контрреволюционные чехословаки беспощадно расстреливали.

Вскоре после этих неудач в Симбирск приехал представитель чехословацкой секции ЦК Российской Коммунистической партии. Он провел большую агитационную и организационную работу среди иностранных рабочих. Особенное внимание он уделил дальнейшим формированиям отрядов Красной Гвардии. Снова закипела работа.

Добровольчество среди военнопленных росло. Очень скоро отряд интернационалистов вновь возрос до 300 человек. Особенное внимание уделялось привлечению в его состав чехословаков. К концу июня в отряде было свыше 40 чешских и словацких рабочих-революционеров, стойко дравшихся затем против белогвардейцев и чехословацких буржуазных наймитов.

Многие из них погибли при обороне и взятии Симбирска.

30 июня в Симбирске состоялось многочисленное общее собрание иностранных рабочих. Это было незабываемое зрелище интернационального братства революционного пролетариата. На собрании выступали на венгерском, чешском, русском, немецком, сербском, польском, румынском, итальянском и других языках. Многие из ораторов были в боевом снаряжении. Бурными приветствиями встречали представителей Симбирского комитета большевиков. Проклятием ответили иностранные пролетарии на сообщение об убийстве в Петрограде тов. Володарского.

В своей резолюции собрание прежде всего передало братский привет бойцам-интернационалистам, сражающимся плечом к плечу с русской рабоче-крестьянской Красной Армией против белогвардейцев, чехословаков, дутовцев и др.

«Российская социалистическая рабоче-крестьянская республика считается исходным пунктом всемирной революции, — говорила резолюция. — Мы, иностранные рабочие и крестьяне, находящиеся в свободной России, должны защищать Российскую Советскую Республику всеми силами против каждого иностранного или внутреннего врага. Нам предстоит историческая задача твердым соединением с интернациональным пролетариатом революционизировать сознание наших классовых товарищей, чтобы подготовиться для предстоящей всемирной революции».[1]

На этом же собрании был доизбран исполнительный комитет интернационалистов, были избраны: председателем — Форст, заместителем — Валхар, секретарем — Гурко, кассиром — Самовон. В агитационный отдел вошли: Пружанский, Мизеш, Лоб, Пильчак, Черный и др.

---

[1] «Известия Симбирского Совета» от 4 июня 1918 г.

События гражданской войны требовали полной ясности политической позиции членов комитета. Поэтому в комитет не был избран Глясс, оставшийся неисправимым пацифистом.

Глясс и в кровавой гражданской войне сохранил свое отвращение к винтовке: он пошел на работу в санитарный поезд. Через некоторое время он со всем поездом попал в плен к белогвардейцам. Вместе с другими его уже отправляли на расстрел. Но Гляссу удалось бежать и добраться до Москвы, а оттуда за границу. За границей Глясс работал уже как стойкий коммунист.

После взятия Самары чехословаками на Волге развернулась ожесточенная борьба. Симбирская парторганизация напрягала все свои силы, помогая созданию I революционной армии.

Отряды коммунистов и интернационалистов все время были начеку, так как разного рода провокации следовали одна за другой. Отряд интернационалистов принимал также активное участие в ликвидации авантюры Муравьева.

Симбирские интернационалисты по поручению комитета партии большевиков повели агитацию среди интернационального отряда Муравьева, разъясняя, что они введены в заблуждение, что Муравьев открывает фронт контрреволюционным чехословакам и предает Советскую власть. Агитация имела успех. Большинство казанского отряда убедилось, что оно стало жертвой провокации, что в Симбирске власть принадлежит революционным советским организациям.

Симбирские интернационалисты вместе с коммунистами и наиболее надежными красногвардейцами участвовали в разоружении и аресте свиты Муравьева и в охране губисполкома во время заседания, на котором Муравьев был арестован и застрелен.

Через несколько дней Симбирский комитет партии отправил на Мелекесский фронт остатки своего коммунистического отряда. Интернационалисты дали своих 40—50 красногвардейцев. Смешанный русско-интернациональный отряд под командой Нейланда эшелоном уходил за Волгу.

Решающие дни... Комитет интернационалистов печатает воззвание к обманутым чехословацким солдатам. Чешских шрифтов нет. Пригоден латышский, надо толь-

ко к буквам добавлять недостающие значки. 48 часов, не смыкая глаз, члены комитета и активисты выправляют от руки тысячи листовок, чтобы они стали понятными для чехословацких солдат. Через день советский аэроплан уже разбрасывал листовки по фронту, распространяли их и красноармейцы, идущие на фронт.

В боях за Симбирск, перед сдачей его белым, интернационалисты до последнего момента оставались на своих постах.

В боях за Симбирск

21 июля в 4 часа дня штаб Симбирской группы войск получает сведения о движении колонны белых на Симбирск с юго-запада. Отряд в 120 интернационалистов под командой офицера Волковского направляется к станции Киндяковка. Здесь они соединяются с командой разбитого бронепоезда Полупанова. Около 8 часов вечера красные части получают приказ перейти в контрнаступление.

Вот как описывает эту попытку перейти в контрнаступление участник боя — красноармеец Ткачев.

«Вперед выскочили 70 человек мадьяр, и командир их, обращаясь к русским, сказал: «Товарищи, вы русские, мы мадьяры. Мы пойдем на батарею чехов, только вы сзади нас поддерживайте. Мы захватим батарею».

Венгры, раскинувшись цепью и полусогнувшись вровень с колосьями созревшей ржи, шли к лесу, откуда бухали орудия белых. Сзади цепей венгры, также рассыпавшись, шли отряды русских красногвардейцев. На станции Симбирск I что-то сильно горело. От этого зарева рожь, по которой наступали красные, была освещена, как днем. Противник подпустил близко к себе густые цепи красногвардейцев и открыл пулеметный огонь с фронта и флангов.

Первая цепь венгров почти целиком была скошена пулеметами. Из второй цепи, которую составляла наша рота, мало осталось в живых. Задние цепи в панике бросились назад к станции. Оставшиеся в живых интернационалисты, видя отступление красноармейцев, также бросились назад.

Я и Костин, мой товарищ, добежали до линии железной дороги. Залегли. Стали прислушиваться. Через полчаса влево, саженях в десяти от нас, послышались крики из леса:

— Это кто такие?

— Свои, полупановцы и мадьяры, — отвечали им отступающие с левого фланга.

— А! И мы полупановцы!

— Ну, идите сюда. Покурим. Тогда вместе пойдем.

Отступающие беспечно подошли к лесу. Их было человек 13. Сели.

И не успели они сказать слова, как их окружили из леса густым кольцом.

— Руки вверх, бросай оружие!..

Захваченные врасплох подчинились.

А через полминуты мы слышали жуткий треск прикладов о головы красногвардейцев, дикие крики, тяжелые стоны. Я и Костин, прошмыгнув через полотно железной дороги, побежали вдоль высокой насыпи к городу».

Около 11 часов ночи, когда штаб группы войск разбежался, появились бегущие с фронта красноармейцы, полупановцы и интернационалисты. Военный совет из членов губисполкома принял решение остановить отступление и сформировать из бегущих отряд, с которым попытаться оборонять город.

Части отряда интернационалистов (человек 60) было приказано занять позиции на крайнем правом фланге, возле городского кладбища. С отрядом пошли и все члены комитета интернационалистов.

Цепью расположились между кладбищем и деревней Мостовой. Ночь отряд провел в бездействии. Из штаба никаких указаний не поступало. Что делать, было неизвестно. Лишь в десятом часу утра выяснилось, что дело проиграно, что город опустел. Тогда отряд интернационалистов снялся с позиций и через слободу Куликовку пошел на Буинский тракт.

Трудящаяся городская беднота, населявшая Куликовку, чрезвычайно дружелюбно провожала красногвардейцев.

«До свидания, товарищи! Приходите скорее!» На просьбу бойцов дать хлеба женщины моментально выносили ломти и буханки хлеба и отдавали их бойцам...

Около 2 часов дня 22 июля. Впереди кулацкое село Шумовка. Высылается вперед разведка из 4 человек. Уже на околице разведка подвергается обстрелу восставшего кулачества.

Один убит, двое ранены.

Решено было Шумовку обойти кругом.

23-го отряд интернационалистов в числе 80 человек присоединился ко всем отступавшим из Симбирска частям.

Печальная судьба постигла отряд интернационалистов, занимавший позиции у В. Часовни.

Под натиском чехословаков отступив в город, он вместе с полупановцами погрузился на пароход и направился вверх по Волге. Возле пристани Старая Майна отступавшие пароходы были перехвачены. Свыше 50 немцев и венгров были озверевшим противником расстреляны на месте.

После сдачи Симбирска комитет интернационалистов возобновил свою вербовочную работу в Алатырских лагерях военнопленных. Вскоре вновь отряд интернационалистов вырос до 150 человек. Он лег в основу особого интернационального батальона в составе полка тов. Пеньевского.

В этом полку интернационалисты участвовали в подавлении офицерского восстания в Курмыше, в ликвидации белогвардейской попытки взорвать алатырский железнодорожный мост через реку Суру и в других операциях.

Наступил сентябрь 1918 г. Красный фронт окреп.

Умножились и ряды бойцов-интернационалистов. Кроме интернационального батальона Симбирского полка, сформированного в Алатыре, на фронт прибыл еще Особый интернациональный полк, влившийся в Железную дивизию. Во главе полка стояли Частек, Варга, Фиршиц и др. Этот полк покрыл себя славой в боях за возвращение Симбирска, за обладание берегами Волги[1].

Интернациональный полк должен был нанести удар по направлению Тагай—Юшанское—Тетюшское—Баратаевка—Симбирск.

Бойцы бодро пошли вперед.

Слева от интернационалистов наступал Крестьянский полк. За селом Тагай разведка сообщила, что следующее село Юшанское занято крупным отрядом белых... Противник готовится к сопротивлению.

Интернационалисты наступали с большой выдержкой,

---

[1] Изложение операций Интернационального полка у Симбирска сделано в основном по стенограмме выступления Варга на землячестве I революционной армии при ЦДКА от 5 октября 1933 г.

показывая себя великолепными бойцами. Цепи шли молча, без выстрела. Это оказывало сильное моральное впечатление на противника, и по его беспорядочной стрельбе чувствовалось, что он нервничает. Лишь с расстояния 300—400 шагов от противника интернационалисты открыли стрельбу, а затем пошли в атаку.

Белые, видя, что на них двигается хорошо подготовленная в боевом отношении часть, пришли в замешательство и не приняли атаки. Юшанское было взято. Белые отступили на село Тетюшское.

Симбирская белогвардейская газета «Возрождение», сообщая о начавшемся наступлении красных, писала, что под видом большевиков надвигаются германские и австрийские войска.

Этой тупоумной выходкой «Возрождение» подготовляло население к своему поражению. Дескать, если и приходится отступать доблестной «народной армии», то не под натиском Красной Армии, а под ударами германской пехоты и германской артиллерии. Но трудящееся население мало верило в это лживое сообщение.

В частях наступающей армии действительно находились бывшие солдаты германской и австрийской армий. Но это были классово-сознательные пролетарии, бойцы международной революции, идущие в бой под знаменем пролетарского интернационализма.

Они шли рука об руку с русскими поволжскими рабочими и крестьянами против наймитов международного империализма.

На следующий день, числа 10 сентября, интернационалисты, заняв совместно с Крестьянским полком командующую над местностью возвышенность, ворвались в село Тетюшское.

Противник отходил.

Зато правее, со стороны железнодорожной линии, доносились звуки упорного боя.

Опасаясь, не прорывает ли противник фронт красных своими бронепоездами, командование Интернационального полка принимает решение — идти на помощь полкам, дерущимся у железнодорожной линии.

Оставив небольшой заслон у села Тетюшское, интернационалисты направляются на станцию Охотничья. И они приходят вовремя. Некоторые части красных полков, не выдержав напора белых, начали подаваться назад.

Интернационалисты делают смелый маневр.

Подойдя с фланга, они обходят противника с северо-востока, прорывают железнодорожную линию и отрезают его от Симбирска. Противник начинает отходить. Но он уже в мешке. Интернационалисты стеной штыков и огня преграждают белым путь отступления. Еще несколько маневров и белогвардейские части окружены кольцом.

Большинство белогвардейцев — солдат оказалось мобилизованными крестьянами Симбирского уезда; бросая оружие, они охотно сдавались в плен. Тут же на месте разоруженные белые были рассортированы: офицеры и добровольцы были направлены в тыл, а мобилизованные просто отпущены.

Рабоче-крестьянская Красная Армия, — говорили мобилизованным, — воюет не с рабочими и крестьянами, а с капиталистами и офицерами. Идите в свои села и расскажите об этом, а потом поступайте в Красную Армию.

От начдива поступил приказ Интернациональному полку развивать дальше наступление на Симбирск, но Симбирск не штурмовать. Однако, ворвавшись в город вслед за I-м Симбирским и другими полками, интернационалисты успели принять участие в уличных схватках, в частности возле б. кадетского корпуса. Белые в беспорядке бежали. Родина Ильича была освобождена.

Интернациональный полк и батальон интернационалистов полка В. Пеньевского некоторое время несли охрану города.

Но этот отдых быстро кончился, и опять начались дни героической борьбы за берега Волги.

Через несколько дней после взятия Симбирска белые повели упорное контрнаступление... Полки Железной дивизии через железнодорожный мост отходили на горный берег Волги. Белые, сосредоточив свой артиллерийский и пулеметный огонь по железнодорожному мосту, явно стремились внести панику в ряды отступающих, чтобы на их плечах прорваться на правый берег...

Труднейшая и ответственная задача — прикрыть отступление — была поручена славной пятой роте Интернационального полка.

Белогвардейцы уже ликовали. В оперативных донесениях они сообщали, что «красные в панике отступают через железнодорожный мост». Белогвардейцы обнаглели. Они густыми рядами бросались через мост, не замечая

пулеметчиков-интернационалистов, приготовившихся к встрече противника в конце моста.

Неописуемая паника охватила белогвардейцев, когда на них полился свинцовый дождь из пулеметов.

Получив неожиданный отпор, белогвардейцы покатились от моста.

Белогвардейская артиллерия сосредоточила губительный огонь по мосту. Артиллерия красных в первые дни не была еще установлена, и ее стрельба была слабой.

Белогвардейцы несколько раз повторяли попытки форсировать мост, но все они были отбиты интернационалистами.

Был лишь один момент, когда ряды стойких защитников моста, казалось, дрогнули. Это было тогда, когда под метким огнем белых бронепоезд, поддерживавший интернационалистов, должен был отойти.

Но в этот момент у моста появился командир Интернационального полка Варга.

Собрав поредевшие ряды бойцов, он впереди их бросился навстречу вступившим на мост белогвардейцам и чехословакам. Бой велся в исключительно неблагоприятной для нас обстановке. Белые сосредоточили по мосту огонь всей своей артиллерии и пулеметов. Снаряды рвались между чугунными скрепами железнодорожных ферм. Мост глухо стонал от ударов. Интернационалисты несли большие потери убитыми, ранеными и особенно контуженными.

Пришлось отойти. Но белым форсировать мост все же не удалось.

Отступившие полки были приведены в порядок и заняли позиции по горному берегу Волги.

Интернациональный батальон, прибывший из Алатыря и расположенный севернее железнодорожного моста, у пристаней, участвовал в отражении попыток белогвардейцев переправиться через Волгу на лодках.

Героическая оборона железнодорожного моста обусловила последующий разгром белых под Симбирском.

* * *

Замолк орудийный грохот. Успокоилась Волга. Враг откатывался далеко в заволжские степи.

В последних числах сентября 1918 г. трудящиеся Сим-

бирска с траурными черно-красными знаменами хоронили героев-интернационалистов.

На Новом Венце, высоко над Волгой, перед железнодорожным мостом, в братских могилах положили они тела бойцов, павших за дело пролетарского интернационализма.

А. А. КУДРЯШЕВА[1]

ГИБЕЛЬ БОЛЬШЕВИКА КУДРЯШЕВА Е. П.

Кудряшев Е. П. родился в 1878 г. в Хвалынске, с 1911 г. он стал членом большевистской партии. Жили мы в разных городах. Перед переездом в г. Симбирск мы жили в г. Вольске, муж работал там на цементном заводе Зегерса, семья наша была очень большая: мы имели пятерых детей, кроме того, на иждивении мужа жила его мать.

Несмотря на обремененность большой семьей, Е. П. Кудряшев разъезжал по партийным делам по многим городам: был в Саратове, Самаре, Камышине и др. В 1917 г. мы переехали в г. Симбирск. И здесь Егор Петрович вел партийную работу. 15 сентября 1917 г. он был избран членом Симбирского комитета РСДРП(б).

В 1918 г. во время боя с белыми за г. Симбирск мой муж был на станции Симбирск I среди рабочих. Симбирским комитетом партии Егору Петровичу было предложено эвакуироваться с отплывающим пароходом в г. Казань. Но Егор Петрович не успел добраться до пристани, как по городу распространились белогвардейцы,

[1] Александра Алексеевна Кудряшева, персональный пенсионер, проживает в г. Москве.

он вынужден был вернуться домой. Он сказал, что, может быть, скроется в подполье и будет вести работу среди рабочих депо.

Это было 22 июля 1918 г. Как сейчас помню зверства белогвардейцев. По улице шли 8 человек вооруженных белых солдат с офицером, а сзади их едет повозка с трупами расстрелянных рабочих и красноармейцев. Белогвардейцы кричали: «Где тут спрятались коммунисты-большевики, выдавайте их!»

Белогвардейцы вломились в нашу квартиру. Они схватили мужа, а мне приставили к виску наган. Детей поставили к стене, а Егора Петровича повалили на пол и хотели расстрелять прямо в квартире. Я была беременна. Егор Петрович стал просить, чтобы в него перед детьми не стреляли. Его вывели из квартиры. Когда Егора Петровича увели из квартиры, меня хотели тут же застрелить на глазах у детей, но из собравшейся толпы вышел какой-то человек и стал увещевать офицера, чтобы меня не расстреливали: «Видите, она ведь беременна, у них куча детей, что вы делаете?» В этот момент раздались выстрелы, я обмерла, услышав их. Вбежавшая мать мужа, бледная и не в себе, сказала, чтобы меня успокоить: «Не волнуйся, его не расстреляли». Но для меня было ясно, что именно в него стреляли, и я его больше не увижу. Я упала без памяти и три дня не приходила в сознание. Как потом рассказывала мать, труп Егора Петровича бросили на повозку рядом с другими убитыми и увезли неизвестно куда.

Офицер, руководивший арестом и расстрелом Егора Петровича, произвел обыск. Им были взяты все документы мужа, партбилет, паспорт, книги и не были возвращены. Пока белые были в городе, белогвардейцы неоднократно являлись к нам на квартиру и бесчинствовали, издевались надо мной и моими детьми, угрожали покончить с нами, как с семьей большевика. О днях господства банды белогвардейщины я вспоминаю с ужасом.

Сейчас я живу с сыном Виктором, которым была беременна в момент расстрела мужа, получаю персональную пенсию.

Погиб пламенный большевик. Но все мы сознаем, что кровь, пролитая за дело рабочего класса, не пропала даром. Она дала свои результаты.

И. Д. ГЛАДКОВ[1]

В ПЛЕНУ У БЕЛЫХ

При отступлении коммунистического отряда со станции Клявлино, во время посадки в вагон, я сильно ушибся и меня положили на излечение в 117 госпиталь, располагавшийся возле станции Симбирск I.

О нажиме белочешских войск на гор. Симбирск и о возможности оставления города нашими частями мы узнали вечером 21 июля, когда началась эвакуация больных и раненых на пароход. Приехавшие подводы взяли только тяжелобольных и раненых и тех, которые были способны идти за подводами на собственных ногах. За недостатком транспорта остальные больные и раненые были оставлены в госпитале до второго рейса.

Получив вещи и одежду, мы оделись и стали ждать, однако по неизвестным причинам обещанных подвод не дождались до утра. А рано утром 22 июля через госпиталь в город полетели снаряды белогвардейской артиллерии, и стала слышна пулеметная дробь. Собравшись группой человек в десять, мы решили попытаться пробраться к пристаням на Волгу.

Поддерживая друг друга, мы, в меру наших сил, пошагали в город. Проходя мимо ворот военного интендантского склада, заметили группу людей с белыми по-

---

[1] Иван Дмитриевич Гладков, бывший пулеметчик коммунистического отряда, ныне работает в органах МВД в г. Казани.

вязками на рукавах. Было очевидно, что во дворе этого военного склада идет вооружение контрреволюционных белогвардейских отрядов. Мы метнулись вперед, быстро достигли Тихвинского спуска. Калитка третьего или четвертого дома оказалась незапертой, и мы очутились во дворе деревянного двухэтажного дома. Здесь мы рассудили, что спускаться к Волге по Тихвинскому спуску, где нас, видимо, ищут, нельзя. Принимаем решение: выходить по два человека и идти к Венцу.

В очередной паре вышел и я с одним красноармейцем, поднялись на Венец, здесь простились и разошлись. Он пошел вниз по Духовскому спуску, а я направился по аллеям Венца к Никольскому спуску.

Бессонная ночь и семь километров пути очень утомили меня, и я, присев передохнуть на ступеньки киоска фруктовых вод, то ли потерял сознание, то ли уснул, только когда очнулся, шума боя уже не было. Завернув в газету пистолет и документы, сунул сверток под крыльцо и направился по спуску к Волге, в надежде как-нибудь перебраться на лодке в Заволжье.

Прошел я не более 200 шагов, как увидел трех молодых людей в форме гимназистов с винтовками в руках и белыми повязками на рукавах. Они скомандовали мне: «Стой, руки вверх». Пришлось выполнить команду. Обыскали, спросили документы, их у меня не было. Куском проволоки скрутили мне руки назад и повели обратно в гору. Когда стали подходить к архиерейскому дому, то недалеко от высокой каменной стены я увидел лежавших в лужи крови расстрелянных. Их было двое. Я невольно остановился, мне показалось, что дальше идти уже никуда не надо. За моей спиной защелкали затворы винтовок. Я был уверен, что выстрел сейчас последует, но слышу за спиной спор. Один из них, сын торговца готовым платьем Волков, убеждает других: «Это помощник Гимова, я его знаю». Мне скомандовали: «Иди прямо, не оглядывайся».

Подходим к зданию бывшей городской управы, на балконе здания уже висел знакомый лозунг «Да здравствует Всероссийское учредительное собрание» (И где только выкопали так быстро эсеры это старое полотнище!). У входа в здание стояла толпа нарядно одетых мужчин и женщин, среди них вижу известных всему городу молодых Шаниных, сыновей крупного мануфактур-

ного торговца, архитектора Шодэ, проходимца дворянского происхождения Яковлева и многих других бывших людей, прятавшихся при Советской власти (ныне они вылезли из своих нор и собрались сюда приветствовать чехов). Один из моих конвоиров хвастливо сообщил кому-то из толпы, что они помощника Гимова арестовали. Какой же злобный вой подняли эти богато одетые шакалы, они готовы были растерзать меня, плевали в лицо.

Ввели в здание. Здесь уже успела разместиться чешско-белогвардейская комендатура. Обыскали еще раз и, зарегистрировав, втолкнули в комнату на втором этаже. Внутри и снаружи у двери стояли часовые. В комнате не было никакой мебели, и прямо на полу сидело уже несколько человек арестованных. Среди них командир взвода нашего отряда В. Порозов, молодой большевик Миша Воронцов, бундовец Яков Ваксин и другие. Осмотревшись, я подсел к Ваксину, типографскому работнику. Какой-то гражданин возбужденно рассказывал об ужасных расправах с пленными, о том, как в начале Петропавловского спуска были настигнуты белыми отступавшие к Волге остатки какого-то отряда красноармейцев человек двадцать. Окруженные, они сложили оружие и подняли руки, но их расстреляли на месте. Часть «расстрелянных» осталась живой и уползла в сточную трубу. Кто-то сказал об этом белобандитам, проходившим по дороге, и они на глазах собравшейся толпы вытащили их оттуда и добили штыками.

Потом поступившие в нашу комнату позднее рассказывали о расстреле тов. Кучерова — помощника чрезвычайного комиссара. Труп Кучерова с утра валялся на Гончаровской улице, у него были выколоты глаза и разбит череп. На тротуаре около кадетского корпуса лежали десятки трупов. Вылезшая из своих нор буржуазия толпилась около трупов, тросточками выкалывала мертвым глаза и пинками безобразила лица.

Сотни трупов валялись на улицах города, но расстрелы продолжались, а церковные мракобесы — попы колокольным перезвоном заглушали выстрелы белобандитов. С полудня во всех церквах города гудели по-праздничному колокола, а симбирский архиепископ Вениамин с двенадцати часов дня до самого вечера кровавого двадцать второго июля служил в соборе пасхальную заутреню и с

амвона возглашал: «Христос воскрес!», а буржуазия и белогвардейская сволочь, только что обагрившая руки в крови рабочих и крестьян, умильно отвечала: «Воистину воскрес».

Вряд ли можно было придумать что-либо подлее, позорнее и кощунственнее этой «пасхальной» комедии, сыгранной служителями «святой» православной церкви в день массового истребления сотен рабочих и крестьян.

Разгул белого террора принимал необычайные размеры. Расстреляв на улицах города более 200 человек не успевших отступить защитников города и просто под руку попавшихся рабочих и служащих, белобандиты кинулись по квартирам искать сторонников Советской власти. Количество арестованных росло. Мы обратились к белогвардейскому коменданту Энду с требованием открыть окна и накормить нас. Энд усмехнулся и издевательски ответил: «До 12 часов ночи и без пищи проживете, а в 12 часов накормим... свинцовой кашей», — закончил он после небольшой паузы.

В 12 часов ночи вызвали первую группу арестованных, в их числе был и я. Допрашивал меня бывший царский прокурор Арнольдов. Я не отрицал своей работы в Совете, но упрямо отстаивал версию о том, что я работал там простым канцеляристом и вообще никого и ничего не знаю. Не мог же я рассказывать бывшему прокурору, подвизавшемуся в роли контрразведчика, о том, что в действительности я являлся инструктором отряда охраны губисполкома и заведующим бюро пропусков, что я был членом комиссии по изъятию оружия у населения и производил обыски, и что я являюсь пулеметчиком Симбирского коммунистического отряда и состою членом РКП(б).

Допрос продолжался долго и все вокруг одних и тех же вопросов. Арнольдов все время вел себя сдержанно. Прекратив допрос, он вежливо предложил мне освежить память и подумать и передал меня какому-то рослому детине в офицерском кителе без погон. Меня увели в небольшую комнату и там начали «освежать» память. Били кулаками, а когда я упал, пинками в бока, живот и спину. Тот же детина волоком потащил меня опять к столу Арнольдова, но дальнейший допрос не состоялся: меня стало беспрерывно тошнить.

24 июля к вечеру была отобрана группа в 16 человек

арестованных, в которую попал и я. Под сильным конвоем нас привели на Сызранскую улицу, в тюрьму, и поместили всех в камеру № 6. Из обитателей этой камеры в памяти сохранились фамилии: Цирулина — паровозного машиниста со ст. Абдулино, Ваксина, Борисова — красноармейца Московского отряда, Быкова — летчика, Сеюкова—комиссара городской управы, Кальнена — командира латышского отряда, Кабанова, Николаева.

Режим в этой тюрьме для политических заключенных был куда строже, чем для уголовных преступников. Передачи с воли не допускались, а кормили отвратительной картофельной бурдой и хлеба на день давали всего 200 граммов.

За неделю наша камера настолько сплотилась, что мы единодушно приняли решение — предъявить тюремной администрации требование о разрешении передачи с воли пищи, книг и газет и добились удовлетворения наших требований. С тех пор мы стали читать передаваемые с воли книги и газеты, вернее одну белогвардейскую газету «Возрождение», издававшуюся в Симбирске. Из этой газеты мы узнали много интересных новостей: читаем сообщение о пойманных комиссарах и большевиках и о решении выдавать награды за поимку комиссаров, и мы понимаем, что белый террор продолжается. Когда стали появляться сообщения о стратегических отходах частей белогвардейской «народной армии», мы понимали, что Красная Армия наступает и громит белых. Читая заметку о посылке карательных отрядов по деревням для борьбы с большевистскими агентами, срывающими мобилизацию в белую армию, мы понимали, что крестьяне не идут в эту армию.

Эти наши догадки вскоре подтвердили сами белые, прислав в тюрьму представителей для вербовки в белую армию даже среди нас, политических заключенных. Нас выстроили в камере и объявили нам о том, что каждому из нас представляется возможность искупить свою «вину» перед Россией, для этого, видите ли, надо записаться в белогвардейскую «народную армию». Представители предложили выйти вперед, кто желает записаться в «народную армию». Вперед никто не вышел. Белый офицер выходил из себя, начал кричать. «Все вы здесь большевики и сволочи, вас всех перестрелять надо и перестреляем», — угрожающе закончил он. Вдруг вперед высту-

пает тов. Сеюков, и когда белый офицер закончил, бросил ему: «Вы, господин офицер, ошиблись дверью, рядом камеры уголовных, может быть, там вы найдете добровольцев».

«Ну, ладно же», — в бешенстве хрипит белогвардеец.

На другой день нашу камеру расформировали по разным камерам. Меня и Борисова перевели в камеру № 4, расположенную над входными воротами тюрьмы.

Из товарищей по этой камере я помню: Беспалова Ф., Артизанова — оба преподаватели, Ефремова А. А. — работника следственной комиссии, Кайранского — анархиста, по собственному признанию, Мецлера, Голубева и др.

В этой камере было более 30 человек заключенных. Из-за разношерстности публики здесь не было той сплоченности, как в камере № 6. Здесь оказались двое записавшихся в белую армию, и это настораживало остальных, так как в них видели предателей.

Несмотря на строгости тюремного режима, мы каждое утро узнавали, кого увезли и кого расстреляли ночью. Расстрелы арестованных большевиков производились обычно на рассвете. Обреченных ночью увозили куда-то в сторону вокзала на грузовой автомашине. Машина эта подъезжала к входным воротам тюрьмы часов в двенадцать ночи и стояла у ворот с работающим мотором часов до трех утра. Спать в эти часы мы не могли. Так было увезено из этой тюрьмы и расстреляно несколько десятков человек. В их числе были товарищи Крылов—комиссар юстиции, Белов—комиссар жилищ, Новиков—командир отряда.

В начале сентября по многим признакам заметно стало, что дела у белочехов ухудшаются. Например, военная охрана тюрьмы была заменена членами вновь восстановленной «гражданской самоохраны», усилились репрессии в городе, арестованных опять начали приводить группами.

Наконец, мы услышали впервые глухие раскаты артиллерийской канонады. Трудно передать радость, охватившую нас в эти минуты. С каждым днем взрывы снарядов приближались. 11 сентября через уборщика мы получили записку с 3-го этажа, в которой товарищи писали, что они видят разрывы снарядов за Свиягой. К вечеру стрельба утихла. Нам очень хотелось знать, где насту-

пающие красные части, и мы решили поспрашивать у проходящих граждан. В этой тюрьме окна расположены на высоте более двух метров от пола, подоконники срезаны, и, чтобы видеть, что делается на улице, приходилось буквально висеть на железной решетке окна. Несмотря на все неудобства, я в эти дни с утра и до вечера висел на решетке окна и наблюдал за тем, что делается на улице. На этот раз мы висели у окна вдвоем. Выполняя поручение товарищей, мы кричали в окна проходившим железнодорожникам: «Где красные?» В ответ нам качали головами, значит не знали. Но один из прохожих на какой-то миг поднял руку к фуражке и приложил к ней красноармейскую звезду, затем ответил: «Близко, не беспокойтесь!» и быстро отошел.

Почему неизвестный товарищ нас просил не беспокоиться, мы не понимали, так как у нас были все основания беспокоиться. Мы были уверены, что белые не оставят нас в покое при отступлении и или увезут или просто перебьют, поэтому было решено после проверки в камеру вход закрыть. Массивную, обитую железом дверь прикрутили за ручку полотенцами к поперечине, устроенной из скамьи, а из стола и скамеек соорудили баррикаду у двери.

Утро 12 сентября. День солнечный, теплый. Стрельба из орудий возобновилась чуть свет. Снаряды рвались где-то совсем близко. Безлюдная, обычно, Александровская площадь в этот день оживилась с самого утра. Бежали люди с узлами, ехали нагруженные сундуками и чемоданами подводы. Мы по очереди висели на окнах и передавали в камеру обо всем, что делалось на улице.

Около 9 часов утра со стороны станции Симбирск I к нашей тюрьме подошла рота солдат во главе с офицером. Мы поняли, что отряд этот пришел за нами. В момент, когда ворота тюрьмы открылись, и офицер дал команду роте двигаться во внутрь тюрьмы, случилось неожиданное: совсем близко из-за угла со стороны улицы Минаева раздались два выстрела. Офицер растерянно смотрел в ту сторону, откуда были выстрелы. Через несколько секунд выстрелы повторились. Тут офицер дал роте команду: «Вперед, за мной» и направился в сторону улицы Минаева. Но не успела рота сделать несколько шагов, как застучала пулеметная очередь и два человека из отряда свалились на землю. Замешательство

было столь велико, что белый офицер первый пустился наутек с криком: «Красные в городе!»

После этого происшествия мы поняли человека, который вечером подходил к тюрьме и просил нас не беспокоиться. Очевидно, про нас помнили и организовали охрану тюрьмы, которая вовремя сумела предупредить дикую расправу с заключенными в тюрьме большевиками, красногвардейцами и рабочими.

Примерно через 40—50 минут после беспорядочного бегства отряда белобандитов от тюрьмы, началось беспорядочное отступление «народной армии». Солдаты бежали и на ходу сбрасывали с себя гимнастерки и, бросив винтовки, шли дальше, уже не торопясь. Красная артиллерия очень удачно преграждала пути отступления белых, и они метались по Александровской площади, не зная куда деваться.

Часам к 12 дня все стихло, стрельба прекратилась. Мы прильнули к решеткам окон в ожидании дальнейших событий. Слышим нарастающий шум со стороны вокзала, наши нервы напрягаются до предела. Еще несколько секунд, и мимо тюрьмы проносится отряд красной кавалерии.

Могучее «ура» потрясло крепкое здание тюрьмы. У многих на глазах сверкали слезы радости, и все поздравляли друг друга с освобождением. 30 пар рук взялись за обитый железом стол, и несколькими мощными ударами крепкие запоры двери камеры были вышиблены.

Вот мы на свободе! Оружейный склад тюрьмы во дворе был кем-то уж открыт. Вооружившись винтовками, мы присоединились к входившим в город частям Красной Армии, а через полчаса уже лежали в цепи на Новом Венце, обстреливая остатки белогвардейских отрядов, переправлявшихся через Волгу на левый берег.

III

ОСВОБОЖДЕНИЕ г. СИМБИРСКА — РОДИНЫ ЛЕНИНА

Н. Г. САМОЙЛОВ[1]

КАК МЫ УЧИЛИСЬ ВОЕВАТЬ

После падения Симбирска 22 июля 1918 г. я вместе со своим отрядом отступал по Казанскому тракту.

В Казани, в штабе Востфронта, я нашел В. В. Куйбышева. Он обсуждал что-то с Раскольниковым. Они предложили мне стать комиссаром телеграфной связи в штабе. Я категорически отказался, заявив, что в телеграфном деле ничего не понимаю, и попросил отправить меня на фронт.

Просьба моя была удовлетворена. Куйбышев заявил, что выезжает в штаб I армии на ст. Инза, и предложил мне прибыть туда же.

По прибытии в штаб I армии на ст. Инза я был назначен военно-политическим инспектором РВС I революционной армии Востфронта и получил мандат с весьма широкими правами, вплоть до разговоров по прямому проводу. Задача моя заключалась в мобилизации в ближайшем тылу I армии специалистов: артиллеристов, пулеметчиков, связистов, офицеров и солдат.

Это были дни, когда командование I армии — Тухачевский, Куйбышев и Калнин — развернули кипучую деятельность по созданию настоящей регулярной армии, оснащенной всеми родами оружия.

---

[1] Никита Гаврилович Самойлов, член КПСС с марта 1913 г., бывший политический комиссар артдивизиона Симбирской железной дивизии, ныне персональный пенсионер, проживает в г. Москве.

Тов. Куйбышев особенно подчеркивал важность задачи мобилизации артиллеристов, ибо с артиллерией у нас было плохо.

Мобилизовав некоторое количество артиллеристов, я вскоре должен был по указанию штаба армии оставить эту работу. Дело в том, что в начале августа 1918 года в распоряжение I армии прибыл с Украины 2-й артиллерийский дивизион с 20 орудиями. Это подкрепление артиллерией было как нельзя вовремя. Артдивизион был направлен в состав Симбирской железной дивизии, и я был назначен политическим комиссаром этого артдивизиона.

Товарищи Куйбышев и Калнин, посылая меня, дали мне партийное задание — навести революционный порядок в дивизионе и покончить с партизанскими замашками отряда.

Действительно, когда я прибыл в артиллерийский дивизион, то не увидел здесь ничего похожего на воинскую часть. Все люди помещались в вагонах эшелона. У командного состава из бывших офицеров были с собой жены и даже домашняя прислуга и множество всякого домашнего семейного скарба. Дисциплины не было. Нужна была настойчивая работа, чтобы превратить этот «табор» в боевую дисциплинированную часть.

В артдивизионе был лишь один коммунист — завхоз Степанов. С ним мы и взялись за оздоровление обстановки. Как раз в эти дни по I армии был отдан приказ — покончить с эшелонной войной и вывести бойцов из вагонов в поле.

Пригласив к себе командира дивизиона бывшего прапорщика Ильенкова, я спросил его, как он думает выполнять упомянутый приказ. Из разговоров с командиром я увидел, что он не представляет себе, что надо делать, и не решается предпринимать что-либо радикальное.

Однако после моих суровых предупреждений он согласился мне помогать. Мы втроем, командир-специалист и двое коммунистов пошли по эшелону, требуя выгрузки орудий и людей.

Командный состав и многие бойцы не хотели расставаться с беззаботной жизнью в вагонах. Послышались угрожающие выкрики:

— На Украине нас не притесняли. Мы воевали так,

как хотели, а здесь нас в тиски хотят взять. Мы так воевать не согласны!

Собрав митинг красноармейцев с участием командиров, я поставил вопрос в упор:

— Вы что, приехали сюда воевать, защищать Советскую власть или с бабами гулять! Даю два часа сроку, чтобы взять все необходимое из эшелона! Все женщины, не имеющие отношения к бою, должны быть оставлены в эшелонах!

Наша решительность возымела действие. Через указанное время эшелон с ненужными людьми ушел к станции Инза.

Вскоре в артдивизион прибыли начдив Железной тов. Гай и его политком Панов. Они одобрили мои меры. Так началось превращение отряда в боевую воинскую часть. Среди командиров и рядовых артиллеристов нашлось не мало честных людей, истосковавшихся по воинскому порядку. Опираясь на них, мы навели порядок...

Но через некоторое время меня назначили председателем мобилизационной комиссии по набору лошадей для Железной дивизии. Кроме меня, в комиссии было еще трое коммунистов: мой заместитель тов. Кудряшев и члены комиссии: Одживальский и Ермаков. Пятым был беспартийный ветеринарный фельдшер. Это была весьма подвижная и гибкая комиссия. Когда мы для ускорения дела разбились на две подкомиссии, то мне, кроме общего руководства в проведении агитации среди крестьян, пришлось быть и ветврачом и казначеем.

Работали мы в Карсунском и других уездах. За отобранных и мобилизованных лошадей мы с крестьянами рассчитывались наличными. За лошадей, годных для артиллерии, платили до 450 руб., кавалерии — до 350 руб., а за обозных — до 270 рублей «керенками».

По сути дела мобилизация носила характер закупок, и это способствовало хорошему отношению большинства крестьян ко взятию лошадей в армию. Крестьяне понимали, что без лошадей армия воевать не может. Но кулацкие элементы, у которых мы находили наиболее подходящих коней для артиллерии, упорно отказывались от сдачи лошадей. Иногда дело доходило до эксцессов, но серьезных столкновений не было.

В течение двух—трех недель мы мобилизовали несколько сот лошадей.

Приехав 7 сентября в штаб дивизии с отчетом о благоприятном ходе мобилизации лошадей, я узнал о подготовляющемся решительном ударе по белым у Симбирска. Начдив потребовал немедленно доставить лучших лошадей для обновления конской тяги всех пяти батарей Железной дивизии и других воинских частей.

Наша мобилизационная группа находилась в селе под Карсуном. Съездив туда и отобрав лошадей, я оставил комиссию на своего заместителя Кудряшева, предложив ему неослабно продолжать закупку лошадей. Сам же с лошадьми снова двинулся в штаб дивизии. Мне очень хотелось быть со своими бойцами в батареях во время предстоявших решающих боев, и я остался в дивизионе.

Ко времени наступления артиллерийское вооружение было пополнено. В пяти батареях нашего дивизиона было 20 орудий. Кроме того, Железной дивизии передавались две гаубицы, добытые в Москве тов. Шверником. Н. М. Шверник, как бывший работник Главного Артиллерийского Управления, по поручению политкома I армии Куйбышева лично ездил добиваться этого артиллерийского подкрепления. Кроме того, в Железную дивизию была направлена также «Лунинская батарея», названная так по фамилии ее командира Лунина. Бывший офицер старой армии, он честно служил Советской власти.

Командир-артиллерист из него был отличный. Мне еще раньше пришлось бывать в Лунинской батарее и убедиться в ее отличной боеспособности. Это было в августе 1918 года. Находясь однажды в штабе армии, я получил от политкома тов. Калнина поручение проверить эту батарею и ее командира. Товарищ Калнин говорил, что об этой батарее ходят легендарные слухи и надо в этом удостовериться. Прибыв ночью в Лунинскую батарею, находящуюся на позициях, я застал там образцовый порядок. Командир Лунин, не удовлетворившись донесениями пехотной разведки, послал еще своих разведчиков. К утру ему было уже известно, что противник в ночь перегруппировался и сосредоточился в деревушке, находившейся на фланге нашего пехотного подразделения. Противник, видимо, намеревался атаковать нашу пехоту во фланг. Но едва рассвело, как командир Лунинской батареи, вымерив по карте расстояние и прове-

рив его через разведчиков, уже указывал прицел своим опытным артиллеристам. Через несколько минут шквал шрапнели обрушился на колонну белогвардейцев, двинувшихся было в обход нашего расположения. Наступательный маневр противника был сорван. Понеся большие потери, белые очистили и занимаемую ими до этого деревушку. Наша пехота без потерь заняла ее.

Когда я наблюдал эти отличные, слаженные с пехотой действия Лунинской батареи, я невольно обращался мыслями в недавнее прошлое, когда мы под Мелекессом и Симбирском терпели поражение оттого, что у нас не было правильного взаимодействия между различными частями и родами войск. Да, мы начинаем воевать лучше и одерживать тактические успехи над белогвардейцами. И в этом духе я сделал свое донесение тов. Калнину про действия батареи.

Боеспособность, умение воевать у красных войск росли. Росла уверенность у бойцов пехоты и артиллерии в свою способность бить белогвардейцев. Подъем боевого духа наших частей поддерживался и огромной политической работой, развернутой в войсках под руководством члена РВС I армии В. В. Куйбышева. Этот участок работы под Симбирском был слаб. Особенно широко массовая разъяснительная работа среди бойцов и окружающего населения развернулась после подлого покушения белоэсеров на жизнь В. И. Ленина. Красноармейцы буквально рвались в бой с лозунгом «За первую рану, нанесенную белоэсерами нашему любимому Владимиру Ильичу, возьмем Симбирск, а за другую будет Самара».

Вторая, третья и пятая батареи артиллерийского дивизиона, общим числом 12 орудий, придавались I бригаде Железной дивизии (бригадой командовал тов. Павловский), в которой каждый пехотный полк получал одну батарею. 1-я бригада наступала на Симбирск вдоль железнодорожной линии и южнее ее.

2-я пехотная бригада получила четвертую и шестую батарею нашего артдивизиона, общим числом 8 трехдюймовых орудия. Кроме того, эта бригада, наступавшая севернее железной дороги, вдоль Московского тракта, имела огневую поддержку двух гаубиц. Военкомом гаубичной батареи был тов. Третьяков.

Имевшиеся в Железной дивизии два орудия были

оставлены на ст. Чуфарово для охраны штаба дивизии от вражеских налетов.

В начавшемся наступлении я был в расположении 1-го и 2-го Симбирских полков, которым надлежало наносить главный удар противнику вдоль линии железной дороги и южнее ее. Я считал, что мое место, как военкома артиллерийского дивизиона, должно быть здесь, чтобы с командиром дивизиона обеспечивать своевременную поддержку нашей пехоты огнем. При этом мне пришлось быть в боях у села Ртищево-Каменка, у деревни Кувшиновки, у села Ивановки и др.

Особенно упорное сопротивление белогвардейцы оказали на высотах в районе сел Бухтеевка—Ивановка, где ими были подготовлены окопы полного профиля с заграждениями. Под сильным пулеметным огнем противника наша пехота не могла подняться. Посоветовавшись с командиром дивизиона Ильенковым, мы решили выдвинуть орудия 3-й батареи в наши пехотные цепи и бить прямой наводкой по вражеским заграждениям и окопам. Это дало успех и ободрило красноармейцев 2-го Симбирского полка, и они пошли в атаку. Белогвардейцы отступили. Тот же прием стрельбы прямой наводкой мы применили против белогвардейского бронепоезда, который своим огнем мешал продвижению как 2-го, так и 1-го Симбирских полков.

Упорство белых, проявленное ими к югу от железной дороги, заставило командование Железной дивизии направить в этот район Лунинскую батарею. И снова лунинцы проявили себя как опытные стойкие воины.

В районе дер. Кувшиновки один из наших батальонов, не получив питания и утомленный трехдневными боями, немного струсил. Почти уже взятую Кувшиновку пришлось временно оставить. Пехота отошла. Но Лунинская батарея осталась на месте, впереди пехоты. Своим огнем она не позволила белогвардейцам занять село.

Пехота же, оправившись, возглавляемая прибывшим к месту боя комиссаром полка Н. М. Шверником, рванулась вперед и вновь заняла село.

Энергичную помощь нашей пехоте оказывала артиллерия. Из одного донесения, полученного командиром артдивизиона, нам стала известна большая роль наших 4-й и 6-й батарей в сражениях на Московском тракте. Это было второе после линии железной дороги направ-

ление, где белогвардейцы оказывали наиболее упорное сопротивление.

Тяжелое положение сложилось для Орловского и 1-го Курского полков, наступавших в районе сел Тетюшское, Погребы, Отрада. Пересеченная местность позволяла белогвардейцам цепко держаться, прибегать к фланговым обстрелам красноармейских цепей. Наша 4-я батарея под командованием Ивлиева также выдвинулась в ряды пехоты и подавила одну за другой пулеметные точки белогвардейцев. Враг был сбит. Наши цепи продвинулись к Арским воротам. Большое не только тактическое, но и подавляющее моральное воздействие на противника оказывали гаубицы, продвигавшиеся непосредственно по Московскому тракту.

В ночь перед взятием Симбирска мною и Ильенковым был получен приказ начальника артиллерии армии Мироевского о массированном обстреле военных объектов г. Симбирска. Для этой цели мы подтянули из расположения 1-го Симбирского полка нашу 5-ю батарею к району села Карлинское. Сюда же была подтянута 4-я батарея.

Знание города позволило мне ориентировать артиллеристов. Огонь был сосредоточен по району белогвардейских казарм в городе. Вскоре эти казармы загорелись. С наблюдательного пункта, расположенного на возвышенности над рекой Свиягой у с. Карлинского, мы видели разгоревшееся в городе пламя.

У меня сохранилась оперативная сводка штаба 1-й армии об этом моменте.

Вот она:

«Из Пайгарма, 11 сентября 23 часа.

Арзамас. Начштаб фронта... Оперативная сводка к 11 часам. Симбирское направление: наши части с боем заняли линию: Белый Ключ — Вырыпаевка — Сельдинская — Лаишевка. Передовые части у Киндяковки. Противник бежит, оставляя сотни убитых и раненых. Нами взяты: 3 орудия, 1 аэроплан и много пулеметов. Город Симбирск бомбардируется. Части продвигаются дальше.

№ 11224.

Начштаба Корицкий.

Политкомарм Куйбышев».

Победное продвижение героев Красной Армии было неудержимо...

Наш ночной обстрел артиллерийских казарм, зарево пожара над городом усилили, как мы потом узнали, царившую среди белогвардейцев растерянность. Попавшие под обстрел белогвардейские резервы, составленные из мобилизованных, стали разбегаться. Командование белых начало эвакуацию города. Начавшийся утром 12 сентября штурм города полками Железной дивизии обратил белогвардейцев в бегство.

Родина любимого Ильича была освобождена...

Но борьба за Симбирск не кончилась. В течение недели, с 18 по 24 сентября, белогвардейцы предпринимали яростные попытки перебраться через Волгу и ворваться в Симбирск. Задача нашей артиллерии в эти дни обороны города состояла в том, чтобы не подпускать вражеского бронепоезда к мосту через Волгу и подавлять батареи противника, которые вели ожесточенный огонь по правому берегу Волги.

Организацией нашего артиллерийского огня занимались лично я, командир дивизиона и, несколько после прибывшие в Симбирск, начштаба I армии Н. И. Корицкий и начальник артиллерии армии Мироевский.

В районе Нового Венца были расставлены орудия трех батарей. Одна батарея стояла в глубине площади, недалеко от того места, где теперь возвышается над Волгой памятник В. И. Ленину, одна батарея стояла на Никольской улице. Гаубичная батарея была на Завьяловской площади. Наше положение было выгоднее, чем у противника, так как правый берег доминирует над Заволжским.

Не раз я лично корректировал наш огонь с наблюдательного пункта, устроенного на водонапорной башне, что стояла на месте нынешнего входа в парк.

Второй наблюдательный пункт был в доме на Никольской площади. Дом этот был расположен на выступе площади в сторону Волги и возвышался над ней. Отсюда особенно отчетливо видны были маневры вражеского бронепоезда, и наблюдатели отлично засекали места расположения батарей противника.

Беспримерная, незабываемая артиллерийская дуэль через Волгу шла с перевесом для нас.

Бронепоездам противника так и не удалось вступить

на мост, и они то и дело вынуждены были уходить от Волги, видимо, для ремонта. Мы видели несколько взрывов на батареях противника от попаданий наших артиллерийских снарядов. Огонь врага со дня на день ослабевал. Наши потери были незначительны.

Ответственная роль принадлежала нашей артиллерии в момент перехода наших войск в наступление по железнодорожному мосту через Волгу. Форсирование Волги было назначено на ночь. Перед этим мы ослабили наш огонь и, главным образом, засекали месторасположение батарей белых, чтобы уверенно бить по ним ночью во время наступления... И вот этот момент наступил. Мы открыли небывалый по интенсивности огонь, прикрывая переправу нашей героической пехоты через Волгу... Взаимодействие нашей артиллерии с пехотой под руководством Мироевского было поставлено четко. Наблюдатели, сами шедшие с атакующими частями по железнодорожному мосту, сообщали нам по проводам о ходе переправы, указывая, каких рубежей достигала пехота.

Вот поступило донесение, что Московский полк, невзирая на произведенный белыми взрыв крайней восточной фермы моста, перебрался все же по ней и бросился в штыки на блокгаузы белых на том берегу. Учтя это, мы немедленно перенесли наш огонь в глубь левого берега, а затем каждые 10—15 минут переносили его дальше в направлении станции Верхняя Часовня. Пехотинцы, участвовавшие в переправе, горячо потом благодарили артиллеристов за точную стрельбу и мощную поддержку огнем.

Враг был сбит с левого берега Волги и стал поспешно отступать в глубь заволжской степи.

Родной город Ленина был освобожден теперь от белогвардейской нечисти окончательно и навечно.

Наши войска развернули дальнейшее наступление на Сызрань и Самару.

Через поражения и неудачи, проявляя большевистскую выдержку и настойчивость, мы создали нашу Красную Армию буквально под огнем врага. От поражений мы перешли к победам. Мы научились воевать и побеждать.

И. Ф. ДОЛИНСКИЙ[1]

БОЙ ПОД ТЕТЮШСКОМ

Поздно ночью 8 августа 1918 г. 2-й полк Железной дивизии занял с. Тетюшское, Симбирской губернии. Пулеметчикам досталась помещичья усадьба. Установив пулеметные и патронные двуколки, выставив охранение, задали корм коням, а сами где и как попало улеглись спать.

Мы, несколько человек, с начальником пулеметной команды Ивановым улеглись на свежем сене и после продолжительных переходов и боев уснули мертвым сном.

Повернувшись, я проснулся. Со стороны нашей заставы слышна частая беспорядочная стрельба из винтовок. Бужу спящих товарищей. Выбежали во двор. Иванов без фуражки, копна белых волос взъерошена. Чуть-чуть брезжит рассвет. Все спят, спят и наши патрули. Прислонившись к сараю, зажав карабин между ног, уткнувшись носом в шинель, спит наш шустрый пулеметчик, прозванный «Хорьком»; свесив ноги с двуколки, спит верзила «Саша Рыжий». Только лошади прядают ушами, прислушиваясь к доносившейся стрельбе.

— Встать живо! — кричит Иванов. — Запрягать коней! — гремит команда.

[1] Иван Федорович Долинский, бывший пулеметчик 2-го полка Симбирской железной дивизии, ныне персональный пенсионер и работает на Челябинской государственной сельскохозяйственной опытной станции.

Стрельба на заставе усилилась, застрочил вражеский пулемет... Выезжать из ворот опасно, можно потерять коней.

— Сбить западные ворота! Снять пулеметы с двуколок! Пулеметы на линию огня! — торопливо отдает приказание Иванов.

Прикладáми выбиваем доски у забора, пролезаем и ведем пулемет в цепь, расположенную за церковной оградой.

Установив пулемет в кустах акации, я открыл огонь по белогвардейцам, которые от нас идут в двухстах шагах. Левее меня заработал другой пулемет — Ананьина. Белые идут двумя плотными шеренгами, плечом к плечу, винтовку держат «на руку», на левом рукаве у всех белеют повязки. Стрелки ведут частую стрельбу, правее слышится рокот нескольких пулеметов, это включились Самарин и Сафонов в общую симфонию боя... Несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, белогвардейцы идут не сгибаясь, держа равнение, как на параде. Убыли у них как будто бы нет, сраженные белогвардейцы заменяются из второй шеренги и снова движутся, ощетинясь штыками.

Все же стало им невтерпеж, послышалась протяжная команда: «Ложись! Пулеметы, огонь!» Затрещало несколько пулеметов, осыпая нас свинцовым дождем.

Приказ по цепи: «Пулеметчикам снять пулемет белых с чердака!» Взял прицел по чердаку, выпустил две ленты, пулемет замолк, надолго ли? Снова перенес огонь по белогвардейцам.

Вода в кожухе закипела, но охлаждать не время, открыл пароотводную трубку и выпустил воду, долив из баклажек свежей.

Когда солнце медленно выкатилось из-за горизонта и багряными лучами сбрызнуло землю, белые цепи поднялись, как один, и с криками «У-р-а-а!» бросились на нас в штыковую атаку. Белые близко, видны искаженные ненавистью и злостью лица. Во второй шеренге строй разомкнут — редкий, многие отвоевались навсегда. У всех на плечах офицерские погоны, на левом рукаве белые повязки, на фуражках кокарды с георгиевской лентой наискосок.

В нашей цепи идет бешеная лихорадочная стрельба, пулеметы строчат безостановочно, вырывая из шеренги

десятки белых офицеров. Вдруг передают по цепи: «Отходить в порядке в село, белые обошли правый фланг и заходят в село». Соседний пулемет замолк, стихает и дружный разговор винтовок. Отступаем в село — за речку. Берем пулемет за хобот и в кусты акации. Ящики пособляют нести бойцы из рот. Бежим, согнувшись, по селу, но кое-где из-за угла стреляют по нас «белые повязки». Мои спутники отстреливаются с хода, кто-то из них бросил гранату, близок мост...

Вдруг слышится эхо артиллерийского выстрела, вой снаряда. Бросаемся на землю, разрывом обдало всех землей, но все живы, только одного ранило осколком в пах. Это удружила наша Смоленская батарея.

— Проспали, черти, спросонку лупят по своим, — замечает пулеметчик Шутов.

Миновали мост, ползком под обстрелом отходим за ров, что недалеко от речки. Установили пулеметы, бойцы приспособили винтовки, ожидаем противника. Мост держим под наблюдением. Пригибаясь, по мосту бежит группа людей. «Чьи? Может, свои, которые задержались в деревне, а может, и белые, — говорит рядом лежащий со мной командир. — Надо узнать, кто это?»

Всего перешло за мост 50—60 человек. Посылаю пулеметчика москвича Колю Иконникова, добровольца лет 16-ти, говорю ему:

— Узнай, кто идет, если свои, иди с ними вместе, а если белые, то махни рукой и беги в сторону.

— Слушаюсь! Будет исполнено... — и Иконников, пригибаясь и маскируясь за снопами, побежал, наблюдаем... Коля не добежал до цепи шагов 20, послышался залп. Иконников махнул рукой, бросился назад, прячась за снопами.

Мне на плечо легла рука командира.

— Пулемет, огонь!

Нажал на гашетку, и группа срезана. Коля возвратился. Все лицо у него залито кровью, пуля задела черепную коробку, содрав кожу с головы. Он нам доложил:

— Подбегаю к ним, кричу: «Какого отряда?» А один из них спрашивает: «А вы какого!» Я ему отвечаю: «Мы Нижегородского», а он: «А мы офицерского георгиевского» и заряд мне в голову из маузера или кольта, малость — лежать бы мне там...

Командир отряда вскочил на вал и подал команду:

— За мной, вперед!

Через короткое время Тетюшское снова было в наших руках. Срезанные пулеметным огнем оказались офицеры, большинство убитые, а кто из них был еще жив, остервенело отстреливался.

Когда брали мост, то надо было сбить окопавшихся по берегу белогвардейцев. Наши бойцы под прикрытием пулеметного огня перешли в нескольких местах речку. Тогда офицеры дали «тягу», куда девалась их выдержка! Но они от нас далеко не ушли, их всех порубил наш кавалерийский эскадрон карачевцев, который прискакал к нам на поддержку из соседней деревни Погребы.

От выловленных одиночек, спрятавшихся в сараях, мы доподлинно узнали, что против нашего отряда сражался офицерский добровольческий георгиевский полк. Командирами рот командовали полковники, а прочие офицеры были рядовыми. Все в офицерской форме, некоторые с орденами на груди. Захваченные белогвардейцы чисто побриты, надушены, и среди них было немало пьяных.

При обыске у многих нашли удостоверения, указывающие чин и часть, тут были из Ярославля, Костромы, Самары. У многих имелись пригласительные билеты на бал, устраиваемый Симбирским дворянским собранием.

Наши бойцы имели уже опыт, они научились бить белую свору и в бою под Тетюшском не подкачали, разгромив наголову отборный офицерский отряд белогвардейцев.

* * *

Мы на подступах к Симбирску. Услышали радостную весть — доблестные части V армии освободили Казань. Мы должны взять Симбирск. Ночь темная. Симбирск на горе мерцает огоньками и кажется до него «рукой подать». Смотря на эти огоньки Симбирска, наши бойцы говорят: «Завтра город будет наш».

— Вышибем белую свору из родного города Владимира Ильича Ленина, — говорит мой друг Коля Гольцев.

Еще темно... Полк выступил.

Под самым городом полк залег. На нас обрушивается свинцовый ливень из пулеметов и винтовок. Крепче прижимаемся к родной земле-матушке. Левее нас идет ураганная артиллерийская и пулеметная стрельба, слышатся

взрывы гранат. Это первый Симбирский полк пошел в атаку на город. Скоро и наша очередь...

Вот и долгожданная команда: «Вперед!» Двинулись наши пехотинцы, винтовки «на руку», с ними неразлучные пулеметчики со своими тупорылыми «максами», а сзади грохочет наша батарея. Стрельба со стороны белых усиливается, но ненадолго, вскоре начала стихать, белые откатываются в город.

Наши бойцы пересекли железнодорожное полотно и вступили в Симбирск. Кое-где раздаются выстрелы из окон и чердаков.

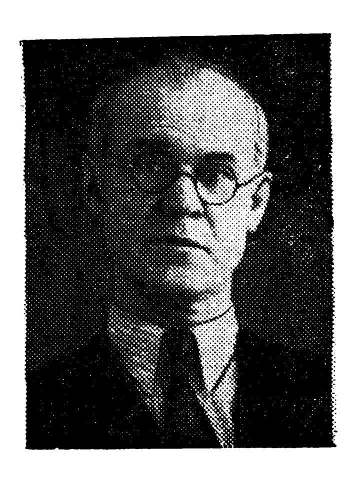
Вместе с комендантом полка Гольцевым мы поскакали по городу, выехали на Венец. Вся ширь Волги усеяна баржами и лодками. Это спасают свою шкуру белогвардейцы и буржуи, переправляясь за Волгу.

— Никуда не уйдете и не спрячетесь от нас, белые гады, — с гневом и ненавистью говорит Гольцев. На Венец карьером влетела наша батарея и прямой наводкой начинает бить по лодкам и баржам с «запоздалыми пассажирами», пуская их на дно.

Когда ехали обратно с Венца, город ожил. На улицы вышли сотни рабочих и работниц — жителей Симбирска. Они восторженно приветствовали наши части, освободившие родину вождя революции Владимира Ильича Ленина от белогвардейской нечисти.

Вечером было торжественное собрание наших частей совместно с городским населением. На собрании была оглашена телеграмма дорогому вождю и учителю В. И. Ленину. Мы с радостью сообщали Ильичу, что Симбирск — его родной город — освобожден.

А. М. УРАЛЬЦЕВ[1]

В БОЯХ И В ПОРОХОВОМ ДЫМУ РОЖДЕННАЯ

В конце мая в районе Пензы и Сызрани начался контрреволюционный мятеж белочехов. Над Средней Волгой нависла смертельная опасность. Симбирская губерния была объявлена на военном положении. Сенгилеевскому Совету, как и другим Советам губернии, пришлось отложить дела по мирному строительству и во главу угла поставить задачу организации военной защиты Советской власти.

С первых же дней после занятия белочехословаками Сызрани и Самары на дальних подступах к Сенгилею, в районе Климовки—Горбуновки, завязались кровопролитные схватки отступивших из-под Самары красноармейских боевых дружин с наседавшими на них белогвардейскими частями. Сенгилеевский Совет немедленно выделил из имевшейся у него красноармейской роты боевой отряд в 50 человек с двумя пулеметами и направил его на помощь самарским дружинам. Одновременно с этим он развернул работу по набору новых добровольцев в свою красноармейскую роту. На помощь самарцам стали прибывать подкрепления и из других городов Поволжья: из Твери, Нижнего Новгорода, Казани, Симбирска. Южнее Сенгилея скопилось около десяти добровольческих

[1] Александр Матвеевич Уральцев, член КПСС с 1918 г., бывший красноармеец штаба Симбирской железной дивизии. Ныне директор Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

красноармейских отрядов и дружин общей численностью до 1000 штыков и сабель, с 5 орудиями и 27 пулеметами. Все они были объединены в Сенгилеевский фронт. Основным костяком этих отрядов были коммунисты или сочувствующие им рабочие, а также выходцы из деревенской бедноты, бывшие солдаты старой армии.

Эти боевые отряды и дружины находились в постоянном боевом соприкосновении с противником. Мужественно отстаивая каждую пядь своей земли, они, естественно, несли потери и нуждались в постоянном пополнении. В течение июня и в первой половине июля Сенгилеевский Совет послал на фронт в помощь своему отряду еще несколько групп добровольцев общей численностью до 100 человек.

Я в то время продолжал нести боевую службу в отряде внутренней самоохраны города. Отряд был переведен на полуказарменное положение. Работая в учреждениях, мы не расставались с оружием, посменно несли охрану наиболее важных объектов (почты, телеграфа, телефона), а ночью продолжали нести патрульную службу и охрану въездов и выездов из города. По воскресеньям мы тренировались в стрельбе. Раза два—три на пароходе нас посылали в разведку в район Новодевичья.

Между тем боевые схватки с белогвардейскими бандами на подступах к Сенгилею разгорались все сильней. В город все чаще и чаще стали прибывать с поля боя раненые. Силы наших отрядов таяли, а натиск белых усиливался. Коммунистическая организация Сенгилея и исполком Совета принимали меры к отысканию резервов для посылки на боевые участки. На фронт ушли некоторые члены Совета. Остальные беспрерывно разъезжали по окрестным деревням и предприятиям, разъясняли рабочим и деревенской бедноте опасность создавшегося положения и вербовали добровольцев.

Но усилия Совета парализовывались безалаберными действиями появившегося в Сенгилее по рекомендации ЦК партии «левых» эсеров и пробравшегося на пост председателя Ревкома некоего Ховаева. Эта, никому в Сенгилее неизвестная авантюристическая личность вмешивалась во все. Он с плетеным стеком в руках метался по учреждениям города, всюду внося анархию и неразбериху, дух истерики и паники, пугая всех расстрелом. Вносимая им паническая суета и безалаберщина

создавали нервозность в работе советских учреждений, отталкивали от него сотрудников, ослабляя их усилия по набору подкреплений для фронта. Предателем оказался и командующий Сенгилеевским фронтом бывший кадровый офицер царской армии Мельников. Он палец о палец не ударил, чтобы объединить боевые действия сражавшихся на фронте красноармейских дружин и отрядов, наладить взаимодействие между ними и положить конец партизанщине. В критический момент, когда под натиском превосходящего численностью врага наши оставили Новодевичье, Мельников сбежал к белым.

Преодолевая все эти трудности и начавшуюся кое-где просачиваться панику и неуверенность в своих собственных рядах, Сенгилеевский комитет партии и исполком Совета все же продолжали сохранять порядок в городе и усиливать фронт красноармейскими дружинами. Но резервы ослабевали. Добровольцев находилось все меньше и меньше.

Тогда Совет, на основе подписанного В. И. Лениным декрета Совнаркома от 12 июня, мобилизует рабоче-крестьянскую молодежь 1893—1897 годов рождения.

Но с этим мероприятием Совет запоздал. Близость фронта усиливала колебания среди среднего крестьянства. Используя эти колебания и слабую организованность бедноты, а также состояние усталости крестьян от войны, кулаки и их защитники — эсеры повели бешеную борьбу против мобилизации, запугивая трудящихся близким якобы крахом Советской власти. Объявленная Советом мобилизация молодежи в большинстве сел была встречена населением равнодушно, а в некоторых селах даже враждебно. В волостном селе Тереньге, например, приехавшие из Сенгилея красноармейцы были обезоружены и избиты кулаками, а мобилизованные разошлись по домам. Таким образом, мобилизация в прилегающих к фронту волостях уезда не удалась. Сражавшиеся на фронте отряды и дружины не были подкреплены достаточным количеством свежих сил.

Этим обстоятельством и воспользовался враг. Белогвардейское командование бросило на фронт свежие части. После ожесточенного боя под с. Новодевичьем в ночь на 21 июля наши отряды вынуждены были оставить его и отойти к Сенгилею, чтобы занять свой рубеж обороны на южных подступах к Симбирску.

Но 22 июля от комбинированного удара белочехов со стороны Мелекесса и отборного офицерского отряда с двумя сотнями белоказаков под командованием полковника Каппеля, подошедшего со стороны Сызрани, Симбирск пал.

В результате этого лучшие советские части Сенгилеевской и Ставропольской групп, стойко оборонявшие свои позиции с первых дней чехословацкого мятежа, оказались отрезанными от Симбирска. Связь со штабом обороны Симбирска была потеряна. В Сенгилее создалось весьма критическое положение.

Однако командование Сенгилеевской и соединившейся с нею Ставропольской группы не растерялось. На совещании командиров и коммунистов обеих групп было принято решение оторваться от белых, наступающих со стороны Новодевичья, объединить обе группы под командованием Г. Д. Гая и пробиваться через Сызрано-Симбирский тракт на линию Московско-Казанской железной дороги, к штабу I революционной армии на ст. Инза. Это было смелое и дальновидное решение.

Пароходы и лишнее имущество были затоплены в Волге, часть красноармейского обмундирования и белья была роздана населению. Остальное боевое имущество и солидные запасы продовольствия были погружены на мобилизованные у населения подводы. После полудня 22 июля колонна советских войск численностью около 3.000 бойцов со 100 пулеметами и 12 орудиями, обозом около 600 подвод походным порядком с конной разведкой впереди и охранением на флангах выступила из Сенгилея через село Тушну, и ей предстоял более чем 150-километровый марш. Вместе с нею эвакуировались и Сенгилеевский партийный комитет и исполком Совета.

Все члены партийного комитета уисполкома, все коммунисты взяли оружие и влились в колонну. Заменив винтовку «Гра» на русскую кавалерийскую винтовку, а в придачу к ней получив еще ручную гранату, ушел с этой группой и я вместе с Володей Трубачевым. Трудящиеся города: старики, женщины, дети выстроились вдоль дороги и с грустью провожали нас. На их глазах не было слез, но в их устремленных на нас взорах ясно был выражен вопрос: «Неужели навсегда, неужели не вернетесь?» Мы же, видя это, размахивали фуражками, кричали им: «Мы вернемся, дорогие, мы победим!»

Отход наших отрядов проходил организованно. В селах, мимо которых мы проходили и в которых останавливались на дневках, бойцы не допускали никакого хулиганства или барахольства. Через два—три дня количество подвод в колонне увеличилось. Она растянулась более чем на 10 километров. По пути движения в колонну со всех сторон вливались добровольцы из рабочих и деревенской бедноты, как в одиночку, так и целыми группами. Рабочие цементного завода, Екатериновской суконной фабрики, водники Шиловки, коммунары Тушнинской сельскохозяйственной коммуны, лесорубы Ташлинского лесничества, члены сельских Советов и партийных ячеек, — все они присоединялись к отступающим.

Опрокинув тыловую заставу белых у с. Солдатская Ташла, миновав затем села Суровку, Воецкое, Карлинское, 26 июля группа достигла станции Майна, пересекла железную дорогу и развернулась фронтом на Симбирск.

На следующий день к вырвавшимся из окружения отрядам приехал командующий I революционной армией Востфронта М. Н. Тухачевский вместе с политкомиссаром армии В. В. Куйбышевым. В этот же день ими был подписан приказ о реорганизации Сенгилеевско-Ставропольской группы в регулярную дивизию рабоче-крестьянской Красной Армии с наименованием: «1-я Сводная Симбирская Железная дивизия». Все бойцы и командиры отрядов с энтузиазмом встретили этот приказ. Наименование «Железная» они восприняли как награду за все пройденные ими испытания и как призыв во что бы то ни стало вернуть Советской республике Симбирск — родной город В. И. Ленина.

Командование дивизией принял завоевавший в предыдущих боях высокое доверие и любовь всех бойцов и командиров, человек высокой личной храбрости и отваги, бывший командир Сенгилеевской группы Г. Д. Гай. Был создан штаб дивизии во главе с боевым сотрудником Гая Вилумсоном и политотдел дивизии во главе со старым большевиком Пановым.

Сенгилеевская группа была реорганизована в 1-й Симбирский полк во главе с комполка Воробьевым и комиссаром—старым большевиком-подпольщиком тов. Самсоновым, а Ставропольская группа — во 2-й Симбирский полк во главе с комполка Великановым, комиссаром этого полка был Н. М. Шверник.

В частях дивизии началась подготовка к освобождению Симбирска. Все сотрудники аппарата Сенгилеевского Совета, все отступившие из Сенгилея коммунисты, рабочие и служащие, до этого не состоявшие в отрядах, были распределены по полкам. Мы с Володей Трубачевым были назначены в штаб дивизии на канцелярскую работу. С этого момента и началась моя служба в рядах Железной дивизии.

Технический аппарат штаба дивизии сначала был небольшим — начальник штаба, делопроизводитель, телеграфист, две машинистки и мы с Трубачевым — переписчики.

Дивизия только что формировалась, а полки ее уже вели разведывательные бои с противником. Одновременно с этим для пополнения полков в занятых дивизией волостях началась мобилизация трудового населения и набор добровольцев.

Работали в штабе мы много, с раннего утра до поздней ночи. Дело для нас было новое, совершенно незнакомое. Каждый наш день был до отказа заполнен составлением списков и учетом личного состава дивизии, перепиской по вопросам боевого и хозяйственного снабжения, распределением и экспедированием по частям агитационной литературы, размножением оперативных распоряжений, составлением оперативных и разведывательных сводок, докладов и донесений о ходе формирования дивизии. Вследствие недостатка оперативных карт, особенно трехверсток, нам с Володей часто приходилось заниматься выкопировкой отдельных участков, занимаемых дивизией фронта, или же черчением крок. Я еще в школе любил уроки черчения и поэтому быстро овладел уменьем копировать карты и чертить кроки по наброскам начштадива тов. Вилумсона. Я также научился группировать и сводить в один документ получаемые из полков донесения и разведсводки. Впоследствии эта обязанность с меня была снята, так как в штабе дивизии появились новые работники-специалисты: начальник оперативного отдела и начальник разведотдела.

Но работы у нас не уменьшалось. Наоборот, ее масштаб возрос, так как в дивизию стали поступать новые части из центральных губерний Республики. В первых числах августа в дивизию прибыли сперва Витебский, а затем Московский и Курский полки, Карачевский ка-

валерийский эскадрон и др. Дивизия стала превращаться в сильное боевое соединение, способное решать серьезные боевые задачи. Маленькая железнодорожная станция Майна с небольшим поселком превратилась в бурлящий котел, в большой военный бивуак. На станцию часто прибывали эшелоны с людьми и боеприпасами, беспрерывно лязгали буфера вагонов, раздавался свист паровозов. Тут и там дымились костры.

Наблюдавшие эту картину красноармейцы разместившихся в поселке специальных и хозяйственных подразделений и крестьяне-подводчики восторженно рассуждали: «Ого! Это нам Москва, Ленин шлет подкрепления. Будет теперь белякам крышка» или «Вот какая сила опять разгружается! Это опять Москва о нас заботится! Ну, берегись, белогвардейская шкура!»

Помещений для размещения войск не хватало. Некоторые службы, в частности санитарная часть с дивизионным госпиталем, были размещены на открытом воздухе или в палатках.

Командира дивизии Гая мы видели редко и преимущественно поздним вечером или ночью. Днем же он на своем одноместном автомобильчике с карабином в руках, сопровождаемый ординарцем, вооруженным легким пулеметом «Люис», разъезжал по полкам и их боевым участкам, частенько лично участвуя в разведывательных поисках.

Помню, однажды Гай появился в штабе дивизии днем. Он был как всегда бодр и весел, но на этот раз с забинтованной, висящей на перевязи, рукой. Оказалось, что при объезде боевых участков он со своим ординарцем и шофером наскочил на заставу белогвардейцев. Завязалась перестрелка, в которой он и был ранен. Белогвардейская застава разбежалась, а командовавший ею офицер был убит. Мы с волнением слушали рассказ своего начдива, рассматривали взятую у убитого офицера полевую сумку с документами. Потом, выйдя во двор, мы с Володей с трепетом осмотрели простреленный в нескольких местах кузов автомобиля. Отдав начальнику штаба очередные свои распоряжения, Гай вновь уехал в полки и вернулся лишь поздно вечером, чтобы сменить окровавленную повязку на руке и пару—тройку часов поспать. А ранним утром он вновь был на ногах.

Гай был очень строг и требователен. Он очень береж-

но охранял доброе имя дивизии, доверие и любовь к ней со стороны населения. И когда однажды от пришедших к нему крестьян он узнал о самоуправстве коменданта штаба дивии Сушко, допустившем насилие и мародерские методы заготовки продуктов для дивизии, Гай приказал отдать его под суд. Ревтрибунал дивизии приговорил Сушко к расстрелу.

Иногда у нас появлялось два—три часа свободного времени. Мы с Володей Трубачевым бродили в эти часы по станции и по поселку и наблюдали их бурлящую военными приготовлениями жизнь. Мы подходили к собравшимся здесь и там группам красноармейцев, к кострам и полевым походным кухням, внимательно вслушивались в их разговоры, в соленое словцо в адрес белогвардейцев.

Тогда еще мало было новых революционных красноармейских песен, но народ или переделывал на новый лад старые, или же извлекал из сокровищницы народных песен такие, которые наиболее соответствовали требованиям его души.

Но большей частью мы слышали народные песни историко-героического или бытового характера: «Из-за острова на стрежень», «Вот мчится тройка почтовая», «Гибель Варяга» и др., которые будили в уме новые мысли, а в сердце—новые чувства. Во время прогулок я, например, впервые в своей жизни услышал песню, «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне». Ее содержание потрясло меня и взбудоражило. Вместо далекой Трансваали я представил пылающую в огне войны собственную Родину, а вместо старого бура, отдавшего на борьбу за свободу всех своих сыновей, — свой народ, также не щадящий сил в последнем и решительном бою с вековечными врагами. Вслушиваясь в эти песни, а иногда и подпевая им, сравнивая их с песнями солдат стоявшего в Сенгилее запасного полка старой армии, мы с Володей чувствовали, что через песни и в песнях выплавляются какие-то новые духовные качества, отливается моральный облик нового воина. Вслушиваясь в разговоры бойцов, мы сами пропитывались их думами и настроениями — поскорее покончить с белогвардейским отрепьем.

Иногда мы раздавали красноармейцам агитлистовки, брошюры или газеты, специально для этой цели взятые

нами в экспедиции штаба дивизии. Иногда сами же читали их им вслух.

В газетах часто публиковались стихи революционных поэтов. Когда доходило дело до стихов, то чтение их брал на себя Володя. Он очень любил поэзию и искусно прочел стихотворение Демьяна Бедного «В огненном кольце».

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи! Мы в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода,
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою.

Бойцы слушали чтеца с затаенным дыханием, глаза их горели решимостью хоть сейчас ринуться в бой, чтобы разорвать это огненное кольцо. А когда он кончил, благодарили: «Молодец, паренек».

Используя те же свободные часы, мы находили себе где-либо укромный тенистый уголок и, укрывшись от жары, читали. Помню, в эти дни я прочитал брошюру В. Либкнехта «Пауки и мухи», «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «От утопии к науке» Ф. Энгельса. Правда, не все из прочитанного доходило до меня, многое оставалось пока за пределами моего ума, но главное, общий смысл и дух, основные идеи этих брошюр доходили до моего сознания. Через чтение и в собеседованиях о прочитанном мы расширяли свой кругозор и проникались более глубоким пониманием исторического смысла и важности событий, в которых мы участвовали, проникались сознанием правильности избранного нами пути.

От тревожных дней и бессонных ночей мы сильно уставали физически, похудели, но духом не падали. От общения с бойцами, от бодрого и уверенного поведения начальников и часто бывавших в штабе дивизии командиров частей (я знал в лицо комбрига Павловского, командира полка Воробьева, комбата Устинова, командира кавэскадрона Боревича, начартдива Мироевского и др.) наша энергия в работе не иссякала, а, наоборот, увеличивалась, росла уверенность в скорой победе над врагом, в освобождении Симбирска.

Шли дни. Сила и боеспособность дивизии возрастала.

Возрастал и наступательный порыв среди бойцов.

8—13 августа была предпринята первая попытка выбить белогвардейцев из Симбирска. Но эта попытка оказалась неудачной. Дивизия, сохранив боевой порядок, отошла на новые позиции в район ст. Чуфарово.

Сначала этот отход несколько опечалил бойцов. Дня два они ходили хмурыми, угрюмыми, какими-то притихшими. Но после проведенной в полках разъяснительной работы, увидев, что в этом неудавшемся наступлении мы не понесли серьезных потерь, а, сохранив силы и заняв новые позиции, готовы к новому наступлению, настроение бойцов стало быстро подниматься.

Что касается командования дивизии, то эта неудача не обескуражила его. Закрепившись на новых позициях, командование дивизии в соответствии с планом штаба I армии начало подготовку нового, на этот раз более решительного удара по белогвардейцам, и это почувствовали бойцы Железной.

В штабе дивизии с еще большей энергией развернулась работа по проведению перегруппировки частей, по приему и боевой дислокации вновь прибывших пополнений как из центра, так и за счет местного населения. Именно в этот период в дивизию влились Орловский и Крестьянский полки и большой отряд добровольцев-текстильщиков с Игнатовской суконной фабрики, около 300 человек во главе со своим командиром Дедаевым и с духовым оркестром.

С первых дней сентября мы, рядовые работники штаба, потеряли счет времени. Круглосуточно, почти без отдыха и сна мы помогали своим начальникам в том, чтобы быстро и четко отрабатывать все их распоряжения. Мы не знали дня начала подготовлявшегося нового наступления. Но по возросшему напряжению в работе, по участившимся вызовам в штаб командиров бригад мы чувствовали, что решающий час приближается. Володя Трубачев, более меня начитанный, шутил тогда, перефразируя известные слова К. Маркса: «Бьет двенадцатый час капитализма. Белогвардейскую шкуру скоро будут дубить».

Если мне память не изменяет, в первых числах сентября у нас, в Чуфарове (где на этот раз размещался штаб дивизии), побывал командующий I армией М. Н. Тухачевский с группой своих сотрудников. Мне довелось

видеть его по дороге со станции в штадив, а потом в одной из комнат штаба дивизии, которую занимал Гай. Пробыв в штадиве полчаса, командующий армией вместе с Гаем и сопровождавшими их лицами уехали по полкам. Это была, очевидно, как мне стало ясно потом, личная проверка готовности частей к бою.

А между тем наступательный дух в частях дивизии усиливался. Он стал неудержимым, когда до нас дошло сообщение о злодейском покушении эсерки Каплан на жизнь вождя революции Ленина. Об этом мы, штабники, узнали из телеграммы из Москвы и штаба армии, а вскоре и из поступившего для рассылки по частям очередного номера армейской газеты «Набат революции».

Нашему гневу не было конца. В полках прошли в связи с этим собрания и митинги. До нас доходили слова бойцов, кипевшие ненавистью к врагам и возмущением этим новым злодеянием эсеров, трогательные слова бойцов, выражающие их любовь к Ленину и пожелания ему скорейшего выздоровления. До нас доходили слова их клятвы о готовности отомстить за раны, нанесенные Ильичу.

В эти дни прибавилось работы особенно нашим машинисткам и телеграфисту. Им пришлось много поработать, чтобы передать в Москву, в ЦК партии, Реввоенсовету республики, Ленину, в политотдел армии сыпавшиеся к ним со всех частей резолюции и клятвы.

В эти дни широкие массы бойцов дивизии и мы, сотрудники штаба в том числе, особенно глубоко осознавали общность своих интересов с партией большевиков и с нетерпением ждали приказа о наступлении. И вот желанный день наступил.

С 7 на 8 сентября штаб дивизии работал всю ночь напролет. Не умолкая стучали пишущие машинки и гудели телефоны, рядом за дощатой стеной трещал телеграфный аппарат, беспрерывно приходили и уходили связные, то и дело слышались короткие команды: «Скорей... Скорей... аллюр три креста». Это штаб готовил приказ о наступлении, отдавал последние распоряжения. Несмотря на переутомление, в глазах всех сотрудников и сотрудниц штаба светилась радость, надежда и уверенность, что на этот раз у нас не сорвется, что Симбирск будет освобожден и Советская власть вернется в родной город Ленина, раны вождя будут отомщены.

8 сентября долгожданный приказ о наступлении был оглашен бойцам дивизии. В этот день мы не видели в штабе ни Гая, ни начштадива Вилумсона, ни комиссара дивизии Лившица. Не заходил к нам и начальник политотдела дивизии Панов. Все они разошлись по полкам, чтобы разъяснить боевую задачу каждому бойцу и воодушевить их. Командир дивизии Гай и начальник штаба Вилумсон уточняли исходные рубежи и боевые маршруты полков.

Мы с Володей Трубачевым были включены в состав полештадива и перешли в специально подготовленный для него классный вагон. Что такое «полештадив», мы не знали, но догадывались, что это облегченный полевой штаб дивизии, который по ходу боя должен быть всегда у него под рукой. Мы были рады и горды этим поручением. Нам казалось, что мы непосредственно увидим картину боя, а может быть, будем и его участниками.

Однако картину боя нам наблюдать не удалось, не пришлось участвовать в нем и с оружием. Но его дыхание мы все же чувствовали почти физически и по отдаленному гулу артиллерийской стрельбы, и по боевым донесениям, поступавшим в полештадив, и по оперативным сводкам и донесениям, посылавшимся нами в штабарм.

Наступление началось с рассвета 9 сентября. Для белогвардейцев оно оказалось неожиданным, вследствие чего они, не оказывая большого сопротивления, стали поспешно отходить. Только в районе деревни Ртищево-Каменка произошла серьезная боевая схватка. Здесь противник, окопавшись, пытался задержать продвижение одного из наших полков. Но после непродолжительной перестрелки, закончившейся штыковой атакой, он не выдержал и, оставив на поле боя убитых и раненых, поспешно отошел. К вечеру вагон с полештадивом был переброшен уже на разъезд Выры.

Упорные бои на всех участках дивизии начались с утра 10 сентября и не прекращались весь день. Весь день из разных мест до нас доносилась артиллерийская канонада. Изредка мы слышали и пулеметную стрельбу. Мы чувствовали, что наши полки, очевидно, натолкнулись на серьезное сопротивление белых. Из донесений наших конных разведок и телефонных сводок командиров полков мы узнали, что за ночь белогвардейское командова-

ние подвело из Симбирска на помощь своим, уже потрепанным и начавшим проявлять неустойку, частям свежие резервы.

Особенно упорный бой произошел в середине дня у станции Охотничья. Здесь белогвардейский батальон зарылся в окопы полного профиля, оградил их тремя рядами колючей проволоки, на флангах оборудовал сильные пулеметные позиции. Подступы к окопам были пристреляны вражеской артиллерией.

Когда красноармейцы одного из батальонов 1-го Симбирского полка начали приближаться к окопам врага, они были встречены кинжальным пулеметным огнем и засыпаны шрапнелью. Наступавшие цепи сначала залегли, но потом вновь поднялись в атаку. Враг продолжал упорно сопротивляться и усилил огонь. Атаки с нашей стороны повторились еще и еще раз, но в окопы врага им ворваться так и не удалось.

Тогда комдив Гай приказал бросить на ст. Охотничья продвигавшийся левее 3-й Московский полк. Кроме того, к атаке был привлечен и Интернациональный полк. Эти два полка быстро подошли к указанным им исходным позициям и, изготовившись к атаке вместе с бойцами 1-го Симбирского полка, стремительно бросились на окопы врага. Забросав белогвардейцев гранатами, в рукопашной схватке бойцы Железной уничтожили почти весь оборонявший станцию белогвардейский батальон, лишь немногим удалось удрать. Станция Охотничья стала нашей. В этом бою пало смертью храбрых около 20 бойцов-венгров. Таким образом, кровью бойцов была омыта боевая революционная дружба двух народов — русских и венгров.

Серьезные боевые схватки с белыми произошли в этот день также в районе деревень Бухтеевки, Ивановки, и с. Тетюшское. Бой затих лишь поздно вечером. К исходу этого дня дивизия вышла на рубеж Б. Ключищи — Охотничья—Арская Слобода.

С утра 11 сентября бой возобновился с новой силой. Штаб белых ввел в дело все свои резервы, в том числе офицерский инструкторский батальон. С ним и произошла особенно сильная схватка в районе Винновской рощи, находившейся в полосе наступления 2-го Симбирского полка. Белогвардейцы, как и в районе Охотничья, сопротивлялись ожесточенно. Но бешеное упорство врага

было уже не в состоянии удержать натиска бойцов Железной. Возглавляемые своими закаленными в предыдущих боях командирами и политработниками, они неудержимо рвались вперед. Дело дошло до штыковой схватки, в которой «образцовый» батальон белых был уничтожен полностью.

К вечеру этого дня Симбирск был зажат в стальные тиски Железной дивизии. Ее полки сосредоточились на линии: Кременки—Белый Ключ—Баевка—Сельдинская—Мостовая—Лаишевка, занимая своими передовыми частями Киндяковку, ипподром, Винновскую рощу.

Штурм города начался 12 сентября с рассветом, а в 12 часов дня Симбирск — родина В. И. Ленина — был очищен от наймитов англо-французского и американского империализма — белогвардейцев и белочехов. Над ним вновь взвилось Красное знамя Советов. К вечеру полештадив уже размещался в здании бывшего кадетского корпуса. В ту же ночь сюда перебрался и весь аппарат штадива.

Но борьба за Симбирск еще не была окончена. Она продолжалась около двух недель — очищали от белых заволжские районы.

Бои шли с переменным успехом, но в конце концов 25 сентября при поддержке подошедших в район Симбирска частей V армии из-под Казани белым под ст. Чердаклы было нанесено полное поражение.

28 сентября дивизии представителем ВЦИК членом Военсовета Востфронта тов. Кобозевым было торжественно вручено почетное Красное знамя ВЦИК. Но свидетелем этого торжества я уже не был. Сенгилеевский уисполком отозвал нас с Трубачевым на нашу прежнюю работу в Совет.

* * *

Так по воле партии Ленина, революционной инициативой и энергией рабочих и трудовых крестьян Симбирской губернии на ее полях в беспрерывных боевых схватках с врагами родилась одна из первых регулярных дивизий молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Приятно и радостно сознавать, что и я был винтиком того механизма, который трудился над ее созданием, что в ее рождение заложена капля и моего труда.

За долгие дни и недели первых боевых и славных дел Железной, тревожные дни и ночи я много думал о том,

как-то сложится моя судьба в будущем, что меня ожидает. Думал о том, что стало с моими родными, оставшимися в Сенгилее: отцом, матерью, младшими сестрами и братишкой, о радости предстоящей встречи с ними. И вот я дома, в своем родном городе.

Мать и мои младшие сестры, братишка встретили меня радостно и в то же время в слезах. В доме не было отца. Оказалось, что в отместку всем, кто ушел с красными, белогвардейцы при оставлении города арестовали всех их близких—отцов, старших братьев и в трюме одной из барж, так называемой «баржи смерти», отправили в Самару.

Что мне оставалось делать, как не усилить свое участие в работе по восстановлению разогнанных белыми профсоюзов, по выкорчевыванию припрятавшихся кое-где обозленных белогвардейских прихвостней. Я с головой ушел в эту работу, а вскоре решил всего себя отдать делу большевистской партии, слиться с нею органически. Я подал заявление о вступлении в партию, и 17 октября 1918 г. Сенгилеевским укомом был принят в члены РКП(б).

А рожденная в боях и в пороховом дыму 1-я Сводная Симбирская железная дивизия, переименованная после освобождения ею Самары в 24-ю Самаро-Симбирскую Железную дивизию, продолжала свой боевой путь по тяжелым дорогам гражданской войны. Она громила полчища царского адмирала Колчака в горах Урала и степях Сибири. В 1919 году в районе уральского города Миас мне пришлось еще раз встретиться с бойцами Железной в боевом взаимодействии как красноармейцу 235-го Невельского полка 27-й дивизии V армии.

Потом Железная дивизия громила наемные полчища белопольских захватчиков, громила белофиннов на линии Маннергейма. Она громила немецких фашистских захватчиков на полях Великой Отечественной войны.

Ныне, верная своим славным боевым традициям, она продолжает стоять начеку, зорко охраняя рубежи своей великой Советской Родины.

П. Ф. УСТИНОВ[1]

ОСВОБОЖДЕНИЕ СИМБИРСКА[2]

12 сентября. Утро солнечное, теплое. В синеве неба плавно плыли редкие белоснежные облака. Ветерок легким дуновением гнал их через Волгу в самарские степи.

Первый полк занимал северную окраину ст. Киндяковка, влево к Свияге. За Свиягой видны были одна—две роты Московского полка, главные силы которого были под Конно-Подгородной слободой; еще левее — части 1-го Курского полка.

Правее нашего полка от ст. Киндяковка расположились 2-й Симбирский полк, а за ним на берегу Воложки — Витебский полк.

Наши цепи находились под губительным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем белых. При попытке перейти в атаку мы теряли десятки бойцов. Тогда Гай решил атаковать через Конно-Подгородную слободу.

Я с комиссаром полка Самсоновым находился в передней цепи. К нам подполз бывший командир нашего полка Воробьев, назначенный накануне комендантом города. Он решил вместе с полком войти в город.

Снаряды рвались на ипподроме и левее — позади наших цепей. Пули со свистом пролетали над нашими го-

---

1 Петр Федорович Устинов (1890—1938), бывший командир 1-го полка Симбирской железной дивизии.

2 Из неопубликованного очерка «Железная дивизия», присланного в партархив женой Устинова—Полиной Александровной.

ловами. Красноармейцы лихорадочно отрывали себе окопы.

Было около десяти утра. Я пополз на свой левый фланг в поисках наиболее уязвимого места у противника с целью еще раз попробовать перейти в атаку. Незаметно я вышел на берег Свияги и, не обнаружив перед собой противника, пошел берегом к выселку Туть.

Недалеко от берега Свияги я увидел железнодорожную водокачку. Осторожно пробравшись к последней, я влез на крышу и стал разглядывать из-за деревянной вытяжной трубы погреба окраину Тути. Цепи противника я обнаружил почти у себя в тылу. Они, находясь в окопах, вели ружейный и пулеметный огонь по нашим цепям.

Правый фланг белых не доходил до р. Свияги шагов на двести—триста. Эта их ошибка и помогла нашему наступлению. «Если отсюда сейчас открыть неожиданный огонь в тыл белогвардейцев, то с этой стороны мы ворвемся в выселок Туть почти безнаказанно!» — решил я. Незаметно спустившись с крыши, я побежал берегом обратно, забыв совершенно о боли в раненой ноге. На левом фланге полка я снял пятую роту Евстропова с двумя пулеметами и повел ее в колонне по одному берегом к водокачке. Нам незаметно удалось войти во двор водокачки и расположить на крыше свои пулеметы и красноармейцев. Теперь я уже почувствовал свое превосходство над правым флангом противника и стал действовать еще смелее. Отобрав пятнадцать человек из старых партизан, я почти шепотом сказал Евстропову:

— Мы сейчас проберемся вон до той первой улицы, откуда бросим гранаты, а ты после этого глуши белых пулеметами и ружейным огнем.

— Ой, не выдержим срока, товарищ Устинов, уж больно хорошо мы их обошли!—сверкая глазами, сказал Евстропов.

Красноармейцы, устремив свои взоры на белогвардейцев, беспокойно ерзали по погребу, готовые броситься врукопашную.

— Ш-ш... тише... Без команды не стрелять... Смотри, Евстропов, как только бросим гранаты, крой! — повторил я.

— Есть, товарищ Устинов!

С водокачки мы по одному проскользнули берегом шагов сто и вошли на крайний двор. Потом, перелезая

через соседние заборы, вышли на крайнюю улицу. Из жителей никого не видно. Очевидно, попрятались или еще ночью сбежали в город. Мы, прикрываясь забором, приготовили гранаты. В это время белогвардейцы заметили нашу роту, расположенную на водокачке, и стали загибать свой фланг. Офицеры нервно жестикулировали, очевидно, торопили своих солдат. Но было уже поздно. Я громко скомандовал с таким расчетом, чтобы слышали белые: «Раз! два! три!» Пятнадцать гранат, а за ними следующие пятнадцать, брошенные нами в сторону белых, произвели оглушительный и притом неожиданный для них грохот, хотя наши гранаты и до половины не долетели до цепей. Тут же с водокачки затрещали наши пулеметы и винтовки. Пулеметы строчили без задержки. Белые, не сделав по нас ни одного выстрела, бросились в панике бежать через выселок к ст. Симбирск I, бросая на своем пути снаряжение, патроны, винтовки и прячась по дворам, чердакам и уборным.

До этого сдерживаемые противником, наши цепи поняли, в чем дело, и перешли с криком «ура» на преследование. К 12 часам дня мы уже пробежали Туть и входили в город. Все же противник успел сообщить по телефону на другие позиции о своем поражении под Тутью, чем дал возможность с других окраин города безнаказанно бежать белогвардейским частям к железнодорожному мосту.

Через Конно-Подгородную слободу по пятам отступающих вошел в город Московский полк, а за ним и другие части.

Скоро мы были уже на Венце (Венец — самая красивая часть города на вершине симбирской горы, от сюда открывается чудесная панорама на Волгу).

Тов. Гай с членом РВС I армии — политкомом тов. Калниным влетели в город на своем автомобиле через Конно-Подгородную слободу и, обогнав Московский полк, направились прямо к тюрьме, где освободили всех политзаключенных.

Среди освобожденных оказались бойцы бронепоезда Полупанова и наши лучшие пулеметчики—Литовский и Михайлов. Последние, после ухода еще с Волги из отряда, попали в охрану симбирского железнодорожного моста и при взятии Симбирска белыми были неожиданно арестованы. Всем им грозил расстрел, и вполне есте-

ственно, что радости их сейчас не было предела. Когда заключенные узнали о занятии города Красной Армией и почувствовали свободу, то многие из них от радости плакали.

Михайлов и Литовский, узнав от Гая, где я нахожусь, тут же побежали ко мне. От тюрьмы Гай направился на телеграф, где подал телеграмму на имя Владимира Ильича Ленина.

«Дорогой Ильич, взятие Вашего родного города — это ответ на одну из Ваших ран, а за вторую — будет Самара!»

Как только полки Железной дивизии ворвались в город, последний сразу оживился и принял праздничный вид. Рабочие и трудящиеся со своими семьями высыпали на улицы и радостно приветствовали красных бойцов восторженными криками «ура» и возгласами: «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует Железная дивизия!», «Да здравствует мировая революция!», «Смерть белогвардейцам!»

Ну, и как всегда, самыми активными оказались дети и подростки. Они буквально заполняли все улицы и сопровождали красных бойцов всюду, куда бы те ни пошли, даже тогда, когда тов. Гай направил два полка к Волге. И вот, несмотря на артиллерийский огонь белых, ребятишки не хотели отставать от красноармейцев до самого железнодорожного моста. Только благодаря «родительским» мерам со стороны начальников и красноармейцев их удалось постепенно вернуть обратно.

Встреча со стороны трудящихся города показала нам, насколько дорога народу Советская власть, Красная Армия. Ведь жители города за двухмесячное пребывание белых были терроризированы настолько, что боялись показываться на улицах, а сейчас они — абсолютно свободны. И все же, несмотря на белогвардейский террор и ужасы, чинимые белыми, считаю необходимым здесь отметить одно психологическое явление в сознании рабочего класса и честных трудящихся граждан — это благородное великодушие к слабому. Рабочие пачками приводили попрятавшихся по дворам солдат белой армии к коменданту города товарищу Воробьеву и в штаб дивизии Гая.

На вопрос, почему вы, рабочие, сразу не выдали белогвардейцев, а укрывали их, последние, улыбаясь, как

провинившиеся дети перед своими родителями, отвечали: «Ну, какие они враги, глядите на них, ведь одно недоразумение — темные чуваши и татары, их силой взяли и силой погнали против Советской власти. Вот если бы офицеры — это другое дело». При последних словах в их взглядах вспыхивала ненависть к белым извергам.

Белогвардейское офицерье бежало через железнодорожный мост, но часть их бросилась к пристани, где они садились в первые попавшиеся лодки и, отталкиваясь от берега, удирали на другую сторону Волги.

У большинства лодок весел не оказалось, и видно было, как белогвардейцы, работая саперными лопатами и просто руками, старались скорее добраться до противоположного берега.

Около сотни лодок находилось почти на середине Волги и... все же им не суждено было добраться до берега, так как в это время наш второй батальон спустился к пристаням (батальон Андронова был оставлен на всякий случай на Венце). Я был со вторым батальоном. Увидев удирающих белогвардейцев, подал команду: «По лодкам огонь!» Не прошло и десяти—пятнадцати минут, как все лодки пошли вниз по течению.

А мы, соскучившиеся за такой долгий период по матушке-Волге, долго еще смотрели на ее спокойное течение.

Д. Е. ПЕРКИН[1]

БОРЬБА ЗА СИМБИРСК[2]

10 августа 1918 г. 2-й полк Симбирской железной дивизии с боем вошел в с. Юшанское. Белые отошли в Тетюшское.

В Юшанском моей задачей была организация Совета, арест видных кулаков и т. п. В это время к нам в качестве комиссара полка прибыл тов. Шверник, и мы с ним провели большую работу по приведению бойцов в порядок. Бойцы были измучены, было много истощенных, с побитыми ногами, страдали желудочными болезнями. Околоток был полон. Немало было и симулянтов, несознательных людей. Нам пришлось прямо в приемной врача учредить агитпункт и убеждать сомнительных больных оставаться в строю. Это имело хороший результат.

В это время была занята Охотничья, а 11 августа мы перешли в наступление на Тетюшское. В этом наступлении я был ранен, однако остался в строю. К вечеру выбили противника из Тетюшского и продвинулись до Арской слободы (20 километров от Симбирска), заняв здесь «Белые высоты».

Ночью тов. Шверник послал меня в Тетюшское, где стояли наши тыловые части, поручив мне провести собрание крестьян и выборы в Совет, проверить подвоз продовольствия, организовать выпечку хлеба.

Собрание крестьян затянулось далеко за полночь.

Ночевать я направился на северную околицу села к только что избранному председателю сельсовета.

---

[1] Дмитрий Ефимович Перкин (1899—1938), член Коммунистической партии с 1917 г., бывший политический комиссар I батальона 2-го полка Симбирской железной дивизии.

[2] Из воспоминаний, опубликованных в книге «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936 г.

Утром я проснулся от пулеметной стрельбы... Кое-как оделся и, схватив карабин, спустился с сеновала. Мой хозяин сообщил, что «только что улицей прошли белые с георгиевскими ленточками, которые обстреливают сейчас участок возле церкви», где на островке между речками в вязах стояла наша смоленская батарея.

Смоленцы держались стойко и ружейным огнем сдерживали белых.

Оказалось, что к утру с левого фланга нас обошел георгиевский офицерский батальон.

Я через гумна выбрался к мельницам-ветрянкам на западной стороне села.

К этим мельницам уже сбежались одиночки-красноармейцы, главным образом из хозяйственных команд. Вскоре нас собралось человек 15. Я сорганизовал эту группу, и мы начали обстрел белогвардейцев. Положение смоленцев в это время ухудшилось. Белогвардейцы приближались к батарее и уже выдвинули пулемет на мост перед церковью, готовясь расстрелять эту горсточку героев в упор.

Но смоленцы проявили исключительную стойкость и прямой наводкой стали осыпать белых картечью. Белогвардейцы подались назад.

Часам к 9 у ветрянок неожиданно появился автомобиль с пулеметом, высланный из штаба дивизии с группой бойцов. Пренебрегая опасностью, командир их повернул автомобиль задом, пулеметом вперед.

Бойцы с криком «ура» бросились вперед, а автомобиль задом стал быстро вдвигаться в село, осыпая противника из пулемета. Неожиданный удар в тыл заставил белогвардейцев бежать. Они не успели даже вывезти пулемет, и мы захватили его. Через несколько минут мы соединились со смоленцами и из 3 пулеметов стали бить вдогонку отступающему противнику. Все это время наш полк, стоявший впереди у с. Арского, также отбивал упорные повторные атаки белых, переходя сам несколько раз в контратаки.

В этих боях 2-й Симбирский полк, как и вся Железная дивизия, показал себя уже зрелой боевой единицей.

Однако этот тяжелый бой довел красноармейцев до пределов усталости. Учитывая это переутомление, комдив 12 августа сменил наш полк свежей частью из только что прибывшей на фронт Курской бригады.

Мы ушли на отдых в с. Ивановку. А на другой день произошла катастрофа на фронте бригады. Необстрелянные курские полки под нажимом белых покатились назад, обнажая левый фланг дивизии.

Помимо общего удара через Отраду, белые сделали еще один частичный обход через Елизаветино на Юшанское. Разгромив здесь обозы 1-го Курского полка, белогвардейцы повернули на Тетюшское, где стояли передовые части этого полка, бросив в то же время отряд кавалерии на станцию Выры — в глубокий тыл нашей дивизии. 1-й Курский полк в беспорядке бежал.

Наш отдых в Ивановке не удался, и мы форсированным маршем бросились ликвидировать прорыв, образовавшийся в результате отхода курских полков. В районе Майна—Выры в жестоком бою мы остановили белых. Это облегчило положение 1-го Симбирского полка, находившегося в это время далеко впереди у д. Грязнушки, и позволило ему благополучно отступить.

Первое наступление на Симбирск сорвалось. Дивизия отходила на исходные позиции для подготовки нового наступления.

Вся эта операция показала, что у нас плохо поставлена политическая и военно-оперативная информация о положении дел у противника. Вместе с тем надо было по-большевистски организовать начавшийся среди рабочих и крестьян стихийный подъем против белых. Я просил тов. Шверника отправить меня в тыл противника на нелегальную партийную работу и для доставки информаций о состоянии белогвардейских частей и положении в их тылу.

Комиссары тт. Шверник и Панов одобрили мою идею. Начштаба Железной Вилумсон подробно рассказал мне, какие материалы о численности и дислокации белых частей я должен добывать. Установили, каким образом я буду их сообщать по установленному шифру красному командованию.

С этим планом я был командирован к т. Куйбышеву в Рузаевку, в штаб I армии.

Когда обо мне доложили тов. Куйбышеву, он выразил желание лично беседовать со мной.

Я направился на розыски штабного вагона. Быстро нахожу вагон. На подножке сидит какой-то крупный человек в гимнастерке, ворот расстегнут. Создавшийся в

моем представлении образ Куйбышева как сурового и сухого от постоянного напряжения человека никак не соответствовал простому виду человека, сидевшего на подножке.

— Товарищ, не знаете ли—товарищ Куйбышев здесь?

— Куйбышев—это я,—ответил он просто.

Я смутился от неожиданности встречи. Называю свою фамилию и говорю, что я по такому-то делу.

Прежде чем говорить о главном, он повел общую беседу, спросил, кто я, откуда, какую работу выполнял. Вопросы эти вовсе не звучали экзаменом. Это была хорошая, теплая беседа. Когда я рассказал про последние бои, тов. Куйбышев вставлял реплики вроде: «здорово», «молодцы» и т. п.

Перешли, наконец, на мой план подпольной работы в Симбирске. Здесь тов. Куйбышев особенно обратил внимание на то, что главное—не в разведывательной работе.

— Если вы нам создадите организацию наших рабочих на симбирском заводе, это будет куда важнее и даст гораздо больше, чем если вам удастся добыть какие-либо военные сведения.

Узнав, что я приметный человек в Симбирске и что белогвардейщина там меня знает, он усомнился — смогу ли я обеспечить связь с рабочими.

— Это ведь очень серьезное дело. Может быть, оно окажется для вас в Симбирске очень трудным, и вы провалите и себя и организацию. Не думайте, что я против вашей поездки! Я хочу только, — продолжал он, — обратить внимание на ответственность задачи.

Потом он дал мне несколько советов по конспиративной, организационной и агитационной работе.

— Самое главное в конспирации то, чтобы с вами имела связь очень небольшая группа людей. Старайтесь собирать людей не непосредственно вокруг себя, а через других надежных товарищей, которых вы найдете и которые будут юридически объединяющими лицами. Обеспечьте себе 4—5 человек, с которыми вы будете лично держать связь, и этого будет достаточно. Второе — во всей политической работе исходите из того, что самарская учредилка несет рабочему возврат к царскому режиму и что самарские эсеры — заклятые враги рабочего класса. Вылавливайте, собирайте все факты зверского отношения белых к рабочим и на этом, в первую очередь, стройте

свою агитацию. Противопоставляйте таким фактам отношение белогвардейцев к буржуазии, купечеству и т. п. Раскрывайте классовое лицо «народной армии».

— И еще, обязательно попробуйте установить связь с товарищами, попавшими в плен, попытайтесь наладить помощь им и подготовить бегство... Вы очень молодой,— хлопнул меня по плечу Куйбышев. — У вас нет подпольной закалки... Но раз вы решили твердо, а товарищи мои вас знают... то езжайте.

С этими словами Куйбышев подписал специальный документ о моем направлении. Я получил дополнительные средства и выехал в Алатырь, где в это время находились Симбирский губисполком и комитет партии.

Здесь от тт. Швера и Гимова я получил несколько явок и фамилий рабочих, с которыми я должен был установить связь.

Комитет партии дал мне в помощь еще одного товарища — моего однокашника, гимназиста Муратова.

Из Алатыря я имел еще один разговор с тов. Куйбышевым по прямому проводу. Разговор этот устроил Бюллер, помощник начполитотдела алатырской группы.

Я сообщил кратко Куйбышеву, что получил дополнительные задания и помощь от Симбирского комитета.

— Счастливой дороги, надеюсь на вас, молодой подпольщик!

Я был очень обрадован, что Валериан,—так называли его коммунисты-бойцы, — знает меня и помнит о моих задачах.

Организация нашей переброски была проведена очень хорошо. Мы имели надежные подложные паспорта.

Путь на Симбирск был хорошо знаком: мне — благодаря моему бродяжничеству по губернии, а Муратову —потому, что он был родом из этих мест.

У обоих нас были большие знакомства среди крестьян ряда сел, что мы и использовали. Двинулись мы на Астрадамовку пешком.

Ночевали у своих знакомых и с их помощью избежали встреч с белыми разъездами. Затем всю ночь ехали на подводе через Тимерсяны до Шумовки. Здесь остановились у родственников Муратова.

К ночи его родня поехала на базар в Симбирск, и мы с ними. Ехали в телеге в составе большого обоза крестьян и ехали спокойно. Рано утром вблизи города, возле ка-

зарм, мы соскочили с телеги и вошли в Симбирск, занятый белогвардейцами.

Я удачно пробрался к себе домой, Муратов — тоже. Моя семья пришла в смятение... но делать было нечего.

Первой моей задачей было найти себе конспиративную квартиру. Агроном Сазонов, который числился в почетных гражданах Симбирска, с этой точки зрения не мог вызвать подозрений. У них в доме была светелка, и она послужила базой моей конспиративной деятельности.

Я довольно быстро связался с заводом. Там оставалось несколько коммунистов и сочувствующих нам, адреса которых дал Гимов. Связь с ними я установил через своего отца, который в это время был учителем и путешествия которого за Волгу не могли вызвать никакого подозрения.

Кроме того, мне удалось быстро наладить связь со своим старым товарищем по начальной школе — Фирсовым, сыном сапожника, мобилизованным в белую армию и служившим делопроизводителем в штабе симбирских белых войск. Через него я успел получить сведения о составе войск белых и об организации обороны Симбирска.

Но к моменту нашего прихода в Симбирск Железная дивизия уже начала свое второе победоносное наступление. За небольшой промежуток времени я устроил партийное собрание, в котором участвовало пять человек, помимо меня: Емельянов («Дед Василий»), Глушков, Матросов (трое, адреса которых дал Гимов) и двое новых—слесарь со станции В. Часовня—Колобов и токарь с завода — Афанасьев.

Собрались мы на станции В. Часовня, на квартире «Деда Василия». Здесь я информировал, что подготовляется второе наступление красных войск на Симбирск и осведомился о настроении рабочих. В то время на заводе верховодила группа эсерствующих. Основная масса, активно поддерживавшая Советскую власть, была терроризована и арестована. Было арестовано и расстреляно белыми свыше 100 рабочих завода.

Во время первого наступления, когда артиллерия нашей дивизии громила подступы Симбирска, на заводе был ряд активных выступлений против белых. Была проведена забастовка против мастеров за грубое обращение, она же была использована для агитации против учредил-

ки, для сообщения, что скоро удастся освободиться от белопогонщиков.

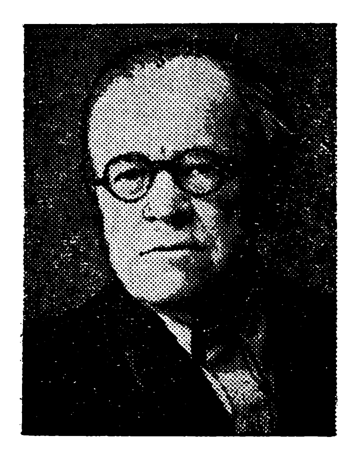
Пятерка большевиков, с которой мне удалось встретиться, активно развернула работу по вербовке рабочих в подпольную ячейку и подготовке вооруженного восстания в тылу белых.

Проверить, насколько это дело было серьезно организовано, мне не удалось, но косвенным доказательством, что кое-что на заводе в этом направлении готовилось, служит быстрое формирование целого красного отряда из рабочих в момент отступления белых из Часовни.

Этот отряд во главе с Гужиковым и Михайловым был влит к нам в качестве 3-го батальона 2-го Симбирского полка. При разговорах с красноармейцами, бывшими рабочими, мне неоднократно приходилось слышать от них, что в момент наступления нашей дивизии на Симбирск рабочие завода готовились ударить в тыл белых.

Больше собраний у нас не было. Победоносное наступление Железной дивизии сделало ненужной подпольную деятельность.

...В 12 часов дня 12 сентября 1918 года Красная Армия вступила в Симбирск, и на Дворцовой улице в час дня я уже обнимал своих товарищей по полку.

П. А. ШУВАТОВ[1]

В РЯДАХ ЖЕЛЕЗНОЙ ДИВИЗИИ

...Утром 21 июля 1918 года наш Симбирский Коммунистический отряд в составе 150 человек вошел в с. Белый Яр, что на левом берегу Волги напротив Сенгилея.

Но теперь наш отряд был уже не таким, каким он выступил две недели назад из Симбирска на Уфимский фронт. Тогда большинство наших товарищей было еще необстрелянными новичками в военном деле.

За время выхода из Симбирска мы прошли походным боевым порядком несколько сот верст. Бои и походы закаляли нас морально и физически. Мы были убеждены, что отступаем временно, что положение изменится и мы будем бить белогвардейщину. В отряде у нас укрепилась воинская товарищеская спайка.

Я крепко дружил со своими боевыми товарищами— симбирскими коммунистами: с другом детства Митей Перкиным, со студентом Болотниковым, с рабочими Островским и Кричевским. Островский был нами выбран командиром, а Кричевский комиссаром отряда. Даже в отряде коммунистов в первое время действовала партизанская выборность начальствующего состава. И командиру и комиссару мы доверяли, и они не раз оправдали это доверие бойцов.

---

[1] Петр Алексеевич Шуватов, член КПСС с 1918 г., бывший политический комиссар 2-го батальона 2-го полка Симбирской железной дивизии. Ныне персональный пенсионер, проживает в городе Москве.

Наш отряд был боеспособной частью. Но общая обстановка заставила нас спешить к Волге.

В с. Белый Яр присоединились к ранее стянувшимся сюда отрядам группы Павловского. В его группе были отряды нижегородских, московских, казанских, козловских, симбирских и других рабочих.

Когда мы прибыли в с. Белый Яр, Павловский уже решил на совещании командиров и активных коммунистов переправляться через Волгу на соединение с отрядами Гая под Сенгилеем.

Связь с Гаем у Павловского, по-видимому, уже была. По отрядам шли приготовления к переправе, хотя мы не знали, как она осуществится.

Во второй половине дня 21 июля мы с левого берега Волги с замиранием сердца следили за неравным героическим боем боевого судна «Дело Совета» с четырьмя белогвардейскими вооруженными пароходами. Балтийские моряки «Дела Совета» меткой стрельбой вызвали немало пожаров на пароходах у белых, но ввиду пробоин на своем судне вынуждены были выброситься на берег.

Однако белой флотилии прорваться мимо Сенгилея к Симбирску не удалось. Мы видели, как с горы — ниже Сенгилея — заблистали выстрелы наших орудий. Прямые попадания заставили белых уйти вниз по Волге.

Героические действия «Дела Совета» и советской батареи обеспечили нашу переправу через Волгу.

В полночь к пристани Белый Яр подошел с потушенными огнями пароход «София».

В течение 30—40 минут все отряды были погружены со всеми пулеметами и орудиями. Две бронемашины, предварительно испорченные, были спущены с крутого берега в Волгу.

Обстановка для переправы была чрезвычайно тяжелой. Волга имела здесь посередине остров, мы находились на Воложке, остров же уходил песчаной косой почти до с. Хрящевки, где были расположены белогвардейцы. Мы прекрасно понимали, что обойти этот остров с косой и выйти на основной фарватер Волги, не подвергнувшись обстрелу белых, чрезвычайно трудно. Но капитан и матросы, ведшие пароход, действовали с исключительной выдержкой и самоотверженностью и тем спасли более тысячи воинов.

После полуночи пароход начал спускаться вниз по

Воложке без огней и без шума, лопасти колес еле двигались. Настроение у всех было напряженное, особенно, когда приблизились к оконечности косы. Ждали, что вотвот от Хрящевки раздастся залп, но белые проспали. Пароход вышел на стрежень Волги, и машины заработали. На рассвете мы причалили к пристани г. Сенгилея.

В это время стала слышна орудийная канонада на той стороне Волги. Вскоре на левом берегу показались солдаты с красными флагами, как потом выяснилось, это были Смоленский отряд и Смоленская батарея, участвовавшие в бою под Мелекессом. Через Волгу, на этот раз через пролив в острове, был отправлен небольшой буксирный пароход, который и перевез вновь вышедших к Волге.

В Сенгилее собралось 18 отрядов, всего до 3000 штыков, неплохо вооруженных, состоявших в большинстве из рабочих, красногвардейцев, обладавших высоким революционным сознанием и прошедших уже немалый путь борьбы с белыми, участвовавших в боях на фронтах.

Уже было известно, что под Симбирском идет бой, но каков исход его—никто не знал. Вдруг около 11 часов утра 22 июля по телефонам из Симбирска стали поступать приказы о сдаче оружия и переходе наших отрядов в подчинение «губернскому командованию». Командование нашими отрядами догадалось, что с ним говорят белогвардейцы и поняло, что г. Симбирск в руках белых.

Белогвардейская сволочь требовала капитуляции. Это стало моментально известно всем отрядам и красногвардейцам. Все в один голос требовали идти на Симбирск и с боем вышвырнуть белогвардейщину из города.

Однако здравый смысл говорил, что наши отряды, будучи отрезаны от других участков советского фронта, не должны рисковать. Поэтому объединенное командование Сенгилеевских и Ставропольских отрядов приняло решение об отходе от Волги в направлении к ст. Инза, в распоряжение штаба I армии.

26 июля наши отряды развернулись в районе ст. Майна, на железной дороге Инза—Симбирск, а 27 июля к нам приехали со ст. Инза из штаба I армии командарм Тухачевский, политкомарм Куйбышев, нач. штаба армии Корицкий. Началась реорганизация наших красногвардейско-партизанских отрядов в регулярную дивизию,

получившую наименование «Симбирская железная дивизия».

В с. Анненково в 2-х верстах восточнее станции Чуфарово был организован штаб дивизии, командиром I Симбирской стрелковой дивизии был назначен тов. Гай, комиссаром дивизии — тов. Лившиц Б.

Отряды Сенгилеевской группы образовали 1-й Симбирский полк, а отряды Ставропольской группы 2-й Симбирский полк, штаб нашего 2-го Симбирского полка расположился в с. Сергиевка. Эти два полка образовали 1-ю бригаду, командиром которой был назначен тов. Павловский. Из всех артиллерийских взводов был создан единый артдивизион с 22 орудиями. Из пулеметных отделений создали дивизионную и полковые пулеметные команды. Из прежних отдельных конных отрядов образовали конную разведку полков.

Реорганизация потребовала большой политико-разъяснительной работы. Анархо-максималисты отряда «левого» эсера Прохорова выступили против «восстановления старого режима», как они демагогически называли реорганизацию, отстаивая изжившую себя вредную партизанщину, с ее своеволием отдельных отрядов и бойцов. Прохоровцы получили должный отпор и вскоре рассеялись.

Батальоны разбивались на роты. Но на первых порах ротами объявлялись прежние отдельные отряды. Так, в 1-м батальоне: 1-я рота составилась из б. Козловско-Нижегородского отряда, 2-я рота—из Симбирского Коммунистического отряда. Во 2-м батальоне: 1-я рота составилась из Московско-Смоленского отряда, 2-я рота—из Казанского татарского отряда.

В силу такого «отрядного» происхождения рот они были вначале неравномерными по численности, но впоследствии это сгладилось.

С момента организации регулярных батальонов и рот полка начались систематические строевые, тактические и политические ежедневные занятия с красноармейцами.

Я, будучи старым солдатом, окончившим учебную команду в старой армии, проводил занятия в ротах не только на политические темы, но и по боевой подготовке и особенно владению винтовкой, по рассыпному строю в бою и т. д.

Все коммунисты отрядов, вошедших во 2-й полк, образовали партийную ячейку. В ней было 120 человек.

Председателем ячейки был комиссар 1-го батальона 2-го Симбирского полка Дмитрий Перкин.

На партсобраниях обсуждались вопросы организации жизни и быта батальона и рот. Политические информации проводились ежедневно на занятиях рот. Красногвардейцы проявляли большой интерес к международному и внутреннему положению страны, принципам построения Красной Армии, интересовались положением на фронтах и особенно на Восточном фронте и нашем Симбирском направлении, предстоящими боевыми задачами дивизии и полка.

Ко времени второго наступления на Симбирск наш 2-й Симбирский полк занимал позиции у сел Анненково, Репьевка, Поповка.

На тактических занятиях тщательному разбору подвергались итоги неудавшегося первого наступления на Симбирск, проводившегося в первой половине августа.

На примере этой неудачи роты и батальоны подготовлялись к новому наступлению.

Комиссар полка Н. М. Шверник требовал от нас, политработников, всемерного укрепления революционной дисциплины в ротах.

Разведка доносила, что противник закрепляется на ст. Майна и в селах вправо и влево от нас. Был лишь один случай, когда бронепоезд противника 28 августа подошел к разъезду Командак, сделал один выстрел по разъезду, разрушив помещение станции. Достаточно нам было сделать несколько артиллерийских выстрелов, как белогвардейский хищник сбежал и ни разу более не появлялся.

В конце августа подонки эсеровского отребья пытались убить из-за угла вождя Великой Октябрьской революции Владимира Ильича Ленина, чье имя было символом борьбы за социализм. Этот подлый акт вызвал взрыв негодования и возмущения среди красноармейцев и командно-политического состава действующей армии.

Все, до единого красноармейца, готовы были немедленно идти в бой с ненавистными белогвардейцами. Собирались митинги по ротам и батальонам. На нашем полковом митинге выступил Н. М. Шверник. Рассказав о международном и внутреннем положении, о ранении вождя революции В. И. Ленина, он призывал красно-

армейцев мстить проклятым врагам народа. На этих митингах красноармейцы и комсостав в едином порыве заявляли о своей верности Советской власти и готовности прогнать всех врагов с Советской земли, требовали немедленно начать боевые действия и овладеть Симбирском, Сызранью, Самарой.

1 сентября тов. Шверник поехал в штаб I армии и оттуда в гор. Москву. Ему удалось добиться от Реввоенсовета республики пополнения нашей дивизии как людьми, а также и артиллерией.

8 сентября 1918 г. был объявлен приказ по I армии и 24-й Симбирской железной дивизии о наступлении с целью овладения г. Симбирском. Этот приказ был обсужден на батальонных и ротных партсобраниях и разъяснен на массовых красноармейских митингах.

Наш 2-й Симбирский полк наступал от с. Березовки через Вязовку, Кадышевку, Репьевку, Каменку, д. Бухтеевку, с. Ивановку на Грязнуху, Белый Ключ, Симбирск.

К 12 часам дня 9 сентября мы уже опрокинули передовые заставы противника. Во второй половине дня наши полки вели бои за основную линию обороны врага.

2-й Симбирский полк очистил от белогвардейских банд Вязовку, Репьевку. Сбивая и гоня противника, к вечеру отбросили его к с. Ртищево-Каменка. Здесь противник дал нам первое серьезное сражение.

В этом селе враг сосредоточил и пехоту и артиллерию и открыл по полку жестокий огонь. Наш полк, разделившись на три группы, повел наступление на село с севера и с юго-запада. Подавив прямым артиллерийским обстрелом пулеметы и пушки противника, мы рассыпным строем бросились вперед, выбили противника из села.

В этот день наступавший левее 1-й Симбирский полк занял ст. Майна, выдержав серьезный бой. Витебский полк вел наступление на село Елшанку и занял его в упорном сражении.

10 сентября дивизия повела дальнейшее наступление.

2-й Симбирский полк имел задачей занять села Бухтеевку и Ивановку. Разведкой было установлено, что оборона этих сел ведется белогвардейским георгиевским батальоном, самым боеспособным у противника.

С утра 2-й Симбирский полк, пройдя рассыпным строем по лесу, вышел на бухтеевское поле. Противник сразу встретил нас огнем пулеметов и артиллерии, а так-

же винтовочным огнем. Видно было, что перед селом были окопы полного профиля с проволочными заграждениями.

Командовал нашим полком тов. Великанов, отличный, преданный Советской власти командир, ставший вскоре коммунистом. С ним неотлучно находился любимый красноармейцами политком тов. Шверник Н. М.

I батальону было приказано обходить село с юго-запада с правого фланга; наш 2-й батальон получил задание вести наступление с фронта и в обход правого фланга противника.

Село Бухтеевка располагалось на западном склоне большой возвышенности. Противник имел хорошую естественную позицию.

Наш полк, проведя артподготовку, расстреляв огневые точки противника, цепями повел наступление и к 2 часам дня занял с. Бухтеевку. Противник буквально бежал на свои запасные позиции в с. Ивановке.

В селе Бухтеевке были взяты в плен двадцать белоармейцев, офицерам удалось сбежать в Ивановку.

Село Ивановка, южнее ст. Охотничья, в 4-х верстах, также располагалось на горе. Перед селом — большой овраг. На берегу оврага, у села, были возведены окопы, из которых не смолкал сильный пулеметный и ружейный огонь.

За селом — лес, а из леса артиллерия противника вела непрерывный обстрел нашего наступающего батальона. Противник оказал нам здесь самое сильное сопротивление за все три дня наступления.

I батальон пошел в обход с правого фланга, в глубокий тыл противника.

Наш 2-й батальон стоял перед окопами врага; мы пытались ударить с фронта, но это не удалось. Тогда комбат тов. Митьков, бывалый унтер-офицер-фронтовик, решает взять село с фланга. Установив пулеметы против окопов противника и вдоль их, наш батальон приготовился к обстрелу позиции противника из пулеметов. Сам Митьков со Смоленской ротой пошел в обход села.

Наш маневр удался. Ивановка была взята. Противник сбит с его ключевой позиции перед Симбирском. Нами было взято в плен 24 белогвардейца, из них 4 офицера. Не ожидавший нашего быстрого наступления, враг отступил к ст. Охотничья.

В это время 1-й Симбирский полк, отгоняя противника от разъезда Выры, приближался к ст. Охотничья. Но ему преграждал путь бронепоезд, который начал бить из всех 4 орудий по полку.

Занятие нашим полком с. Ивановки облегчило 1-му Симбирскому полку взятие ст. Охотничья.

В это же время, к ночи 10 сентября, Витебский полк занял село Ключищи.

В эту ночь Н. М. Шверник объезжал роты, знакомил комполитсостав с дальнейшими задачами дивизии и полка. Он рассказал о неудержимом порыве, с каким наступали всюду части нашей дивизии, и призвал к последнему усилию, за которым будет Симбирск. Слова тов. Шверника вызвали новый прилив наступательной энергии у всех нас — командиров, политработников и красноармейцев. Подъем еще больше увеличился, когда в распоряжение батальона прибыли комбриг Павловский и комполка Великанов. На третий день, 11 сентября, наш полк пошел в наступление с твердой уверенностью в своей победе над белогвардейцами.

Нам предстояло занять с. Грязнуху и деревню Белый Ключ. Утром 11 сентября, пройдя Ивановский лес, наш 2-й батальон увидел, как слева продвигается 1-й Симбирский полк, а на железной дороге бронепоезд противника задерживал продвижение наших полков.

Батарея нашего полка из-за леса несколькими удачными попаданиями принудила вражеский бронепоезд отойти к д. Грязнушке. Это облегчило продвижение и нашего полка на село Грязнуху.

Полки шли сплошными цепями. Противник, видя наступающую лавину Красной Армии, поспешно отходил к линии пригородов Симбирска.

К вечеру на правом фланге были заняты Витебским полком с. Кременки, нашим, 2-м Симбирским полком — Грязнуха и Белый Ключ, 1-м Симбирским полком — д. Грязнушка, с. Вырыпаевка. Левее Московский полк занял с. Баратаевку, а Крестьянский полк—с. Мостовую.

Таким образом, 11 сентября Симбирская железная дивизия заняла последние подступы к Симбирску, взяв его в клещи. Вечером был отдан приказ остановиться и дать дивизии отдых перед штурмом города. Нужно было также подтянуть отставшие резервы и установить огневые позиции артиллерии.

Всю ночь шла боевая и политическая подготовка в полках, батальонах, ротах и всех подразделениях дивизии. Во 2-м Симбирском полку было проведено партсобрание; по ротам коммунисты провели беседы о задачах по овладению Симбирском — родиной В. И. Ленина.

Красноармейцы в полках, воодушевленные победами, рвались в решительный бой с врагами революции, чтобы сбросить их в Волгу. В 6 часов утра был сделан подъем, все были готовы. Задача нашего полка состояла в том, чтобы наступать из с. Грязнухи и Белого Ключа и выбить противника из Винновской рощи и со ст. Киндяковка. При этом мы должны были, зайдя с тыла, сбить бронепоезд противника, стоявший на ст. Киндяковка и мешавший переправе 1-го Симбирского полка через Свиягу.

Витебскому полку, поддерживавшему нас справа, предстояло занять дер. Винновку и, обойдя рощу, выйти к станции Симбирск II.

1-му Симбирскому полку было приказано форсировать железнодорожный мост через Свиягу и наступать на ст. Киндяковка, чтобы во взаимодействии с нашим 2-м полком развить наступление к вокзалу.

С запада и севера на город шли другие полки нашей дивизии.

Наш полк двумя колоннами повел наступление на Винновскую рощу.

Роты наших батальонов шли цепями, сбивая противника с его позиции.

В течение получаса Винновская роща была занята.

В это время I Симбирский полк шел вдоль железнодорожного полотна и, перейдя ж.-д. мост через р. Свиягу, подходил к станции Киндяковка. Белогвардейские и чехословацкие части отходили к окраинам города под прикрытием броневика.

Выйдя на опушку, мы сразу же подверглись жестокому пулеметному и ружейному обстрелу из-за выемки железнодорожного пути, из-за забора ипподрома.

Обороняемая противником линия под Симбирском шла от берега Воложки к Винновской роще, затем—поперек большой Сызранской дороги и потом к берегу реки Свияги, вдоль всей западной окраины города через кладбище до поселка Бутырки. Вся эта линия была укреплена

всеми видами вооружения: артиллерией, пулеметами. В окопах засели георгиевские и офицерские батальоны.

Враг вел обстрел передовых цепей нашего батальона, вышедших на опушку рощи. Наша артиллерия нащупывала огневые средства противника.

Велась взаимная перестрелка. Мы готовились к решительному штурму.

Наша артиллерия обстреливала город, видны были клубы дыма от пожаров на Куликовке, Большой Конной, на Московской улице, на Тутях.

В 10 часов утра начался общий штурм города. Наша артиллерия начала бить по бронепоезду врага и через полчаса заставила противника замолчать.

Бронепоезд снялся и стал уходить на станцию Симбирск II. Окопы противника у ипподрома были разбиты прямой наводкой артиллерии.

Установленные здесь белыми пулеметы были сбиты. Наша артиллерия славно поработала и очистила нам путь для штурма. 1-й Симбирский полк продвигался по Сызранской улице (ныне ул. 12 Сентября), наш 2-й Симбирский полк—по Садовой улице, выбивая белогвардейцев из отдельных дворов и садов.

В рукопашную схватку с противником пришлось нам вступить на углу Гончаровской и Минаевской улиц, где группа белых офицеров пыталась преградить путь нашему полку в подгорье, к пристаням.

Перестрелка продолжалась минут 10. Наконец, наши бойцы с криком «ура» бросились на противника, сбили его и погнали по Петропавловскому спуску к ж.-д. мосту через Волгу.

Одновременно с нашим продвижением по Петропавловскому спуску Витебский полк занял ст. Симбирск II и грозил отрезать противнику пути его отхода. Видно было, как белогвардейское воинство бежало по железнодорожной насыпи, выбираясь на мост, отступая за Волгу.

В 12.30 12 сентября правый берег великой реки Волги под городом Симбирском был очищен от интервентов и белогвардейцев. Родина великого вождя Коммунистической партии — Владимира Ильича Ленина — была освобождена.

Ж. ЛЮДВИК[1]

3-й МОСКОВСКИЙ ПОЛК ЖЕЛЕЗНОЙ ДИВИЗИИ

Я родился в городе Лиепае (Либаве) в семье портового грузчика. По национальности — латыш. Во время первой империалистической войны я вместе с отцом эвакуировался в Россию. В июле 1918 года в 15-летнем возрасте вместе со своими старшими товарищами-земляками я присоединился к отряду латышских стрелков из 6-го Тукумского полка. Отряд следовал из Вологды в Москву. У города Ярославля отряд задержался и принял участие в подавлении бело-эсеровского мятежа. После ликвидации мятежа мы прибыли в Москву и расположились в Александровских казармах. Здесь отряд пополнился новыми добровольцами.

1 августа был получен приказ готовиться к отъезду на фронт. На другой день к нам прибыл В. И. Ленин. Появление Владимира Ильича среди нас, красноармейцев, вызвало бурную овацию и долго не смолкаемое «ура». Двое из латышских стрелков подняли меня и сказали:

— Смотри и запомни, сынок, великого вождя пролетарской революции В. И. Ленина.

Его живой образ навсегда останется в моей памяти. Когда Владимир Ильич Ленин снял свою кепку, поздо-

---

[1] Жанно-Рудольф Эрнестович Людвик, бывший красноармеец 3-го Московского полка Симбирской железной дивизии, ныне работает инженером по строительству в г. Лиепае Латвийской ССР

ровался со всеми присутствующими и начал свою речь, все смолкло, водворилась глубокая тишина, все слушали с большим вниманием. В. И. Ленин говорил о международном и внутреннем положении страны и в заключение сказал: **«И я, товарищи, уверен, что если вы сплотите все военные силы в могучую интернациональную Красную Армию и двинете эти железные батальоны против эксплуататоров, против насильников, против черной сотни всего мира с боевым лозунгом: «смерть или победа!» — то против нас не устоит никакая сила империалистов!»** (В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 23). В. И. Ленин пожелал нам успеха.

Погрузившись в эшелоны, отряд отбыл в Курск. Здесь был произведен дополнительный набор добровольцев в наш отряд. Добровольцы прибыли из разных городов, разных возрастов, профессий и национальностей. Первый батальон, например, комплектовался из русских, эстонцев, белоруссов, украинцев и китайцев, во второй направлялись венгры, австрийцы, часть латышей, в третьем находились русские, латыши, поляки, чехи, немцы и другие национальности.

Я был зачислен в один из взводов 3-го батальона. Командиром взвода был тов. Гурский. Кого только не было среди нас: разговаривали между собой на ломаном русском, пополам с польским и немецким языками. Если кто неправильно выразился, то тут же товарищи поправляли и всем становилось понятно. Песни распевали на всех языках. Все особенно любили петь «Трансвааль, Трансвааль, страна моя родная». Под родным Трансваалем подразумевалась Родина пролетариев всех стран — РСФСР. Командирам, ввиду интернациональности нашего полка, приходилось подавать команду на разных языках. Наш командир Гурский умел подавать команду на русском, немецком и польском языках.

Пополнившийся до 2000 человек наш отряд получил направление на Восточный фронт. Поздно вечером проследовали узловую станцию Инза и поехали на Сызрань. Это был уже фронт. За станцией Барыш железнодорожный мост оказался взорванным. Отряд возвратился обратно на станцию и, выгрузившись из эшелонов, ночью двинулся по левой стороне железной дороги по проселочным дорогам. Меня, как самого юного красноармейца, посадили на орудийный лафет.

Рано утром, когда мы приблизились к деревушке, в полутора километрах от станции Кузоватово, белогвардейцы заметили наше продвижение и открыли из леса артиллерийский огонь. Снаряды стали затруднять наш путь, пришлось всем рассредоточиться. Наши два орудия молчали: не было снарядов. Оружейная перестрелка все больше и больше усиливалась. Когда наша цепь продвинулась к станции, противник ввел в действие бронированный поезд, который открыл сильный пулеметный огонь по нашим рядам. В полдень на правом фланге группе красноармейцев удалось незаметно пробраться по правой стороне железной дороги к белогвардейскому бронированному поезду и связкой ручных гранат подорвать паровоз и тем самым вывести бронированный поезд из строя. Через некоторое время мы заняли станцию Кузоватово, где захватили большое количество винтовок, патронов и, самое главное, снарядов для наших орудий.

На следующий день (12 августа) поступил приказ оставить Кузоватово и возвратиться на станцию Барыш. Возвращались мы пешим порядком вдоль полотна железной дороги. То справа, то слева виднелись суконные фабрики с потухшими топками и бездымными трубами. Вечером перешли речку, над которой висели изуродованные взрывом железные фермы моста. На станции Барыш нас ждал уже под парами поезд. Погрузившись в эшелоны, ночью мы снова проследовали на станцию Инза. Наши эшелоны были переведены на Симбирскую ветку.

После неудачного наступления наших частей на Симбирск мы вынуждены были 14 августа отойти на ст. Чуфарово. Наша часть заняла участок севернее станции.

Здесь в полки, в том числе и в наш, влилось много коммунистов. Прибыло и пополнение из мобилизованных в Красную Армию.

В последних числах августа в Чуфарово прибыл В. В. Куйбышев. Состоялся митинг. Валериан Владимирович поднялся на трибуну. В. В. Куйбышев говорил, что враги рабочего класса — помещики, фабриканты, банкиры, попы — прилагают все усилия, чтобы задушить нашу молодую Советскую Республику, первой порвавшей цепи рабства и насилия. Он объяснил, что с помощью подкупленных белочехов контрреволюции удалось захватить Самару, Симбирск, Казань и другие города, что враг стремится нанести удар на Москву и покончить с рево-

люцией. Они располагают вымуштрованной армией, им на подмогу через Сибирь движутся иностранные интервенты, а с ними помещики и фабриканты. Чтобы противостоять такой силе и выйти победителями, необходимо все наши разрозненные отряды и полки объединить под одним общим командованием, создать могучую регулярную Красную Армию.

Наш отряд, вошедший в состав 1-й Симбирской железной дивизии, получил наименование 3-го Московского стрелкового полка.

Через несколько дней мы получили страшную весть о том, что на заводе бывшего Михельсона эсеры пытались убить В. И. Ленина.

Это сообщение потрясло всех красноармейцев и командиров. Особенно тяжело переживали бойцы нашего 3-го Московского стрелкового полка, ибо большинство из них лично видели и слушали речь великого вождя пролетарской революции перед отъездом на фронт. На следующий день много красноармейцев и командиров вступило в ряды Коммунистической партии (большевиков).

Удержать на месте после этого известия красноармейцев было невозможно. Все рвались вперед, чтобы быстрее расправиться с врагами рабочего класса. Вскоре получили приказ готовиться к наступлению. И вот в ночь на 9-е сентября перед самым наступлением неожиданно исчез у нас начальник конных разведчиков вместе со своим вестовым. Он был штабс-капитаном царской армии. Но наше командование быстро спохватилось и выслало сразу во все направления дозорных. В районе станции Майна наши конники настигли изменника, и в перестрелке он был убит. При нем нашли полевую карту с дислокацией наших частей, с указанием количества стрелков, орудий, боеприпасов и направлений наступления частей Красной Армии на Симбирск.

В 6-00 часов утра 9 сентября полки Первой Симбирской железной дивизии двинулись на Симбирск.

Наш 3-й Московский стрелковый полк двигался севернее полотна железной дороги, ведущей в город.

Стояла сухая погода, шинели были скатаны, винтовки и пулеметы прочищены и смазаны, патронташи набиты патронами, на ремнях подвязаны ручные гранаты, фляги наполнены водой. На полях кругом стояли копны только что сжатого урожая. Это обстоятельство требовало от

каждого бойца особой зоркости. Поэтому впереди двигались дозорные — старые опытные солдаты, а за ними только что прибывшие и наскоро обученные солдаты — молодые красноармейцы. В полдень мы прошли севернее станции Майна. Здесь не было никаких признаков присутствия врага.

На другой день, 10 сентября, под вечер мы были в десяти километрах севернее станции Охотничья. Здесь нам удалось взять в плен двух вражеских солдат.

Поздно вечером нам вместе с 1-м Симбирским полком удалось занять железнодорожную станцию Охотничья, расположенную в 25 километрах от Симбирска. От станции железнодорожная магистраль, извиваясь змейкой через поляну, уходила на восток и скрывалась в лесу. На этой поляне, на противолежащей стороне, и были расположены главные силы белогвардейцев.

Ночь с 10 на 11 сентября пролетела быстро. Не успели передохнуть, как стала заниматься заря. Впереди, за поляной, на краю леса— враг. Зрение и слух были напряжены до предела. Стало светать, сняли секреты. Назначенный командиром полка Гурский, взобравшись на высокую ель, стал изучать в бинокль противоположную сторону поляны, где окопался противник. Здесь им были подготовлены окопы в три ряда, по всем правилам фортификации, а в лесу была замечена кавалерия противника. Установив это, командир Гурский вместе с комиссаром Епифановым обошел залегшую на краю леса цепь красноармейцев, справившись о самочувствии, ободрил всех. Затем Гурский распорядился собрать всех командиров. Он сообщил им, что на этой поляне сегодня произойдет генеральное сражение с белогвардейцами. При этом командир полка предупредил, что противник сильно вооружен. Однако, продолжал тов. Гурский, чешские солдаты не знают, за что воюют против нас, и не хотят воевать, поэтому, несмотря на высокую муштровку, у них не хватает самого главного — стойкости! Наша Красная Армия, состоящая из рабочих и крестьян разных национальностей, идет сражаться с полным сознанием своего пролетарского долга, за освобождение от векового рабства капиталистов и помещиков, за насущный хлеб, за свободу для всех угнетенных, за светлое будущее нашего поколения, за социализм!

Приказываю всем командирам разъяснить всем

красноармейцам боевые задачи сегодняшнего дня! Начальнику снабжения выдать всем дополнительно продукты питания, боеприпасы и перевязочные материалы! — закончил тов. Гурский.

Рассвело. Белогвардейцы стали прощупывать наше расположение артиллерийским огнем, но мы молчали. Белочехи переносили огонь то в глубину леса, то били по самой поляне, где располагалась наша цепь. Но мы упорно молчали. Когда было подтянуто из тыла все, командир Гурский отдал команду: «Все по местам, начинаем атаку. За мной, товарищи! Освободим город Симбирск! Смерть или победа». Все, как один, отозвались на боевой зов командира и бросились на штурм белогвардейских окопов. Противник открыл ураганный огонь, снаряды ложились то впереди, то сзади нашей цепи, образовывая высокие черные столбы земли и дыма. Земля дрожала. Чем ближе продвигались мы к середине поляны, тем яростней становился огонь противника. Временами казалось, что, прижатые пулеметным огнем, мы не сможем оторваться от земли. Но через некоторое время снова все оживало, и мы снова двигались вперед.

Солнце уже стояло высоко, стало припекать, едкий пот резал глаза, хотелось пить, но вода давно кончилась, пережевываешь траву, во рту горчит, и смотришь — тебе протягивает флягу товарищ. Это австрийский немец по национальности. А справа от меня плечистый венгр машет рукой, показывая, чтобы я укрылся в яму. Несколько в стороне видно, как высокого роста познаньский поляк выносит из боя тяжело раненного русского товарища. Все мы люди разных национальностей — братья, боремся за святое общее дело.

Цепь наша медленно, но уверенно продвигается вперед. Бесстрашные командир Гурский и комиссар Епифанов, полусогнувшись, делают перебежки с одного фланга на другой. Правый фланг, двигающийся недалеко от полотна железной дороги, выдвинулся было сильно вперед, но вынужден был приостановить свое продвижение, так как справа из леса на поляну шел на полном ходу бронепоезд белогвардейцев, вооруженный пулеметами и орудиями.

Положение наше становилось тяжелым, белогвардейский бронепоезд открыл огонь прямой наводкой. Белогвардейцы рассчитывали вызвать в наших рядах панику,

заставить нас отступить. Но это им не удалось. Правый фланг, разделившись на две части, отходит от железнодорожного полотна полукольцом, не прекращая обстрела противника. Мы то наступаем, то отходим, то снова идем вперед. После полудня мы достигли середины поляны. В это время бронепоезд белогвардейцев был взят под обстрел нашими полевыми орудиями и стал отходить. Тогда наша цепь поднялась сразу по всей поляне в штыковую атаку, стала теснее смыкать свои ряды. В этот момент бежавший впереди нас командир Гурский упал, раненный в голову. Но ряды наши не дрогнули, командование принял на себя комиссар Епифанов, и через некоторое время мы заняли окопы противника. Белогвардейцы и чехи, отстреливаясь, отступали в лес.

Перевязанный медсестрой командир Гурский снова принял командование. Наступление продолжалось. После четырнадцатичасового боя, уставшие, голодные, черные, как земля, мы прошли лес и за полем увидели впереди очертания города Симбирска. Этот вид как рукой снял с нас усталость и влил в нас новые силы. Командир Гурский с забинтованной головой снова пробегал полусогнувшись по цепи, ободряя своей храбростью уставших красноармейцев. Он говорил: «Товарищи! Цель наша близка, город Симбирск мы непременно с вами возьмем!»

К вечеру белогвардейцы снова оказали большое сопротивление у кладбища. Засевшие здесь белогвардейцы подпустили нас совсем близко и открыли сильнейший пулеметный огонь. В этом жестоком бою мы потеряли самого лучшего пулеметчика полка веселого москвича Васю Рыжова и нескольких товарищей из старых солдат, в том числе двух венгров, одного австрийца и двух познаньских поляков. Ценою больших потерь сопротивление белогвардейцев и белочехов было сломлено.

12 сентября 1918 года утром наш 3-й Московский советский полк вместе с другими полками Железной дивизии вошел в город Симбирск. Мы вышли через Свиягу на Базарную площадь, где имели последнюю перестрелку с засевшими на колокольне белогвардейцами. Около 12 часов дня стрельба в городе прекратилась.

Так навсегда была освобождена родина великого вождя пролетарской революции В. И. Ленина от белогвардейцев и интервентов.

В этот же день под вечер комиссар полка собрал всех красноармейцев 3-го батальона и зачитал телеграмму на имя вождя пролетарской революции В. И. Ленина.

Чтобы открыть выход в Поволжье и к Уралу, мы должны были взять и сохранить железнодорожный мост через Волгу.

Железнодорожный мост у Симбирска был одним из самых больших мостов на Волге. Правый берег очень крутой, левый — пологий, посреди Волги небольшой остров, поросший травой. Днем подойти к мосту было невозможно, так как противник беспрерывно обстреливал все подходы с высокой насыпи и пролетов моста. Ночью мост освещался из прожекторов и заревом пожаров.

В ночь с 13 на 14 сентября у моста сосредоточивались красноармейские полки для форсирования Волги. Сюда подведен был и наш полк. Командир полка Гурский и комиссар Епифанов вместе с другими командирами под обстрелом поднялись к нам на насыпь. Они лично осмотрели мост. Предварительно проверили и разминировали первые два пролета. Провести дальнейшую разведку не давала скрытая на мосту огневая точка противника. Тогда командование дивизии приняло решение обмануть белогвардейцев, засевших на противоположной стороне Волги, и одновременно проверить исправность моста.

Сначала был отдан приказ командиру бронепоезда — выйти на второй пролет моста и открыть из всех 4 пулеметов огонь по восточному берегу Волги. После такой обработки бронепоезд ушел обратно на станцию Симбирск II. На его же место подошел обыкновенный паровоз под парами и стал на время недалеко от моста. С паровоза соскочил средних лет машинист, к нему подошли командир дивизии Гай и еще два командира и спросили: «Все ли готово?»

— Да! — ответил машинист.

Паровоз один, без машиниста, помчался по мосту. Все с напряженным вниманием следили за его ходом, ожидая взрыва моста. Когда паровоз мчался через мост, создавалось впечатление, будто весь мост качается под тяжестью двигающегося с большой скоростью поезда. Грозный грохот движения далеко разносился в ночной темноте над Волгой.

После этого командир Гурский отдал команду — начать штурм моста. Взобравшись под градом пуль на насыпь и распрощавшись с товарищами, наша пятерка вступила на мост. За нами двигалась вторая группа, а за ними—вся 7-я рота, далее—весь третий батальон, потом и весь наш и 2-й Симбирский полки.

Пролет за пролетом проползали мы, держась ближе к металлическим фермам моста, с ручной гранатой наготове в одной руке и с винтовкой в другой. Ползти приходилось с большой осторожностью, чтобы в темноте не провалиться через отверстия, пробитые снарядами в полотне моста. С левого берега шла усиленная стрельба из пулеметов и винтовок. По городу белогвардейцы били из орудий. Чем дальше удалялись мы от берега, тем сильнее пронизывал сырой и холодный воздух, поднимавшийся с поверхности воды. От ползания по полотну моста у всех оказались изодраны колени и локти рук, из них сочилась кровь, руки ныли, но мы упорно ползли вперед.

Приблизительно на середине моста мы обнаружили, что нашим паровозом была раздавлена огневая точка белогвардейцев.

Сколько прошло времени, трудно было определить. Только тогда, когда мы стали замечать огневые вспышки впереди себя из пулеметов, стрелявших прямо в нас, мы заметили, что над нашими головами стало светлее: это кончились темные силуэты металлических ферм моста.

Мост был пройден! Застава белогвардейцев в конце моста частью была размята и уничтожена нашим паровозом, а частью разбежалась. Чем ближе конец моста, тем яснее было видно, где расположены огневые точки противника. По обеим сторонам моста, в ста метрах от нас, за последней фермой, расположенной уже над сухим берегом, белогвардейцы вели огонь из пулеметов и винтовок. Достигнув восточной части моста, мы стали быстро спускаться вниз по южному склону насыпи и скоро оказались у самого берега. Здесь у самой воды мы поползли вниз по течению реки, все время всматриваясь в темноту, где еле заметно выделялся возвышенный песчаный берег, за которым было расположено село Королевка. Вскоре мы обнаружили небольшой овражек, служивший для сто-

ка воды. Белогвардейцы, не замечая нашего присутствия, продолжали обстреливать мост и западный берег Волги.

Нами было получено задание продолжать разведку, пройти глубже в тыл белогвардейцев и пробраться к станции Верхняя Часовня, установить место расположения батарей и выяснить, что делается на самой станции. Мы поползли вперед по канаве гуськом, один за другим. Впереди полз эстонец Грау, за ним познаньский поляк Янекс, вслед за ними автор этих строк, сзади меня латыш Залитис и замыкал движение тов. Отто. Исключая меня, все это были старые фронтовики, не раз ходившие в разведку в тыл противника.

Мы ползли по канаве, тогда как в нескольких шагах от нас с боку стрелял белогвардейский пулемет, поливавший свинцом мост и западный берег Волги. Миновав вражеское пулеметное гнездо, мы заметили по правой стороне изгородь. Поднялись и двинулись вглубь. Липкая грязь, стекавшая с наших насквозь промокших шинелей, затрудняла движение. Пройдя несколько шагов, мы оказались на широкой улице, идущей вдоль берега реки, пересекли ее.

Но, пройдя несколько десятков шагов, мы попали в какое-то заболоченное место и были вынуждены вернуться обратно. Достигнув улицы, мы стали ее осторожно переходить. На другой стороне, у самой изгороди, наш высокий познаньский поляк Янекс задел головой за провод полевого телефона, ведшего вниз по улице. Сняв провод с забора, мы стали двигаться по направлению провода. Вскоре мы заметили двигающуюся нам навстречу группу людей. Мы приготовили гранаты и пошли на сближение. Приблизившись, мы заметили, как у одного из идущих на плечах серебрились погоны. Тут один из наших товарищей крикнул им: «Пропуск». Белогвардейцы ответили: «Пуля». Они потребовали отзыва, тогда Грау ответил: «Петроград» и, как ни странно, угадал. Враги задали второй вопрос: «Кто вы такие? Чехи или словаки?» Тут не выдержал допросов наш Янекс, крикнул: «Бей золотопогонников». Он метнул сразу две ручные гранаты, за ним метнули и другие, раздались сильные взрывы. После этого мы перепрыгнули за ограду.

В это время со всех сторон в панике стали выскакивать белогвардейцы и стрелять друг в друга. От берега по направлению наших взрывов и стрельбы перешел в

атаку наш 3-й батальон, а по линии железной дороги — остальные батальоны. К утру нами было взято в плен много белогвардейцев и трофеев. Отправив пленных через мост в город, наша часть двинулась дальше, вниз по левому берегу Волги на село Красный Яр.

Так в ночь на 14 сентября 1918 года нами была выполнена одна из самых ответственных задач — сохранен железнодорожный мост над Волгой и освобожден левый берег Поволжья, богатый хлебом, которого так долго ждала наша молодая Советская страна.

С. М. ИЗМАЙЛОВ[1]

ДЕСАНТЫ ПОД СИМБИРСКОМ[2]

Контрнаступление белых

Вырвав блестящим ударом город Симбирск из рук белогвардейцев, 1-я Железная дивизия приступила к энергичному очищению от белых правого побережья Волги. Вместе с тем она повела преследование противника вдоль Волго-Бугульминской железной дороги на Мелекесс.

Полковник Каппель, спешивший из Казани со своим отрядом на выручку белых в Симбирске, опоздал. Сосредоточив отступающие из Казани белые войска у пристани Старая Майна, он обрушился превосходящими силами на лёвый фланг красных частей. Соединившись затем с отошедшими из Симбирска белыми частями, он повел упорное контрнаступление с целью, во чтобы то ни стало возвратить г. Симбирск.

Командарм I армии тов. Тухачевский сознавал всю трудность удержания левого берега, имея в качестве сообщения с тылом лишь узкую полоску железнодорожного моста через широкую многоводную Волгу. Поэтому командование решило отвести войска на правый берег и

---

[1] Сергей Маркович Измайлов (1886—1937), член Коммунистической партии с 1917 г., бывший начальник связи штаба Симбирской группы войск.

[2] Печатается по книге «1918 год на родине Ленина». Куйбышев, 1936 г., стр. 301—314.

здесь во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению белых.

К 21 сентября белые заняли левый, а наши части правый горный берег.

Ведя усиленный артиллерийский обстрел города, белые в течение 4-х дней предпринимали неоднократные попытки форсировать железнодорожный мост. Каждый раз их отбивали 3-й Симбирский и Интернациональный полки, стойко оборонявшие переправы через Волгу.

Однако упорство противника росло. Возрастающую опасность необходимо было ликвидировать активными наступательными действиями со стороны красных частей.

Командарм I тов. Тухачевский принял решение использовать те удобства, какие дают извилины Волги.

Волга выше Симбирска делает большой, верст до 25, поворот под прямым углом на восток.

Высадка десанта в глубине этого поворота у пристани Старая Майна сразу создавала угрозу глубокому тылу белых, наступавших на Симбирск.

Именно этим поворотом Волги в свое время воспользовались белые при взятии Симбирска в июле, когда им удалось, перерезав Волгу у Старой Майны, захватить часть пароходов, отступавших из Симбирска. Этими благоприятными условиями района Старой Майны воспользовался и полковник Каппель в начале контрнаступления его на Симбирск.

Теперь тов. Тухачевский решил эти природные условия использовать для разгрома белых, развернув план десантных операций на Волге, которые и имели решающее значение для исхода жестокой борьбы за волжский рубеж. Решено было, помимо десанта у Старой Майны, произвести десант у села Красный Яр, в 10—12 верстах ниже Симбирского моста, с тем, чтобы обоими этими десантами зажать в тиски рвущегося на Симбирск противника.

Однако операция требовала дополнительных сил, а главное — наличия пароходов и транспорта для переброски войск. Пароходов не оказалось, большинство их было угнано белогвардейцами в Самару. План операции был сообщен в штаб Востфронта, и командарм I Тухачевский потребовал срочной присылки волжской флотилии из Казани. Штабом Востфронта план был одобрен, и командование Железной дивизии с помощью прибыв-

ших уже в Симбирск губисполкома и комитета партии приступило к подготовке операции.

Но прошло четыре томительных дня, а флотилии из Казани все не было.

Флотилию задержали в Казани

Исполняющий обязанности командарма V армии Славин, получив указание Вацетиса о серьезном положении под Симбирском, отдал распоряжение правобережной группе войск Вахромеева немедленно идти на помощь I армии, а волжской транспортной флотилии срочно доставить войска в Симбирск.

Вот этот приказ:

«По войскам V армии Восточного фронта № 09 г. Казань. 20 сентября 1918 года.

1. Сведений о противнике не поступало.

2. Командующему правобережной группой т. Вахромееву приказываю: все части правобережной группы с артиллерией и обозами собрать в село Богородское для посадки на пароходы с целью движения на присоединение с Шихранской группой для следования в г. Симбирск. Тов. Вахромееву принять под свое командование Шихранскую группу, которая должна быть собрана в г. Тетюши.

3. Командующему транспортной флотилией немедленно представить все свободные пароходы, которые надлежит подать на пристань в с. Богородское для погрузки частей правобережной группы с артиллерией и обозами и отправки в Симбирск.

4. Оставшиеся части правобережной группы, не погрузившиеся за неимением мест на пароходах, должны немедленно двигаться на г. Симбирск в распоряжение Казанской группы тов. Вахромеева.

5. Командующему Волжской флотилией (военной) т. Раскольникову выслать катера с тралами для обеспечения безопасного движения десанта от с. Богородское на г. Тетюши и далее на гор. Симбирск.

О времени высылки катеров известить командующего правобережной группой Вахромеева.

6. Установить телеграфную связь через г. Тетюши.

7. Об исполнении донести.

Командарм Славин.
Наштарм Андерсон.
Политком Михайлов».

Но в это время под Казанью находился Троцкий. Прежде всего он по взятии Казани, в погоне за популярностью, объявил трехдневный отдых войскам, тогда как обстановка требовала быстрого развития достигнутых успехов. Этот «отдых», размагнитив отдельные части, уже замедлял исполнение приказа Славина. Затем Троцкий, получив от каких-то военных специалистов весьма подозрительное заключение, что фарватер Волги минирован и движение флотилии вниз по Волге небезопасно, отдал приказ, который грозил спутать все карты и ставил под угрозу всю симбирскую операцию.

Он распорядился, чтобы до тех пор, пока боевая флотилия Раскольникова не протралит всю Волгу до Симбирска и не освободит фарватер от заложенных мин, переброски группы Вахромеева не производить. Приказ запрещал движение флотилий, но в то же время ничего не делалось для ускорения траления фарватера. Флотилия же Раскольникова уходила все дальше по Каме, ведя преследование отступающих белогвардейцев. Положение складывалось в высшей степени неопределенное, в то время как в Симбирске командование I армии и губисполком с нетерпением ждали прибытия флотилии с подкреплениями для производства десантов.

Командарм I Тухачевский 21 сентября телеграммой просит командарма V ускорить отправку частей. «Настойчиво прошу Вас посадить правобережную Вашу группу на пароходы, — телеграфирует он, — и экстренно доставить ее в Симбирск...»

На другой день, 22 сентября, тов. Тухачевский в телеграмме главкому Вацетису в Арзамас пишет: «Прошу энергично воздействовать на пятую армию и перебросить их силы на пароходах в Симбирск».

Автор этих строк был тогда помощником командующего Волжской транспортной флотилией. Вместе с Т. И.

Поповым, начальником транспортной флотилии (погибшим впоследствии под Астраханью), мы были убеждены в возможности, а главное, необходимости быстрейшей переброски войск к Симбирску.

Мы быстро подали все свободные суда-пароходы и баржи к пристаням, расположенным ниже Казани, у сел Красноводово и Богородское, куда должны были по диспозиции подойти части Вахромеева.

В группе Вахромеева было несколько тысяч бойцов, и своевременная переброска этого мощного кулака имела решающее значение для судеб Симбирска. Вскоре Вахромеев начал посадку частей на суда. Грузилась пехота, в том числе 1-й и 6-й латышские полки, 2-й Московский полк, артиллерия, кавалерия, обозы. Посадка, начавшаяся ранним утром, шла целый день, и к ночи значительная часть группы была уже погружена. Однако, ссылаясь на категорический приказ Троцкого, Вахромеев отказался отправлять войска в Симбирск до тех пор, пока суда Раскольникова не протралят Волгу и не обеспечат безопасного движения десанта до Симбирска.

— Я не желаю еще раз пойти под суд за неисполнение боевого приказа, — говорил Вахромеев, рассказывая, как вследствие неточного выполнения им одного приказа оказалось неудачным действие его артиллерии при взятии Казани.

К тому же поданных нами буксиров и 5—6 барж нехватало. Требовалось еще по крайней мере три баржи для перевозки артиллерии.

Я переживал часы исключительного волнения и раздражения. Сознавая прекрасно, в каком положении находятся части I армии, взявшие Симбирск, но не имеющие достаточно сил, чтобы удержать родину Ильича и развивать дальнейшие успехи, я вместе с тем переживал особенно остро опасения за судьбу своих товарищей по I армии и Симбирской большевистской организации, с которыми плечом к плечу я боролся с начала организации Советской власти в Поволжье.

Посоветовавшись с Поповым, мы решили действовать на свой страх и риск.

Я с отрядом в 15 человек на глубоко сидящем буксире под вечер пошел вниз по Волге с расчетом разведать, каково положение под Симбирском, установить, действи-

тельно ли минирован фарватер и имеются ли на Волге боевые суда противника, как это сообщала разведка.

Ночью мы уже спускались от Богородска к Тетюшам.

Проходим пристани — одну, другую. Никаких пароходов белых не встречаем. Фарватер также, очевидно, свободен, и наш глубоко сидящий в воде буксир не взлетел на воздух от взрыва мин. Идем с потушенными огнями.

Глубокой ночью подходим к крутым черным берегам возле Тетюшей...

Осенний дождь. Темнота. Пришвартовываемся к пристани. Через несколько минут я и двое красноармейцев взбираемся по глинистому, необыкновенно скользкому подъему вверх в город.

В городе пустынно. Опросив одного гражданина, назвавшегося учителем, узнаем, что в Тетюшах нет ни белых, ни красных и что под Симбирском, очевидно, идет горячий бой. Уже несколько дней оттуда доносится сильная артиллерийская канонада. Шихранская группа, двинутая по приказу Славина к Тетюшам, еще не подошла.

Поспешили на пароход, быстро пошли дальше вниз, к Старой Майне. Здесь артиллерийская стрельба была слышна уже отчетливо. Было ясно, что Симбирск стойко обороняется и что надо спешить на помощь.

Перед нами встал вопрос — что делать? Ехать ли дальше в Симбирск, что с обратной поездкой могло занять целый день, или вернуться в Богородское и доложить, что разведка добралась до Симбирска, никаких мин и пароходов противника нигде нет, что переброска войск вполне возможна и срочно необходима, так как под Симбирском идут упорные бои.

Катер пошел вверх. По дороге мы взяли на буксир пару барж, чтобы ими возместить нехватку транспорта. На рассвете подходим к Богородскому.

Группа Вахромеева все еще стояла на пристани. На штабном пароходе было срочно организовано военное совещание. Я доложил, что считаю переброску войск на транспортах по Волге вполне возможной и что под Симбирском идет горячий бой. Но и на этот раз Вахромеев отказался нарушить приказ о тралении фарватера и плыть с войсками ниже устья Камы. И лишь после долгих настояний согласился на то, что он останется для

завершения погрузки, а я под свою ответственность поведу погруженные уже части в Симбирск.

В этот момент вместо Вахромеева командующим правобережной группы был назначен Матиясевич, и командарм V Блюмберг предложил ему действовать более энергично.

23 сентября был издан решающий приказ:

«Командующему правой группой Матиясевичу. 23/IX-18 г.

Части I армии энергично развивают свой успех в южном направлении от Симбирска. Противник со стороны Мелекесса перешел в наступление. Частям пятой приказано перейти немедленно в наступление по железной дороге на Чердаклы—Бряндино.

Группу правого боевого участка, которая уже погружена на пароходы и находится в Богородском, немедленно двинуть по Волге, высадить в районе деревни Головкино и направить в направлении Чердаклы—Бряндино. По занятии указанных станций телеграфировать штабарм I и уведомить штарм V, продолжая энергичное наступление на Бугульму.

Остальную часть правой группы по мере приближения к Симбирску направлять по железной дороге на присоединение к группе правого боевого участка.

Товарищ Вахромеев остается в вашем распоряжении сроком на одну неделю в качестве вашего помощника. Погруженные пароходы немедленно двинуть на Симбирск, не дожидаясь тралов с катерами, так как путь водный совершенно свободен.

Шихранская группа сосредоточена в Тетюшах, —сделайте на месте распоряжение об отправлении пароходами совместно с частями правой группы.

Командарм Блюмберг.

Политком Кизильштейн.

Наштарм V Андерсон».

Из приказа видно, что командование V армии не совсем ясно представляло себе положение под Симбирском.

Между тем у Симбирска лишь Волга разделяла противников и лишь железнодорожный мост оставался связующим звеном между враждебными берегами. Борьба сосредоточилась вокруг обладания железнодорожным мостом. Симбирск в течение 4 дней находился под обстрелом белых. Белые усиливали свой натиск. Атаки их через железнодорожный мост следовали одна за другой, несмотря на то, что они оставляли массу трупов на мосту.

Город был объявлен на осадном положении. В городе возникли пожары, имели место провокационные грабежи, эсеро-меньшевики пытались вести агитацию на улицах. Создалось напряженное положение, которое могло деморализующе подействовать на бойцов, отбивающих атаки белых.

За водворение крепкого революционного порядка в городе взялись Симбирский комитет партии и губисполком. Передав сформированный в Алатыре 3-й Симбирский полк Пеньевского в состав Железной дивизии, комитет партии приступил к созданию коммунистического отряда, которому надлежало охранять порядок в тылу красных частей.

Была создана коммунистическая рота под командой Олейника. Рота быстро росла, так как в комитет партии ежедневно приходили десятки рабочих и учащейся молодежи, желавших вступить в отряд.

Вот Коля Узюков — ученик землемерного училища. Он вчера только пришел с группой своих товарищей в партийный комитет, а сегодня они уже у батареи. Пригодилось их умение измерять расстояния.

Коммунистическая рота несла патрульную службу в городе. Вместе с работниками ЧК она захватывает обнаруженных белогвардейцев, провокаторов, шептунов. Она ликвидирует пожары. Она же ведет разъяснительную работу среди трудящегося населения под лозунгом:

«Город сдан не будет!»

24 сентября. Противник с особенной яростью обстреливает город. Над городом вздымаются клубы дыма. Горят дома в подгорье, на слободе Туть, на станции Симбирск I.

Наши батареи стойко отбиваются. Войска ждут решающей атаки белых.

С флотилией к Симбирску

Перед рассветом 24 сентября транспортная флотилия двинулась, наконец, из Богородска на Симбирск. Впереди шел наш глубоко сидящий катер. Таково было требование и условие командиров частей, так как войска опасались попасть на мины. Митинговщина и недисциплинированность еще не были изжиты полностью и давали себя знать.

Возле пристани Старая Майна наша флотилия встретила идущий из Симбирска пароход. На сигнал остановиться с парохода в рупор ответили, что положение под Симбирском очень тяжелое и что наши, наверное, «отступят». Некоторые матросы кричали, что «отступление» из Симбирска уже началось.

Это сообщение деморализующе подействовало на наши войска. Красноармейцы стали требовать остановки пароходов и отказались следовать дальше.

«Раз из Симбирска отступают и бегут даже боевые пароходы, то разве можно идти дальше. Мы попадем под обстрел белой артиллерии с берегов и нас всех перетопят», — пошли разговоры в войсках.

Пароходы и баржи остановились. На них шли митинги. Пришлось немедленно принять активное участие в открывшихся дебатах.

После долгих уговоров мне и помощнику Вахромееву удалось все же уговорить красноармейцев двинуться дальше. Мы указывали, что до самого Симбирска нам ничто не угрожает. Двигаться мы будем осторожно, с разведкой, а если возникнет какая-либо опасность, то вовремя остановимся, высадимся на берег и будем продвигаться дальше уже походным порядком.

Флотилия продолжала свой путь вплоть до того момента, когда отчетливо стала доноситься орудийная пальба.

Симбирск, очевидно, оборонялся, и части I армии вели бой. А наши войска категорически отказались сделать хотя бы еще версту в сторону Симбирска. Командиры частей также говорили: «О положении в городе мы не имеем определенных сведений, а производить высадку, не связавшись с симбирским командованием, нецелесообразно». Решено было, что я, как местный работник, спущусь до Симбирска и установлю связь с командованием.

Я согласился на это, взяв слово, что транспорты с войсками не уйдут обратно и останутся на месте ждать результатов моей поездки. Через две—три версты в бинокль стал отчетливо виден симбирский железнодорожный мост. Ясно было видно, что снаряды рвутся как над городом, так и над Часовней, на левом берегу. В этот момент мы увидели стоящую у нагорного берега, знакомую еще по Свияжску, большую баржу-нефтянку под названием «Сережа». На ней были установлены в свое время снятые в Кронштадте с разоруженного крейсера и доставленные на Волгу по Мариинской системе дальнобойные орудия. Но сейчас эта плавучая батарея почему-то не принимала участия в напряженном артиллерийском бою.

Подъехали к «Сереже».

— В чем дело у вас? Почему не стреляете? — кричу я, карабкаясь по трапу на нефтянку.

Оказавшийся знакомым мне по свияжским операциям командир отвечает, что «Сережа» стоял у симбирских пристаней и стрелял по Часовне, но позиция оказалась под сильным обстрелом и белые били по «Сереже» прямой наводкой. Поэтому баржу было приказано отвести несколько вверх, где она и ждала дальнейших распоряжений.

— Кроме того, — говорил командир, — у нас здесь нет наблюдательного пункта, связь же с городом не установлена.

Я доказывал ему, что прекращение стрельбы из тяжелых орудий может неблагоприятно действовать на настроение наших войск и что просто из психологических соображений нужно было бы открыть стрельбу, это ободрило бы части, обороняющие Симбирск.

Командир «Сережи» согласился со мной и через некоторое время возобновил стрельбу, хотя и без точного прицела. В это время подошел ко мне капитан нашего катера и заявил:

— Я и моя команда—люди не военные. Здесь уже падают снаряды, и мы дальше ехать не можем. Освободите нас!

Матросы поддерживают капитана, галдят. Выручили военные моряки с баржи «Сережа». Из них быстро вызвалось восемь человек доставить меня в Симбирск.

Мы разместились на маленьком бронированном посы-

лочном пароходике «Олень» и пошли вперед, к железнодорожному мосту, где рвались снаряды.

К пристаням пришвартоваться не удалось: мешали баржи, стоявшие у всех пристаней. Оказалось, что эти баржи еще до занятия нами Симбирска были подведены белогвардейцами для погрузки артиллерии и военного имущества в случае эвакуации. Но наступление частей Железной дивизии на Симбирск было настолько стремительным, что белые погрузку произвести не успели. Им пришлось утопить несколько орудий в Волге, а баржи так и остались у пристаней.

Пришвартовались к одной из баржей возле пристани «Самолет». Бинокль не обнаружил никого ни на пристанях, ни на набережной. Однако из садов и с горы летели снаряды и пули, где-то близко был слышен треск пулеметов. По набережной часто ложились снаряды.

Ищем кого-либо на пристани. Вдруг из трюма пристани появляется старик, которого я знал как заведующего пристанью еще до эвакуации из Симбирска.

— Что творится в городе, я не знаю. Есть телефон. Звоните в штаб, в кадетский корпус, — предлагает он.

С недоверием беру телефонную трубку. Однако центральная отвечает.

— Соедините с кадетским корпусом, со штабом.

— Готово.

У телефона дежурный штаба Железной дивизии. Прошу к телефону Тухачевского или Варейкиса, так как не знаю, кто из них сейчас в корпусе.

Через некоторое время к телефону подходит Варейкис. Кричу ему в трубку:

— Войска из Казани прибыли.

Предполагая, что мое сообщение может быть подслушано белыми, а также, чтобы ободрить товарищей, я немного преувеличиваю, заявляя, что войска уже высаживаются на пристанях. Я решил, что когда доберусь до штаба, то объясню точнее обстановку.

Машин в штабе нет. Через час за мной прибывает верховая лошадь с ординарцем. Верхом, с винтовкой за спиной, по извилистому шоссе я поднимаюсь на симбирскую гору и думаю, что белые наблюдатели, наверняка, видят меня и с минуты на минуту начнут ловить на мушку.

Мелкий осенний дождь. Холодно. Снаряды рвутся над пристанями и берегом.

Но вот город. Замечаю передвижение мелких частей с пулеметами возле железнодорожного моста.

В штабе Варейкис, Тухачевский. Тут же происходит военное совещание, где детально и практически разрабатывается план десантных операций под Симбирском.

Надвинулся вечер. Шел проливной дождь.

Десанты

Командованием было решено прибывшую правобережную группу Вахромеева вместе с некоторыми частями Железной дивизии высадить у села Красный Яр. Эта группа должна была нанести удар противнику во фланг с юга. Пятый отдельный Курский полк Железной дивизии вместе с частями V армии должны были, высадившись у Старой Майны, обрушиться на противника с севера, нанося удар на Бряндино, т. е. выйти в глубокий тыл белогвардейцам.

Этими операциями предполагалось окружить и полностью уничтожить войска полковника Каппеля.

В организации и осуществлении десантных операций непосредственное участие приняли Симбирский комитет партии и губисполком. На военном совещании было решено, что губисполком выделит группу своих членов, которые отправятся с десантами в целях политической работы.

В ночь с 24 на 25 сентября развернулись решающие события. После военного совещания я немедленно отправился обратно к пристаням. В абсолютной темноте, по колено в грязи, долго разыскивал я свой пароходик «Олень», который должен был ждать моего возвращения. Наконец, разыскал его в узкой щели за двумя баржами, куда моряки спрятались от обстрела с того берега. Моряки сдержали свое слово и не покинули поста.

В эту же ночь все части, предназначенные для десантов, были размещены на судах и двинулись по указанным направлениям.

Тем временем красная артиллерия под командой Мироевского, разместившись на Старом и Новом Венце, повела усиленный обстрел белогвардейских позиций на левом берегу Волги перед Симбирском. 1-й и 3-й Симбирские полки приготовились к труднейшей операции — к штурму через железнодорожный мост.

С десантом, идущим на Красный Яр, отправились член Симбирского губисполкома С. Саблин и член уисполкома И. Долныков. Последний, прекрасно зная местность, должен был руководить высадкой.

Артиллерийский огонь достиг исключительной силы. Подавленные этим огнем белогвардейцы не заметили или не успели обстрелять десантную флотилию судов, прошедшую с погашенными огнями под железнодорожный мост.

Вот и Красный Яр.

Белые были почему-то беспечны и не выслали даже разведки к Красному Яру. Пароход подошел к пристани. Немедленно была выслана разведка в сторону Верхней Часовни и на юго-восток к селу Кайбелы.

Десант с парохода выгрузился быстро. Труднее было произвести высадку с баржей. Пристань была только одна. Решено было подвести баржи прямо к высокому берегу, устроить мостки и произвести высадку.

Тем временем вернувшаяся разведка и подошедшие крестьяне из Красного Яра сообщили, что со стороны Кайбел движется значительная колонна белых.

Надо было спешить с высадкой.

Наконец, весь десант был высажен и выстроен.

Светало. Грохот артиллерийского боя у железнодорожного моста достигал наивысшего напряжения. Белые, очевидно, оправились, так как видно было, что над Симбирском то и дело возникали и таяли облачка шрапнельных разрывов. Усилилась пулеметная стрельба.

Наверное, 1-й и 3-й Симбирские полки пошли через мост — говорили бойцы — скоро что ли мы пойдем?

Вскоре и десант прямиком по нескошенным лугам двинулся к Верхней Часовне.

Красноармейцы говорили:

— Ишь, беляки даже луга скосить не дали крестьянству, разоряют хозяйство...

Противник, державшийся у железнодорожного моста, не устоял и начал оставлять позиции, стягиваясь к Верхней Часовне, а затем к станции Чердаклы.

Красные симбирские полки успешно форсировали Волгу. 5-й Курский полк, связь с которым штаб дивизии поддерживал при помощи аэроплана, высаживался у пристани Старая Майна. Противник был зажат в клещи.

Войска Каппеля бежали в панике, оставляя много

убитых, раненых, пленных, артиллерию и материальную часть.

Прославленный Каппель был разбит смелым маневром Красной Армии.

Белогвардейское командование в своей сводке вынуждено было признать свое поражение.

Курский полк, высадившийся в Майне, успешно продвигался вперед, сбивая части и заставы противника и глубоко обходя белых. 28 сентября станция Бряндино была занята красными войсками.

«Наши части с боем продолжали вчера отход в направлении к станции Мелекесс», — глухо говорила белогвардейская сводка.

Разбитая белогвардейщина откатывалась от берегов Волги.

IV

УКРЕПЛЕНИЕ ТЫЛА. БОРЬБА С КУЛАЧЕСТВОМ И ПОМОЩЬ ФРОНТУ

С. С. КАМЕНЕВ[1]

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ[2]

Это было в те трудные времена, когда армия Колчака нанесла нам тяжелый удар под Уфой и, разбив нашу V армию, стала быстро продвигаться к берегам Красной Волги. Положение на фронте еще более ухудшилось от того, что противник удачным маневром сшиб наши части к югу от Чишмов, и направление Чишма—Симбирск осталось совсем без прикрытия. С большими препятствиями нам, правда, удалось вытянуть на это направление потрепанную и слабенькую бригаду под командой тов. Блажевича. Но противник, прекрасно учитывая нашу слабость на указанном направлении, то и дело наносил истомленной бригаде Блажевича чувствительные удары, вынуждая ее чуть ли не к ежедневным отходам.

Картина вырисовывалась до ужаса ясная. Не оставалось сомнения в том, что именно здесь противник достигнет своей цели и овладеет берегами Волги. В бессильной злобе пришлось отыскивать всевозможные средства, чтобы хотя на время, пока мы не окрепнем на других фронтах, задержать проклятое продвижение врага.

И вот, в эти часы самой трудной и напряженной работы по изысканию сил и средств, в Революционный Военный Совет Восточного фронта явился железнодорожный работник тов. Назаров и предложил сформировать бронепоезд с десантным отрядом. (См. воспоминание Назарова М. Г. — **Ред.**).

Такое предложение в тот момент, конечно, было не

---

[1] Сергей Сергеевич Каменев (1881—1936), с сентября 1918 г. — командующий Восточным фронтом, штаб которого находился в Симбирске.

[2] Из сборника «К четырехлетию Красной Армии». Москва, 1922 г.

первое, и я уже по опыту хорошо был с ними знаком. Авторы предложений сулили полки, а некоторые даже дивизии. Но результаты от этих посулов были очень убогие, так как все инициаторы формирования бессильны были преодолеть обычные затруднения, вроде недостатка лошадей, вооружения, обмундирования и проч. Наученный горьким опытом, я встретил тов. Назарова с некоторым предубеждением, заранее жалея о времени, которое придется потратить на беседу с ним.

Однако я очень скоро должен был признать себя совершенно неправым, а свое предубеждение против тов. Назарова — досадным следствием моего переутомления.

Тов. Назаров оказался совсем необычным организатором. Его затея отнюдь не походила на желание создать какой-либо «лихой» отряд партизан, который, в лучшем случае, можно было бы впоследствии использовать на пополнение строевых частей, а в худшем—он доставлял бы только лишние заботы своей требовательностью и неорганизованностью. Предложение тов. Назарова сводилось к попытке использовать товарищей железнодорожников, как вооруженную силу, чтобы ими усилить слабеющие наши части. Для этой цели он и предложил сформировать бронепоезд с десантным отрядом, причем затребовал два японских орудия с небольшим количеством снарядов и 4—6 пулеметами.

На мой вопрос: «А как же быть с прочими предметами вооружения и снаряжения, без которых трудно сделать бойца?», тов. Назаров скромно ответил: «Этого нам не надо, кое-что из вооружения имеем, а недостающее достанем на фронте, — ведь много раненых, есть и выбывшие из строя. Товарищи уже отправились на фронт и кое-что привезут». Поразительная по тем временам скромность, а равно и разумная мысль использования местных сил и средств для усиления фронта была столь заманчива и явилась настолько отвечающей моменту, что не оказалось никаких препятствий к признанию той самодеятельности самым правильным подходом в создавшейся обстановке, и тов. Назаров немедленно получил разрешение, а также и некоторые средства.

Закончив принципиальные разговоры, я поинтересовался, как представляет себе тов. Назаров работу бронепоезда с десантом. Задавая ему этот вопрос, я далек был от мысли производить ему какой-либо экзамен: я только

интересовался планом работы десанта, которых в то время при наших бронепоездах совсем не было. Объяснения, которые я получил от тов. Назарова, убедили меня в том, что в лице тов. Назарова мы имеем ту одаренную натуру, которую смело можно поставить среди самородков-талантов.

— Прежде всего, — сказал он, — бронепоезд в одиночку работать не может. Эта батарея артиллерийская и пулеметная. Батарею свою я должен выдвинуть вперед и поставить ее так, чтобы вести по противнику продольный огонь. Противник, попав под такой огонь, не выдержит и будет подаваться назад. Тогда пусть наша цепь наступает, а я с бронепоездом продвинусь вперед.

— Правильно, тов. Назаров, — невольно перебил я, — но для чего же тогда нам десант?

— Как для чего, — ответил Назаров. — Без десанта выдвинутый поезд не удержится и вынужден будет отойти. Ведь из каждой деревни в него будут палить и надо из этих деревень выбить противника затем, чтобы делать разведку для следующего передвижения.

Поясняя это, тов. Назаров набросал схемку.

— Кроме десанта, тов. Каменев, — продолжал тов. Назаров, — мне нужно сорганизовать ремонтную летучку, вооруженную пулеметами. Летучку я пущу вперед, она или осветит мне, что путь исправлен, или исправит его. В летучке будет один вагон, вооруженный пулеметами; там же будет часть десанта, ну и, конечно, там же будут ремонтные рабочие и материал. Рабочие будут вооружены. Исполнив свою задачу, летучка уйдет назад, и ее заменит бронепоезд, а летучку будут держать позади на случай, чтобы противник не испортил в тылу полотна да не отрезал бы бронепоезд.

На этом мы закончили свою беседу. Передо мной был новый прием работы бронепоезда и совершенно неожиданно отыскался самородок военного дела.

Уже после того, когда мы разбили Колчака и вновь собрались овладеть Уфой, тов. Назаров приехал и привез с собой рапорт о разрешении расформировать свой бронепоезд, так как задача была им выполнена, а железная дорога особенно нуждалась в рабочих. Разрешение на расформирование поезда ему было немедленно дано, причем я, конечно, поинтересовался, какие боевые задачи и когда выпали на долю бронепоезда.

Тов. Назаров с гордостью сообщил, что общий, решительный переход в наступление на Симбирском направлении был начат выдвижением его бронепоезда, работа которого была именно такою, какую он рисовал мне при первой встрече. Однювременно он показал схемы тех боевых положений, какие поезд занимал в период интереснейших боев нашего наступательного периода.

К глубочайшему моему сожалению, эти схемы у меня не сохранились, а воспроизвести их по памяти я не могу.

По этой причине я вынужден окончить свою заметку.

Почему именно этот эпизод, а не другой захотелось мне запечатлеть в день «воспоминаний»? Дело в том, что самодеятельность является, пожалуй, одной из наиболее ярких черт в истории Красной Армии. В старой царской армии и в армиях других государств самодеятельности не было да, надо думать, никогда и не будет.

На этом небольшом примере я хотел указать, откуда и как эта самодеятельность шла в Красную Армию. Она шла извне, в лице тех одаренных рабочих, которые не могли оставаться равнодушными к деятельности Красной Армии и прилагали все свои силы, чтобы хоть что-нибудь свое вложить в дело борьбы, в которой побежденными остаться было нельзя. В самой же Красной Армии, молодой и полной порыва, эти отдельные начинания даровитых товарищей всегда встречались весьма охотно и по той простой причине, что Красная Армия не имела того казенного трафарета, при котором ничего, кроме кем-то испытанного и одобренного начинания, не могло да и не должно было проникать.

В 4-ю годовщину, в день «воспоминаний» я шлю всем товарищам назаровцам свой пламенный привет и был бы очень счастлив, если бы эти строки дошли до тов. Назарова, о котором здесь идет речь.

М. Г. НАЗАРОВ[1]

ВОЛГО-БУГУЛЬМИНЦЫ В БОРЬБЕ С КОЛЧАКОМ[2]

Осенью 1918 г. Всероссийский исполнительный комитет железной дороги (Викжелдор) командирует меня на линию чехословацкого фронта для организации железнодорожников на восстановление транспорта, создания политического и административного аппарата Волго-Бугульминской железной дороги.

Получив инструкцию, я отправился в Симбирск, установил там связь с губкомом и исполкомом. С тт. Борейко, Гимовым, Фрейманом, Швером наметил план работы на Волго-Бугульминской железной дороге, которая сильно пострадала от контрреволюции и имела большое значение для нашей Республики.

На станции Нижняя Часовня я встретил преданных Советской власти рабочих. Организовал там ячейку нашей партии, то же самое сделал в Киндяковке, Верхней Часовне. Втянул в работу Управление Волго-Бугульминской железной дороги. После районного собрания был создан комитет РКП Волго-Бугульминской железной дороги, который выдвинул стойких товарищей в Дорожный совет и его исполнительный комитет. Среди них в особенности должен отметить тт. Грушенкова, Виноградова А., Лебедева, Барыкина и других.

Тов. Курепова я командировал по линии железной дороги для создания ячеек нашей партии. Вскоре были организованы ячейки в Мелекессе, Нурлате, Бугуль-

---

[1] Михаил Григорьевич Назаров (1879—1932), уроженец Симбирской губернии, в конце 1918 начале 1919 гг. был председателем комитета РКП(б) Волго-Бугульминской ж. д. в Симбирске.

[2] Из воспоминаний, опубликованных в журнале «Былое Урала», изд. истпарта Башкирского обкома РКП(б), № 3, 1924 г.

ме, Кандрах, Чишмах. Я устанавливаю связь с ячейкой Заволжского завода, информирую губком о проведенной работе. Одновременно я высылаю все сведения о положении на транспорте и в Москву Викжелдору. Попутно мы открываем клуб РКП(б) и библиотеку, достаем большое количество книг политического характера от тов. Измайлова. Согласно приказу Реввоенсовета организуем всевобуч.

Под руководством нашей партии на Волго-Бугульминской ж. д. восстанавливается транспорт. Все вагоны и оставшиеся паровозы были отремонтированы и пущены в ход, восстановлена переправа грузов и красноармейских частей через Волгу на баржах, так как волжский мост был подорван белогвардейцами. После осмотра с тов. Куреповым работ, производившихся на волжском мосту, от которого зависело движение ж.-д. транспорта, через губком и губсовнархоз мы достали необходимые материалы для ремонта моста. Таким путем было восстановлено движение поездов через волжский мост по Волго-Бугульминской железной дороге. Наши усилия увенчались успехом. Я, как председатель комитета РКП(б) Волго-Бугульминской ж. д., смело скажу: за январь 1919 г. вывезено хлеба с Волго-Бугульминской ж. д. 1.200.000 пудов, за февраль месяц—960.000 пудов.

Но вот снова надвинулись черные тучи. Из Чишмов идут сведения: Колчак наступает. Тов. Жигмунд, занимавший пост начальника военных сообщений Востфронта, дает мне задание по эвакуации подвижного состава и всего железнодорожного инвентаря. Я немедленно созываю районное собрание членов нашей партии, информирую о создавшемся положении на Волго-Бугульминской ж. д., намечаю план предстоящей работы. На собрании было избрано 20 стойких товарищей для эвакуации и борьбы с саботажем. В броневагоне я с ними приезжаю на ст. Мелекесс, где также провожу собрание железнодорожников с представителями городских и воинских организаций, намечаю план наших работ; после чего, не теряя времени, еду в Бугульму. Здесь узнаю, что противник занял ст. Туймаза. Собираю партийное собрание на ст. Бугульма с представителями укома и гарнизона особых частей. Создается Военно-Революционный комитет.

Мобилизуем отряды коммунистов от уездкома, кото-

рый вливается в железнодорожный отряд, и отправляем на фронт. На ст. Ютаза встречаю в штабе бригады тов. Блажевича, информирую его о создавшемся положении. Тов. Блажевич немедленно использовал наши силы. Часть отряда из боевиков была послана в распоряжение тов. Серебрякова, в его батарею, которая стояла на открытых платформах в поезде, в количестве 5 орудий. Последние не были приспособлены к правильному действию с поезда, поэтому пришлось выполнить довольно сложную техническую работу, чтобы можно было орудия повертывать на платформах. Из второй половины отряда был сформирован головной строительный отряд для восстановления транспорта. Вскоре прибыло небольшое подкрепление, после чего отряд тов. Блажевича вступил в бой с противником. Нужно отдать справедливость, сделал он это очень умело. Под прикрытием артиллерийского огня наши части перешли в наступление. В результате неприятель был отброшен к ст. Кандры и при отступлении сжег мост через реку Ик. Ровно через 9 часов головным отрядом железнодорожников был этот мост восстановлен, и разрушенная ст. Туймаза была в наших руках.

Вот поступают новые сведения: большие отряды белогвардейцев появились в тылу у ст. Ютаза и отрезали путь. Получаем приказ — оставить заставы для связи со ст. Туймаза, а отряду прибыть на ст. Ютаза. Вся бригада поместилась с артиллерией тов. Серебрякова. Прибыли на ст. Ютаза, повернули орудия и открыли огонь по занятым белогвардейцами местностям. Командовал командир Петроградского полка тов. Вострецов. Неприятель был отброшен за станцию Ютаза и укрепился в горах с артиллерией у разобранного железнодорожного полотна. Тов. Блажевич по военным соображениям стал отходить на правый фланг к Белебею, выгружая весь военный инвентарь и артиллерию.

Последним отошел наш коммунистический отряд, уничтожив весь оставшийся подвижной состав на ст. Ютаза. Долго светило огромное зарево пожара от горящих вагонов. Благодаря умелым действиям тов. Вострецова окруженные противником отряды тов. Блажевича и другие части, не потеряв ни одного красноармейца, вышли из кольца.

Сделав маневр, бригада осталась в районе Белебеев-

ского направления. Наш коммунистический железнодорожный отряд, получив задание, отправился в Бугульму, куда прибыл ночью, пройдя не менее 50 верст. Здесь совместно с укомом и Военно-Революционным комитетом были поставлены на ноги все силы, бывшие в Бугульме. Должен отметить энергичное содействие тт. Кучерова, Сергеева, Девяткина и др. по мобилизации сил. Большую работу проделал по эвакуации ж.-д. отряд тов. Гутмана.

Все имеющиеся красные силы дали бой под Бугульмой. Отряд Колчака был отброшен или, вернее, задержан. Учитывая создавшееся положение, после совещания в райкоме железнодорожников постановили: создать головной строительный отряд из рабочих Волго-Бугульминской дороги для восстановления транспорта, что было очень трудно делать, так как приходилось отходить под давлением противника.

Головной отряд был сформирован. На очереди был вопрос о создании бронепоезда, так как ни одного на Волго-Бугульминской ж. д. бронепоезда не было. Выполнение этой трудной задачи я взял на себя. Комиссариат по военным делам действовал правильно и своевременно. Всевобуч на Волго-Бугульминской ж. д. был проведен.

Чтобы создать десантную группу при бронепоезде, я прибыл в Симбирск, собрал районное партийное собрание, сделал доклад о создавшемся положении на Волго-Бугульминской ж. д. На собрании было вынесено решение — создать бронепоезд.

В ту же ночь устроили субботник. Работали до утра, приспособив 4 вагона. Особенно должен отметить работу тт. Тарасова, Осипова и др. Наутро были готовы 2 американских двухосных вагона с двумя стенками и достаточным количеством бойниц как для пулеметов, так и для винтовок. Кроме того, подготовили две платформы для орудий и бронеящики для хранения снарядов и прикрытия команды. Оборудованный таким образом бронепоезд был отправлен в балластный карьер для засыпки песком пространства между стенками.

Я доложил тов. Жигмунду о будущем плане работы и получил одобрение. Наш бронепоезд был еще без орудий, и я отправился в артиллерийский склад, где мне ответили, что все орудия распределены по распоряжению

Реввоенсовета Востфронта. Оказалось свободным только орудие в губвоенкомате японского образца, которое комиссией было не принято для фронта. При выстреле оно сильно сдавало, зарываясь в грунте земли. Это меня нисколько не успокоило. Я отправился в военкомат. Военком разрешил осмотреть орудие, стоящее в парке. Сверх моих ожиданий оказалось, что орудие возможно было на платформе достаточно хорошо приспособить для боевых действий.

Не чуя от радости ног под собой, я явился в Реввоенсовет Востфронта. Ждать пришлось недолго. Серьезное и деловое лицо командующего Востфронтом Каменева подсказало мне, что здесь я добьюсь намеченной цели. Я подробно изложил мой проект относительно приспособления японского орудия на платформе и доказал, что использовать его возможно и очень легко.

Тов. Каменев тут же наложил резолюцию о выделении двух орудий для бронепоезда и пожелал мне успеха. Не могу описать своей радости, — так я был доволен благополучным и скорым достижением цели.

В Управлении Волго-Бугульминской ж. д. я дал наряд о доставке двух приспособленных платформ к пакгаузу и распорядился в райкоме о сборе товарищей на фронт. В губвоенкомате вручил резолюцию командующего Востфронтом Каменева. Через два часа, громыхая, орудия следовали по каменистым улицам Симбирска на погрузку в сопровождении добровольца-артиллериста и пулеметчика с командиром батареи тов. Воронковым и командиром пулеметной роты тов. Бобруйским (с 6-ю пулеметами от Симбирского губвоекомата).

Через час погрузка была закончена, и пронзительный свисток паровоза известил подход поезда к Нижней Часовне, где нас ожидали 60 коммунистов в боевом снаряжении. Были выдвинуты броневагоны с бойницами для пулеметчиков и 5 вагонов для бойцов. Мы напрягли все свои силы и с быстротой, какую только мог развить паровоз, помчались на помощь товарищам. Попутно из ячеек нашей партии по Бугульминской дороге мы увеличивали боевую силу.

На ст. Нурлат был сформирован головной строительный поезд с достаточным количеством квалифицированной силы и материалами. При нем находился санитарный вагон с персоналом и медикаментами, вагон-пекарня

и кухня, месячный запас продовольствия по расчету на 200 красноармейцев и весь необходимый инвентарь, а также достаточное количество телефонов для связи с частями. Одним словом все, что имелось, было двинуто на защиту Рабоче-Крестьянской Республики.

С Волго-Бугульминской железной дороги отпускались, кроме боевого снаряжения, снаряды, патроны, ручные бомбы разного образца и прочее. Бронепоезд прибыл на линию огня Востфронта. В нем насчитывалось по спискам 207 бойцов всех видов оружия при 2-х орудиях, 10 пулеметах, 160 винтовках, 1000 снарядах, 28000 патронах для трехлинейных винтовок, 25 тысячах патронах для пулемета «гочкиса» и 252 ручных гранатах.

В штабе 3-й бригады я встретил политкома тов. Бойнак и Хаханьяна, которых поставил в известность о нашем прибытии. Нужно заметить, что фронт наш был очень слаб. Я немедленно получил приказание выбить противника из деревни Девидеровки. По деревне было выпущено 30 снарядов. Через 20 минут она опустела. Белогвардейцы в беспорядке бежали по разным направлениям. Картину бегства видели наши бойцы. Подъем духа—небывалый.

Я наблюдал за противником, который отошел за пределы артиллерийского огня, но вдруг случилось для нас нечто неожиданное. В 3-х саженях от нашего поезда поднялся столб вихря, это пролетел неприятельский снаряд, затем — справа и слева. Раздалась команда: «Номера по местам!» Поезд был двинут на 50 сажен вперед, и перед нашими глазами появился из-за опушки леса белогвардейский броневик, по которому нами был открыт артиллерийский огонь. Наши артиллеристы стреляли очень искусно. С 2-х снарядов неприятельский броневик был сбит. В это время показалась неприятельская цепь слева. Мы выпустили по цепи 15 шрапнельных снарядов. И все замолкло. Настала тишина. Все же по военным соображениям нам пришлось отойти. Не потеряв ни одного бойца, отбросив и задержав колчаковские отряды артиллерийским и пулеметным огнем, мы отходили в образцовом порядке.

Остановились близ ст. Нурлат, куда прибывают наши подкрепления и откуда тут же отсылаются по флангам. Получаем телеграмму о переходе в наступление, проводим собрание по частям. По призыву командующего

Востфронтом тов. Каменева решили: «Победить или умереть, но дальше не отступать ни на шаг».

Неприятель сосредоточил против нас крепкие силы при поддержке своей артиллерии. После упорного четырехдневного боя мы заставили замолчать колчаковскую батарею. Нами было выпущено 1000 снарядов по неприятельским цепям и заставам. Враг не выдержал напора нашей доблестной Красной Армии и ураганного огня наших броневых сил, был разбит наголову и бежал, преследуемый нашими частями.

Многих товарищей не досчитались мы здесь. Они погибли в бою за рабочее дело. Должен отметить ту гигантскую работу, которую выполнил головной коммунистический отряд и рабочие Волго-Бугульминской и Московско-Казанской железных дорог. Ими был сформирован бронепоезд и головной строительный отряд, который вынес на своих плечах всю тяжесть работы. Кроме активного участия в боях, головным коммунистическим отрядом исправлено и сооружено вновь 16 железнодорожных мостов, исправлено сотни верст железнодорожного полотна, десятки мастерских, водокачек, станций, разрушенных белогвардейцами. По всей фронтовой полосе Волго-Бугульминской железной дороги движение поездов было восстановлено.

Мы встречаем праздник труда—1 Мая в 1919 году под градом пуль и под грохот орудий.

Слава оставшимся товарищам и вечная память погибшим в бою!

Е. В. ГРАЧЕВ[1]

НА БРОНЕЭШЕЛОНЕ М. Г. НАЗАРОВА

К Михаилу Григорьевичу Назарову мы попали так. Наш 1-й сводный Бугульминский коммунистический отряд после ряда встречных боев с колчаковцами у селений Тумутук, Сухояш и др. 1 апреля 1919 года был переброшен в Бугульму.

Руководивший ближайшим участком фронта штаб 3-й бригады 27-й дивизии решил часть нашего отряда влить под начальством А. С. Аманова в десантную команду формирующегося на станции Бугульма бронеэшелона, и с 4 апреля мы перешли в распоряжение командира его — Назарова М. Г.

Среди нас, отрядников, были опытные бойцы, как И. А. Алехин (бывший матрос Балтийского флота), сам А. С. Аманов (бывший унтер-офицер пулеметной команды), Серов И. М. (бывший фельдфебель), но не менее трети было совершенно «зеленых» юнцов 17—19-летнего возраста, это Афонин Т. (слесарь депо станции Бугульма), Александров В. (кузнец депо), Иорданский А. И., Гортинский В. Г., Никифоров В., Турганинов М. и я — бывшие ученики реального и ремесленного училищ в Бугульме. Правда, мы успели за период с 19 марта по

---

[1] Евгений Васильевич Грачев, бывший красноармеец Бугульминского коммунистического отряда, член КПСС, ныне инженер СМУ-12 треста «Татспецстрой» (г. Бугульма).

1 апреля побывать в двух—трех довольно жарких схватках с колчаковцами в Тумутуке и Еланкуле.

В команде Назарова, набранной из симбирских, часовенских, мелекесских и прочих волго-бугульминских дорожников, было много путейцев и слесарей, являвшихся одновременно и бойцами. Они и дрались и восстанавливали пути для бронеэшелонов.

С утра 6 апреля разъездная батарея бронеэшелона уже вступила в действие.

Продвигаясь за Туймазу к Кандрам, мы поддерживали огнем трехдюймовок с платформ наступление пеших цепей бригады на ближние селения.

Железнодорожная линия извивалась по долинам между высокими взгорьями и холмами.

Влево над кручей раскинулось занятое аскинцами[1] Зеитово. Снизу Зеитово охватывали две, одна за другой, наступавшие цепи волжан и петроградцев.

Над Зеитовым клубились и таяли дымки наших шрапнелей.

— Трубка сто тридцать, прицел сто девятнадцать, угол двадцать семь, — нараспев передавал от наблюдателей батарейцам сидевший на мешках вблизи орудий молоденький телефонист, облокотившийся на желтый ящик полевого телефона. От каждого орудийного удара с платформы наша рессорная пульман-площадка подскакивала вверх и вниз. Да и весь «мешковый» бронеэшелон изрядно выплясывал.

Откатка и накатка орудий после выстрелов на платформах производилась вручную здоровенными артиллеристами.

Наблюдатели с биноклями разгуливали по верху настила пульмана или взбирались на стоявшие вблизи линии телеграфные столбы. Провода с них давно были порезаны и свисали вдоль и по сторонам. К полудню Зеитово было взято, и мы перенесли свой огонь вправо — на села Атнагулово и Липовые Ключи, куда наступал наш 241-й Крестьянский полк.

Засевшие там обманутые эсерами ижевцы стянули значительные силы, и атака крестьянцев захлестнулась в оврагах, откуда нельзя было выскочить из-за усиленной пулеметной стрельбы от Липовых Ключей.

---

[1] Аскинский полк 4-й дивизии Колчака.

Били мы с платформ по Атнагулову и Липовым Ключам почти до полной темноты. В густых синих сумерках необычно ярко вспыхивали оранжевые языки из дул орудий. Но стук белогвардейских «максимов» и «кольтов» не прекращался.

Пройти дальше на восток к ст. Кандрам было нельзя: мосты через реки Усень и Чермасан были сожжены и разрушены белоказаками. Сил же на восстановление их у нас не было.

К вечеру разведка донесла, что от Уфы подходит мощный белый бронепоезд «Орел» с шестью стальными броневагонами и вращающимися башнями.

Противостоять «Орлу» наш кустарный бронеэшелон явно не мог. Блажевич и Назаров приказали разведчикам пооснователнее раскидать и попортить пути около Усеньского моста.

За день нам удалось не только провести удары на Зеитово и Атнагулово, но и обогатить свой эшелон за счет остатков назаровского первенца «Ермака», с которым он отгонял колчаковцев от линии железной дороги в течение почти полумесяца.

Ремонтники заново оборудовали подбитые пульманы «Ермака».

Ночью, прекратив атаку на Атнагулово, мы стянулись к ст. Туймазе. 6 апреля Михайловский полк вражеской Ижевской бригады со стороны Чекана пробрался верст за пятьдесят к нам в тыл и перехватил разъезд Каркашлы.

Назаровский бронеэшелон шел пробивать пробку у Каркашлов, и с ним уехало больше половины десантников. Нас они забрать не успели, и мы присоединились к отходившим бойцам Крестьянского полка.

Весь день 7 апреля назаровский бронеэшелон тщетно пытался пробить пробку у Каркашлов.

У ижевцев были опытные артиллеристы. Едва бронеэшелон показался из выемки, как был разбит гранатой бруствер батарейной платформы и основательно задет паровозный тендер.

Подавить огнем с разъездной батареи запрятанные далеко в кустах белые пушки не удалось.

Вражеские шрапнели и гранаты вывели из строя половину артиллеристов, разметали слабенькие шпально-мешковые настилы бронеплощадок и подбили многих де-

сантников. От осколков сверху бронеэшелон был почти беззащитен.

Упрямые Назаров и Блажевич, отведя пострадавший эшелон за выемку, предприняли атаку на село и разъезд Каркашлы силами десанта. Но среди десантников была малообстрелянная и неопытная молодежь. Она не выдержала огня противника, откатилась и жалась к броневику.

Подоспевший на выручку назаровцам 242-й Волжский полк подвергся нападению выскочивших из-за кустов белых лыжников и казаков.

Нападающих удалось отбить, но попытка повторной атаки десанта вместе с волжанами не удалась из-за губительного огня замаскированных в уреме (кустарнике) орудий и пулеметов ижевцев.

Положение создалось невеселое. С востока от ст. Туймазы по горам с обеих сторон (вдоль линии и с северо-востока) в обход нас теснили крупные соединения белобашкирской конницы и аскинцы. Путь отступления на Бугульму был прочно закрыт Михайловским полком.

Сзади от Туймазы уже слышались победные гудки подошедшего к Усеньскому мосту белого бронепоезда.

Кольцо окружения всей 3-й бригады сжималось. Штаб 3-й бригады вместе с Назаровым решил, пока не поздно, отойти назад к ст. Ютазе, сгрузить на подводы с бронепоезда орудия и пулеметы и вывезти все боеприпасы из Ютазы, вагоны и склады сжечь, а бронеэшелон с паровозом пустить с разгона на Ижский мост, чтобы прочнее загородить дорогу белому «Орлу», самим же решено было пробиваться на юго-запад к Бугульме. Весь день 8 апреля мы потратили на то, чтобы, отбивая налеты белобашкирской конницы, разными путями пробиться к Бугульме. Остатки нашего коммунистического отряда попали туда кружным путем через Ремочуговку от станции Дымка. На станции Бугульма мы вновь присоединились к команде М. Г. Назарова.

Неутомимый Назаров с 8 на 9 апреля соорудил в депо станции Бугульма две новые бронеплощадки (пульманы и платформы с мучными штабелями) и установил на них привезенные из Ютазы на подводах орудия и пулеметы с бронеэшелона, пущенного на Ижский мост.

Под Бугульмой 10 апреля 1919 года разгорелся жестокий бой.

Именно о нем есть краткое упоминание в написанном 11 апреля В. И. Лениным письме к петроградским рабочим: «Колчаком взят Воткинский завод... гибнет Бугульма».

10 апреля на рассвете забухали белые батареи. Мы выбегали из вокзала и садились на площадки уже под визг белых гранат, гром разрывов их на путях и под градом осколков.

Укрытые в густом лесу за Макаровой горой и в оврагах батареи белых было весьма трудно нащупать. Мы же для их наблюдателей были как на ладони, поскольку станция была расположена на голой возвышенности. Наши площадки, разъезжая взад и вперед по станционным путям, укрывались за зданиями вокзала и элеватора и били по цепям наступавших белогвардейцев.

Вскоре, установив на крышах высокого элеватора и железнодорожного депо наблюдателей, мы начали небезудачную дуэль с ижевцами.

Охватив город полукольцом с северо-востока и востока, густые цепи ижевцев и спешенного казачья при поддержке мощных батарей полезли в решительную атаку на город. Пулеметы Вострецова и шрапнели с наших площадок, посылаемые через город на Сокольскую дорогу и по-над лесом, заставили их залечь у леса. Но отдельные их группы скапливались под взгорьями и выползали в город из овражков, по коим тек Бугульминский Ключ.

К вечеру наше положение резко ухудшилось. Тот же самый Михайловский полк, что создал пробку у Каркашлов, прорвался оврагами на Карабашскую дорогу и затем к Хакимовскому лесу, почти замкнув кольцо окружения.

Заметив это, Назаров выслал одну площадку к Хакимовскому лесу, которая картечью и пулеметным огнем рассеяла ижевцев. Это позволило уцелевшим отрядам и полкам 3-й бригады вырваться из окруженной Бугульмы.

Отступать пришлось до Мелекесса. Не один раз Михаил Григорьевич терпеливо и настойчиво заменял разбитые или погибшие в окружении бронелетучки новыми, то организуя их изготовление в депо станции Мелекесс и Верхней Часовни, то просто поднимая домкратами пущенные вчера им же под откос пульманы, снаря-

жая и вновь ставя их на рельсы. Не раз пополнялись более чем наполовину составы полков героической 3-й бригады.

Но вот пришло долгожданное известие о переходе в генеральное наступление по всему фронту. Приказ был подписан М. В. Фрунзе.

Под 1 мая 1919 года Назаров вновь появился в Симбирске. Вместе с агитаторами губкома и политотдела штаба Востфронта он созвал в железнодорожном клубе на Киндяковке многолюдный митинг железнодорожников.

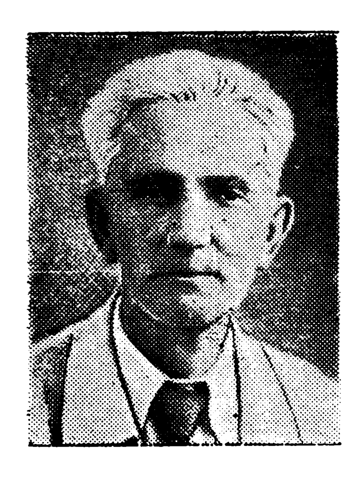
«Колчак не подойдет к Волге! Не пустим!» — так было решено и единодушно сделано.

Вновь закипела работа в мастерских Киндяковки и Верхней Часовни. За два дня, 2 и 3 мая, был построен новый капитальный бронепоезд из шести броневагонов с вращающимися башнями.

Поворотные и угловые установки были откованы вручную в кузницах вагонных депо. В башнях были установлены трофейные японские гаубицы и мортиры. Мортиры были весьма нужны для ведения огня на короткие дистанции и по закрытым целям.

Бронепоезд был обильно снабжен пулеметами и всеми огневыми средствами. В честь Михаила Григорьевича бронепоезд получил имя «Назаров». Губком и Симбирский горком РКП(б) вместе со штабом Востфронта выделили свыше 300 человек добровольцев-коммунистов, рабочих и красноармейцев.

Вместе с новоприбывшим из Москвы могучим бронепоездом «Розой Люксембург» бронепоезд «Назаров» сыграл решающую роль в разгроме колчаковцев в жестоком бою под Мелекессом 4—7 мая 1919 года.

Н. М. АСТАХОВ[1]

ИЗ ЗАПИСОК ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИССАРА

В трудное для Советской Республики лето 1918 г. я работал помощником машиниста на Московско-Курской железной дороге. Рабочие, возглавляемые коммунистами, самоотверженно боролись за поддержание транспорта.

В сентябре 1918 г., когда Красная Армия перешла в решительное наступление на Восточном фронте, сразу и резко увеличилась протяженность железнодорожной советской территории. Между тем интервенты и белогвардейцы, отступая, безжалостно разрушали народное достояние и в первую очередь железные дороги, рассчитывая этим задержать наступление советских войск и помешать налаживанию хозяйственной жизни в советском тылу.

В этой обстановке от Наркомпути и коммунистической фракции Викжелдора поступил призыв к рабочим и коммунистам нашей дороги ехать на восточные железнодорожные линии. С нашего участка перебрасывались 4 бригады вместе со своими паровозами. Вначале все четыре бригады предназначались для вывоза хлеба из-под Бугульмы. Но, по прибытии нашем в Симбирск, двум

---

[1] Николай Максимович Астахов, член КПСС с 1917 г., бывший политический комиссар железнодорожного участка Симбирск—Инза, ныне персональный пенсионер, проживает в г. Ульяновске.

бригадам, в том числе и моей, было приказано остаться на Московско-Казанской ж. д. — на участке Симбирск — Инза. Этот участок приобрел большое военное и хозяйственное значение. Он важен был и для обслуживания наступающей Красной Армии и для подачи хлеба в центр страны. Об оставлении наших двух бригад в Симбирске просили и начальник участка инженер Фельснер и командование I революционной армии. Наши два мощных паровоза серии «Щ»—«Щука», как называли эту серию рабочие, явились своевременным и нужным подспорьем для участка Симбирск—Инза, сильно пострадавшего от белогвардейских диверсий.

После отступления белых, на М.-К. ж. д., в районе Симбирска, осталось всего два паровоза. Путейское хозяйство было разрушено. Жезловой аппарат врагами был испорчен. Маневровый паровоз был вогнан белогвардейцами в поворотный круг, а сам круг поломан. Многие железнодорожники, особенно паровозники, были интервентами насильственно угнаны при отступлении из Симбирска. Небольшая часть железнодорожников, поддавшись провокациям меньшевиков, ушла с белыми добровольно. Но надо сразу же сказать, что большинство как угнанных, так и добровольно поехавших с белыми вскоре же стало возвращаться. Большая группа паровозников, воспользовавшись паникой среди интервентов на ст. Мелекесс, бежала от них, приведя в негодность паровозы. Бежавшие, пройдя пешком около 100 верст до села Белый Яр, Волгой вернулись в Симбирск, занятый Красной Армией.

Забегая вперед, должен сказать, что после необходимой проверки мы радушно принимали возвращавшихся от белых. Им сразу же предоставлялась работа, создавались необходимые условия.

Позднее, в 1919 г., когда в Симбирск прибыл Председатель ВЦИК М. И. Калинин, он, беседуя с железнодорожным активом, одобрил нашу линию в отношении возвратившихся от белых.

— Они — пролетарии, помните это прежде всего! — говорил Михаил Иванович. — Они наши братья по классу и не могут быть нашими врагами. Если же они временно заблудились, то скоро разберутся. А вы им помогите в этом!

И действительно, большинство увезенных белыми, воз-

вращаясь, коротко, но выразительно объясняли причины их перехода на советскую сторону: «Там не наша партия!»

Испытав на себе белогвардейский режим, его антирабочую политику и террор, они, как правило, работали с душой, давали образцы повышения производительности труда, стараясь честным трудом искупить свой вольный или невольный грех перед Советской властью.

С самого начала работы на железной дороге в Симбирске я связался с коммунистической ячейкой района станций Симбирск I и Киндяковка. В партийной ячейке было человек 12. Помню товарищей Тамарова, Курочкина, Мазова П. Ф.

Коммунисты вели большую работу по выявлению и преодолению саботажа по линии. Однако они нередко подменяли в этом деле функции ЧК и мало выступали в качестве политических вожаков масс.

Мною на повестку очередного собрания был вынесен вопрос о мерах налаживания железнодорожного хозяйства. Этот вопрос всколыхнул членов партии, вызвал горячие прения, на собрание пришли беспартийные. Решено было в первую очередь призвать рабочих к упорядочению хозяйства на ст. Симбирск I.

Инициатива коммунистов, вышедших на сверхурочную работу по ремонту поворотного круга, была активно поддержана и подхвачена большинством коллектива рабочих ремонтного депо, где работало до 120 человек. Через неделю поворотный круг был исправлен, а извлеченный из него паровоз был поставлен на ремонт в депо.

Некоторое улучшение порядка на станциях Симбирск I и Киндяковка имело большое значение. Пропуск поездов на фронт, а из Бугульмы маршрутов с хлебом для Москвы и Петрограда усилился. Но этого улучшения было недостаточно.

Зима с 1918 на 1919 г. на восточных железных дорогах была исключительно тяжелая. К тяжелым объективным трудностям, вызванным войной (изношенность паровозного и вагонного парка, недостаток топлива), и небывалым снежным заносам присоединилось еще падение трудовой дисциплины среди значительной части рабочих. Составы застаивались по нескольку суток из-за неосмотра их, запоздания бригад, прицепки и отцепки,

невнимательного отношения к делу осмотрщиков и смазчиков.

Коммунистическая партия и руководимые ею профсоюзы развернули большую работу по выработке нового отношения к труду, по воспитанию новой социалистической дисциплины. Однако общие трудности, особенно нехватка продовольствия, делали борьбу за повышение дисциплины и производительности труда особенно тяжелой.

Трудностями пользовались в своих целях классовые враги. Многочисленные еще, особенно среди железнодорожного технического персонала, белогвардейские и эсеро-меньшевистские элементы вновь активизировали свой саботаж, стремясь разрушить вконец транспорт Советской Республики.

Объявленная правительством в октябре 1918 г. милитаризация железных дорог, затем введение товарищеских и дисциплинарных судов, переход к сдельной и премиальной оплате труда, — все эти меры имели огромное значение для упорядочения положения на железнодорожном транспорте.

8 декабря Советом Рабочей и Крестьянской Обороны под председательством В. И. Ленина было принято специальное постановление «Об упорядочении железнодорожного транспорта». Ограждая железнодорожный транспорт от дезорганизующего вмешательства других ведомств, это постановление вместе с тем потребовало от железнодорожников общей круговой ответственности за обеспечение продвижения военно-продовольственных грузов.

Все перечисленные меры давали известные положительные результаты, но чувствовалась необходимость создания на линиях железных дорог каких-то боевых органов, которые увязали бы в одно целое административную борьбу за трудовую дисциплину, за упорядочение транспорта с делом подъема политической сознательности рабочих масс.

Следующим шагом на этом пути, после учреждения на линиях военревкомов, явилось введение в феврале 1919 г. института политических комиссаров, а вслед за этим создание в апреле того же года политотделов.

«На политкома, — говорилось в «Положении», возлагается политическая ответственность за общее на-

правление работы железных дорог, а потому они должны быть достаточно подготовлены в области общей железнодорожной политики и ознакомлены с основами железнодорожного дела».

Работа политического комиссара участка Симбирск—Инза была возложена на меня. Сразу передо мной и коммунистической ячейкой встали сложнейшие задачи: организация массовой борьбы со снежными заносами и борьба за топливо.

Одним железнодорожникам не под силу было решать эти задачи. Мы установили тесный контакт с Симбирским губкомом и горкомом партии. С их помощью из города в порядке трудовой повинности посылались люди, мобилизованные из нетрудовых слоев. Для заготовки и подвозки топлива привлекалось крестьянство ближайших к железной дороге сел.

Силами самих железнодорожников была развернута большая заготовка дров в районе станции Глотовка Рабочие показывали примеры самоотверженного труда при заготовке дровяного топлива для транспорта.

Другой боевой хозяйственно-политической задачей в марте 1919 г. явилась организация так называемых «товарных недель». Суть их заключалась в том, чтобы за счет прекращения пассажирского движения всемерно увеличить подвоз хлебных и продовольственных грузов в Москву, Петроград и др. промышленные города. Правительство, учитывая разраставшуюся голодовку среди рабочих центра страны, пошло на полное временное прекращение пассажирского движения. Ослабление подвоза хлеба объяснялось не только развалом транспорта, но и военными обстоятельствами. Например, на нашем участке Симбирск—Инза с 18 по 24 марта все движение было прервано в связи с кулацким мятежом. Большое количество хлебных маршрутных поездов из-за Волги скопилось в районе Симбирска и не могло продвигаться к Москве. Подвозу хлеба мешали и усиленные военные перевозки в связи с начавшимся наступлением колчаковцев к Волге.

Задачу усиления подвоза хлеба надо было решать не только за счет механического прекращения пассажирского движения, но и путем усиления производительности труда железнодорожников. В связи с этим силами коммунистов была проведена большая разъяснительная

работа. В основу нашей агитации мы положили обращение Совнаркома и Совета Обороны, подписанное В. И. Лениным, — «Ко всем железнодорожникам». В нем говорилось: «В виде экстренной меры решено остановить даже пассажирское движение, чтобы все наши усилия бросить на подвозку хлебных и продовольственных грузов и топлива... Необходимость успешного выполнения товарного месяца одновременно налагает обязанности и тяжелую ответственность на всех железнодорожников, являющихся в дни борьбы с продовольственным кризисом центром внимания и надежд всего населения. Революционная дисциплина, упорство в труде и готовность отдать все силы, чтобы побороть кризис, должны стать лозунгами дня для всего железнодорожного пролетариата... Ни один действующий паровоз ни одного часа не должен оставаться неиспользованным из-за неявки бригады, из-за боязни переработать лишний час, из-за неосторожной порчи от невнимательного или небрежного с ним обращения... Железнодорожниками будет оказываться самая решительная поддержка делу борьбы с прямой халатностью, ленью и дезорганизаторскими тенденциями отдельных несознательных товарищей или злонамеренных граждан в их среде... Товарищи железнодорожники, успешным проведением товарного месяца Вы можете и должны будете обеспечить хлебом и себя и всех трудящихся голодных районов Советской России».

Это ленинское обращение было опубликовано и в газетах и в виде плакатов расклеено на всех станциях. С ним мы шли на беседы и митинги.

Железнодорожники участка Симбирск—Инза проявили в своей массе высокую организованность по проведению «товарного месяца». Но это досталось не без борьбы с враждебными элементами, пытавшимися толкнуть несознательную, небольшую часть рабочих на путь срыва героических мер Советской власти. Однажды мне позвонил мастер из депо и взволнованно сообщил, что у них назревает стачка, что задерживается срочный ремонт паровозов.

После мы установили, что попытка вызвать волынку шла со стороны группы анархистов, главарем которой был некий демагог Поддубный. Этот провокатор требовал, чтобы за подачу паровозов для хлебных маршрутов часть хлеба отдавалась рабочим сверх обычного снаб-

жения. Мы, группа коммунистов, пришли в депо. Работа шла вяло, некоторые бездействовали. Большинство было чем-то смущено.

— Что, друзья, у вас перерыв? — обращаюсь я к деповцам. Молчание.

Прохожу дальше, а вслед мне неуверенно несется: «Товарищ Астахов, мы домой хотим идти. Вы нам хлеба не даете!»

Оборачиваюсь:

— А что дома—хлеб?

— Нет, и дома его нет!

— Так где же выход, товарищи? Разве спасение в том, чтобы спасаться поодиночке или растаскивать государственный хлеб?

Далее мы стали говорить с рабочими, что спасение нас, местных рабочих, в единстве со всем пролетариатом страны, в классовой организованности, в государственном бережливом распределении хлеба.

— Надо работать! Будут паровозы, будет хлеб и для Москвы и для нас здесь!

Окружившие нас рабочие согласились. Сторонники Поддубного не решились вступать в дебаты. Работа возобновилась и пошла как следует.

Провозная способность нашего участка уже к концу марта месяца удвоилась. Застой продовольственных вагонов, доходивший в январе 1919 г. до 5 суток, уменьшился до 8 часов. Таким образом, наш участок внес свой вклад в дело усиления подвоза хлеба к Москве.

Осложнение военной обстановки на фронтах весной 1919 г. вело к дальнейшему обострению трудностей, к новым колебаниям среди неустойчивой части железнодорожного пролетариата. В ряде мест Республики эсерам и меньшевикам удалось вызвать серьезные волнения.

От Коммунистической партии требовались новые усилия в деле повышения классовой социалистической сознательности железнодорожного пролетариата. Такой новой мерой явилось создание особых органов партийной работы в виде политотделов.

В мае 1919 г. состоялась конференция организаций РКП(б) Московско-Казанской железной дороги. На конференцию делегировался представитель нашей партийной ячейки. Эта конференция одобрила создание политотделов и разбила дороги по участкам.

Комиссар отделения тов. Фокин со станции Рузаевка сообщил мне по прямому проводу, что начальником политотдела к нам будет прислан из отделения старый большевик Горячев, рабочий-слесарь из Нижнего Новгорода.

На это сообщение я, как комиссар участка, и тов. Тамаров И. Т., недавно избранный секретарем партячейки, ответили, что нам никого присылать не надо, т. к. у нас начальник политотдела есть, тов. Юрасов, старый большевик, московский рабочий и неплохо справляется с работой.

Несмотря на наше несогласие на кандидатуру тов. Горячева, на второй день все же тов. Фокин прислал нам тов. Горячева с рекомендацией использовать его на посту начальника политотдела.

Мы хотели его отослать обратно. Но когда ближе познакомились с тов. Горячевым, то решили использовать его на профсоюзной работе в качестве председателя учкпрофсожа (участковый комитет профсоюза железнодорожников).

Тов. Горячев, в свою очередь, с охотой согласился на эту работу, и наше предубеждение против тов. Горячева очень быстро рассеялось. Он с первых же дней сумел завоевать расположение наших коммунистов и рабочих как опытный профессиональный революционер и оказал нам большую помощь.

Тов. Юрасов был оставлен на своем посту — председателем политотдела, и все мы стали работать очень дружно.

Тов. Горячев особенное внимание уделил налаживанию работы учкпрофсожа. Этот участок работы у нас, действительно, был запущен.

Мы недооценивали как следует роли производственного союза железнодорожников для воспитания в рабочих понимания их классового долга в деле обороны социалистического отечества. Вместе с тем наш учкпрофсож ничем не проявлял себя в смысле защиты интересов рабочих и не пользовался авторитетом. Под руководством тов. Горячева учкпрофсож оживился и заработал по-новому. Были организованы выборы нового учкпрофсожа, сопровождавшиеся большой разъяснительной работой. Рабочие отдали свои голоса коммунистам. В учкпрофсож были избраны тт. Горячев, Борисов и др.

Учкпрофсож нового состава упорядочил взаимоотношения с администрацией, организованно был заключен коллективный договор, упорядочена была тарификация, прекратились задержки в выдаче зарплаты.

Огромное организующее и воспитательное значение приобрело развертывание культурно-просветительной работы.

И рабочие и служащие охотно откликнулись на призыв политотдела и учкпрофсожа о строительстве клуба своими руками. Он строился в период, когда по стране уже начались коммунистические субботники. Можно сказать, что в основном клуб был построен в порядке такого безвозмездного, добровольного труда.

Ясность и конкретность цели сплачивала коллектив железнодорожников. Мобилизуя различные материалы, мы быстро воздвигли здание клуба М.-К. ж. д. С появлением клуба стала широко развертываться разного рода культурная самодеятельность. Особый успех имела театральная труппа. Именно с ее созданием заметно продвинулось вперед единение и взаимное доверие между рабочими и железнодорожной интеллигенцией. Люди ближе узнавали друг друга, росла товарищеская спайка.

В клубе стали часто устраиваться спектакли. Они, как правило, сочетались с проведением революционных праздников, с теми или иными агитационными мероприятиями партколлектива. Исключительное впечатление произвел один, инсценированный с помощью артистов, отчет учкпрофсожа.

Вскоре наш кружок стал устраивать спектакли по линии всего участка, неоднократно выезжал с этой целью на станцию Инза. Надо сказать, что работа станции Инза отставала от Симбирска.

С весны 1919 г. мы приняли ряд мер к усилению партийной и профсоюзной работы на ст. Инза. Здесь, как и на других значительных станциях участка, был создан агитационно-просветительный пункт. Опираясь на него, инзенские коммунисты развернули большую политико-просветительную работу среди железнодорожников, среди красноармейцев проходивших эшелонов и в окрестных селах.

Корреспондент журнала «Красный путь железнодорожника» (№ 20, 1919 г.) писал, что на станции Инза в мае 1919 г. «политическое настроение рабочих стало зна-

чительно улучшаться». Он прямо отмечал, что это было результатом организованной здесь политотделом участка большой агитационной и просветительной работы. «Празднование 1 Мая, — писал корреспондент, — прошло хорошо, выступал с речами ряд ораторов, устроены были бесплатные спектакли для детей и взрослых, для детей был отпущен бесплатный завтрак».

Следует еще отметить такое важное обстоятельство улучшения положения на ст. Инза, как чистка Инзенской коммунистической ячейки от нежелательных элементов, проявивших пассивность в момент огромного напряжения всех сил транспорта. В результате чистки ячейка уменьшилась на 20 проц., но это не ослабило, а оздоровило работу. Вслед за чисткой быстро стали расти ряды сочувствующих РКП(б), состав которых в короткое время удвоился.

Усиление связи с беспартийными рабочими и рост на этой основе партийных рядов происходил и на станции Симбирск I. Летом 1919 г. коммунистический коллектив здесь состоял уже из 30 членов партии и 50 сочувствующих. В этом росте рядов коммунистов выражался результат нашей многогранной работы среди железнодорожников.

Лето 1919 г. ознаменовалось в Советской Республике быстрым распространением коммунистических субботников, в том числе и на нашем участке М.-К. ж. д. Показателен в этом отношении трудовой героизм, проявленный железнодорожниками ст. Чуфарово. Из-за горения буксы на станции пришлось отцепить вагон с грузом ржи для Петрограда. Вагон этот был заявлен на перегрузку. Это происходило 27 июля 1919 г., в воскресенье. Рабочие могли не работать. Тогда начальник станции тов. Полянский, помощник начальника станции Лежнев, весовщик Бубнов и проводник водяных баков Петин объявили, что они перегрузят вагон в порядке бесплатного воскресника. На это немедленно отозвались рабочие, и рожь была быстро перегружена в здоровый вагон. Заработанные ими на воскреснике деньги в сумме 100 руб. они передали на нужды культурно-просветительного отдела при станции Симбирск I.

Примеру чуфаровцев последовали и на других станциях.

Так, 4 октября на ст. Киндяковка на коммунистиче-

ском субботнике участвовало 140 городских коммунистов и 50 железнодорожников. Работа была тяжелая, но она выполнялась с воодушевлением. Перенесено было 4 двухсотпудовых домкрата, 2 стопудовые балки, поднят паровоз для среднего ремонта, перегнано 3 тендера, выгружено из вагонов 200 пудов и перенесено 500 пуд. железа, перенесен в токарную мастерскую поршень паровоза, перемещены 2 четырехсотпудовых нефтяных бака, погружено в вагоны 300 пуд. лома и 100 пуд. каменного угля... Субботник продолжался с 4-х часов дня до 9 часов вечера.

А вот результат другого субботника. 11 октября на ст. Симбирск I при участии 397 коммунистов и беспартийных были подготовлены места для двух тендерных балок, погружено 12 скатов на платформы, поднят паровоз, передвинуто к другому паровозу 4 домкрата и две балки, вырыты ямы для фонарей, поднят тендер, убраны материалы в кладовой, выгружены трубы из вагонов весом в 1000 пудов. На 76-й версте поднято 30 скатов и погружены на платформы. На 86-й версте, где было крушение, поднята цистерна с нефтью, сменено 250 сажен шпал и др.

Субботник 11 октября совпал с днем, когда было получено тяжелое сообщение, что деникинские банды Мамонтова прорвали советский фронт в районе Воронежа—Тамбова. Субботник был на этот раз особенно многолюдным. Участники его говорили, что это «наш ответ Деникину и Мамонтову!» На ст. Верхняя Часовня работало 200 человек.

На станции Симбирск I работал весь состав Симбирских губернского и городского комитетов РКП(б). Многие из членов парткома — квалифицированные слесари в прошлом — выполнили ремонт паровоза в депо.

Этот факт произвел глубокое впечатление на всех деповцев, и они также показали в этот день небывало высокую производительность труда.

Подобные сводки осенью и зимой 1919 г. появлялись в газетах регулярно после каждой субботы и воскресенья.

Субботники сыграли немалую роль в том, что симбирский железнодорожный узел справлялся с продовольственными и военными перевозками в труднейшую и решающую зиму 1919—1920 гг.

Помимо непосредственного народнохозяйственного

результата, чрезвычайно ценного в условиях обостряющейся разрухи, субботники имели и другое, еще большее значение. Это начало необыкновенной важности, — писал Владимир Ильич про субботники, — ибо это победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину.

Поднимая народ на защиту Советского отечества, проявляя героизм на фронте и в тылу, рабочий класс переделывал, перевоспитывал себя, а за собой и массы трудящихся, положив начало движению, которому суждено было затем стать непреоборимой силой построения социализма и перехода к коммунизму.

А. Р. АНДРИАНОВ[1]

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В ТАГАЕ

В июле 1918 г. я, рабочий Таганрогского завода, прибыл в село Сиуч (Тагайской волости, Симбирского уезда) к себе на родину. Здесь мне пришлось жить на полулегальном положении, так как в районе власть захватила контрреволюционная банда. Возглавлял ее белый офицер, бывший полицмейстер капитан Батырев, лесопромышленник Павел Севастьянов-Аглицков, страховой агент Овчинников, лакей и прислужник тагайских помещиков, купцов и кулачества, а также другие прихвостни старого, прогнившего капиталистического мира.

Эта контрреволюционная банда еще в апреле 1918 года организовала в Тагае вооруженный мятеж против Советской власти. Захватив власть, она разогнала комитеты, которые были созданы для передела и отрезки излишков земли у кулаков, арестовала местных советских руководителей Саланова, Локоткова и несколько других активистов и учинила над ними кровавую расправу.

На помощь местной бедноте прибыл из Симбирска отряд Красной Армии, и мятеж был быстро ликвидирован. Но главарям мятежа удалось скрыться от революционного правосудия.

---

[1] Андрей Романович Андрианов, член КПСС с апреля 1918 г., бывший председатель Тагайской ячейки РКП(б), ныне пенсионер, проживает в г. Ульяновске.

С наступлением на Симбирск белочехов они снова появились в Тагае и захватили власть в свои руки. На этот раз ими была установлена постоянная связь с командованием белой армии, откуда мятежники получили больше 200 винтовок системы «Гра» и два пулемета.

В первых числах августа 1918 г. отряд красноармейцев повел наступление на Тагай. Отряд был вооружен не только винтовками, но и пулеметами, и артиллерией. Артиллерия была установлена за селом Копышевкой на горе, около ветряной мельницы. Разведка красных сообщила, что на колокольне тагайской церкви находится наблюдательный пункт мятежников, а с окраины села мятежники ведут сильный пулеметный огонь по наступающим красноармейцам.

С первых же выстрелов из пушки снаряды попали в колокольню, наблюдатели были сбиты, мятежники прекратили стрельбу из пулемета. Красноармейцы штурмом овладели селом, понеся незначительный урон ранеными. Мятежники, бросая ружья и пулеметы, в панике отступили в лес. Когда отряд красноармейцев полностью овладел селом, то в селении ни одного мятежника уже не оказалось. Не успел убежать только один из самых богатых тагайских купцов — Крайнов, его захватили красноармейцы на крыльце собственного дома и тут же расстреляли. На второй день после разгрома тагайских мятежников отряд Красной Армии отошел к ж.-д. станции Майна. С тех пор Тагай, до освобождения Симбирска от белых, очутился на линии двух фронтов, между белыми и красными.

После изгнания белочехов из Симбирска губисполком командировал меня в село Тагай для установления там революционного порядка. Для этой цели был организован кавалерийский красноармейский отряд, который потом был использован и в других волостях, где кулачество поднимало голову.

21 сентября 1918 г. в Тагае был созван волостной съезд уполномоченных всех сел, на съезде мною был сделан доклад о международном и внутреннем положении нашей молодой Республики. Потом тайным голосованием съезд избрал членов волисполкома, в который вошли: беспартийные крестьяне — бедняк Лисенков (из села Тагая), середняк Григорьев (из села Козловки) и

я — Андрианов, член большевистской партии с 1918 г., рабочий.

Обязанности между нами были распределены так: Лисенков стал председателем волисполкома, Григорьев — казначеем, я — заведующим волостным отделом народного образования. Поскольку я был единственным тогда членом партии в волости, вся массовая, организационная и просветительная работа лежала на мне. После организации Тагайского волисполкома во всех селах были созданы сельские Советы. Таким образом, в Тагайской волости с сентября 1918 года была окончательно и навсегда установлена Советская власть.

В весьма сложной политической обстановке среди крестьянской стихии мне, рабочему-большевику, с небольшой группой деревенского бедняцкого актива пришлось преодолевать много трудностей, строить и укреплять Советскую власть в деревне. Вначале пришлось очищать село Тагай от оставшихся там кулацких элементов. По заранее разработанному плану в одну из ночей были арестованы 22 участника кулацкого мятежа и отправлены в губчека. Но главарям мятежа и на этот раз при помощи своих прихвостней удалось скрыться.

В марте 1919 года вспыхнуло контрреволюционное кулацкое восстание в селах Новодевичье, Сенгилеевского уезда, и Хрящевке, Ставропольского уезда, Самарской губернии. Это восстание, названное «чапанкой», угрожало охватить всю губернию. Оно уже охватило часть Ставропольского уезда, Сенгилеевский уезд, а оттуда перебросилось в Карсунский уезд, который граничил с Тагайской волостью. Чтобы не допустить распространения восстания на Карсун и Тагай, я срочно мобилизовал всех членов партии и кандидатов, которые влились в наш вооруженный отряд. Отряд был направлен в г. Карсун для подавления перекинувшегося сюда мятежа. С помощью нашего отряда и частей Красной Армии в Карсунском уезде «чапанное» восстание было подавлено. Тагайская организация и здесь оказалась на высоте своего революционного долга.

После ликвидации всех кулацких мятежей и установления власти Советов встала задача хозяйственного и культурного строительства.

Еще в ноябре 1918 г. в Тагае мною была создана партийная организация. В нее входили члены партии из села

Прислонихи — Шарымов П. П., из Козловки — Григорьев Н. С. и Сергей Ключников, из села Сиуча — Петр Ершов, из Копышевки — Говендяев Георгий, из Тагая Лисенков и Шушарин.

Все села Тагайской волости были охвачены партийным руководством, во всех селах были созданы комитеты бедноты. Там, где не было членов партии, вся работа проводилась через комитеты бедноты. Комитеты бедноты привлекали на свою сторону крестьян-середняков. Таким образом, все мероприятия партии и правительства проводились сельсоветами и комитетами бедноты.

Вокруг нашей партийной организации родился и вырос Коммунистический союз молодежи, в который входили: Филипп Ксенофонтов, Крупнов Иван, Киселев Капитон, Дедаев Алексей, Тонеев Андрей и другие. Эта молодежь во всей нашей повседневной работе оказывала нам большую и активную помощь.

В 1919 году, в конце июня, я должен был оставить Тагай, где так много мною было затрачено труда и энергии. На волостном съезде Советов я был избран делегатом на уездный съезд Советов.

На уездном съезде Советов меня избрали членом Симбирского уисполкома, и я стал работать заместителем заведующего отделом управления уездом.

Л. К. ГАЙДАМАК[1]

КОМБЕДЫ КАРСУНСКОГО УЕЗДА

31 мая 1918 г. в Карсуне была получена из Симбирска за подписью военного комиссара и начальника штаба Пеньевского телеграмма следующего содержания: «В связи с выступлением чехословацких банд чрезвычайный военный штаб постановил объявить с 12 часов ночи 1 июня с. г. Симбирск и Симбирскую губернию на военном положении. Принять все меры, связанные с военным положением, обо всех событиях, имеющих военный и контрреволюционный характер, немедленно донести телеграфом штабу в Симбирск».

Через два дня спустя из Симбирска была получена уездным военным комиссариатом вторая телеграмма за подписью Пеньевского: «Предписываю вам немедленно выслать в Симбирск все свободные вооруженные силы, всякое промедление будет рассматриваться как измена революции, и вы понесете ответственность. Об отправке телеграфируйте в военревштаб».

Примерно в это время в г. Карсуне заседал VI крестьянский съезд. Одним из докладов на этом съезде был доклад комиссара продовольствия Токарева. На съезде подняла голову кулацко-эсеровская контрреволюция, выступившая против продовольственной политики.

---

[1] Александр Кузьмич Гайдамак, член КПСС с февраля 1918 г., бывший работник Карсунского уездного исполнительного комитета, ныне пенсионер, проживает в г. Москве.

С ответом кулацким демагогам на съезде выступил Репинский. Он сказал:

— Здесь были слышны истерические крики: «Хлеба нет. Дайте хлеба. Народ умирает. Едят варежки». Предлагают они нам свободную торговлю и свободный допуск мешочников в Сибирь и в другие хлебородные местности. Свободная торговля у нас была допущена и что же получилось? Кулаки и промышленные тузы скупают хлеб, прячут его в подвалах и ямах, вырытых в земле, гноят и уничтожают хлеб, а народ голодает.

Участники съезда слушали Репинского с большим вниманием. Под бурные аплодисменты он закончил свою речь словами: «Нужна железная продовольственная диктатура. Еще раз повторяю, не идите в разрез с центральной властью».

Несмотря на тяжелейшее положение, создавшееся в Поволжье к началу июня, Карсунский уездный съезд был боевым създом. На нем карсунские большевики дали решительный отпор всем контрреволюционным вылазкам.

В деревне в это время кипела классовая борьба. Кулаки, держа излишки хлеба в своих руках, отказывались продавать его по твердым ценам. Они делали все, чтобы уклониться от государственного учета и контроля, прятали излишки хлеба, спекулировали им, наживались на нужде и голоде трудящихся. Они оказывали бешеное сопротивление любому мероприятию Советской власти. Волостные и сельские Советы не везде еще были нами укреплены, и потому они нередко бездействовали, не имея должного руководства со стороны уезда.

Положение резко изменилось к лучшему, когда в середине июня 1918 года был издан декрет о создании сельских и волостных комитетов бедноты. Тт. Бутыров и Репинский, получив декрет и некоторые инструктивные указания из Симбирска о том, как приступить к организации комбедов на местах, собрали на совещание почти всех большевиков города Карсуна. На собрании тт. Бутыров и Репинский разъяснили суть декрета о комбедах, распределили, кто куда и на какой срок должен поехать для пропаганды декрета и организации комитетов бедноты. В состав комбедов избирать и быть избранными могли лишь трудящиеся — жители сел и деревень. Комбеды были необходимы для борьбы с кулачеством.

Мне пришлось поехать в Сосновскую волость. Скажу прямо — трудно было тогда сплачивать бедноту на селе и организовывать комбеды. Еще слишком сильно боялась беднота кулаков и деревенских богатеев. Многие бедняки-крестьяне боялись потерять своих «кормильцев». Но когда на практике они увидали силу комитетов бедноты на селе, то не только бедняки-крестьяне, но значительная часть середняков стала активно принимать участие в работе комбедов и продотрядов. Бедняки во многих случаях сами подсказывали продотрядникам, где спрятан кулацкий хлеб. Нередки были случаи, когда какой-нибудь кулак или деревенский богатей, чтобы отвести от себя, как тогда выражались, «руку комбеда», незаметно для односельчан сам обходил бедняцкие хаты в селе и, притворившись «благодетелем», выдавал бедняку муку, зерно, крупу. Этим своим «благодеянием» кулак хотел «подкупить» бедняка, думая, что таким образом ему удастся скрыть значительную часть спрятанного от Советской власти хлеба. Но такие уловки кулаков очень быстро разоблачились теми же бедняками, которые ранее были «облагодетельствованы» кулаком.

Помню, как в конце июня я по поручению укома и уисполкома приехал в волостное село Березники. В этом богатом селе не было комитета бедноты. Но на селе работал продотряд по изъятию излишков хлеба у кулаков. Но ничего не получалось у продотрядников. Знали, что у кулаков есть много припрятанного хлеба. Кулаки добровольно «свой» хлеб не отдавали, а узнать, где спрятан хлеб, сразу трудно было. «Сельсовет» поддерживал кулаков своего села и не оказывал никакой помощи продотряду. Пришлось мне самому заняться розысками спрятанного хлеба. Я с двумя продотрядниками обходил хаты бедняков. Вел короткую с ними беседу, главным образом на бытовые темы. И одновременно рассказывал про декрет Советской власти о создании комбедов.

Помню, мне пришлось подробно обо всем беседовать в семье одного бедняка. А когда я с ним встретился на другой день, он сообщил мне о том, в каком месте у кулака, на которого он работал, спрятан хлеб. Когда кончил говорить, взял мою руку в свою, крепко сжал ее и сказал:

— Я все тебе сказал честно. Теперь ты делай что знаешь.

Утром следующего дня кулак этот был арестован за сокрытие излишков хлеба. Хлеб был найден у него в специально вырытой яме на гумне и вывезен отсюда продотрядниками на восьми подводах.

А еще через день в селе Березниках был избран сельский комитет бедноты.

В период организации сельских комитетов бедноты возникало огромное количество житейских вопросов. Например, при изъятии излишков хлеба у крестьян повсеместно возникал вопрос: какую норму хлеба и крупы считать на одного едока, сколько надо оставить муки, овса на одну лошадь и корову или где взять комбеду средства для оплаты реквизированного хлеба, какое жалование платить членам комитетов бедноты и т. п. Все эти и им подобные вопросы практической деятельности комитетов бедноты на местах решались по-разному.

Необходимо было выработать единое решение уездных властей по всем возникавшим у комбедов принципиальным, общим и жизненно важным вопросам. Все мы были очень обеспокоены, что со стороны Симбирска и центра, кроме декрета о создании сельских и волостных комитетов бедноты, у нас ничего не было. Приходилось самим на себя брать ответственность и решать все вопросы, вставшие перед комитетом бедноты. Но опять-таки каждый из нас, будучи в селах и деревнях, решал вопрос по-разному. Это вызывало некоторое недовольство со стороны населения и членов комбедов.

И вот по настоянию пропагандистов, возвратившихся в конце июня и в начале июля из сел, а также командиров некоторых продотрядов, приехавших в город Карсун, уком партии и уисполком создают уездную комиссию в составе Лапина, Соколова, Григорьева, Гренадерова, Мазина, Панова, меня и других, которой поручают, с привлечением пропагандистов и командиров продотрядов, разработать и представить на утверждение уисполкома некоторые инструктивные указания для комбедов.

Два дня мы спорили и рядили. В конце концов был составлен протокол и инструкция, единодушно принятые комиссией и утвержденные уисполкомом. Были также установлены нормы потребления хлеба на едока и на скот. Когда инструкция была разослана на места для руководства в практической работе на селе, то в упродком и уисполком вскоре с мест посыпались возражения.

Одни были не согласны с нормами на едока, лошадь и корову. Другие указывали на то, что, дескать, пропустили свиней, коз, овец, кур, которым просили также установить нормы. Третьи возражали против передачи волостным Советам и волостным комитетам бедноты излишков хлеба для ссыпки их в волостной склад. Возражали также и против жалованья председателю, секретарю и одному члену комитета деревенской бедноты, считали, что они должны работать бесплатно, как «выборные».

Конечно, упродкому и уисполкому пришлось дельные предложения принимать и сообщать их местам, как закон для руководства, а предложения, неприемлемые отвергнуть. По этим вопросам комиссия приняла решение «...О выработке норм потребления и разрешения вопросов, связанных с организацией комитетов деревенской бедноты». Оно внесло ясность и очень сильно оживило работу, главным образом сельских комитетов бедноты.

Всюду в волостях, при волостных Советах и комитетах бедноты стали создаваться, правда небольшие, но очень важные, продовольственные фонды. Упродком и уисполком такие фонды брали на учет и благодаря этому имели возможность оказывать помощь бедноте таких селений, где не было хлеба и где нельзя было его достать. Эти же хлебные запасы давали возможность выдавать хлеб военному гарнизону и на питание детей-сирот, собранных чуть ли не со всего уезда и помещенных в организованный мною детский дом в городе Карсуне.

Комбеды сыграли громадную историческую роль в развитии и укреплении диктатуры пролетариата в деревне, в обеспечении нашей победы над злейшими врагами Советской власти.

М. Е. УСТИМОВ[1]

НА КОМАНДНЫХ КУРСАХ

Командование 3-го Симбирского полка Железной дивизии командировало меня для учебы на Симбирские пехотные командные курсы красных офицеров. 20 ноября 1918 г. я прибыл в Симбирск. Как коммунист, я встал на учет в партячейке курсов.

24 ноября по всей Советской стране был проведен «День красного офицера». Популярны были тогда ленинские слова о том, что нам нужна трехмиллионная армия. Она будет. Нам нужны командиры. Они будут.

2 декабря 1918 г. в Симбирск прибыл первый заведующий курсами Осокин Петр Павлович. Заведующим хозяйственными делами был назначен тов. Якунчиков Андрей Фомич, ныне работает главным бухгалтером обкома КПСС. Для организации курсов было отведено здание быв. кадетского корпуса. В этом здании ранее учились дети дворян и буржуазии. Рабочим и крестьянам в этом здании не было места для учебы.

Мы, курсанты, его ремонтировали сами. Мне было поручено вести работу по хозяйственным делам, я был избран председателем хозяйственной комиссии.

25 декабря 1918 г. наши курсанты отпраздновали открытие. Всего на наших курсах было организовано

[1] Михаил Евсеевич Устимов, член КПСС с 1918 г., бывший красноармеец, ныне заведующий кабинетом основ труда Ульяновского института усовершенствования учителей.

3 роты, а при первой роте был организован спецвзвод из курсантов с законченным и незаконченным средним образованием. Всего нас было 18 чел., в этом взводе было организовано 2 отделения, я был назначен командиром второго отделения, а командиром 1-го отделения — тоже курсант Андреев В. С. (ныне генерал-майор в отставке).

23 февраля 1919 г. в первую годовщину Красной Армии наши курсанты принимали присягу. Отбор курсантов производился строго по социальному происхождению и способностям. Все курсанты добросовестно и с жаром взялись за учебу с тем, чтобы как можно быстрее закончить учебу и в то же время мы рвались на фронт, чтобы бить врагов. Хорошо была .поставлена у нас дисциплина. Мы понимали обстановку и живо интересовались состоянием борьбы на фронтах.

Кругом шла гражданская война. Фронт требовал постоянной и срочной помощи, часто приходилось нам, курсантам, отрываться от учебы и выполнять неотложные боевые задания.

10 марта 1919 г. поздно вечером руководство наших курсантов получило приказ о направлении курсантов немедленно на подавление «чапанного» восстания, возникшего в селах быв. Сенгилеевского уезда, Симбирской губ. На курсах был проведен митинг, на котором курсанты единодушно приняли решение — командировать первую роту курсов на подавление кулацкого восстания. Нас погрузили на подводы, и по льду реки Волги к утру мы добрались до г. Сенгилея. Потом под командованием бывш. командира 3-го Симбирского пехотного полка Зильвиндера и командира 1-й роты курсов Кортяновича рота с 3-дюймовой пушкой подошла к селу Елаурам. Это было рано утром, командование направило меня и еще троих товарищей в разведку в село Елауры с тем, чтобы там достать «языка». С большим трудом, но «язык» мы достали. С собой привели мужчину пожилого возраста, который рассказал командованию об обстановке в с. Елаурах и даже в других селах.

В село Елауры нам пришлось первоначально входить с осторожностью, так как кулаки во главе с местным попом подготовляли восстание, но сделать этого им не удалось. Село мы быстро заняли и организовали позиционную оборону. На утро следующего дня к селу Елаурам стали проникать вооруженные части из числа «чапанни-

ков». Их было очень много, одеты они были в разную форму. На вооружении они имели винтовки, берданы, откованные пики и т. д., шли они в несколько цепей перевалами и орали благим матом, старались своими действиями произвести «психическую» атаку. Но наши курсанты не испугались. Сломив их сопротивление, мы пошли в наступление на села, где были мятежники —Русскую Бектяшку, Кротовку, Тереньгу и другие населенные пункты.

Вернувшись в г. Симбирск после подавления «чапанного» восстания, мы, курсанты, с новой силой взялись за учебу. В конце апреля 1919 г. наш специальный взвод закончил учебу, и у нас состоялся первый выпуск «красных офицеров» — командиров.

После окончания курсов меня направили на южный фронт.

А. Ф. ЯКУНЧИКОВ[1]

КУЗНИЦА КРАСНЫХ КОМАНДИРОВ

В середине ноябре 1918 года я был назначен на должность делопроизводителя по хозяйственной части во вновь открытые в городе Симбирске пехотные советские командные курсы Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 27 ноября мы выбыли из города Москвы во главе с заведующим курсами Осокиным Петром Павловичем и заместителем комиссара Штейманом Израилем Берковичем (мы его называли Михаилом Борисовичем). Это были два молодых командира (23—25 лет).

Утром 2 декабря 1918 г. наша группа в составе 8 человек прибыла в гор. Симбирск и расположилась в здании бывшего кадетского корпуса, предназначенного под пехотные командные курсы.

Сейчас даже трудно поверить, что сорок лет тому назад, при общей разрухе, можно и нужно было сформировать, причем в очень короткий срок, военно-учебное заведение на 300 курсантов.

Первый день пребывания — зимний короткий день, кстати, воскресный, был полностью поглощен устройством быта. Мест для ночлега было сколько угодно, труднее было подобрать некоторые постельные принадлежности, но при помощи «дядек» разыскали кровати, топчаны и

---

[1] Андрей Фомич Якунчиков, бывший заведующий хозяйственной частью Симбирских пехотных командных курсов, ныне работает в Ульяновском обкоме КПСС.

некомплектные «постельные принадлежности» и этим были все довольны.

После полудня начался детальный осмотр всего помещения.

Первое, что бросилось в глаза, — полная захламленность классов, спален и гимнастических залов различными пищевыми и другими отбросами.

Ряд комнат и складов были крепко забиты гвоздями. Кухня готовила питание лишь для караульной роты и была в антисанитарном состоянии. Котлы требовали немедленной полуды, очаги — ремонта и стены — безусловной побелки. Хлебопекарня была в исправном состоянии, но не действовала.

Ознакомление с хозяйством было закончено к наступлению темноты, а вечером заведующий курсами и зам. комиссара пригласили меня, как хозяйственного представителя, принять участие в разрешении ряда организационных вопросов.

Приходилось решать вопрос о создании крепкого цементирующего ядра.

Поскольку хозяйственная часть укомплектована не была, мне было поручено на первый организационный период возглавить ее работу.

До позднего вечера на листах бумаги вынашивался план всех мероприятий, предусматривающий в течение 2—3 дней подготовить спальные места и пищевой блок на одну роту. Начались поиски необходимого оборудования и инвентаря.

Комната первого этажа (центральный ход налево) оказалась почти до потолка заваленной различными предметами, здесь были письменные столы, стулья, кровати, посуда, подушки, ключи и другие предметы, даже обнаружен железный ящик, который предназначили под денежный.

Во дворе под снегом обнаружили скамейки, столы, парты, нашли также предметы хозяйственного инвентаря.

Если «разочаровал» результат вскрытия склада (во дворе направо по выходу), в котором оказалось до десятка музыкальных инструментов — рояли, пианино (они не производили на нас особенного в то время впечатления), зато в складе (во дворе налево по выходу) обнаружены были столовая посуда, тарелки и кружки с инициалами «СКК», ножи, вилки и другие предметы.

В бывшей церкви кадетского корпуса обнаружены ковровая дорожка до 100 метров и ковры.

Через день караульная рота была выведена в другое помещение, а оставшийся инвентарь (кровати, топчаны, тумбочки и табуретки) явился пополнением к тому инвентарю, который был обнаружен в разных местах корпуса и под снегом во дворе. Стал также поступать инвентарь и транспорт бывших курсов инструкторов.

Одновременно с подготовкой помещения и служб для принятия личного состава шла большая работа по комплектованию курсов командным составом и преподавателями, ибо с 4 числа стали прибывать первые курсанты.

В первой половине декабря прибыли из Москвы заведующий учебной частью курсов Иванов В. Я. (военный юрист), его заместитель Шульман (быв. мировой судья), инструктор Фрезиндорф, впоследствии преподаватель математики и др.

Первое большое пополнение курсантов было принято от курсов инструкторов, а также шло пополнение по нарядам губвоенкомата из частей гарнизона.

Должен отметить высокий энтузиазм, который был проявлен всеми работниками при создании пехотных курсов. «Отбой», который присущ воинской части, не соблюдали, засиживались над срочной работой до глубокой ночи.

При организации курсов у нас было много трудностей. Сапог вообще не было, а к ботинкам не всегда имелись обмотки. Винтовки больше чем наполовину были из числа старого оружия и для обучения пулеметному делу было лишь два крепко подержанных пулемета («максим» и «кольт»).

Из-за недостатка топлива температура в помещениях поддерживалась «лечебная», но это только «бодрило» влившийся в общую семью молодой состав курсантов.

Ради справедливости надо сказать, что обстановка, созданная к моменту открытия курсов, при всех организационных недостатках, вытекающих из тогдашнего тяжелого народнохозяйственного положения, удовлетворяла всех нас.

Торжественное открытие курсов намечено было на 25 декабря 1918 года.

Особых приготовлений не было. Правда, комнаты классов на 3-м этаже были декорированы коврами.

Заведующий курсами Осокин П. П. зачитал приказ Гувуза об открытии курсов и очень коротко определил задачи, поставленные перед курсами, — дать стране офицеров — плоть от плоти, кровь от крови рабочих и крестьян.

Председатель губисполкома тов. Гимов в своем коротком выступлении поздравил командный состав курсантов с началом занятий и пожелал курсантам плодотворных успехов в овладении военной наукой, чтобы стать квалифицированными командирами Красной Армии. Остальные выступающие также подчеркивали большую нужду в командирах из рабочих и крестьян, столь нужных для молодой Советской Республики. В это время армия формировалась уже как массовая.

Состав курсантов по образованию был разнообразный — со знанием приходской школы, с умением только бегло читать и рассказать прочитанное, очень мало было с высше-начальным образованием. За 6 месяцев нужно было изучить всего «Киселева», распознать «пифагорову мудрость».

Со стороны преподавателей требовалась большая и кропотливая работа над «сырым человеческим материалом», жаждущим знаний. А какое стремление было у курсантов к ученью! Засиживались над учебниками до отбоя.

Курсанты не только занимались учебой по программе, они участвовали в мероприятиях внутренней жизни школы, ремонтировали здание, заготовляли дрова, участвовали на субботниках по оказанию помощи городскому хозяйству, на транспорте очищали от снега путь для поездов и, наконец, участвовали в укреплении волжского косогора в связи с подходом Колчака к Волге.

И несмотря на такую нагрузку, при скудном в то время питании (суп из сухой воблы и овсяная каша) курсантская задорная песня «Мы кузнецы, и дух наш молод...» резала воздух и четко разносилась на ближайшие улицы тихого мещанского города Симбирска.

Некоторые из «граждан», чьи сыновья и мужья находились в рядах белой армии, были не довольны тем, что безграмотные крестьяне и рабочие будут командирами Красной Армии, и они думали, что все это только эпизод, что «свои» скоро опять придут в Симбирск.

Однажды ко мне подошла машинистка Надя и сказа-

ла: «Я слыхала, что скоро белые опять придут в Симбирск и тогда всех вас перевешают». Я ей ответил, что солдаты Красной Армии легко не сдаются.

Обстановка на Волге, в связи с приближением Колчака, сгущалась. К весне это стало заметно отражаться и на внутренней жизни курсантов. Был получен приказ— приготовиться к эвакуации всего хозяйства курсов. План эвакуации поручили составить мне в течение 24 часов.

Забегая вперед, скажу, что воспользоваться планом эвакуации не пришлось. Обстановка на Восточном фронте изменилась, и надобность в его применении отпала.

Город Симбирск был объявлен на военном положении. С 10 часов вечера и до 6 часов утра появление на улице разрешалось только по специальным пропускам командования гарнизона.

В конце первой декады марта 1919 года, когда мы находились в театре вместе с зав. курсами, комиссаром и командиром 4-й роты Балабановым на опере «Кармен», часов около 10 вечера дежурный по курсам — командир взвода Шлямин П. вызвал тов. Осокина. Осокин быстро вернулся и приказал мне явиться в здание корпуса и принять необходимые меры по обстановке, которую доложит дежурный. А суть была в следующем. Часовой у восточных ворот, заметив двух человек, перебравшихся с улицы на каменную стену к расположению электростанции, дал тревогу, но неизвестные скрылись. Видимо, враги намеревались совершить диверсию. Вскоре начались кулацкие мятежи.

Числа 10 ночью первая рота во главе с ее командиром Кортяновичем выбыла в Сенгилеевский уезд на подавление кулацкого восстания.

«Чапанное» восстание подавлено, но в результате его было много жертв из числа партийных и советских работников уезда.

В Симбирск привезли трупы зверски убитых 17 человек. Они похоронены на Новом Венце, где воздвигнут ныне обелиск.

24 мая 1919 года около 8 часов утра, когда я проходил мимо парадного входа, заметил преподавателей, толпившихся в вестибюле, и усиленную охрану входа. Адъютант курсов попросил меня войти к заведующему. Когда я вошел в кабинет, то по хмурому, строгому лицу Осокина определил: случилось что-то неладное.

Встав из-за стола, что редко с ним случалось, приняв положение «смирно», строго сказал: «Вы назначаетесь начальником хозяйственной части вновь формируемого батальона, сегодня к вечеру курсы в полном составе выбывают на Южный фронт». Протянул мне расшифрованную телеграмму. Я направился к губернскому военному комиссару за приказом на получение револьверов, которых мало было на вооружении курсов, лошадей для формирования взвода конной разведки и обоза, походных кухонь и других предметов, необходимых для оснащения боевой единицы. Мне было сказано, что по всем этим вопросам указание дано воинским частям гарнизона и отделу снабжения губвоенкомата. Но получить все, это было нелегко. Например, десять револьверов нужно было получать в трех воинских частях.

Часов около трех дня я пришел в здание доложить зав. курсами Осокину и комиссару Штейману о выполнении заданиях, и в это время мне была передана горькая весть: «Вы остаетесь заведующим хозяйством курсов, на фронт с нами не поедете», — сказал мне комиссар.

Часов около пяти дня курсы в полном составе, сопровождаемые населением, отправились на станцию Ульяновск I для погрузки. Часов в 11 вечера я приехал на станцию и доложил тт. Осокину и Штейману о полном выполнении задания. Командование обошло эшелон, давая дежурным указания. Время подходило к отправке. В 1 час 05 минут московского времени эшелон тронулся...

Начали новый набор на курсы. Опять, как и в первый день, встал вопрос — с чего начинать? Правда, условия были значительно лучше, чем тогда, но и требования были более жесткими: в ближайшие дни начать регулярные занятия курсов. По нарядам из воинских частей и по добровольному набору начало прибывать пополнение, а винтовок не было, все взяли на фронт.

Винтовки в губвоенкомате были, но получить их можно было только по личному приказу командующего Восточным фронтом Каменева С. С.

Написав просьбу об отпуске 300 штук новых винтовок, я лично явился к Каменеву, передал ему это письмо и изложил устно просьбу. Он, прочитав письмо и разглаживая густые усы, сказал: «С палками надо учить, ведь мы в империалистическую войну так делали». Я ответил ему, что сам бывший солдат старой армии, слыхал об

этом и о том, какой результат от этого получался, когда дело доходило до штыкового боя. Тов. Каменев переглянулся с сидевшим рядом с ним членом реввоенсовета и спросил: «Дадим?» Тот кивнул головой, и на просьбе оказалась надпись: «Отпустить 300 винтовок».

На следующий день мне позвонили из приемной командующего фронтом и приказали немедленно прибыть к тов. Каменеву.

Приняв положение «смирно», я доложил командующему фронтом, что по его приказанию прибыл.

Каменев очень спокойно сказал мне: «Мы посоветовались и решили предать Вас военно-полевому суду за неправильное выполнение приказа. — И добавил: — Почему Вы получили 300 новых винтовок, а не бывших в употреблении? Ведь учить и с «раковинами» можно!»

Откровенно говоря я в первый момент струсил от такого решения, но, мгновенно собравшись с мыслями, доложил: «Я выполнил Ваш приказ, товарищ командующий!»

— Такого приказа я дать не мог! — и, вызвав звонком секретаря, дал указание, чтобы подлинник просьбы об отпуске винтовок был доставлен сейчас же губернским комиссаром лично.

Каменев долго вчитывался в текст письма, где, между прочим, была ясно изложена просьба: отпустить 300 новых винтовок, а потом спросил:

— А почему Вы все-таки не взяли заручного оружия?

Я уже немного осмелел и ответил:

— Товарищ командующий, тогда бы я нарушил Ваш приказ.

После этого он улыбнулся и сказал: «Как тщательно, оказывается, нужно читать документы. Молодой, а старика «объегорил», хотя это тоже на пользу. Идите».

В. В. ТАРАСОВ[1]

В ПОМОЩЬ УКРАИНЕ

В начале 1919 года в числе небольшой группы молодых архитекторов, только что окончивших архитектурный факультет Московского училища живописи, ваяния и зодчества, я был привлечен к работе по археологическим обмерам и реставрации памятников архитектуры в только что тогда организованное учреждение «Главмузей Наркомпроса».

В октябре 1919 года Москва была угрюмая, напряженная. Красная Армия на юге отступала. Деникинцы подходили к Туле.

Ленин призывал к защите революции: «Революция в опасности, все на фронт»!

Всем своим существом я почувствовал, что надо защищать революцию, — это прежде всего, а для этого отдать себя в распоряжение партии.

В конце октября 1919 года я подал заявление в партию и записался добровольцем в Красную Армию.

Реввоенсоветом я был направлен в Приволжский военный округ, в город Симбирск, в распоряжение начальника окружного военно-инженерного управления товарища Левандовского.

Товарищем Левандовским я был назначен старшим инженером для поручений и постепенно стал входить в круг своих обязанностей. Тов. Левандовский — энергичный, умный начальник, простой, хороший человек. Особенно меня трогало в нем его внимание и заботы по отношению к сотрудникам. Как-то вызывает он меня к себе и предлагает срочно выехать в командировку с инспекцией работ Пензенской военно-инженерной дистан-

---

[1] Владимир Васильевич Тарасов, член КПСС с 1919 г., бывший работник военно-инженерного управления Приво.

ции. Зима, морозы стояли большие. Тов. Левандовский, вручая мне командировку, внимательно осматривает, во что я одет. На мне солдатская шинель и кожаные сапоги.

— Холодновато тебе будет, валенки-то есть?

— Нет, валенок у меня нет.

— Без валенок ехать нельзя, отморозишь ноги. Петька, поди сюда, — входит мальчонок лет шестнадцати.

— Снимай валенки, — наденешь его сапоги, а ты надевай его валенки.

Вот я в петькиных валенках и колесил по Пензенской губернии.

В Симбирске, вернувшись из командировки, я пробыл еще с месяц. Деникин за это время был уже отброшен и безудержно катился к югу.

По приказу Реввоенсовета Республики Приволжскому военному округу и Симбирской партийной организации было поручено формирование губвоенкомата с десятью уездными военкоматами и инженерной дистанцией для освобожденных от белых армий районов Украины.

Я был включен в состав сотрудников организуемого губвоенкомата и назначен начальником губернской военно-инженерной дистанции. Губернским военным комиссаром был назначен товарищ Варганов Василий Афанасьевич.

Срок для формирования губвоенкомата для Украины был дан небольшой. Преодолевая колоссальные трудности, коммунистами города Симбирска приказ о формировании был выполнен, и эшелон в составе десятка товарных вагонов и одного классного вагона был погружен и в зимний морозный день отправился на Украину. До Харькова мы ехали около месяца. Эшелон частенько на какой-либо узловой станции простаивал двое—трое суток, потом, как бешеный, срывался с места и мчался несколько часов подряд, потом опять длительная остановка и так всю дорогу. В Харькове мы получили назначение в Донецкую губернию, в город Луганск.

Я не буду описывать события следующих лет, так как они к Симбирску никакого отношения не имели, а расскажу в общих чертах, что мы встретили в Донбассе по приезде туда. Донецкая губерния только что была освобождена от белых, которых уже Красная Армия загнала в Крым, но они еще огрызались, даже иногда

высаживали десанты на побережье Азовского моря. Кругом на хуторах, в балках ютились банды всевозможных атаманов. Махновщина еще не была ликвидирована. Поезда часто останавливались бандитами, которые грабили все, что можно, а коммунистов расстреливали. Редкая неделя проходила без похорон кого-либо из товарищей, из числа руководящих работников губернии или города Луганска. По губернии ездить приходилось с пулеметами. Иногда банды набирались наглости и подходили к городу. По тревоге губвоенкомом мобилизовывались отряды коммунистов для защиты города.

Но все трудности были преодолены, и коммунистам Симбирска в победе с врагами и в восстановлении Украины принадлежала не последняя роль.

А. И. ЮСУПОВ[1]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТАТАРСКОЙ СЕКЦИИ РКП(б) С. С. ГАФУРОВ

С летних каникул, которые провел в родном Старо-Тимошкине, в Симбирск я вернулся только поздней осенью 1918 г. и на этот раз не для продолжения учебы в Симбирском коммерческом училище, а чтобы поступить на работу.

Я остановился жить у своего дяди, человека малосемейного и имеющего большую квартиру на Кирпичной улице. Он служил в отделе национальностей Симбирского губисполкома. Отдел помещался неподалеку, на Лосевой улице. К нам «на огонек» частенько заглядывали сослуживцы дяди и члены мусульманской секции Симбирской организации РКП(б). Мусульманская секция не была ни фракцией, имеющей особую платформу, ни какой другой организацией, обособленной от партии. Она была такой же ячейкой партии, как и все другие первичные организации.

В это время в Симбирске было немало крупных татарских работников-большевиков. Среди них был и мой односельчанин, член губисполкома и член коллегии губчека Бякир Белоусов. Бякир пришел к нам «во всеоружии» (при маузере в деревянной кобуре) и был в возбужденно-боевом настроении солдата, готового в любое

---

[1] Абдулла Ибрагимович Юсупов, член КПСС с ноября 1919 г., бывший секретарь Мусульманской секции Симбирской организации РКП(б), участник гражданской войны, ныне инженер-подполковник запаса, проживает в г. Казани.

время ринуться в бой. Впрочем, таким он был в эти годы всегда.

У дяди же встретил я и члена мусульманской секции известного татарского поэта Фатхи Бурнаша. В моем тогдашнем представлении, способном к чрезмерной идеализации людей (учтите, что я только что сошел со школьной скамьи), писатели и поэты были людьми не от мира сего. Поэтому с Бурнашем я познакомился с каким-то восторженным волнением. Но Фатхи оказался вполне от мира сего: простой и остроумный собеседник, а в досужий час — и певец с очень приятным голосом.

Тут же познакомился я и с самым пламенным трибуном нашей секции — Хабибуллиным, очаровавшим меня способностью произносить большие, содержательные и доходчивые речи. Меня, не искушенного в ораторском искусстве, поражало то обстоятельство, что Хабибуллин свои хорошо скомпанованные и стилистически великолепно отработанные речи произносил без заранее заготовленного конспекта и почти экспромтом.

Квартиру дяди посещали и такие видные симбирские большевики-татары, какими были энергичный и живой Гадилев (имя которого, как и имя Хабибуллина, к сожалению, я забыл) и простак и умница Шакир Измайлов, которые в 1925—1927 годах в Казани занимали посты народных комиссаров в Правительстве Татарской Республики.

Видным и авторитетным в Симбирской партийной организации был большевик-татарин Кадыр Абдрахманов, но он в мусульманскую секцию не входил.

Встречи и постоянное общение с этими товарищами определили и линию моего политического поведения на всю жизнь. Но самой решающей для меня была встреча с руководителем симбирских большевиков-татар товарищем Сигбатуллой Садыковичем Гафуровым.

С. С. Гафурову было тридцать лет. Высокий и стройный, в движении прямой и чуть откинутый назад, внешне строгий, при первой встрече он оставлял впечатление гордого и недоступного человека, но стоило хоть один раз увидеть его широкую улыбку и веселое сияние его темных глаз, как от первого впечатления не оставалось и следа. Высокий лоб, чуть подчеркнутый забегающими за гладкую прическу залысинками, глубоко посаженные под брови проницательные глаза, упрямый рисунок рта,

характерный подбородок с ямкой, да и весь его внешний облик говорили о высоких умственных и волевых качествах этого человека.

С. С. Гафуров отличался хладнокровием, выдержкой, твердостью и принципиальностью. До предела разгоряченным я видел его лишь один раз. Как-то к нам в секцию заглянул один молодой татарин из числа бывших учеников реального училища и поинтересовался у Гафурова — можно ли будет ему вступить в партию большевиков. Гафуров узнал в нем занимающегося спекуляцией мешочника и глубоко возмущенный нахальством этого субъекта выгнал его.

Если в лице Белоусова, Бурнаша, Гадилева, Измайлова, Хабибуллина и других я встретил послеоктябрьское пополнение партии большевиков, то в лице С. С. Гафурова передо мной был представитель ленинской гвардии, прошедший с партией все междубурье 1905—1917 годов и все три революции. Передо мной был человек, прошлое которого во мне вызывало восхищение, а настоящее — стремление подражать.

Когда я представился С. С. Гафурову, он сказал:

— Я хорошо знаю ваше Старое-Тимошкино! Когда меня в 1914 году осудили на год тюрьмы и выслали из Баку по этапу, я приехал, как сосланный, в Симбирскую губернию, и работал на фабрике Акчуриных!

С того дня, когда меня приняли в партию (сначала сочувствующим в апреле 1919 года, а потом в члены — в ноябре 1919 г.), я стал техническим секретарем мусульманской секции и встал очень близко к этому редкостному человеку. Говорю редкостному потому, что большевиков-татар с таким большим подпольным стажем было на всю Россию всего несколько человек. Партийный стаж с 1905 года С. С. Гафурову установили после его возвращения с первого совещания при Народном Комиссариате по делам национальностей.

— Шел я к Народному комиссару впервые и думал, как с незнакомым большим человеком разрешить наши губернские вопросы! Когда вошел к И. В. Сталину, узнал в нем нашего бакинского руководителя и, подойдя к нему, смело спросил его: «Вы — Коба?» Сталин ответил утвердительно и тут же узнал меня! — рассказывал мне про эту встречу Гафуров и показал бумажечку величиной в восьмушку листа, на которой красными чернилами

рукой И. В. Сталина было написано, что он, Сталин, встречал С. С. Гафурова в Баку в 1907 году как активиста Бакинской организации РСДРП (большевиков).

Всем нам была известна работа С. С. Гафурова в период февраля—октября 1917 года. Было известно также, что С. С. Гафурову, оказавшемуся в Казани в дни чехословацкого мятежа, была поручена ответственная общегосударственная задача — вывоз части золотого фонда РСФСР из Казани в Москву.

По должности технического секретаря мусульманской секции я пользовался правом доступа к С. С. Гафурову в любое время. Я часто приходил к нему на квартиру (он жил на Лосевой улице, на втором этаже, недалеко от угла в одном квартале с аптекой отца Александра Швера).

Во время этих встреч простой и откровенный Гафуров рассказал о своей работе в Баку, куда он гонимый нуждой приехал на заработки четырнадцатилетним подростком из родного села Татарский Шумалак, Безобразовской волости, Хволынского уезда, Саратовской губернии. В Баку он проработал несколько лет на нефтяных промыслах. На его глазах развертывались важнейшие революционные события в этом крупнейшем революционном центре России. В большинстве этих событий он участвовал, за что был дважды репрессирован царскими властями. Он был членом одного из райкомов партии Баку, кооптирован в члены Бакинского комитета, ведал партийной кассой и был членом стачечных комитетов.

Теперь приходится жалеть о том, что подробности этих сообщений остались незафиксированными, а память не в силах их восстановить. Гафуров любил рассказывать о победоносных стачках и демонстрациях бакинских рабочих, но о себе как-то умело замалчивал. Так, например, я от него ни разу не слыхал, что в Баку вместе с ним были еще два брата и оба большевика (один из них, по имеющимся в Казани сведениям, Галиулла Садыкович Гафуров—член партии с 1910 года—жив и поныне). Об этой важной детали, характеризующей семью Гафуровых, я узнал совсем недавно.

С. С. Гафуров был в одно и то же время и членом Симбирского губисполкома, и в качестве такового занимал пост заведующего отделом национальностей, и председателем мусульманской секции РКП(б).

Постоянной работой отдела национальностей было советское строительство. Эта обширнейшая работа требовала особенного напряжения после освобождения захваченной белочехами части Симбирской губернии. Гафуров С. С. рассылал на места работников отдела на работу по восстановлению нормальной деятельности Советов и комитетов бедноты в татарских селах и сам выезжал для помощи этим органам в Симбирский и Буинский уезды.

Нужно сказать, что в условиях Симбирской губернии зимы 1918—1919 годов, когда по ней прокатилась волна кулацких восстаний, эта работа была не из легких, а поездки представляли далеко не мирную и безопасную прогулку. Перед отделом и его руководителем на местах и в центре губернии вставали сотни разнообразных вопросов, начиная с продовольственного и кончая вопросами выдвижения национальных кадров. И все они были злободневными и не терпели отлагательств.

Отдел вел переписку почти со всей губернией на татарском языке. Весь поток писем от татарского населения периферии в виде жалоб и заявлений в губисполком проходил через отдел национальностей. Поэтому он превратился в филиал губисполкома по приему и разбору писем трудящихся-татар. Этой кропотливой и благородной работе С. С. Гафуров уделял много времени. Она принесла отделу большую популярность в народе, и сельские ходоки искали его, называли «Татарским губисполкомом», а С. С. Гафурова — «председателем».

Главный отпечаток на работу отдела национальностей накладывала гражданская война. Это особенно относится к первой половине 1919 года, когда Симбирск был резиденцией штаба Восточного фронта, а губерния — фронтовым тылом. Естественно, что отдел национальностей и мусульманская секция все силы отдавали военной работе. Конкретно говоря, это была широкая агитационно-пропагандистская работа среди красноармейцев-татар в городских казармах и призывных пунктах, на станции и пристани, в проходящих эшелонах. В эту агитацию значительную лепту внес сам С. С. Гафуров своим богатым опытом работы среди солдат в период февраля—октября 1917 года.

Весной же 1919 года, когда обстановка настолько осложнилась, что практически встал вопрос об эвакуации

из Симбирска в Муром штаба Восточного фронта, и когда т. Белоусов начал формировать в Симбирске 2-ю татарскую бригаду, отдел национальностей участвовал во всех военно-организационных мероприятиях губисполкома, а мусульманская секция отдала на фронт лучших своих членов.

Отдел национальностей в больших масштабах развернул издательство татарской литературы. Он издавал губернскую татарскую газету «Кень», редактором ее был Фатхи Бурнаш. Она выходила в тесном контакте с общегубернской газетой, редактор которой А. Швер оказывал татарской газете повседневную помощь и идейное влияние.

Трудно переоценить значение этого дела! «Кень» несла до трудящихся татар слова Ленина на их родном языке, решения партии и правительства и была связующим звеном между партией и татарским народом. В газету приносили письма первые рабкоры-татары. Сюда шли и первые советские татарские писатели и поэты. Она была полем, на котором расцветали первые литературные таланты ранее отсталого народа. В газете печатался талантливый поэт Ахмет Япанчи, погибший от тифа. Первые стихи в наш «Кень» принес и будущий выдающийся татарский писатель Кави Наджми — автор «Весенних ветров». Имея типографию, отдел национальностей выпускал не только газету, но и издавал брошюры и листовки на татарском языке.

С. С. Гафуров любил нашу газету и очень ею дорожил. Помню, как он распекал одного из членов нашей секции, в руках которого заметил сверток, обернутый свежим номером газеты «Кень».

— Если бы ты только знал, как мы до революции выпускали и доставляли до рабочего читателя каждый номер большевистской газеты и как ее номера бережно хранили рабочие, ты бы этого не сделал! — возмущался он.

Пожалуй, самой трудоемкой работой была работа отдела национальностей по организации народного образования среди татар. Как известно, до революции вовсе не было государственных татарских школ, библиотек и читален. Организация сотен первых советских татарских школ, подбор их кадров, обеспечение этих школ новыми

советскими учебниками, организация первых библиотек и читален, комплектование их литературой — все это было не чем иным, как поднятием целины в области народного образования.

Всю эту необъятную работу отдел национальностей проводил через мусульманские секции при губернском и уездных отделах народного образования. До революции в частных татарских школах губернии обучение вели или муллы или их дети. Среди учителей-профессионалов большинство составляли также выходцы из среды духовенства. Проблема подготовки кадров для советских татарских школ была одной из важнейших проблем, имевших острое политическое значение. Поэтому при мусульманской секции губернского отдела народного образования были организованы педагогические курсы, на которых готовились и переподготовлялись первые советские учителя-татары.

При поднятии этой целины С. С. Гафуров был зачинателем и активным поборником дела просвещения. Вероятно поэтому в конце двадцатых годов при открытии одного из клубов в Ульяновске ему присвоили имя С. С. Гафурова.

Тяга к культуре среди пробужденных революцией татар проявилась также в создании различного рода самодеятельных кружков. В Симбирске еще в годы первой мировой войны существовал сильный татарский драматический кружок. Отдел национальностей превратил этот кружок в драматическую труппу отдела. Труппу возглавлял симбирянин Бари Тарханов, ставший потом профессионалом—артистом Татарии.

Таковы главные моменты работы отдела национальностей, возглавлявшегося членом губисполкома С. С. Гафуровым.

Я уже писал, что С. С. Гафуров был одновременно и председателем мусульманской секции. Поэтому позволю себе написать несколько строк и о работе этой секции.

Мусульманская секция при губкоме партии глубоко вникала во все дела отдела национальностей и мусульманских секций при отделах народного образования. Поэтому сказать, где начиналась работа секции и кончалась работа отдела национальностей, невозможно.

Из области собственнопартийной работы, которую

Драматическая труппа Чувашской секции Симбирской организации РКП(б).
В центре – председатель Чувашской секции Г. С. Савандеев.

Коммунисты-чуваши перед отправкой на фронт против Колчака.

выполняла секция, можно было бы указать на следующие моменты.

Секция вела большую партийно-массовую работу среди советского поколения татарского учительства и, в частности, той ее части, которая была собрана на губернские педагогические курсы. В результате этой работы курсы стали главным источником пополнения большевистских рядов секции. Кстати, здесь формировался как коммунист и слушатель этих курсов Кави Наджми.

В 1920 году мусульманская секция при губернском отделе народного образования созвала губернскую конференцию учителей-татар, на которой реакционное учительство пыталось дать нам идеологический бой. Лучшим нашим помощником в борьбе за новую школу были слушатели этих курсов. Они в открытой дискуссии разбили реакционеров, и это мы законно приняли как награду за нашу воспитательную работу на курсах. С. С. Гафуров, возглавлявший борьбу с реакционным учительством на конференции, показал нам, каким должен быть непримиримым и последовательным в идеологической борьбе большевик.

Вести бои на идеологическом фронте приходилось не только на конференции учителей. Зимой и весной по татарским деревням Симбирского уезда разъезжал новоявленный мусульманский «теоретик» - националист некий Ваисов и проповедовал, что-де на Восток (сиречь к мусульманским народам, в том числе и к татарам) надо идти с марксизмом, приправленным исламом, т. е. религиозным учением Магомета. Этакого рода политическую отраву нейтрализовать среди тогда еще религиозно настроенного татарского населения стоило немало трудов. И здесь С. С. Гафуров учил товарищей по секции, как осторожно, но твердо и последовательно надо разоблачать наряженную в религиозную тогу враждебную идеологию.

Какими-либо солидными знаниями в области марксистско-ленинской теории члены секции не обладали еще, но наша секция стояла на ленинских принципиальных позициях по всем общепартийным вопросам. Она стояла также на ленинских позициях и по национальному вопросу. Здоровое идеологическое состояние мусульманской секции объясняется близостью к ней руководства Симбирского губернского комитета партии и в огромной

степени тем, что во главе ее стоял такой испытанный ленинец, старый большевик, как С. С. Гафуров.

Несколько слов о работе мусульманской секции среди молодежи. В 1920 году С. С. Гафуров предложил Ф. Ксенофонтову, работавшему в губкоме комсомола, созвать губернскую конференцию татарской молодежи. Губком комсомола принял это предложение. Конференция состоялась в дни нападения на Советскую Россию панской Польши. Меня, как самого молодого члена секции, в пожарном порядке «окомсомолили» и поручили готовить конференцию. На нее приехало человек тридцать комсомольцев со всей губернии и несколько комсомольцев-татар из Мелекесского уезда. Конференция обсуждала вопросы работы среди татарской молодежи и прошла очень дружно. Многие делегаты этой конференции записались добровольцами на советско-польский фронт. На ней мы выбрали своего представителя в губком комсомола, и он был кооптирован в члены губкомола. Гафуров приветствовал конференцию от имени губкома партии и присутствовал на всех ее заседаниях.

Летом 1920 года из ЦК партии пришла телеграмма в губком с предложением мобилизовать трех ответственных работников татар на фронт. В эту тройку вошли С. С. Гафуров и я. ЦК партии меня направил в распоряжение Центрмусвоенколлегии, а последняя послала меня на Туркестанский фронт.

Вновь с С. С. Гафуровым я встретился в Казани в 1924 году, когда вернулся с фронта. Оказалось, что в 1920—1924 годах Гафуров работал в Восточном отделе Исполкома Коминтерна, где выполнял ответственные поручения.

В то время я был на военной работе, а С. С. Гафуров работал в областной контрольной комиссии РКП(б), и мы с ним встречались не так часто. В 1927 году я уехал надолго из Казани и из частной переписки с товарищами знал, что С. С. Гафуров до 1937 года работал в Казани в истпарте.

Г. В. ГРЕЙСЕР[1]

КОМСОМОЛ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

7 ноября 1918 года в г. Симбирске была открыта «1-я Пролетарская трудовая школа II ступени имени Карла Маркса». Этой школе суждено было сыграть большую роль в истории ульяновского комсомола.

Школа занимала здание бывшей «2-й императорской гимназии», затем много раз меняла свое помещение и к 1921 году прочно обосновалась в здании бывшей кашкадамовской гимназии, по соседству с бывшим кадетским корпусом — с одной стороны и городским театром — с другой стороны.

Симбирск раньше был «дворянским гнездом». Город имел очень много привилегированных учебных заведений для детей дворян, помещиков, духовенства, богатых купцов и чиновников, и, естественно, в первые дни Октябрьской революции эти учебные заведения были оплотом контрреволюции.

Вновь созданная школа имени Карла Маркса укомплектовывалась исключительно пролетарскими элементами. Из глухих сел и уголков губернии приехали дети крестьянской бедноты, а город дал рабочую прослойку.

Школа имени Карла Маркса показывала наглядно, что Октябрьская революция открыла дорогу бедноте к

[1] Георгий Владимирович Грейсер, член КПСС с 1924 г., бывший комсомолец, учащийся школы им. Карла Маркса, ныне пенсионер, проживает в г. Москве.

учебе и что пролетарская детвора может учиться не хуже детей дворян. Особым вниманием школа была окружена со стороны Симбирского губкома партии и ее председателя Варейкиса. Вокруг новой школы сразу создалось крепкое ядро всех честных, прогрессивно настроенных преподавателей. Помню, особенно активны из них были Савелов Дмитрий, Смирнова Екатерина, Храмцов Сергей, Гречкин, Ласточкина. Крепко они нам тогда помогали.

Первые дни одеты мы были разношерстно и очень бедно: кто был в гражданском, а кто в военном обмундировании. Лишь впоследствии нас стали одевать в мундиры и прочую одежду бывших воспитанников кадетского корпуса. Старые ульяновцы наверное помнят, как в городе, только что отбитом у белых, везде и всюду можно было видеть вооруженную молодежь — «марксят», как нас тогда прозвали в губкоме партии.

С любопытством рассматривали мы богатые комнаты бывшей императорской дворянской гимназии. Особенно привлекал нас богатый физический кабинет с его таинственными блестящими приборами. У всех ребят настроение было боевое: ведь до революции мы шли трудовой тяжелой дорогой и никогда ничего не видели светлого, и вот революция открыла нам храм науки, и мы с жадностью и почти недетским любопытством набросились на книги, с величайшим вниманием слушали беседы преподавателей.

А город бурлил, реакция ушла в подполье, с белыми войсками удрали не все реакционно-настроенные гимназисты. Семинаристы нагло расхаживали по городу, распускали всякие слухи. Но к нашей школе близко подходить боялись. У многих из нас было еще не сданное в армии оружие, да кроме того, мы в город не ходили в одиночку, а всегда по 10—15 человек. Держались мы смело, весело пели революционные песни и всегда возвращались окруженные большими толпами ребят городской бедноты, тянувшихся к нам.

Видно было, как разделилась молодежь города на два лагеря: с одной стороны, дети дворян, богачей — гимназисты и с другой — пролетарская молодежь со своим центром в нашей школе — ячейкой юных коммунистов — «Третий интернационал». Губком партии дал нам задание: завоевать городскую молодежь, привлечь на сторону революции все, что есть хорошего в старой школе.

И вот началась борьба. Начали мы собирать общегородские митинги молодежи то в школе имени Карла Маркса, то в гортеатре, то просто на Новом Венце. Главари гимназистов приходили на них всегда окруженные тесной гурьбой, с подозрительно оттопыренными карманами, с палками и прочими «аргументами» своих «ораторов». Эти «аргументы» наши ребята при входе на митинг у них отбирали и говорили, что на митинге будет честный идейный разговор молодежи, а кто хочет драться, — пожалуйста после митинга.

Все больше и больше молодежи переходило на нашу сторону. Гортеатр дрожал от аплодисментов, когда выступали наши ораторы, старшему из которых не было и 15 лет. Ораторы у нас были хорошие. Особенно хорошо, красиво говорил Филя Ксенофонтов. Выступления же гимназистов оканчивались свистом и изгнанием их со сцены.

Митинги, молодежные вечера, субботники, которые мы регулярно впоследствии проводили, собирали большое количество молодежи города. К началу 1919 года трудящаяся молодежь была почти вся на нашей стороне, на стороне революции. Во всех школах молодежь активно налаживала учебу, стала наводить чистоту и порядок в городе. Только одна и та же ничтожная кучка вожаков-гимназистов всегда мешала нам на митингах, вечерах. Было их не больше десятка, и решили мы с ними «поговорить». После этого «разговора» они долго ходили перевязанные и, как ни странно, на нас злобы не имели, а, наоборот, начали искать с нами дружбы. Очевидно, синяки заставили их крепко задуматься и вернули их к реальному мышлению.

К началу 1919 г. в городе организовались союзы коммунистической молодежи. 13 апреля был избран горком РКСМ. Руководили комсомолом активисты как из нашей школы, так и железнодорожного узла и заволжского завода. Горком РКСМ имел свою комнату при губкоме партии в Доме Свободы (в б. губернаторском доме).

Видными деятелями комсомола были тт. Меркин Владимир, Ксенофонтов Филипп, Кузнецов Николай, Евграфов, Варейкис Михаил, Варейкис Вацлав, Дворянкин Федор, Кислицын Иван, Розен, Смирнов Геннадий, Вера Фомина, Маруся Католичук. Они одновременно были и

активом школы им. Карла Маркса и большинство из них жило в общежитиях школы. Молодежь сплотилась и крепко поддерживала все мероприятия молодой Советской власти как в городе, так и на селе.

Много раз выезжали мы в уезды по организации комсомольских ячеек в деревнях. Деревенская молодежь с жадностью тянулась ко всему новому. Несмотря на запрет со стороны родителей, она все же шла на наши собрания, вступала в комсомол. Кулацкой молодежи не удавалось срывать наши собрания. Организационные собрания молодежи проходили в деревнях очень деловито: тут же после собрания производилась запись в комсомол, выбирали секретаря или комитет, сельсовет тут же давал помещение. А это помещение приводилось в порядок силами комсомольцев. Помню, как в одном большом селе они затащили даже пианино помещика. Ячейки начинали свою работу, а мы ехали дальше, в следующую деревню, где нас с нетерпением ждала молодежь. У нас были «открытые листы» и мандаты, по которым нам давали подводы от села к селу.

1919 год в жизни симбирского комсомола был боевым годом. Белые банды Колчака вели наступление и близко подходили к берегам Волги. Вся молодежь города и губернии была призвана к строгой революционной дисциплине. Все комсомольские ячейки начали изучать военное дело, маршировку, оружие. Старые коммунисты-большевики, рабочие из военных ходили по ячейкам комсомола, налаживая военную работу. Вооружали лучших, надежных комсомольцев.

Стал организовываться 1-й Симбирский стрелковый рабочий полк: со всей губернии и из города шли в этот полк коммунисты, комсомольцы, рабочие. В мае 1919 года примерно три четверти комсомольцев ячейки школы имени Карла Маркса встали в ряды этого полка. Вначале мы несли охрану складов, охрану города и усиленно изучали военное дело, оружие и уставы. В третьей роте этого полка большинство составляли городские и сельские комсомольцы. К нам в полк приехали боевые и смелые ребята из Ардатова, Алатыря, Карсуна во главе со своими руководителями тт. Баскаковым и Иониным. Винтовки у нас были старинной марки «Винчестер» (затвор у них открывался снизу) и японские шестизарядные. Эти винтовки мы хорошо изучили и научились метко стрелять.

Все комсомольцы хорошо знали друг друга и были исключительно дружны и по-боевому настроены. Все свободное от несения охраны время мы тратили на изучение военного дела. Командир нашей роты — молодой рабочий, по фамилии кажется Порозов, был очень серьезный и нажимал на дисциплину и на военные науки. Он говорил: «Вы, молодежь, должны в два раза лучше знать оружие и военное дело, чем в других ротах». На наш вопрос «почему?», отвечал: «Ведь вы в два раза моложе других рот».

Нужно сказать, что нам командование полка не делало никаких скидок на возраст ни в чем решительно: как на маршах и походах, так и впоследствии на фронте нам отводились позиции и окопы одинаково со взрослыми, даже и в голову никому не приходило делать скидку на наш возраст.

Наконец, настал день отправки на фронт. Вся молодежь города пришла нас провожать. Весь полк выстроился, и мы, комсомольцы, стояли на самом левом фланге, так как были самые маленькие ростом, полк стоял по ранжиру. Представители губкома партии и руководство комсомола говорили нам теплые напутственные слова и уже тут при проводах сказалась наша упорная учеба: при обходе командир полка нашел у нас все в порядке по части военного хозяйства.

Душой нашего комсомольского взвода был В. Варейкис. Мы все ориентировались на него, он проверял наше оружие, подбадривал, помогал маленьким, хотя и самому-то ему не было полных 15-ти лет. Он частенько пересчитывал наши патроны, так как, нечего греха таить, мы любили стрелять в цель и расходовали иногда патроны сверх нормы. Впоследствии на фронте нам меткая стрельба крепко пригодилась. Была ранняя весна. Вся молодежь провожала нас до пристани, и долго мы махали друг другу руками. Пели революционные песни на берегу, на пароходе.

Прибыли мы на Восточный фронт в район действий Чапаевской дивизии. Шли жаркие бои. Мы делали тяжелые, быстрые переходы прямо на глазах рыскавших по степи казачьих сотен.

Наш 1-й Симбирский рабочий полк нес большие потери, но мы не знали отступлений, да и не могли отступать, так как «Отступление смерти подобно» — говорили

командир полка тов. Космовский и комиссар тов. Андронников.—«Ведь мы воюем с белыми казаками, они на лошадях и всегда отступающих догонят и порубят». Энтузиазм симбирских комсомольцев был велик, и командование даже нас сдерживало—«не горячитесь, ребята!»

Крепко полюбили наш комсомольский взвод тт. Космовский и Андронников. В тяжелые минуты боя они всегда нас выручали. Выручили нас командир и комиссар полка и в боях за Казанку. Наступали мы всем полком на крупную казачью часть. Наш комсомольский взвод был на самом левом фланге. Сблизились мы с казаками метров на сто. Их лошади были спрятаны в лощинах, и они в пешем строю вели сильный огонь из пулемета, не давая нам подняться в атаку. У нас пулемета не было, и по команде командира взвода мы стреляли залпами, как только увидим, что казаки идут в атаку. И этим мы их сдерживали.

Чтобы стрелять, нам нужно было высовываться из окопов. Казаки увидели, что против них молодежь, и решили прорваться в деревню: закричали, засвистели, обнажили шашки, выдвинули вперед пулеметы и поливали нас огнем. Мы отчетливо видели, как им спешно подводят лошадей. Тогда мы начали выскакивать из окопов и кричать: «Бей белых бандитов»—и, стреляя на ходу, пошли в контратаку. Шум поднялся страшный. Мы увидели, что казаков было больше, чем нас. Командиры наших отделений и командир взвода стали кричать: «Ребята, ни шагу назад, стрелять быстрее, когда сблизимся — бросай гранаты!»

Все это видел командир полка и стал быстро, с криком «ура» загибать правый фланг, заходя в тыл к казакам и грозя им окружением. Казаки начали отходить, а затем побежали. И бой нами был выигран.

В казачьих окопах, куда мы спрыгнули, мы набрали много патронов, оружия. Собирали мы казацкое оружие, но чувствовали, что-то нас мало, и сразу догадались, поняли без слов. Пошли назад и увидели: тихо лежат комсомольцы и мертвые они крепко сжимали винтовки! Похоронили мы ребят в степи. Хотели посадить на общей братской могиле хоть кустик, но кругом была выжженная степь. Оставили на могиле несколько стальных касок.

В дальнейшем бои стали еще более ожесточенными, какими-то злыми. Мы все загорели, возмужали, меньше

стало шуток, песен. В. Варейкис совсем стал худой, черный от загара, как закопченный. Обычно говорливый Рома Владимиров затих, Леня Клочков совсем перестал разговаривать, — все тяжело переживали смерть товарищей.

На коротких привалах, едва вычистив оружие, мы засыпали сразу, не раздеваясь и даже не поев. И каково было наше удивление, когда мы, просыпаясь, видели себя раздетыми, умытыми, а рубахи наши выстиранными. Оказывается, хозяйки домов, в которых мы ночевали, нас сонных приводили в порядок. С аппетитом утром мы ели любимые в тех местах блюда — картофель, запеченный в кислом молоке. Хозяйки, почему-то утирая слезы, молча ухаживали за нами. Потом-то мы догадывались, что они плакали жалея нас, видя, какие мы еще молодые и какая жестокая шла борьба против белых кулацких банд. Мы оставляли хозяйкам свой солдатский паек и шли дальше.

В каждой деревне к нам в полк просилось много молодежи, но нам не хватало оружия. Тогда молодежь стала добывать оружие в боях, и мы могли принимать пополнение.

На глазах у всего населения уральских степей проходили уже ставшие суровыми воинами симбирские комсомольцы. Мы все шли и шли с боями вперед. Командование торопилось, не давая белым казакам опомниться. И по всем селам, где мы проходили, росли симпатии населения к Красной Армии. Молодежь этих сел нас встречала и провожала в каждом селе, чувствовалось, как глубоко задумывалась эта молодежь над самим фактом, —как спокойно, смело отдавали свою жизнь за власть Советов молодые красноармейцы.

Наступила осень 1919 года. Колчаковские банды откатывались к Уральску. К нам пришел как-то по-особому грустный командир. Чуя недоброе, мы окружили его. Он держал в руках приказ и никак не мог начать читать его. Мы сами взяли приказ и прочли вслух новость, ошеломившую нас. В приказе было написано, что всех, не достигших шестнадцатилетнего возраста, демобилизовать и отправить с фронта. Мы уже крепко сжились боевой дружбой с полком, втянулись в тяжелую армейскую жизнь, окрепли физически и морально. Но приказ есть приказ. И мы вернулись в свою родную Симбирскую организацию. Радостны были встречи. Симбирский ком-

сомол к этому времени вырос и полностью завладел всей молодежью города.

Демонстрация 7 ноября 1919 года нас, приехавших с фронта, приятно удивила своей многочисленностью: не десятки, а сотни новых комсомольцев участвовали в параде и демонстрации. Уже стал выходить в городе свой журнал «Юный пролетарий».

Мы снова взялись за учебу, но не долго пришлось поучиться. Губком комсомола получал все новые и новые боевые задания. В мае 1920 года проводилась мобилизация комсомольцев на польский фронт. Отбирали лучших, крепких, да и годами постарше. Я снова был мобилизован в качестве политрука маршевой роты 28-го полка на Южный фронт. Поехало нас из школы имени Карла Маркса трое: Воронцов Гриша, Криппа Александр и я. Нам не было еще и по 16-ти лет, но мы доставили свои роты на Южный фронт в образцовом порядке, без единого дезертира, за что получили благодарность от Симбирского губвоенкомата.

Много лет прошло с тех пор, но закалка, данная Симбирским комсомолом, так и живет в сердце каждого из нас, старых комсомольцев, и куда бы ни бросала судьба, мы всегда с радостью и волнением вспоминаем Симбирскую комсомольскую организацию и школу имени Карла Маркса, откуда многие из нас получили путевку в жизнь.

П. В. РЕДЬКИН[1]

1918—1920 ГОДЫ В КАРСУНЕ

Чрезвычайно напряженная обстановка создалась в Карсуне и Карсунском уезде весной 1918 года. Мятеж чехословацкого корпуса, положивший начало гражданской войне, вызывал радость у карсунских реакционеров.

Фронт гражданской войны, в связи с занятием Симбирска чехословацкими и белогвардейскими войсками, приблизился к Карсуну на расстояние 25—30 километров. Притаившиеся реакционные силы активизировались. Из волостей все чаще и чаще поступали известия об убийствах и покушениях на советских активистов и членов комитетов бедноты. В селе Березниках возникла бандитско-террористическая группа, возглавляемая бывшим земским агрономом Копытиным и учителем Судосеевской школы эсером Гусевым. В сельских Советах волости, да и в самом волостном центре хозяйничали торгашеские и кулацкие элементы, что сильно затрудняло борьбу с разраставшейся активностью бандитов.

Уездный комитет партии и исполком уездного Совета направили в Больше-Березинскую волость начальником волостной милиции твердого и решительного коммуниста А. С. Лебедева. Его отряду удалось в течение нескольких недель расчистить Советы волости от кулацко-торгаш-

[1] Павел Васильевич Редькин, член КПСС с 1919 г., бывший работник исполкома Карсунского Совета, ныне персональный пенсионер, проживает в г. Карсуне.

ских элементов и организовать население на борьбу с бандой Копытина. Против Лебедева кулачье организовало заговор, и в начале сентября 1918 г. он был злодейски убит.

Карсунские коммунисты и трудящиеся высоко оценили заслуги и самоотверженность тов. Лебедева, присвоив его имя одной из улиц города.

Вскоре после убийства Лебедева усилиями работников чека бандитско-террористическая шайка в Б.-Березинской волости была разгромлена. Один из вожаков банды — агроном Копытин — был найден на дороге убитым, а другой, Гусев, — сбежал.

Гражданская война вызвала огромнейшее напряжение в работе местных советских и партийных органов. Нужен был хлеб и для снабжения продовольствием Красной Армии и для голодающих рабочих промышленных центров. Сопротивление кулацких элементов по сдаче хлебных излишков Советскому государству вызвало необходимость применения чрезвычайных мер. На помощь местным продовольственным органам из центральных промышленных губерний направлялись продовольственные отряды, возглавляемые коммунистами. Осенью и зимой 1918 года в Карсун прибыла значительная группа продовольственных и партийных работников.

С помощью продотрядников заготовки хлеба по продразверстке в уезде проводились гораздо успешнее. Огромную роль в изъятии хлебных излишков у кулацких хозяйств играли деревенские комитеты бедноты. Но некоторые из них допускали иногда и перегибы.

Этим пользовались вражеские элементы. Всякую ошибку, допускаемую комбедовцами и продотрядниками, они истолковывали как произвол, сеяли в рядах середняцкого и бедняцкого крестьянства недовольство.

И вот такой взрыв недовольства кулакам, эсерам, колчаковцам удалось вызвать и в Карсунском уезде. В марте 1919 г. произошел мятеж, получивший название «чапанного восстания».

Волна «чапанки» возникла далеко за пределами Карсунского уезда, но, достигнув Карсуна, была остановлена. Первые признаки восстания появились в селениях, граничивших с Сенгилеевским уездом. В эти селения с заданием разрядить накалившуюся атмосферу уисполкомом и укомом партии были посланы ответственные работники:

председатель уисполкома Кудрявцев М. Я., упродкомиссар Панов М. А., секретарь уисполкома Поляков, политкомиссар полка Репинский С. Л., его секретарь Кожевников М. Д. и другие. Репинский и Кожевников были зверски убиты кулаками в селе Соплевке (ныне Красный Бор).

Председателя уисполкома Кудрявцева и секретаря уисполкома Полякова кулаки схватили в с. Мухино, связали их и после жестоких побоев полураздетыми повезли в штаб повстанцев в с. Поповку. Та же участь постигла и упродкомиссара Панова в с. Каргине. По дороге в с. Поповку они все трое были отбиты у повстанцев группой вооруженных продотрядников и отправлены в ближайшую больницу. Возвратились они в Карсун уже после подавления мятежа.

В с. Вешкайме повстанцы разоружили группу продотрядников, но одному из продотрядников удалось бежать в Карсун, где он рассказал о кровавых событиях в селах Соплевке, Каргине, Мухине и об опасности нападения на Карсун вешкаймских кулаков.

В Карсуне спешно сформировался штаб по подавлению восстания и коммунистический отряд в составе около 80 человек. Коммунистический отряд разделился на две неравные части. Полагая, что главные силы повстанцев будут двигаться на Карсун по вешкаймскому тракту, большая часть коммунистического отряда под командованием А. А. Карсунцева направилась навстречу повстанцам и залегла у дороги на подступах к Карсуну. Другая, меньшая, часть бойцов коммунистического отряда мелкими группами, человек по восемь, рассыпалась по улицам города.

Штаб по руководству боевыми действиями коммунистического отряда с двумя пулеметами расположился сначала в здании уездного Совета (ныне здание райисполкома), а потом, ввиду угрозы быть захваченными повстанцами, перебазировался в здание, занимаемое ныне почтовой конторой.

Наша группа в составе 8 человек под командованием В. Зайцева заняла боевые позиции по Лебедевской улице и первая встретила натиск повстанцев со стороны Краснополки и юго-западных улиц Казачьей части города.

Штаб просчитался, полагая, что повстанцы двинутся на Карсун по вешкаймскому тракту. Они двинулись об-

ходным путем через Краснополку. Заняв без выстрела три юго-западные улицы (ныне Нижне-Вишняковскую, Верхне-Вишняковскую и Барышскую), повстанцы свой главный удар направили на здание уездного Совета, подступы к которому защищала наша небольшая группа, встретившая повстанцев в конце Лебедевской улицы.

На помощь нам штаб выслал подкрепление в составе еще одной группы и пулемета.

Завязались уличные бои. Наш маленький отрядик более часу яростно отбивал натиск повстанцев, наступавших со стороны Барышской улицы. Но случилось непредвиденное обстоятельство. Лошадь, на которой подъехал к нам пулеметчик с пулеметом, испугалась и вместе с пулеметом и пулеметчиком понеслась по Лебедевской улице к центру, а потом на Пензенской улице свернула и вынесла пулеметчика на Барышскую улицу. Наконец, пулеметчику удалось остановить взбешенное животное. Но не успел он развернуться, как выстрелом из винтовки был убит. Пулемет был захвачен повстанцами.

Когда начались уличные бои в городе, отряд под командованием Карсунцева, полагая, что повстанцы захватили весь город, покинул свои позиции по вешкаймскому тракту и ушел через лес по направлению села Урено-Карлинского.

К вечеру разразилась пурга, но бои между защитниками Советской власти и «чапанами» продолжались до поздней ночи. Мятежники, имея численный перевес и вооруженные захваченным у нас пулеметом, овладели целиком Саратовской улицей, но продвинуться дальше, до здания уездного Совета, не смогли.

С наступлением темноты бои прекратились, и нам пришлось провести тревожную ночь в непрерывном патрулировании по не занятым повстанцами улицам города.

К утру следующего дня в Карсун прибыла воинская часть из г. Алатыря, на вооружении которой оказалась пушка. Узнав о прибытии воинской части, кулачье, не возобновляя боев, стало покидать Карсун. К рассвету в Карсуне их почти никого не осталось.

Однако это был не конец. На другой день началось наступление кулацких повстанцев со стороны села Больших Поселок.

В тот день, когда в Карсун вторглись повстанцы из юго-западных селений и начались уличные бои, поселков-

ские жители, работавшие в разных учреждениях города, бросив работу, бежали домой.

Все мерзкое, все подленькое зашевелилось, пришло в движение. Десятка два кулаков и кулацких подпевал нагрянули в сельский Совет и угрожающе потребовали от председателя сельсовета Журавлева С. Г., чтобы тот немедленно созвал сходку. Председатель отказался. Ударили в набат, и площадь перед сельсоветом заполнилась народом. Председателю сельсовета предложили открыть собрание, но тот наотрез отказался. Собрание открыли, помимо воли председателя сельсовета. Председателя решили сменить под тем предлогом, что он является отцом коммуниста. На должность председателя сельсовета избрали известного в селе мироеда и пройдоху Л. П. Аношина, только что бежавшего из Карсуна, где он устроился было на работу в упродкоме.

При обсуждении вопроса о том, присоединяться или не присоединяться к восстанию, мнение пришедших на сход разделилось. Те, что были против восстания, один по одному покинули сходку. На сходке, таким образом, остались кулаки и подкулачники, и они почти единодушно решили выступить и поддержать восставших. Вызвали попа и предложили ему перед выступлением отслужить молебен. Но поп оказался более благоразумным. Он не только отказался от выполнения предложения, но и предложил отказаться от неразумной затеи. Попытка попа вразумить рассвирепевших успеха не имела.

В это время через Поселки следовала в Карсун воинская часть из Алатыря. Обоз с красноармейцами остановился у сельсовета, чтобы переменить подводы. Командир части потребовал смены лошадей, но получил решительный отказ. Более того, обнаглевшие горлохваты потребовали полного разоружения части и передачи оружия повстанцам. Решительно отказавшись вести какие-либо переговоры с повстанцами, командир части отдал приказ по команде зарядить винтовки и приготовить пулемет, а подводчикам трогаться в путь. Подводы тронулись. Красноармейцы сидели на санях с ощетинившимися винтовками и, сопровождаемые недружелюбной толпой, следовали по направлению в Карсун.

Всю ночь в Поселках не прекращалось движение. Кулаки и их подпевалы, вооруженные винтовками, ходили по избам и угрозами поднимали мужиков с постелей, пе-

чек и полатей, заставляли вооружаться чем попало. К утру «доблестного» повстанческого войска набралось до 200 человек. Разбитые на подразделения, часов в десять утра мужики двинулись на Карсун.

Узнав о выступлении поселковских повстанцев, Карсунский штаб выслал им навстречу коммунистический отряд под командованием П. С. Журавлева — сына только что смененного председателя поселковского сельского Совета и артиллерийский расчет, прибывший с алатырской воинской частью. Отряд расположился на возвышенности между Карсуном и Поселками, откуда простреливалась вся местность.

Повстанцы, развернувшись цепями по обеим сторонам большой дороги, увязая в снегу, медленно продвигались вперед. Сигналы, посылаемые повстанцами со стороны командования коммунистического отряда, о том, чтобы те прекратили движение и возвращались домой, или не были поняты, или не были приняты их главарями, и цепи повстанцев продолжали наступать.

Посоветовавшись с представителями штаба, командир отряда отдал приказ артиллерийскому расчету дать несколько выстрелов по Поселкам.

От первых же двух выстрелов в Поселках возникли два очага пожара. Наступавшие повстанцы повернули обратно и побежали к селу. Коммунистический отряд без выстрела последовал вслед за убегавшими повстанцами.

Таким образом, запоздавшее выступление поселковских повстанцев было подавлено двумя артиллерийскими выстрелами, коммунистический отряд вошел в Поселки.

Так усилиями немногочисленного коммунистического отряда Карсуна кулацкое восстание было подавлено.

На площади Карсуна возвышается монументальный конусообразный обелиск, на всех сторонах которого написаны имена тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с врагами Советской власти в те годы, годы немеркнущей славы.

После подавления кулацкого восстания уездный комитет партии и органы политпросвета все чаще и чаще привлекали меня к работе по организации культпросветучреждений в селениях Карсунского уезда. С группой любителей театрального искусства из молодежи я часто выезжал в ближайшие к Карсуну селения: Поселки, Краснополку, Таволжанку, Потьму и др. Наряду с постановками спектаклей нами проводилась большая органи-

заторская работа среди молодежи, широко пропагандировались идеи организации комсомола.

Так, к августу 1919 г. была подготовлена прочная основа для организации комсомола и созыва первой уездной комсомольской конференции. Она состоялась 8 августа 1919 г. Это было незабываемое событие в жизни карсунской молодежи. В составе делегатов уездной конференции преобладала молодежь, делегированная комсомольскими организациями суконных фабрик: Гурьевской. Измайловской, Румянцевской, Базарно-Сызганской и Инзенского железнодорожного узла.

Одним из вопросов повестки дня конференции был вопрос о положении на фронтах гражданской войны. Доклад, сделанный на эту тему представителем Симбирского губкома комсомола Ф. Ксенофонтовым, вызвал среди делегатов конференции небывалый подъем. Много комсомольцев—делегатов конференции заявило о своем желании идти добровольцами в Красную Армию. Одобрив патриотический почин комсомольцев, конференция приняла решение об укреплении Красной Армии и пополнении ее рядов комсомольцами.

Конференция избрала руководящий орган комсомола — уездный комитет РКСМ. Меня, как одного из организаторов молодежи, избрали в состав членов уездного комитета с намерением ввести в состав рабочего аппарата укома. Однако по настоянию председателя уисполкома, где я работал в то время, намерение это не осуществилось.

С организационным оформлением комсомола содержание работы среди молодежи города Карсуна и Карсунского уезда получило определенную идейную направленность. Начался бурный рост рядов комсомола и комсомольских организаций на местах. В качестве члена уездного комитета я выполнял комсомольские поручения в области культурно-просветительной работы, руководил драматическим кружком молодежи, выезжал в села для организации культпросветучреждений и помогал им. Словом, был внештатным инструктором укома РКСМ по политпросветработе.

В ноябре 1919 года, в так называемую «Партийную неделю», я был принят в члены Коммунистической партии.

Через несколько дней меня вызвали в уездный коми-

тет и объявили, чтобы я готовился к выезду в Шуватово-Пятинскую волость для выполнения важных оперативных заданий по продразверстке, трудгужповинности и по борьбе с дезертирством.

Попутно с выполнением этого поручения мною проводилась широкая работа среди молодежи.

В начале декабря 1919 года уком партии командировал меня в качестве представителя укома для сопровождения эшелона красноармейцев, направляемых из запасного Карсунского полка на Юго-Восточный фронт. Но по дороге я заболел сыпным тифом и около месяца пробыл в лазарете г. Пензы.

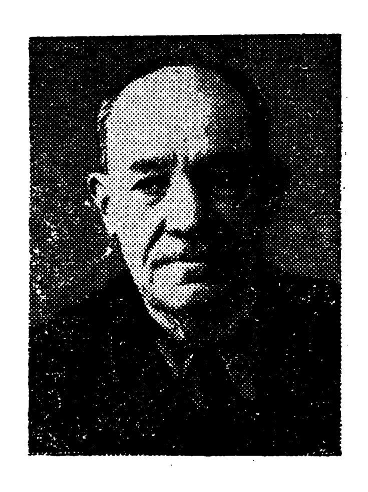
Вскоре я вернулся в Карсун и с июля 1920 г. полностью перешел на комсомольскую работу.

Начал я комсомольскую работу с наведения чистоты в помещении самого комитета комсомола. Девушки под руководством Лели Касаткиной до блеска вымыли окна, двери, полы, шкафы и прочую мебель, обмели пыль со стен и потолков, симметрично расставили письменные столы и прочую мебель, не забыв вывесить табличку, запрещающую сорить и курить в комнате. Под каждым письменным столом стояла проволочная корзинка для бумаг.

Вскоре мы, молодежь, подыскали помещение под клуб и оборудовали его сами. Через неделю карсунские комсомольцы торжественно открывали свой клуб постановкой спектакля.

Немалую долю своего участия в деле укрепления Советской власти и завоеваний Октября вложил карсунский комсомол. Комсомольцы вели большую организаторскую работу среди молодежи, повсюду возглавляли культурно-массовую и просветительную деятельность. Они помогали сельсоветам и продорганам по взиманию продразверстки. Вели решительную борьбу с дезертирами, самогонщиками, кулацко-эсеровскими бандами и нередко оказывались жертвами кулацкого террора.

М. Д. ГОРЧАЕВ[1]

В СЫЗРАНИ В 1919—1920 ГОДАХ

После тяжелого ранения, полученного в борьбе с кулачеством на Урале, я по выздоровлении в октябре 1918 г. был направлен ЦК партии на партийно-советскую работу в свой родной город Сызрань. Перед отъездом на родину я получил советы и указания от работника ЦК партии Е. Д. Стасовой о том, как вести партийную работу в условиях города и уезда, только что освобожденных от белочехов. В этом наказе были поставлены следующие задачи: прежде всего выращивать местные кадры — партийные, советские, военные, профсоюзные, хозяйственные, не гнушаться и не отказываться ни от какой работы — ни малой, ни большой, проверять исполнение, самому не зазнаваться, держать тесную связь с народом, не скрывать трудностей перед народом и не замазывать ошибок, не давать пощады врагам революции.

Партийная организация Сызрани значительно пострадала от белогвардейцев: одни работники были расстреляны, другие арестованы, а многих железнодорожников белочехи угнали с собою. Оставшаяся небольшая по количеству членов организация (при перерегистрации членов партии 23 декабря 1918 г. учтено было 100 человек)

---

[1] Михаил Дмитриевич Горчаев, член КПСС с 1904 г., бывший работник Сызранского уездного Совета, ныне персональный пенсионер союзного значения, проживает в г. Москве.

вела значительную по тому времени работу. Издавалась партийная газета тиражом 4 тысячи экземпляров. Велась работа с сочувствующими (на 31/I 1919 г. в Сызранском уезде имелась 41 ячейка сочувствующих), с комитетами бедноты (117 комбедов), устраивались митинги и манифестации. Партийная организация понимала значение Восточного фронта, который летом 1918 года и в первой половине 1919 года являлся основным фронтом Республики. Проводилась мобилизация членов партии на работу в армии.

В Сызрани работали городской и уездный Советы. Советы и большевистская организация испытывали большие трудности в работниках. Люди не роптали на трудности, связанные с организацией дела защиты своей социалистической Республики. Они жаловались лишь на неумение ряда местных руководителей работать. Нужна была большая, сильная воля, чтобы выращивать людей как государственных работников, не откладывая и текущих дел, а это, главным образом, вопросы помощи фронту.

Перечислю лишь чрезвычайные комиссии, которые тогда нами создавались: по топливу (заготовка и вывозка), по борьбе с дезертирством, по борьбе с тифом, по формированию воинских частей, по оказанию помощи семьям красноармейцев, по борьбе с заносами на транспорте и чрезвычайные органы (ревкомы) по борьбе с кулацкими восстаниями и т. п.

Создание подобных чрезвычайных органов было вынужденным мероприятием. Они нужны были для быстрого решения самых неотложных задач.

Сызранская партийная организация решила мобилизовать все силы на отпор врагу.

В Сызрани партийных работников было немного. Но уком РКП(б) не забывал о связи с массами. Помню, например, как в апреле 1919 года решением президиума укома РКП(б) все заведующие отделами исполкома обязаны были каждое воскресенье давать публичные отчеты населению о своей деятельности.

В одно из воскресений в разных концах города мы отчитывались перед избирателями: я — по продовольственному комитету, тов. Тольский — по народному образованию, тов. Машкин — по отделу труда и пр.

Думаю, что именно благодаря живой связи руководя-

щего партийного актива с трудящимися нам удавалось успешно решать сложные задачи, стоявшие в дни грозной военной опасности перед Республикой.

В эти дни Симбирский губком РКП(б) предложил Сызранской организации выделить на фронт 10—20 агитаторов. Немедленно в Сызрани было созвано экстренное собрание большевистской организации, чтобы обсудить вопрос не только о посылке десятка агитаторов, но и о массовой мобилизации коммунистов в армию.

Сызранская организация ответила на призыв ЦК партии единогласным решением мобилизовать 50 процентов от всего состава членов партии и сочувствующих. На состоявшемся пленуме профсоюзных организаций Сызрани единогласно решили мобилизовать 25% всех членов союза для отправки на фронт. Таким образом, в 2—3-дневный срок организовался 1-й Сызранский революционный полк. Этот полк в большинстве состоял из добровольцев — членов партий, членов профсоюза, а в дальнейшем наш полк пополнился за счет деревенской бедноты (впоследствии это 221-й полк Чапаевской дивизии).

Партийная организация постановила обеспечить этот полк боеприпасами, вооружением, обмундированием, медикаментами. Командиром полка был назначен тов. Лазда, а комиссаром тов. Уваровский. За семьями мобилизованных было решено сохранить как зарплату, так и продкарточки.

В Сызрани было открыто 13 лазаретов для раненых. Вопросы улучшения ухода за ранеными красноармейцами, помощи и снабжения семейств мобилизованных не раз ставились и разрешались на партийных собраниях.

Газета «Известия Сызранского уездного и городского Советов» неоднократно проводила кампании по сбору средств для нужд Красной Армии, для лучшего обеспечения госпиталей всем необходимым. Газета помещала сведения об отчислениях рабочими различных предприятий части своего заработка в пользу Красной Армии, о пожертвованиях продовольствием и одеждой со стороны крестьян и т. д. Рабочие Батракского асфальтового завода отчислили свой однодневный заработок в сумме 1.615 рублей на покупку подарков красноармейцам.

Партийная организация Сызрани организовала борьбу с дезертирством, рассылая для разъяснительной работы по селам и деревням большое количество агитаторов.

Весной 1919 года требования фронта на людей и на снабжение не только не уменьшились, а, наоборот, возрастали с каждым днем.

В этих условиях Советы в Сызрани брали на учет все продовольствие, чтобы бережно и разумно делить его между бойцами на фронте, ранеными в госпитале и жителями тыла. Иной раз приходилось забирать хлеб, приготовленный крестьянином для посева полей. В это время кулаки и колчаковские агенты, пользуясь нашими трудностями, вели гнусную контрреволюционную работу. Они ставили своей задачей вызвать новые колебания в среднем крестьянстве, выдвинув эсеровский лозунг: «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть». Обещаниями свободной торговли и террором против советского актива кулацко-эсеровским бандам удалось пошатнуть часть середняков. В этом и заключалась политическая подоплека «чапанного мятежа».

Движение началось в Новодевичье, крупном селе Сенгилеевского уезда. Мятеж стал разрастаться, восставшими был захвачен Ставрополь. Агенты Колчака — кулаки овладели там типографией и стали выпускать воззвания, листовки, прокламации со своей обманной агитацией. Из Новодевичья восстание перебросилось и в Сызранский уезд: в села Усолье, Усинское, Шигоны, Малячкино и др.

Что же предприняла Сызранская парторганизация, когда начался этот мятеж?

Прежде всего были организованы ревкомы, штаб по ликвидации мятежа, состоящий из семи человек. Председателем штаба был утвержден военком Козлов. Ревком под моим руководством немедленно отправился в Усинск.

В село Усолье из Новодевичья явилась большая банда (на 100 подводах), вооруженная винтовками, во главе с предводителем Серовым — агентом Колчака. Приехавшие заняли все организации волостного центра, арестовали коммунистов и членов волисполкома. После этого зазвонили в набат с колокольни, созвали крестьян села и предъявили им требование о присоединении к восставшим. Кулаки взбудоражили крестьянскую массу, и Усолье присоединилось к восставшим. Прибывшие вооруженные банды и кулачье Усолья, вооружившись чем попало, бросились по соседним селениям — Жигули, Печерское, Усинское и другие. С 7 по 13 марта к восстанию присоединились 19 селений из 240.

Центр восстания — село Усинское — находится от Сызрани в 25 км и от Симбирска в 120 км. В Усинском был самый высокий процент прослойки кулачества по сравнению с другими волостными центрами, там было большое влияние эсеров среди крестьян. Село отличалось еще и тем, что в нем всегда было больше всех дезертиров и противников Советской власти.

Сызранский Совет направил в Усинское вооруженный отряд из 127 человек под командованием предуисполкома Зирина. По сути дела это были продотрядники. Численно превосходящими мятежниками отряд был окружен и разбит, а 32 человека взяты в плен и зверски растерзаны. Их трупы были привезены в Сызрань и помещены в бывшем женском монастыре, в церкви, для опознания. Для их погребения была создана комиссия, которой были опознаны лишь несколько человек: фельдшер детской столовой Смирнов, 3 человека из семьи Смирницких, Тарасов — делопроизводитель биржи труда и др.

Мы решили форсировать наступление на Усинск. Восставшие вначале отступали, а потом перестроились и почти окружили весь отряд. Тогда мы прибегли к маневру.

На Усолье пошел тов. Козлов с красноармейцами 2-го батальона. Одновременно со стороны Иващенского завода, где была расположена четвертая армия, были посланы отряды на Большую Рязань, Переволоки и Комаровку. Усинцы продолжали сопротивляться, несмотря на наш нажим. Мы вынуждены были прибегнуть к крайней мере — зажечь село. Это отрезвило мятежников, они бросились спасать свое имущество, а пришедшие из других сел спешно начали отступать к своим деревням и селениям. Конечно, здесь не обошлось без жертв с обеих сторон. Наряду с репрессивными мерами мы разъясняли крестьянам контрреволюционную сущность мятежа и задачи Советской власти.

Разгром кулацкого восстания под Усинском и в самом Усинске привел к массовому отходу трудящихся крестьян от кулаков. Крестьяне собирали собрания и митинги и выносили решения, резко осуждавшие восстание против Советской власти, обещали не допускать этого никогда. Например, в селе Студенце сход крестьян 12 марта 1919 года, заслушав доклад тов. Козлова, вынес такое решение: «Теперь мы поняли, что нас обманули кулаки, спе-

кулянты и какие-то проходимцы под видом плотников из других мест. Клянемся, что мы никогда не допустим, чтобы нас одурачили враги трудового народа. Мы будем выполнять все свои обязанности перед государством. Мы будем твердо стоять за Советскую власть».

Вот еще одно решение крестьян волостного села Усолья от 15 марта: «Мы, крестьяне Усольской волости, Сызранского уезда, в числе 557 человек от лица всех тружеников всех селений волости, благодаря нашей темноте и бедности духа, воспитанные царизмом как рабы и под влиянием врагов Советской власти, посредством агитации кулаков из волостей Новодевиченской, Бектяшкинской, Ягодинской и Сенгилеевской совершили безумное преступление против Советской народной власти, не отдавая себе отчета в последствиях, просим прощения и клянемся честью русского гражданина, что впредь таких безумных безрассудных дел не допустим. Клянемся, что мы будем выполнять все наши обязанности перед государством, следить за собой и всяким проявлениям агитации против Советской власти давать отпор, лиц же, агитирующих против, будем задерживать и представлять властям. Просим товарищей борцов за светлое будущее простить нам тяжкое наше преступление. Вечная память погибшим борцам... Да здравствует Советская власть. В чем и подписуемся» (Следуют 557 подписей).

Аналогичных решений с раскаяниями было много. Бдительность в работе всех советских органов на селе возросла, и сами крестьяне были довольны, что устранялись все препятствия, которые мешали им в разрешении повседневных задач.

Наряду с этим усилился рост партийных ячеек на селе, вырос их авторитет среди крестьян. Ячейки стали более твердо защищать интересы государства, бедноты и семей красноармейцев.

Ставка агентов Колчака и кулачества на свержение Советской власти руками крестьян оказалась битой, с «чапанкой» было покончено в одну декаду.

На помощь сызранцам по ликвидации восстания был прислан отряд московских рабочих во главе с тов. Ибрагимовым. Отряд двигался по волостям, вокруг магистрали Сызрано-Вяземской железной дороги, ликвидируя мятежи по пути своего следования. Сызрань получила также помощь из Самары, откуда командующим тов. Фрунзе

были присланы надежные части южной группы войск Восточного фронта. Через Сызранский узел, через село Печерское, они двигались на г. Ставрополь и участвовали в его освобождении.

Кроме того, в городе Сызранским комитетом РКП(б) был организован отряд численностью около 100 человек под руководством тов. Дормидонтова Василия. Этот отряд был сформирован из рабочих Московско-Казанской железной дороги, портных, служащих учреждений, коммунистов, сочувствующих и беспартийного актива. Отряд был направлен на ликвидацию восстания в волости, лежащие близ Московско-Казанской железной дороги.

В тот же день, когда мы, ревкомовцы, должны были выехать в с. Усинское, нам пришлось срочно ликвидировать восстание во 2-м батальоне Сызранского гарнизона. Две роты этого батальона выразили солидарность с мятежниками и начали враждебные действия против коммунистов. Солдаты из местных сел, захватив винтовки, покинули казармы и направились в Усинск и Шигоны. Остальные части восставшего батальона остались в казармах.

Посоветовавшись с тов. Козловым и начальником ЧК, мы с тов. Неудачиным отправились в казармы, чтобы заставить волынщиков подчиниться. Мы решили прежде всего изъять из их среды кулаков-зачинщиков, а из остальных организовать 3—4 взвода и повести их на ликвидацию мятежа. С наступлением темноты мы втроем (Козлов, Неудачин и я) отправились в казармы. Это было очень рискованное дело, но у нас не было другого выхода. Мы с Владимиром Неудачиным смело прошли в первый корпус, а тов. Козлов остался у входа в казарму, «вооруженный» воображаемым пулеметом.

Мы вошли в корпус свободно, так как у восставших не были выставлены караулы. У них как раз шел митинг. Тов. Неудачин с гранатами встал у двери, а я, также вооруженный гранатами, вскочил на стол и обратился к солдатам: «Мы пришли, — заявил я, — поговорить с вами о том, как вы намерены поступать. Даем вам три минуты, чтобы обдумать ответ: или вы признаете свое заблуждение и тотчас же поставите ружья в козлы и свяжете зачинщиков, или останетесь изменниками Родины, и тогда никто из вас не выйдет отсюда живым. В дверях вас

встретит со своей командой и пулеметом военком Козлов».

В это время Козлов приоткрыл дверь и громко спросил:

— Прикажете выполнять?

— Да, если они не прекратят бунтовать.

— Есть выполнять!

Я начал считать, но лишь сказал «два», все сразу заговорили: «Мы не виноваты. Нас сбили с толку, а сами они ушли, одни — в Усинск, другие — в Шигоны. Они устраивали собрания и запугивали нас, что убьют, если мы не поддержим их».

Я скомандовал им: «Ружья в козлы, а сами в строй! Вы должны теперь делом доказать свое раскаяние. Мы сформируем из вас взвод, и вы пойдете со мной на Усинск. С теми, которые ушли, мы постараемся найти общий язык, а если они будут сопротивляться — у вас оружие в руках».

После этого я громко крикнул тов. Козлову: «С пулеметом отставить».

— Есть отставить, — ответил он.

Так началось усмирение 2-го батальона. За первой ротой последовали остальные роты.

ЦК РКП(б) в своих тезисах в связи с положением Восточного фронта, написанных В. И. Лениным, призвал к напряжению всех сил Республики для разгрома колчаковцев. Кроме мобилизации бойцов, ЦК потребовал и соответствующей перестройки всей работы советского тыла.

В этих тезисах В. И. Ленин обращался к рабочим, к коммунистам с призывом взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами.

ЦК партии в этой директиве указал, в частности, на необходимость образования через профсоюзные, хозяйственные и партийные организации бюро помощи или комиссии содействия Восточному фронту.

Такой комитет содействия, как чрезвычайный орган, был создан и в Сызрани в теснейшей связи с начатой в апреле 1919 года мобилизацией на Восточный фронт.

В комитете содействия обороне я работал со дня его организации. Комитет состоял из семи человек. Возглавлял его представитель Симбирского губисполкома. Я замещал его по всем вопросам.

В него входили, кроме того, представители укома РКП(б), военкомата, совнархоза, упродкома и чека.

Комитет содействия в первую очередь занялся материальным обеспечением формировавшихся воинских частей. Благодаря его помощи из добровольцев был создан в необычайно короткий срок 1-й Сызранский революционный полк. Много внимания уделялось продовольственному снабжению воинских эшелонов, организационной перестройке всей промышленности города и уезда для нужд фронта. Комитет содействия укреплял военную дисциплину в продотрядах, помогая тем самым выполнению продразверстки, организовывал помощь семьям красноармейцев, мобилизовывал кустарей для работы на оборону.

Комитетом была проведена большая агитационно-массовая кампания за возвращение дезертиров в воинские части.

* * *

Своими боевыми действиями Сызранский добровольческий полк завоевал себе большую славу не только при переправе через реку Белую под Уфой, при взятии Уфы, но и в других сражениях с колчаковцами. Смелость, устойчивость в боях в наступательном порыве полка были неоднократно отмечены в приказах по Восточному фронту. Его бойцы писали своим родным и товарищам: «Нас теперь часто перебрасывают на прорыв вражеского фронта или туда, где туговато приходится нашим частям». Как только колчаковцы узнавали, что на их участок перебросили 1-й Сызранский добровольческий полк, они зачастую при первых же наступательных действиях наших бойцов бросали вооружение, обозы и бежали или сдавались в плен.

В условиях отступления колчаковское командование не могло да и не хотело проявить какой-либо заботы о больных и раненых воинах, которых оставляли на занимаемых нами территориях. В войсках начался сыпной тиф. Когда армия отступающих покатилась дальше в Сибирь, она оставляла массу тифозных больных, которые заражали целые селения, города, вокзалы.

В связи с этим и нам в тылу необходимо было в срочном порядке развертывать работу по борьбе с тифом. С наступлением холодов Сызранский исполком присту-

пил к организации госпиталей для размещения в них больных, главным образом солдат колчаковской армии. Для этого нам отвели территорию за линией Сызрано-Вяземской железной дороги, где имелись старые воинские бараки. Их подремонтировали и приготовили приблизительно на две тысячи человек.

В декабре 1919 года, исходя из указаний Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, Сызранская парторганизация провела ряд новых организационных и других мероприятий по расширению сети коек и увеличению количества госпиталей. Для этих целей было забронировано большое количество мануфактуры на матрацы, наволочки, полотенца и белье. Для отопления госпиталей были выгружены плоты, проходившие по Волге. Из Москвы были выписаны медицинские работники и медикаменты. Чтобы освободить площадь для новых госпиталей, пришлось все партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные учреждения (кроме военных) сконцентрировать в одном здании — помещении укома. Для этих же целей были временно закрыты все школы, клубы и др. культурно-просветительные учреждения. Большая нужда была в обслуживающем низшем медицинском персонале, а также в транспорте. Но и из этого трудного положения мы сумели выйти.

В разгар эпидемии в Сызрань ежедневно прибывали 3—4 эшелона с тифозпобольными. Мы провели мобилизацию на борьбу с тифом монахов и монахинь мужского и женского монастырей г. Сызрани. Монахини работали в госпиталях в качестве медсестер, а монахов использовали для рытья могил и другой физической работы. Были мобилизованы из уезда подводы вместе с их владельцами (прежде всего кулачеством). Не была забыта и городская буржуазия.

Следует особо подчеркнуть роль женщин во всех этих делах. Они помогали комиссии содействия, работали с большим энтузиазмом и инициативой. Это они организовали переработку собранных поношенных чулок на шерсть, которая использовалась на пошивку ватников (ваты нельзя было достать для этой цели), подшивку валяной обуви для фронта. Починка кожаной обуви была организована сапожными мастерскими совнархоза. Из обрывков старой овчины очень успешно готовили рукавицы для наших красноармейцев.

Все проводимые нами мероприятия дали возможность относительно успешно справляться с разгрузкой и размещением тифознобольных по госпиталям, баракам.

Сызранская партийная организация регулярно заслушивала отчеты о нашей работе по борьбе с тифом. Проводились митинги как на предприятиях, так и среди граждан города. Такая разъяснительная работа давала возможность комиссии проводить в жизнь любые мероприятия, связанные с борьбой против эпидемий.

Когда весною 1920 года для проверки нашей работы в Сызрань приехал член ЦК партии тов. Середа, он отметил: «Сызранская парторганизация и трудящиеся города и деревни, особенно женщины, провели огромную работу, укрепив своим трудом Советскую власть в городе. Проведя бесстрашно борьбу с наследием прошлого — с тифом, они спасли многие тысячи жизней подрастающего поколения советских людей».

В мае 1919 года, когда ЦК партии и В. И. Ленин, учтя почин московских железнодорожников, призвали к систематическому проведению коммунистических субботников, мы подхватили это начинание. Вопрос об этом был поставлен на общем партийном собрании.

Помню субботники в июне 1919 года на ст. Сызрань Московско-Казанской железной дороги, на которых я участвовал как представитель укома РКП(б).

14 июня на субботнике за 5 часов мы выгрузили из вагонов более 150 сажен дров.

В следующую субботу, 21 июня, при депо ст. Сызрань М.-К. ж. д. в добровольном труде по ремонту паровозов участвовало 15 квалифицированных рабочих. Результаты были еще более ценными: из ремонта было выпущено 3 паровоза.

Все заработанные на субботниках деньги коммунистическая ячейка станции употребила на нужды детского сада.

В массовых субботниках по снегоочистке принимали участие не только рабочие и служащие города, но и жители тех районов, где проходило полотно железной дороги, в том числе и крестьяне окрестных сел. Субботники здесь организовывались местными сельскими коммунистами, а там, где их не было, — сочувствующими.

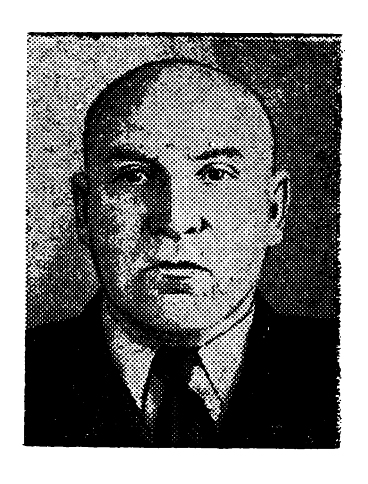
Все воинские части, находящиеся в городе, также принимали участие в субботниках. Они выходили на суб-

ботники во главе со своим политическим и командным составом.

В заключение хочу отметить большую, правильно отражающую все особенности военного времени, работу сызранской газеты. Она действительно являлась коллективным агитатором и организатором масс в городе и деревне, тесно и постоянно была связана с народом и чутко относилась к их нуждам. Рабочие и сельские корреспонденты смело вскрывали и бичевали недостатки в работе советских, профсоюзных, хозяйственных организаций. Это давало возможность парторганизации повседневно вести борьбу с язвами бюрократизма.

Газета смело вела борьбу с кулачеством и его агентурой. Через местную газету парторганизация добивалась устранения пробравшихся к власти подпевал кулачества. Редактором газеты тогда был тов. Рытиков.

А. М. МАШТАКОВ[1]

АРДАТОВСКИЙ УЕЗД В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1 июня 1918 года был созван V Ардатовский уездный съезд Советов. Съезд избрал новый уездный исполком, в нем оказалось много «левых» эсеров, в том числе председатель уисполкома Важнов. Я вновь остался секретарем уисполкома.

В дни мятежа чехословацкого корпуса отношения нашей большевистской группы с левоэсеровской частью уисполкома сильно обострились.

Мы предложили вывести все артиллерийские орудия и весь запас снарядов с железнодорожной станции Ардатов в город, мобилизовать население для рытья окопов, установить в закрытых местах батареи, организовать продовольственные склады и таким образом организовать оборону города, чтобы в случае необходимости дать решительный отпор контрреволюции и наступлению белочехословаков со стороны Буинска. Однако по всему было видно, что в этом направлении левоэсеровской фракцией ничего сделано не будет.

11 июля нам стало известно о контрреволюционной авантюре Муравьева в Симбирске, рассчитанной на свержение Советской власти. Мы это хорошо понимали, а ардатовские «левые» эсеры пока отмалчивались и не оп-

[1] Андрей Матвеевич Маштаков, член КПСС с 1918 г., бывший председатель Ардатовского уездного Совета, ныне работает в Министерстве финансов СССР.

ределяли своего отношения к этим грозным событиям.

Вскоре из Москвы с V Всероссийского съезда Советов вернулись председатель уисполкома Важнов и все остальные делегаты.

На заседании уисполкома, собранном для отчета о съезде, мы поставили вопрос о том, чтобы уисполком определил свое отношение к контрреволюционным мятежам «левых» эсеров в Москве и Симбирске. Важнов нам ответил так: «Члены уисполкома, «левые» эсеры, относятся отрицательно к выступлению ЦК эсеров. Мы делегируем группу товарищей в Казань, посоветуемся и потом дадим Вам ответ».

Стало ясно, что наши доморощенные «левые» эсеры или растерялись, или втайне согласны с контрреволюционной авантюрой «левых» эсеров.

Кстати надо сказать, что в это время мы получили из Симбирска партийные билеты: я, Татаринов Василий Алексеевич, Лещанов и еще несколько человек.

В связи с отказом местных «левых» эсеров определить свое отношение к контрреволюционной авантюре их партии в Москве, мы — большевистская группа членов уисполкома — провели совещание. На этом совещании было единодушно принято решение: опираясь на красногвардейский отряд, арестовать левоэсеровскую часть членов уисполкома во главе с Важновым, образовать Временный Революционный комитет, о чем сообщить Симбирскому губисполкому.

План операции был принят примерно в таком виде: на всех дорогах при въезде в город выдвинуть заставы по 10 или 15 человек с пулеметами, чтобы преградить въезд в город и выезд из него на время проведения ареста. По 10 человек решено было направить на телеграф, почту и телефонную станцию, а также в казначейство и тюрьму. Несколько групп было выделено для патрулирования улиц города. Командир красногвардейского отряда был осведомлен мною лично о предполагаемой операции. Мы знали хорошо этого человека и доверяли ему вполне. Часть отряда во время проведения операции решено было оставить в полной готовности на месте.

В ночь с 24 на 25 июля этот план был проведен в исполнение. Часть членов эсеровского исполкома во главе с Важновым была арестована на заседании президиума, другая — на квартирах. Всех их обезоружили и направи-

ли в арестный дом, расположенный недалеко от Дома Советов. Всего арестовано было около 20 человек. На проведение всей операции потребовалось несколько часов. Примерно к часу все было закончено. О происшедшем было сообщено губисполкому.

В связи с левоэсеровскими мятежами и особенно с мятежом белочехов положение в уезде стало тревожным, буржуазные элементы в городе и кулацкие элементы в деревне осмелели, стали поднимать голову. Мы усилили охрану здания Советов, город вновь объявили на военном положении, мобилизовали молодежь на рытье окопов у восточной части города, часть артиллерийских орудий и снарядов привезли со станции и установили на подступах к городу на специально подготовленных позициях. Остальные тяжелые орудия и снаряды к ним подготовили для отправки через Рузаевку в Инзу для I армии Востфронта.

Провели, с имеющимися у нас силами — около 600 человек—военные маневры на случай наступления противника на город. Однако белогвардейцам к г. Ардатову не дали подойти.

Тяжелым ударом для молодой Советской Республики явилось злодейское покушение на В. И. Ленина, совершенное эсеркой Каплан. 2 сентября в г. Ардатове состоялся большой митинг, на котором присутствовали коммунисты, советские работники, красноармейцы, трудящиеся города. На этом митинге единогласно была принята резолюция, в которой участники митинга требовали сурового наказания лиц, причастных к заговору, и заявили: «...Всякие выступления из-за угла со стороны буржуазии, социал-соглашателей и предателей рабочего класса являются явным доказательством бессилия противников в борьбе с рабоче-крестьянской властью» и что на террор врагов рабочего класса мы ответим красным террором и всегда готовы выступить на защиту Советской власти. В резолюции мы выразили соболезнование Владимиру Ильичу и пожелали ему быстрейшего выздоровления.

Ранение В. И. Ленина вызвало величайший гнев огромного большинства крестьян уезда.

Мы еще энергичнее стали работать над укреплением тыла Красной Армии и проведением мобилизаций. В августе и первой половине сентября почти во всех дерев-

нях уезда были организованы комитеты бедноты. В сентябре—октябре во многих волостях уезда образовались коммунистические ячейки.

30 ноября — 1 декабря 1918 года состоялась первая уездная партийная конференция коммунистов. На ней присутствовало более 40 делегатов от 20-ти партийных ячеек. На конференции избрали уездный комитет партии, в него вошли Татаринов, Маштаков, Пищальников, Мельников и другие. Председателем был избран Татаринов В. А., а я, будучи председателем уездного исполнительного комитета, был избран товарищем председателя укома. Партийная организация в городе Ардатове в это время выросла до нескольких десятков человек. В парторганизацию вступили и женщины: Вера Смирнова, Арискина и другие. Вера Смирнова была назначена техническим секретарем уездного комитета партии.

Несколько раньше, в начале ноября, мне посчастливилось выехать в Москву и присутствовать на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов. Заседания съезда проходили в Большом театре. Здесь мы впервые увидели вождя революции Владимира Ильича Ленина. Делегаты съезда при появлении Ленина в президиуме долго и бурно ему аплодировали. Председательствовал на съезде Я. М. Свердлов.

Речь В. И. Ленина о годовщине Великой Октябрьской социалистической революции мы слушали с затаенным дыханием. Большевики мы были все молодые, но закаленные в огне войны и готовы были стоять насмерть за дело революции. Мы присутствовали 7 ноября всем съездом на открытии памятника Марксу и Энгельсу в Москве. От Большого театра до памятника Владимир Ильич шел вместе с делегатами съезда. При открытии памятника Владимир Ильич, разрезав скрепы покрывала и сняв его, произнес короткую речь о жизни и деятельности основоположников марксизма.

Выступление Владимира Ильича на VI Всероссийском съезде 8 ноября «О международном положении» укрепило у всех нас уверенность в прочности и непобедимости Советской власти.

С VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов мы вернулись с большой уверенностью в том, что силы вновь созданной Красной Армии способны отстоять завоевания революции. Во всех волостях уезда и в горо-

де мы провели доклады о решении съезда, о Владимире Ильиче, о его здоровье. Нас, как делегатов съезда, на каждом совещании расспрашивали без конца.

15 декабря 1918 года в городе Ардатове был созван VI уездный съезд Советов. На съезд прибыло из всех волостей уезда более 230 депутатов, из которых коммунистов было 29, сочувствующих коммунистам около 180 человек, 2 «левых» эсера и остальные — беспартийные.

На съезде мне пришлось делать доклад о международном положении и отчитываться перед съездом о работе уисполкома за период со дня разгона левоэсеровского уисполкома до VI съезда.

Все проекты решений на съезде предлагались фракцией коммунистов и принимались съездом единодушно. Чувствовалось, что съезд выражает интересы деревенской бедноты и части середняков, твердо стоявших на почве укрепления и упрочения Советской власти.

После съезда все наши усилия были направлены на то, чтобы дать армии как можно больше хлеба, фуража, коней. Мы собирали и направляли в армию и промышленные центры мясо, картофель, овощи, масло и даже соленые грибы. Все было подчинено одной задаче — дать Красной Армии все, что нужно для победы над контрреволюционными бандами белых армий и над интервентами. Велась работа по укреплению Советской власти на селе — очищались сельсоветы от кулацких элементов и их прихвостней, поднималась роль комитетов бедноты, расширялась сеть партийных ячеек.

Вскоре пришлось вновь мобилизовать местные вооруженные силы для борьбы с кулацкими мятежами.

В марте 1919 года в Сенгилеевском уезде, Симбирской губернии, начался кулацкий мятеж. Мятеж перекинулся из Сенгилеевского в Сызранский и Карсунский уезды. В это время мы с начальником административного отдела Авдониным А. В. были в Симбирске в губисполкоме на совещании председателей уисполкомов. Надо было срочно выехать в Ардатов, так как в некоторых крупных селах уезда было неспокойно. Ехали на лошадях и хотели остановиться на ночлег в селе Кондарать, Карсунского уезда. Однако нас предупредили, что в селе оставаться небезопасно: «Кулаки что-то готовят». Неспокойно было и в крупном торговом селе Астрадамовке, а также в Промзине Алатырского уезда.

Пришлось уже распряженных лошадей вновь заложить и двигаться дальше. Ехали мы и днем и ночью, а утром прибыли в Ардатов.

В здании Совета в это время собрались председатели и секретари многих сельских Советов. Так как председатели сельских Советов в большинстве своем были люди, недавно вернувшиеся с фронта, то мы решили создать из них вооруженный отряд и объединить его с отрядом Красной Армии Ардатовского гарнизона. Для операции против мятежников, направлявшихся через Карсунский уезд к границам Ардатовского уезда, в районе селений Мачказерово, Тазино и Большие Березники, был выделен отряд из пятисот или шестисот человек с несколькими орудиями и пулеметами. Создано было командование отрядом (заместитель уездного военкома Косолапов, заместители председателя уисполкома Разин и Славкин, члены уисполкома Бочков и Ершов). В городе создан был Ревком во главе с председателем уисполкома. Всем сельским Советам даны были строгие указания усилить бдительность и выставлять в ночное время караулы. Предложено было выставлять караулы у церквей, чтобы кулачье не могло воспользоваться колоколами для набата.

Из города Ардатова отряд отправился на лошадях за 80 км в Тазинскую волость, чтобы преградить путь мятежникам.

Отряд прибыл туда вовремя. Здесь произошли небольшие стычки с мятежниками. Узнав о том, что против них выставлены крупные вооруженные силы, мятежники ушли назад в Карсунский уезд. К апрелю восстание и в Карсунском уезде было подавлено.

Были со стороны кулаков попытки поднять мятежи против Советской власти и в Ардатовском уезде: в Киржеманах, в Силинской, Шугуровской волостях и в других местах. Весь уезд был объявлен на осадном положении. Попытки кулаков поднять мятежи сравнительно быстро и главным образом силами деревенской бедноты пресекались.

Однако кулакам удалось осуществить ряд убийств советских активистов. Они зверски убили культработника Архангельского, в Силинской волости коммуниста Мартьянова, в селе Апраксино коммуниста Васина, в селе Чаадаевке, Талызинской волости, бывшего секретаря сель-

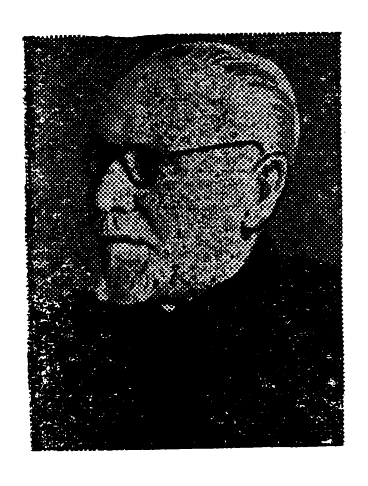
ского комбеда. Все эти убийства совершались кулачеством из-за угла.

10—12 апреля 1919 года в Ардатове была созвана вторая уездная партийная конференция. В это время в парторганизации уезда уже было более 60 партийных ячеек и более тысячи членов Коммунистической партии и около 2,5 тысячи сочувствующих коммунистам.

На конференции были заслушаны доклады с мест, из них выяснилось, что работа партийных ячеек проходит в весьма трудных условиях, что организация новых коммунистических ячеек тормозится из-за отсутствия опытных агитаторов и пропагандистов на месте.

На конференции был избран новый уездный комитет партии, в состав которого вошли в большинстве прежние члены комитета: Татаринов, Локтин, Маштаков, Мельников, Славкин, Разинов и Госткин.

Весной 1919 года уисполкомом было проведено совещание волостных исполкомов и кустовые совещания председателей и секретарей сельских Советов. Цель этих совещаний — обеспечить посев всего ярового клина в уезде. Для выполнения этой задачи все члены уисполкома и многие работники уездных учреждений весной 1919 года больше находились в деревне, чем в городе.

И. К. СКРИПИН[1]

В БУИНСКОМ УЕЗДЕ

В июне 1918 года волна гражданской войны дошла и до нашего глубинного Буинского уезда, Симбирской губернии. Местные советские органы под руководством большевиков занялись решением практических задач, чтобы отстоять и защитить родную Советскую власть рабочих и крестьян. Расскажу о некоторых важнейших событиях гражданской войны на территории Буинского уезда.

В описываемый мною период я продолжал свою руководящую советскую работу в уезде в качестве председателя Буинского Совета.

Подвиг старика Савельева

Расскажу эпизод о том, как чуваш-старик Савельев проявил высокопатриотический подвиг. Савельев — отец технического секретаря нашего уисполкома — был жителем села Церковных Убей. Он увидел прибывший из Симбирска и расположившийся в центре села Церковных Убей на Базарной площади на ночлег эскадрон белой кавалерии. Солдаты с шумом снимали с тачек оружие, ящики с патронами и прочее. Савельев понял, что

---

[1] Иван Кузьмич Скрипин (1882—1957), бывший первый председатель Буинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

это отряд белых. Он начал приглядываться, прислушиваться, зашел, якобы по делам, в чайную. В чайной торговали пивом, вином, водкой и закуской. Присев к столу вблизи порога и ожидая, когда ему подадут бутылку пива, услышал, как разгулявшиеся белогвардейские офицеры намереваются внезапно напасть на охрану железнодорожного моста через реку Суру в г. Алатыре, снять охрану, подорвать железнодорожный мост и навести панику, открыв стрельбу по окраине города из пулеметов. Савельев, не долго думая, решил отправиться к нам в Алатырь и предупредить об опасности. Он переодевается странником-богомольцем. Надев свой поношенный кафтан, набирает в котомку хлеба, берет две пары лаптей, посох и через охрану белочехов направляется в окрестность села Бичурга-Баишево по дороге, ведущей в лес на с. Новые Айбеси и в г. Алатырь.

Разведка белочехов на опушке леса у села Бичурга Баишево задерживает «старика-богомольца», обыскивает его одежду и котомку, но ничего подозрительного и компрометирующего не находит. Белые сказали, что-де в г. Алатыре, за р. Сурой, «находится зверье—банда коммунистов-большевиков». «Зачем ты, старик, идешь к ним?» Савельев на это им ответил:

— Я старик немощный, больной, иду помолиться святым и поклониться Василию Блаженному.

Начальник разведки расхохотался и, смеясь, сказал:

— Ты, старая карга, видимо, не знаешь того, что коммунисты ведь ни в бога, ни в черта, ни в самого сатану не верят, а стариков-богомольцев, вот таких, как ты, убивают и бросают на дно р. Суры рыбам на пирушку. Вернись, старик, лучше будет! Хотя немного, но еще поживешь, а не послушаешься нас, то попадешь в лапы к большевикам, так они сочтут тебя за шпиона и обязательно расстреляют.

Савельев ответил: «Спасибо начальнику за разъяснение». Кланяясь в пояс с благодарностями, продолжал:

— Я старик, мне жить осталось мало, мне смерть не страшна, я готов умереть за веру и царя,—и потихоньку пошел вперед своей дорогой, ковыляя для вида.

Начальник разведки не усмотрел в старике Савельеве опасности и пропустил его. Отойдя от отряда белых, Савельев быстро пошел лесной дорогой на Алатырь. Наконец, он добрался до р. Суры и наткнулся на нашу

партизанскую разведку. Савельев объяснил старшему разведки — партизану о том, что он идет в исполком, к председателю тов. Скрипину и хочет повидать своего сына — секретаря уисполкома Николая Савельева. Старший разведчик, выслушав его, препроводил старика на сторожевую заставу, охранявшую железнодорожный мост. Застава направила старика в уисполком в Алатырь, где он обо всем мне и рассказал.

Таким образом, наше командование было своевременно предупреждено о грозящей опасности. Командование реввоенштаба усилило бдительность и приняло ряд мер по охране переправ через р. Суру в гор. Алатыре, с. Иваньково, Засарье, Промзино. Сообщение потом подтвердилось. В скором времени действительно белогвардейская разведка, пользуясь темнотой и сентябрьской дождливой погодой, глубокой ночью на лодке по реке Суре подобралась к железнодорожному мосту, начала уже подготовку к взрыву железнодорожного моста, но была замечена и окликнута часовым партизаном Чураковым:

— Кто плывет к мосту! Кто там двигается?

Вместо ответа грянул выстрел. Тогда тов. Чураков поднял тревогу. Охрана моста открыла по отступавшей лодке пулеметный и ружейный огонь. Белогвардейцы, прикрываясь темнотой, не прекращая перестрелки, спешно отступили.

С рассветом, при осмотре, охрана обнаружила подложенную под мост мину. Диверсанты-белочехи, отогнанные стрельбою, не успели поджечь бикфордов шнур и сбежали. Мина не была подорвана, и железнодорожный мост на р. Суре у Алатыря был сохранен. Преследуя белочехов, наша разведка обнаружила отряд белых войск в поселке Шумы, вступила с ним в бой и разбила этот отряд. Одновременно нами была разбита белогвардейская разведка в лесу между селом Новые Айбеси и деревней Сайгино.

Борьба в сурских и айбесинских лесах

Нашему партизанскому отряду в вековых сурских, алатырских и айбесинских лесах приходилось встречаться и вести бои против кавалерийских разведывательных и диверсионных авангардных белогвардейских войсковых отрядов генерала Каппеля. Белогвардейцы, направив свои главные силы под г. Казань, намерены были пере-

хватить переправы через железнодорожный мост р. Суры у гор. Алатыря, где находился Симбирский губисполком и штаб Алатырской группы войск. Белогвардейцы вели свои боевые действия по двум направлениям. Один из отрядов шел по Казанскому тракту, а затем повернул на Церковные Убеи, дер. Новые Кокерли, Мочелей, Бичурга-Баишево, село Шамкино, поселок Шумы и айбесинские леса.

Другой отряд двигался по Московскому тракту через села Анненково, Старые Маклауши, Астрадамовку и Промзино в сурские и алатырские леса.

Наша разведка обнаружила белогвардейцев, оперировавших в алатырских лесах, в селах Промзино, Барышская слобода, Засарье и Иваньково. Переправы через р. Суру охранялись нашими красными войсками, куда входил и мой краснопартизанский отряд. С обнаруженной разведкой белочехов произошел бой под дер. Сайгино в айбесинских лесах. Были взяты брошенные бежавшими разведчиками оседланные лошади. Одна из них—лошадь чешского офицера, на ней была прикреплена чешская кожаная офицерская сумка, слюдовый планшет, военная карта-«трехверстка» и компас. Лошади были использованы нашей разведкой, а некоторые вещи (трофеи) сохранялись лично у меня*.

Видя усиленное наступление и диверсионные набеги белочехов на г. Алатырь, реввоенштаб и губисполком снабдили нас, ответственных работников, конспиративными паспортами, выданными якобы полицией г. Симбирска в 1917 году. Я лично, например, имел паспорт № 448 на имя Ивана Григорьевича Нефедова*.

Белогвардейские передовые разведывательные диверсионные отряды, проезжая через с. Шамкино, заезжали в подлесные деревни, где проживали семьи красногвардейцев-партизан, с целью грабежа и расправы. При приближении карательного отряда наши семьи были вынуждены вместе с детьми укрываться в глубине лесов и лесных оврагах. Проезжая через села и деревни, белогвардейцы распространяли злостную провокацию, говоря, что якобы все города по Волге находятся в руках белогвардейцев, будто города Алатырь, Буинск, Карсун, Ардатов ими за-

---

* Эти вещи и паспорт были мною в 1951 г. сданы в Ульяновский краеведческий музей.

хвачены, Симбирский губисполком, все его работники и члены уездных исполкомов повешены и расстреляны, а их отряды взяты будто бы в плен.

Чтобы разоблачить эту клевету, мы послали по одному красному партизану в каждую деревню к нашим семьям для сообщения о том, что все мы благополучно существуем, находимся на своих местах, что мы проводим мобилизацию и организуем Красную Армию и очень скоро пойдем бить и громить белогвардейцев.

В результате такой разъяснительной работы к нам стали прибывать в г. Алатырь родные и знакомые. Мой брат и моя жена также проникли через дер. Сайгино, рискуя попасть в руки белогвардейской разведки, к нам в г. Алатырь.

Провожая обратно в свои деревни, конечно не без риска, мы снабжали свои семьи, своих жен и всех прибывающих к нам газетами, воззваниями, листовками. Так, мы через население добывали сведения о месте нахождения мелких разведывательных отрядов белогвардейцев, о характере их действий, а также транспортировали нелегально через своих родных и знакомых революционную литературу. Моей супруге также пришлось этим заниматься. Однажды она на телеге вместе с детьми везла эту революционную литературу, и ее чуть было не арестовали белые. Можно привести немало фактов мужества, смелости и находчивости наших боевых людей, находившихся в Буинском отряде.

Однажды наша разведка, оперировавшая на лесной дороге, ведущей через село Новые Айбеси в село Бичурга-Баишево, добралась до бичурга-баишевской больницы, которая была соединена телефоном с буинским белогвардейским штабом. Разведчики наши захватили в свои руки телефон, поставили свою охрану и начали вести «переговоры» с волостным центром Мочалеево, где находился белогвардейский отряд, производивший мобилизацию солдат и реквизицию скота для белой армии.

Наши партизаны-разведчики спросили по телефону белого офицера, находившегося в д. Мочалеево: «Как у вас дела идут, господин поручик?» Офицер ответил, что он проводит мобилизацию, но что эта работа среди татар малоуспешна. Одновременно офицер спросил, с кем он разговаривает. Наши разведчики ему ответили, что с ним разговаривает кавалерийский разъезд белых, кото-

рый охраняет опушку леса возле бичурга-баишевской больницы и дорогу, ведущую в г. Алатырь. Офицер спросил, какие сведения имеются о «красных бандитах». Наша разведка ответила: «Дела, брат, плохи. Имеем сведения через местных жителей, что в лесах оперирует отряд «красных бандитов» и вместе с татарами составляет более тысячи штыков с пушками и пулеметами... Красные начали, как говорят местные жители, уже наступление на железнодорожные станции Ибреси, Урмары, на Новые Айбеси, на дер. Сойгино, сельцо Шумы и на город Буинск и пробираются к реке Волге, в Тетюши».

Получив такие сведения, офицер-белогвардеец поспешил, видимо, дать знать об этом в г. Буинск и немедленно прервал свою «мобилизацию», поспешил удрать на грузовике. Так наши партизаны сорвали белогвардейскую мобилизацию в ряде сел Буинского уезда.

Ведя операцию в сурских, алатырских и айбесинских лесах и охраняя подступы к переправам через р. Суру, мы непрестанно и упорно продолжали формирование отрядов и мобилизацию гражданского населения для пополнения I революционной армии.

В период нахождения Буинского исполкома в г. Алатыре (в июле—сентябре 1918 г.) уисполком совместно с оперативным реввоенштабом Симбирского губисполкома активно работал по созданию партизанских отрядов, призывал молодежь в отряды, проводил большую политико-воспитательную, массовую работу: раздавал воззвания, разбрасывал советские листовки, распространял газеты. Одновременно реввоенштаб со своей стороны с аэропланов разбрасывал указанную агитлитературу на город Буинск и базарные села в занятой белочехами местности. Наша боевая, правдивая, доходчивая агитация имела положительное действие.

Насильно мобилизованные в белую армию крестьяне Шамкинской волости подняли восстание и ушли в айбесинские и бичурга-баишевские леса, пришли в г. Алатырь и присоединились к нашему Буинскому отряду. Из одной только деревни Русские Чукалы прибыло добровольцев до 40 человек. Таким образом, наш отряд вырос до 250 человек. В конце августа и начале сентября 1918 года наш отряд был реорганизован в боевую единицу, в роту, которая во главе со своим военным комиссаром тов. Космовским И. С. была реорганизована в одну из

частей Красной Армии, а затем влита в Алатырскую группу В. Пеньевского I революционной армии.

При общем наступлении Красной Армии на Симбирск, Буинск, Тетюши, Свияжск и Казань Алатырская группа войск с честью выдержала свое боевое испытание. Здесь участвовал в боях и наш Буинский отряд. Алатырская группа наших войск контратаковала вооруженные вражеские белогвардейские войсковые части в селах Новые Айбеси, Большое Батырево, Тимбаево и Ембулатово, разбила и отбросила их к г. Буинску. В этом бою пали смертью храбрых члены Буинского уисполкома тт. Крепков и Кузьмин и несколько красноармейцев.

Пробная секретная тревога

Осенью 1918 года во время организации комитетов бедноты и в период изъятия излишков хлеба у кулаков и отправки мобилизованной молодежи в Красную Армию, Буинский уисполком, учитывая острую напряженность и опасность кулацких восстаний, проводит так называемую «пробную секретную тревогу», чтобы держать в мобилизационном состоянии наши кадры. Я и тов. Космовский, оба бывшие военные командиры, разработали разовый оперативный план военного похода-марша. Для этого военкомат взял на учет служащих и рабочих всех учреждений уисполкома, организовал боевую единицу — батальон пехоты, создал конную и пешую разведку. Батальон был разбит на три роты, а они, в свою очередь, были разбиты на взводы и отделения.

Заранее, примерно за неделю до похода, мы провели инструктаж по всей этой «военной игре». После проведенной организационной работы составили «секретное письмо» на имя руководителей учреждений, в котором указали сборный пункт, час выхода по тревоге, место командира батальона, перевязочного санпункта, места патронных двуколок и походных кухонь, а также направление встречи с «противником». Затем в определенном месте за р. Свиягой (за г. Буинском), на опушке леса обозначили заранее флагами позиции мнимого противника. Таким образом, в один назначенный день и час, в конце рабочего дня, объявили приказ — срочно всем выступить в поход. В нем участвовали я и тов. Космовский.

Окончив маневр, мы дали сигнал «слушайте все». Батальон собрался. Мы разъяснили цель тревоги, напом-

нили о необходимости военной бдительности, объяснили, что надо быть всегда начеку, быть готовым к борьбе против противника — белогвардейцев и кулаков.

В этот период в уисполком прибыли инструкторы-агитаторы губисполкома тт. Брунов и Узюков, которые одобрили наше мероприятие. Припоминаю, что наш внезапный выход из города всполошил тогда наши семьи, немало было вздохов, охов и даже слез. Не обошлось и без проклятий в адрес кулаков. Многие думали, что случилась беда — «новая чапановщина». Но никто не думал, что это была пробная «тревога».

Исходя из тревожного положения в уезде, уисполком создал два небольших отряда: пехотный отряд под командой члена уика тов. Бахитова Гафара и конный отряд под руководством командира-краснознаменца кавалериста тов. Бочкарева Ивана Петровича. Уисполком имел с ними непрерывную телефонную связь. Таким образом, благодаря бдительности мы в Буинском уезде избежали новых проявлений «чапановщины», тогда как в других уездах Симбирской губернии было очень много жертв из-за «чапанки». Немало суровых испытаний выпало на долю нас, первых красных партизан и красногвардейцев Буинского уезда, и в период вооруженной борьбы против войск Колчака (1919 год). В это время мне посчастливилось встретиться в г. Симбирске с М. И. Калининым.

Беседа с председателем ВЦИК тов. Калининым М. И.

В бывшем помещении Губернской земской управы (ныне главный почтамт г. Ульяновска) 9 мая 1919 года, в период наступления Колчака на Среднюю Волгу и, в частности, на Самару, Симбирск и Казань, тов. М. И. Калинин, объезжая фронты с агитпоездом, остановился в Симбирске и выступал на митинге, где произнес большую призывную речь о том, как нужно защищать Советскую власть, как беспощадно бить войска Колчака, который рвется к реке Волге с целью потопить в крови Советскую власть. М. И. Калинин призывал защищать трудно добытую нами всеми свободу, землю и нашу культуру. И в конце митинга провел с нами, руководящими работниками, беседу, отвечая на многочисленные вопросы. Все уисполкомы были предупреждены о прибытии агитпоезда тов. Калинина, и мы могли лично обращаться

к тов. Калинину. Я, как председатель Буинского уисполкома, представил тов. Калинину письменный доклад о положении в Буинском уезде.

В беседе некоторые из нас спросили товарища Калинина о том, как нужно поступать в тех случаях, когда встречаются трудности при проведении продразверстки. Тов. Калинин на это нам ответил, что трудности эти временные, их надо терпеливо пережить. Далее он пояснил, что мы не старообрядцы, если закон неудовлетворителен, мы его изменим. Далее он пожелал всем нам, присутствующим, благополучия, успеха в борьбе против Колчака, успеха в работе и, в частности, успеха в весеннем севе яровых хлебов, ибо борьба за хлеб — это борьба за социализм.

Хозяйственно-строительная работа местных органов Советской власти

В период борьбы за создание и упрочение Советской власти в Буинском уезде и в целом в Симбирской губернии органы Советской власти (как и по всей стране) вели не только вооруженную борьбу. Понятно, что это было самым главным в условиях борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией.

Но органы Советской власти как в центре, так и на местах, руководствуясь указаниями ЦК партии большевиков, решениями Советского правительства, великими идеями нашего вождя и учителя В. И. Ленина о мирном социалистическом строительстве, проводили, разумеется, и большую работу по восстановлению и развитию разрушенного двумя войнами сельского хозяйства и промышленности. Это делалось сразу же по мере освобождения территории района от врагов. Так было и в Буинском уезде. Уисполком на своих заседаниях, особенно в повседневной практической работе в 1918—1919 годах, настойчиво занимался восстановлением и работой паровой мельницы в гор. Буинске, двух лесопильных заводов (в деревне Русские Чукалы и в Шемурше), спиртозавода в селе Шатрашанах, восстановлением школ и больниц. Уисполком проводил большую работу и в области осуществления финансовой и налоговой политики Советской власти. Много внимания уделялось нами оказанию неотложной материальной помощи семьям бедняков и батраков, фронтовиков и красных партизан, оказанию помощи

сиротам. На заседании уисполкома часто решались вопросы подбора и расстановки местных работников в уезде, в соответствии с рекомендациями укома партии.

Много энергии уделялось местными органами Советской власти проведению весеннего и осеннего сева, заготовке семян, обеспечению сельхозинвентарем. Много приходилось заниматься уборкой урожая, выполнением заданий по продразверстке в 1919 году, осуществлением мер по обузданию кулачества.

Все вопросы военной и хозяйственной жизни в уезде решались уисполкомом под руководством укома партии, коллективным умом и разумом всех честных советских работников. Это было особенно важно, ибо у нас в первое время установления и упрочения Советской власти на местах было мало опыта, тем более, что к нам в Буинский уезд нескоро доходили различные новые директивные положения и указания. Громадное значение в нашей военной и хозяйственной жизни имел VIII съезд партии, состоявшийся в марте 1919 года. Ленинские решения и указания VIII съезда партии об укреплении железной дисциплины в частях Красной Армии, о прочном союзе и соглашении пролетариата со средним крестьянством при опоре на бедноту и неустанной борьбе с кулачеством выражали мудро то, что было в жизни, то, что чувствовали все трудящиеся массы советской деревни.

Р. А. ВАЙНЕР[1]

ЖЕНЩИНЫ СИМБИРСКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Осенью 1919 года я была направлена ЦК партии в распоряжение Симбирского губкома, сначала работала инструктором женотдела, а с осени 1920 г. — заведующей женотделом губкома РКП(б).

При горкоме партии было уже бюро по работе среди женщин. Но работа среди женщин еще только началась. Председателем женбюро была тов. Булиш Л. И., член КПСС с 1909 года, член Симбирского горкома партии. Работницы предприятий хорошо знали Лидию Ивановну. Своим вниманием к запросам работниц она заслужила авторитет среди них.

3 октября 1919 года в газете «Заря» была напечатана статья «К работе среди женщин», где сообщалось, что при губкоме партии начал работать губженотдел, в коллегию которого вошли тт. Булиш Л. И. (председатель), Вайнер Б. А. (секретарь — ответственный организатор), Католичук М. Н., Зеликсон и я — Вайнер Р. А. Работу надо было вести по городу и по губернии. К этой большой работе нужно было привлекать кадры партийных работников. С этой целью было созвано совещание активных коммунисток. На совещании был освещен вопрос о ха-

[1] Ревекка Абрамовна Вайнер, член КПСС с 1917 г., бывшая заведующая женотделом Симбирского губкома РКП(б), ныне персональная пенсионерка, проживает в г. Москве.

Женколлегия Симбирского губкома РКП(б). Сидят (слева направо): Р. Вайнер, Н. Кабарчина, А. Василькова, П. Михайлова, А. Смирнова, стоит Е. Ширманова.

Женколлегия Сенгилеевского укома РКП(б). Сидят (слева направо): Н. Синицина, Кротова, М. Свельне, М. Радзивилл-Уральцева, М. Кузнецова.

рактере и организации работы среди женщин предприятий. Коммунистки были распределены по секциям: агитационно-культурно-просветительной и организационной.

Первоочередное внимание мы уделили работе на Заволжском заводе. На этом заводе в большинстве работали женщины. Женорганизатором здесь была выделена работница-коммунистка Польтова Поля, участница первой революционной демонстрации женщин в Петрограде в феврале 1917 года.

Туда же губженотдел выделил в 1920 г. возвратившуюся с фронта Варейкис Анну Михайловну (члена партии с 1918 г.), развернувшую там вместе с тов. Польтовой большую организационную работу.

Работа среди женщин, особенно после того как Симбирск освободился от интервентов, имела исключительное значение. Надо было вовлечь работниц в общественно-политическую работу, к участию во всех отраслях социалистического строительства. Лучшей организационной формой политического и общественного воспитания женщин были тогда делегатские совещания при женотделах. С конца 1919 года мы повели большую организационную и агитационную работу на предприятиях по выборам делегаток на первое женское делегатское совещание.

Мне пришлось проводить собрание работниц-швейниц двух мастерских. Это было первое объединенное собрание работниц. Они собрались почти в полном составе, с ними пришли и мужчины, любопытствуя, о чем будут говорить работницы и какие это «женские вопросы» будут обсуждать. Я сделала доклад «О роли женщин в революции и о мероприятиях Советской власти по улучшению жизни работниц». По докладу работницы, сначала очень робко, стали задавать вопросы. Выслушав мои разъяснения, они стали выступать более оживленно, указывали на недостатки: на отсутствие столовых, яслей, приютов для детей, что мешало им посещать собрания и школы. Затем выступила активистка—работница тов. Феоктистова. Она призвала работниц к участию в общественной работе. После выборов делегаток, при закрытии собрания, работницы с большим воодушевлением спели «Интернационал».

10 октября 1919 года в Доме Свободы тов. Булиш Л. И., открывая первое делегатское совещание, привет-

ствовала работниц и разъяснила им, какие большие задачи стоят перед делегатками предприятий г. Симбирска. В качестве главных задач ею были выдвинуты — участие делегаток в работе собеса, в организации общественного питания, открытии школ грамотности, курсов красных сестер и воспитании детей.

С большим интересом делегатки слушали доклад тов. Фрейман Натальи Павловны — заведующей собесом. Этот доклад вызвал много вопросов и оживленные выступления. Я в своем выступлении указала на ряд недостатков в работе собеса и в деле общественного питания. Работницы вносили много конкретных предложений, было принято решение об увеличении пайка детям до 1 фунта хлеба в день, о переводе детей в лучшие жилищные условия, об открытии курсов работниц по социальному воспитанию детей, о выделении делегаток в собес. На совещании было решено придать более регулярный характер выпуску «Страничкп работницы» в газете «Заря» с тем, чтобы она появлялась еженедельно, одобрен был созыв 1-й городской конференции работниц.

Активность, проявленная делегатками на первом делегатском совещании, показала, что работницы начинают понимать, что Советская власть открыла перед ними широкую дорогу общественной деятельности.

Наша работа в дальнейшем была направлена на улучшение положения детей в приютах, состояние которых было тяжелое. По инициативе губженотдела губисполкомом было вынесено решение об увеличении пайка, были организованы курсы по охматмладу (по охране материнства и младенчества. — **Ред.**) и социальному воспитанию детей. На эти курсы направлялись работницы с предприятий. Нам пришлось сталкиваться и с большими затруднениями при переводе детей в лучшие помещения, настолько остро стоял тогда жилищный вопрос.

Я, как член Симбирского горкома партии, поставила этот вопрос на заседании горкома. Квартиры были найдены, и дети переведены в лучшие условия. Наряду с этим нами были приняты меры по борьбе с детской беспризорностью. Большую активность в этой работе проявили наши делегатки.

Большая агитационная и организационная работа на предприятиях была проведена губженотделом по выбо-

рам делегаток на 1-ю Симбирскую городскую конференцию работниц.

Работа среди женщин — членов профсоюза проводилась членом губпрофсовета женорганизатором Михайловой Прасковьей, членом партии с 1919 г. Она работала по вовлечению женщин в члены профсоюза среди работниц на транспорте.

1-я Симбирская городская конференция работниц собралась в обстановке, когда нужно было поднять на борьбу широкие массы рабочих и крестьян в помощь фронту. Она открылась 12 октября 1919 года в Доме Свободы.

На конференции участвовали 60 делегаток от 3000 работниц города Симбирска.

На конференции с приветствиями от губкома партии выступил тов. Каучуковский Г. Д., от губисполкома — тов. Саблин С. К. В своих приветствиях они подчеркнули громадную роль, которую сыграли работницы в достигнутых завоеваниях социалистической революции и призвали трудящихся женщин удесятерить свои силы, чтобы окончательно добить белогвардейцев и интервентов. С исключительным воодушевлением приняли делегатки приветствие тов. Кислицина от союза коммунистической молодежи. Он выразил уверенность, что работницы вместе с красной молодежью примут участие в воспитании молодого поколения. Глубокое волнение вызвало произнесенное с большим чувством выступление представительницы от работниц Заволжского завода Польтовой П.

— В февральские дни застрельщицами революции явились мы, работницы Выборгской стороны, — говорила она под гром аплодисментов, — мы вышли на улицы Петрограда с кличем: «Хлеба и мира!» Женщины, у которых были отняты мужья, братья и сыновья, которые устали от войны, пошли на баррикады. Теперь ходом событий возложены на нас, пролетарок, огромные задачи в деле укрепления Красной Армии.

В своем выступлении я выразила уверенность, что симбирские женщины пойдут смело и гордо под знаменем нашей Коммунистической партии и свой революционный дух проявят не только в труде в мастерских и на заводах, но и на фронте, где проливается кровь пролетариев за светлое будущее — коммунизм.

С большим вниманием был выслушан доклад председателя губкома партии И. М. Варейкиса. Он говорил о роли женщин в укреплении советского тыла, в подъеме производительности труда, от чего во многом зависит и сила Красной Армии. От имени партии он призвал женщин быть активными во всех происходящих событиях. «Ибо меч, — закончил он, — приобретает блеск только в бою, чем больше работница будет вовлечена в строительство, тем ближе окончательная победа Советской власти».

Конференция работниц обратилась с призывом к трудящимся женщинам — сплотиться вокруг Коммунистической партии, ведущей народ к полной победе.

На конференции я призвала женщин поступить на курсы «красных сестер», которые решено было открыть в связи с надвигающейся эпидемией тифа. Я говорила работницам, чтобы они не смущались отсутствием у них образовательного ценза и знания латыни, зато они придут к нашим рабочим и красноармейцам с пролетарской душой и лаской.

В заключение работница тов. Рудакова предложила послать приветствие нашей революционной Красной Армии от 1-й Симбирской городской конференции работниц.

Работа 1-й Симбирской городской конференции работниц дала положительные результаты. Работницы активно включились в работу. Делегатки конференции отчитывались перед работницами, организовывали женкомиссии. Среди широких масс работниц стал расти интерес к общественно-политической жизни страны. Большим препятствием к вовлечению женщин в общественную жизнь была малограмотность многих из них. Поэтому мы приступили к организации школ грамотности. Работницы охотно записывались в школу грамотности. В первой школе было 90 человек. Занятия проводились в Народном доме им. Свердлова и в Доме Свободы. Одновременно были открыты курсы красных сестер на 50 человек. На этих курсах, кроме медицинских лекций, проводились занятия и на политические темы.

Немногочисленные вначале собрания работниц стали превращаться в многочисленные митинги, на которых все смелее и свободнее стали звучать речи работниц. Через

полгода уже сотни женщин активно содействовали подъему нашей промышленности.

Вскоре мы стали работать в селах и деревнях. В работе среди крестьянок встречалось еще больше трудностей. Но мы их преодолевали. Были случаи, когда наши собрания срывались кулаками, запугивавшими крестьянок. Мы ходили по домам и беседовали с ними. Крестьянки с интересом относились к нашим беседам.

Работники женотдела выезжали по селам и волостям для выборов делегаток на Симбирскую уездную конференцию крестьянок.

На конференцию крестьянок прибыли делегатки почти от всех деревень и сел Симбирского уезда.

30 декабря 1919 года в Доме Свободы открылась 1-я конференция работниц и крестьянок Симбирского уезда. Вопросы были следующие: «Что такое Советская власть и что она дает трудящимся», «Что такое РКП(б)», «Организационный вопрос» и «Выборы делегаток на губернскую конференцию работниц и крестьянок».

Чтобы заинтересовать крестьянок и дать конкретное понятие о политике Советской власти в деревне, губженотдел поставил доклад предгубкома партии тов. Варейкиса И. М. После этого общего доклада крестьянки боязливо начали задавать вопросы: «Почему нет соли, мыла и мануфактуры?» Тов. Варейкис обстоятельно ответил на все вопросы и в заключение сказал: «Давайте вместе с Вами окончательно добьем врага, тогда у нас будет мыло, мануфактура и соль». Эти слова вызвали большое оживление среди делегаток.

По другим вопросам делегатки выступали смелее, стали вносить предложения об организации летних яслей во время полевых работ, об открытии школ грамотности и др.

После закрытия конференции делегаткам-крестьянкам были розданы подарки: по куску мыла, по кульку соли и по головному платку. Затем ходили в театр, музей, показывали им детские учреждения, знакомили с работницами швейной фабрики. Женщины-работницы очень приветливо беседовали с крестьянками, знакомили их с производством.

Делегатки-крестьянки разъехались с искренним желанием начать большую работу в своих селах и деревнях. После этой конференции в женотдел стали приезжать

крестьянки со своими запросами. Вспоминаю, как приехали две молодые крестьянки с узелками в руках, как-то несмело подошли ко мне и заявили:

— Мы приехали в город учиться, у нас в деревне школы для взрослых нет.

Для меня это было неожиданным. Я их выслушала и пошла к председателю губкома тов. Варейкису посоветоваться, как быть с ними. Он мне говорит:

— Вот видишь, крестьянки едут к нам, это хороший признак роста нашего влияния, ну что ж, обязательно надо их принять и устроить.

Так эти крестьянки и остались в городе учиться грамоте. По окончании школы они пошли на курсы красных сестер, а затем выехали на фронт.

Большая напряженная работа предстояла в связи с надвигающейся эпидемией сыпного тифа. В газете «Заря» 15 октября был опубликован приказ, объявивший город и губернию неблагополучными по сыпному, возвратному и брюшному тифу. Была выделена чрезвычайная комиссия под руководством председателя губисполкома тов. Гимова. На борьбу с тифом нам надо было привлечь женщин-работниц и домохозяек. В это время прибыли из женотдела ЦК РКП(б) тт. Мартынова, Силина и Денисова. Вместе с нами они выступали на собраниях, на которых проводилась запись работниц, желающих работать в лазаретах, детдомах. Сначала записалось 40 человек, потом число их увеличилось. Окончившие курсы пролетарских сестер также были распределены по лазаретам. Ежедневно приходили в женотдел военкомы из лазаретов с просьбой прислать 8—10 женщин для оказания помощи по уходу за больными.

Насколько положение было тяжелым, видно из обращения горкома партии, в котором он объявил срочную массовую мобилизацию женщин-коммунисток и сочувствующих на борьбу с тыловым врагом — тифом. Многие школы были переданы под лазареты.

Тиф вырвал массу людей, положение в городе было чрезвычайно тяжелым, все было мобилизовано на борьбу с тифом. В лазареты и больницы женотдел направлял женщин, уже переболевших тифом. Два года шла борьба по ликвидации тифа.

Наши женработники и делегатки вынесли тяжелую

героическую работу. Среди них не могу не вспомнить особо таких женщин, как красноармейку Карпову, к которой с особой любовью, как к родной матери, относились больные в лазаретах. Тиф вырвал и ее из наших рядов. Мы были глубоко опечалены по поводу безвременной кончины славного, преданного и неутомимого товарища. Портрет товарища Карповой был вывешен в союзе Всемедикосантруд.

В 1920 году женотдел развернул политико-воспитательную работу среди работниц и крестьянок губернии. С этой целью было созвано совещание женорганизаторов при укомах партии. Съехались женорганизаторы из всех уездов: Сызрани—Лейкина, Карсуна—Степанова, Сенгилея—Свельпе, из Буинска—Песковская, Ардатова—Воронова и делегатка из Алатыря. Это совещание проводила зав. губженотделом Б. А. Вайнер, член партии с 1917 года.

Как выяснилось из докладов с мест, работа среди работниц и крестьянок в некоторых уездах только началась. Лучше была поставлена работа в Сызранском и Карсунском уездах. На этом совещании было решено созвать губернскую конференцию работниц и крестьянок. Все работники губженотдела выезжали для агитационной и организационной подготовки губернской конференции в уезды. Я ездила по селам и фабрикам Сенгилеевского уезда. Мы выбрали сначала делегаток на уездную конференцию, а затем на губернскую.

В обстановке, когда страна перешла на борьбу с разрухой, в начале мая 1920 года в Доме Свободы собралась 1-я губернская конференция работниц и крестьянок. На ней были представлены женщины всех предприятий и волостей губернии. Вопросы, стоявшие на этой конференции, несколько отличались от вопросов предыдущих женконференций. Здесь обсуждались задачи работниц и крестьянок в области хозяйственного строительства, о проведении «Недели красноармейского пайка» и участии женщин в субботниках. Интересно было выступление крестьянки Шагаевой.

— Работницы и крестьянки! — говорила она. — Мы собрались в губернаторском доме, куда бы нас раньше на порог не пустили. Мы боялись сюда ехать, кулаки нас пугали тифом. Когда началась гроза при нашем отъезде,

нам говорили: «Это судьба предупреждает вас». Но мы поехали. Здесь нас так хорошо встретили, губернские работники обо всем так ясно и понятно нам рассказали. Я как будто вновь родилась. Мы, крестьянки, так же, как и работницы города, должны все, как одна, взяться за общественную работу. Да здравствует Коммунистическая партия и Советская власть!

Выступление крестьянок на конференции показало, что они в большинстве начинают переходить от пассивности к активной работе под руководством Коммунистической партии.

29 июля 1920 года в Симбирск прибыл агитпароход «Красная Звезда» с представителем женотдела ЦК партии тов. Самойловой, среди приехавших был и Безымянский. На митинг в Доме Свободы собралось около 500 женщин. Тов. Самойлова выступила с большим докладом «О текущем моменте и задачах работниц». Потом выступали наши работницы и рассказывали о своей работе, о том, какой трудный путь они прошли за эти годы. Митинг послал приветствие 2-му конгрессу III Коммунистического Интернационала. В нем выражалась уверенность, что братский союз всех пролетариев приведет к светлому будущему — к коммунистическому обществу.

На второй день, после рабочего дня, к Дому Свободы собрались все делегатки города. Мы просили тов. Самойлову передать привет московским работницам и заверить их, что симбирские работницы вместе с ними пойдут в первых рядах борцов с врагами нашей страны и с разрухой.

12 августа 1920 года губженотдел отправлял свой отряд красных сестер на врангелевский фронт. В 10 часов утра к Дому Свободы собрались делегатки и работницы всех предприятий. Красные сестры в белых косынках и повязках, с красным крестом на рукавах с гордостью и сознанием своего долга ехали на фронт.

С балкона Дома Свободы выступил председатель губкома партии И. М. Варейкис. С теплыми душевными напутственными пожеланиями выступали представители губженотдела, работницы предприятий.

Проводы красных сестер вылились в большую манифестацию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Краткий очерк деятельности Чувашской секции Симбирской организации РКП(б)

14 марта 1919 года

Ячейка организовалась 30 ноября 1918 года. До сего времени членами ячейки устраивались митинги и лекции для красноармейцев-чуваш симбирского гарнизона, где говорилось на темы — текущий момент, международное положение, вред дезертирства и т. д. По инициативе секции в Симбирске открываются годичные педагогические курсы для подготовки учителей-чуваш. Во время рождественских каникул члены секции были отправлены агитировать по чувашским селениям, в которых они образовали 9 коммунистических ячеек, но деятельность которых пока находится в неизвестности. В настоящее время секция устраивает еженедельно собрания, где членами партии делаются доклады о сказанных лекциях среди красноармейцев.

14 марта 1919 г.

Товарищ председателя И. АНТОНОВ.

Секретарь АНДРЕЕВ.

Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 28, л. 30. Подлинник.

№ 2

Доклад агитационно-культурно-просветительной секции Чувашского подотдела отдела по делам национальностей исполкома Симбирского губернского Совета о деятельности за 1-ю половину 1919 года

26 июля 1919 года[1]

Буржуазия скрывала свою безобразную наготу за темной завесой тайны, народ в большинстве вследствие своей темноты не понимал хитрой механики обмана и угнетения при буржуазно-капиталистическом строе. Октябрьская революция сорвала эту завесу, скрывавшую пошлость, обман и т. п. мерзости. Блеснуло яркое солнце коммунизма, но народ, в особенности чувашский, сразу не мог смотреть прямо и открыто на этот светоч. Слишком уж ослеплены были его глаза темнотой и невежеством. Нужно было открыть глаза народу, чтобы он в состоянии был разобраться в происходящих вокруг него грандиозных событиях. Надо было дать ему политическое воспитание и культурное развитие. Для разрешения этих трудных задач, выдвинутых ходом исторических событий, при Чувподотделе была организована агитационно-культурно-просветительная секция.

В распоряжении секции не было средств для плодотворной и вполне успешной работы. Всего лишь один заведующий секцией, конечно, не мог развивать работу в полной мере.

Не имея инструкторов для работы на местах, секция главным образом свою деятельность направила в красноармейские массы. Она для них устраивала еженедельно митинги, спектакли и концерты, также распространяла литературу.

Митинги сначала устраивались без спектаклей, так как в то время секция не могла пригласить чувашских артистов. Но после того, как при Чувашской семинарии

---

[1] Дата поступления в оргагитотдел губкома РКП(б).

образовался драматический кружок, все митинги, устраиваемые для красноармейцев, сопровождались спектаклями и концертами на чувашском языке. На митинги приглашались ораторы из Чувашской секции при Симбирской организации РКП, и результаты митингов получались весьма удовлетворительные. Устроено митингов на разные темы всего около 30.

Кроме устной агитации, секция развивала свою деятельность и в области пропаганды идей коммунизма посредством распространения социалистической литературы и разного рода воззваний на чувашском языке.

Секцией в марте месяце был открыт клуб чувашской коммунистической молодежи, при этом клубе есть библиотека и читальня. В этом клубе воспитывалась та чувашская молодежь, которая по первому клику «На Урал!» бросилась на фронт на защиту пролетарской революции. Некоторые из них уже нашли достойную для коммунистов смерть в боях с казацкими бандами за светоч идеи коммунизма под предводительством комполка Космовского, павшего смертью храбрых («Известия Центрального Исполнительного Комитета» от 20 июля за № 158). Красноречивее этого доказательства в пользу клуба и быть не может.

В области агитационной работы в деревнях секция самую энергичную деятельность проявляла во время восстания в Симбирской губернии и взимания единовременного чрезвычайного налога. Во время восстания в местах, окружающих чувашское население, для предупреждения этих безрассудных выступлений к чувашам были посланы лучшие политические работники и разослана масса воззваний на чувашском языке.

Во время сбора чрезвычайного налога по губернии разъезжал заведующий секцией тов. Хамитов. К этому времени среди населения была распространена инструкция по проведению в жизнь Декрета о чрезвычайном единовременном налоге.

Секцией также были командированы лица для контроля волостных и сельских Советов, следствием чего было обнаружение вредных элементов и привлечение их к ответственности.

Вот такова общая схема деятельности агитационно-

культурно-просветительной секции. Но в будущем, если будут соответствующие средства, она надеется развить свою деятельность гораздо шире.

Заведующий Чувашским подотделом И. АНТОНОВ.

Исп. обязан. зав. агит-культ-просветительной секцией[1].

Секретарь.[1]

Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 28. л. 55. Подлинник.

---

[1] Подписей нет.

ОТ ПАРТАРХИВА

В связи с 40-летием Советской Армии и 40-й годовщиной освобождения г. Ульяновска от белочехов в партархив Ульяновского обкома КПСС, кроме опубликованных в настоящем сборнике, поступили следующие воспоминания.

1. Бешенковская М. С. — о роли самарских коммунистов в ликвидации авантюры Муравьева.

2. Ботаев В. А. — о военном комиссаре Сызранского уезда Булыгине С. Ф.

3. Варганов В. А. и Сергеев П. Т. — о мобилизации симбирских коммунистов для работы в военкоматах Украины.

4. Гаманов И. Д. — о работе по созданию Красной Армии в Самарской губ. и о борьбе с белочехами на Сызранском участке фронта.

5. Грачев Е. В. — об участии самарских и бугульминских коммунистов и комсомольцев в ликвидации кулацкого восстания «Черного Орла».

6. Зверев Н. П. — о деятельности политпросветотдела Симбирского губвоенкомата в 1918—1919 гг.

7. Ибрагимов Г. Г. — об участии в борьбе с белочехами уфимского отряда.

8. Крапивин Г. С. — о борьбе за власть Советов в с. Никольском-на-Черемшане.

9. Мизин Р. Д. — об оборудовании бронепоезда рабочими Волго-Бугульминской ж. д. в июне 1918 г.

10. Музафаров А. — о земляках-героях Белоусове Кадыре и Кадыралиеве.

11. Недзвецкий И. А. — о форсировании Волги у Симбирска особой бригадой Железной дивизии 14 сентября 1918 г.

12. Палкин А. А. — об организации красногвардейских отрядов и установлении Советской власти в Симбирске.

13. Рукавицин С. Л. — о боевых действиях 439-го стрелкового полка 3-й бригады 49-й дивизии на Восточном фронте в 1919 г.

14. Семенова А. П. — о женщинах Симбирска в годы гражданской войны.

15. Соколов В. М. — о борьбе с белочехами, ликвидации «чапанки» и других событиях в Карсунском уезде в годы гражданской войны.

16. Сокольский Л. Д. — о муравьевской авантюре.

17. Утенькин А. А. — о борьбе с кулачеством в Карсунском уезде в 1918—1919 гг.

18. Шигаев А. П. — о формировании 3-го полка Железной дивизии и форсировании Волги 25 сентября 1918 г.

19. Шумнов П. М. — о своей работе на железнодорожном транспорте.

20. Юсупов А. И. — о герое гражданской войны Белоусове Бякире.

Не опубликованные в сборнике воспоминаний материалы хранятся в партархиве на правах рукописей и предоставляются для пользования исследователям истории гражданской войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. Возникновение Восточного фронта и создание I армии 11

В. Н. Каюров. Рабочие отряды 13
М. Н. Тухачевский. К юбилею Первой армии 23
В. В. Куйбышев. Первая революционная армия 26
Г. Д. Гай. Победный путь 30
О. Ю. Калнин. Борьба на Восточном фронте 33
Н. И. Корицкий. Создание I армии и освобождение Симбирска 49
К. П. Шаранов. Из воспоминаний депутата Сызранского Совета 70
А. С. Леонтьев. Волга в огне гражданской войны 78
Х. А. Аипов. Отряд текстильщиков в борьбе с белочехами 85
А. Я. Гладышева. Петр Харитонович Гладышев 89
Е. И. Пеньевская. Виктор Григорьевич Пеньевский 99
Н. Д. Прытков. Из воспоминаний о событиях 1918—1919 гг. в Симбирской губернии 104

II. Ликвидация муравьевской авантюры и оборона Симбирска 111

И. М. Варейкис. Убийство Муравьева 113
Г. Д. Каучуковский. Симбирские большевики и авантюра Муравьева 122
Ф. М. Иванов, М. П. Пырков, А. С. Селуянов. Роль Курского бронедивизиона в ликвидации авантюры Муравьева 138
С. М. Аввакумов. Это было 10 июля 150
В. М. Кадышев. Из пережитого 154
Я. М. Звирбуль-Рослат. Оборона Симбирска 157
Б. Н. Чистов. В тяжелые дни обороны Симбирска 172
Н. Я. Гимельштейн. С бронепоездом «Свобода или смерть» 188
А. Г. Степанов. На Волго-Бугульминке в июне—июле 1918 г. 202
Ф. Валхар и Л. Форст. Организация военнопленных в Симбирске 207
А. А. Кудряшева. Гибель большевика Кудряшева Е. П. 221
Н. Д. Гладков. В плену у белых 223

III. Освобождение г. Симбирска—родины Ленина 231

Н. Г. Самойлов. Как мы учились воевать 233
И. Ф. Долинский. Бой под Тетюшском 242
А. М. Уральцев. В боях и в пороховом дыму рожденная 247
П. Ф. Устинов. Освобождение Симбирска 262
Д. Е. Перкин. Борьба за Симбирск 267
П. А. Шуватов. В рядах Железной дивизии 274
Ж. Людвик. 3-й Московский полк Железной дивизии 284
С. М. Измайлов. Десанты под Симбирском 295

IV. Укрепление тыла. Борьба с кулачеством и помощь фронту 309

С. С. Каменев. Страничка воспоминаний 311
М. Г. Назаров. Волго-бугульминцы в борьбе с Колчаком 315
Е. В. Грачев. На бронеэшелоне М. Г. Назарова 322
Н. М. Астахов. Из записок политического комиссара 328
А. Р. Андрианов. Борьба с контрреволюцией в Тагае 340
А. К. Гайдамак. Комбеды Карсунского уезда 344
М. Е. Устимов. На командных курсах 349
А. Ф. Якунчиков. Кузница красных командиров 352
В. В. Тарасов. В помощь Украине 359
А. И. Юсупов. Председатель татарской секции РКП(б) С. С. Гафуров 362
Г. В. Грейсер. Комсомол на фронте и в тылу 371
П. В. Редькин. 1918—1920 гг. в Карсуне 379
М. Д. Горчаев. В Сызрани в 1919—1920 гг. 387
А. М. Маштаков. Ардатовский уезд в годы гражданской войны 399
И. К. Скрипин. В Буинском уезде 406
Р. А. Вайнер. Женщины Симбирска в годы гражданской войны 416
Приложение. Документы 425
От партархива 429

ЗМ02133. Заказ 55. Тираж 3000 экз.
Формат бумаги 84×108 1/32. Объем 13,5 физ. печ. л.+5 вклеек; 22,45 усл. печ. л.; 21,5 уч. изд. л.+5 вклеек=21,85 уч. изд. л.
Цена в переплете 6 руб. 70 коп.
Подписано к печати 3/IX-58 г.
В г. Ульяновск, тип. облуправления культуры.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страницы	Строки	Напечатано	Следует читать
8	3 снизу	Е. Ф. Валхара	Ф. Валхара
64	20 сверху	П. К. Кобозев	П. А. Кобозев
86	16—17 сверху	к исходу третьего дня	к исходу дня
86	17 снизу	На исходе третьего дня	На исходе дня
150	3 снизу	Михайлович	Максимович
214	17 снизу	венгры	венгров
308	3 сверху	Прославленный	„Прославленный“

ЦЕНА 6 р. 70 к.

СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ в 1918-1920 гг.